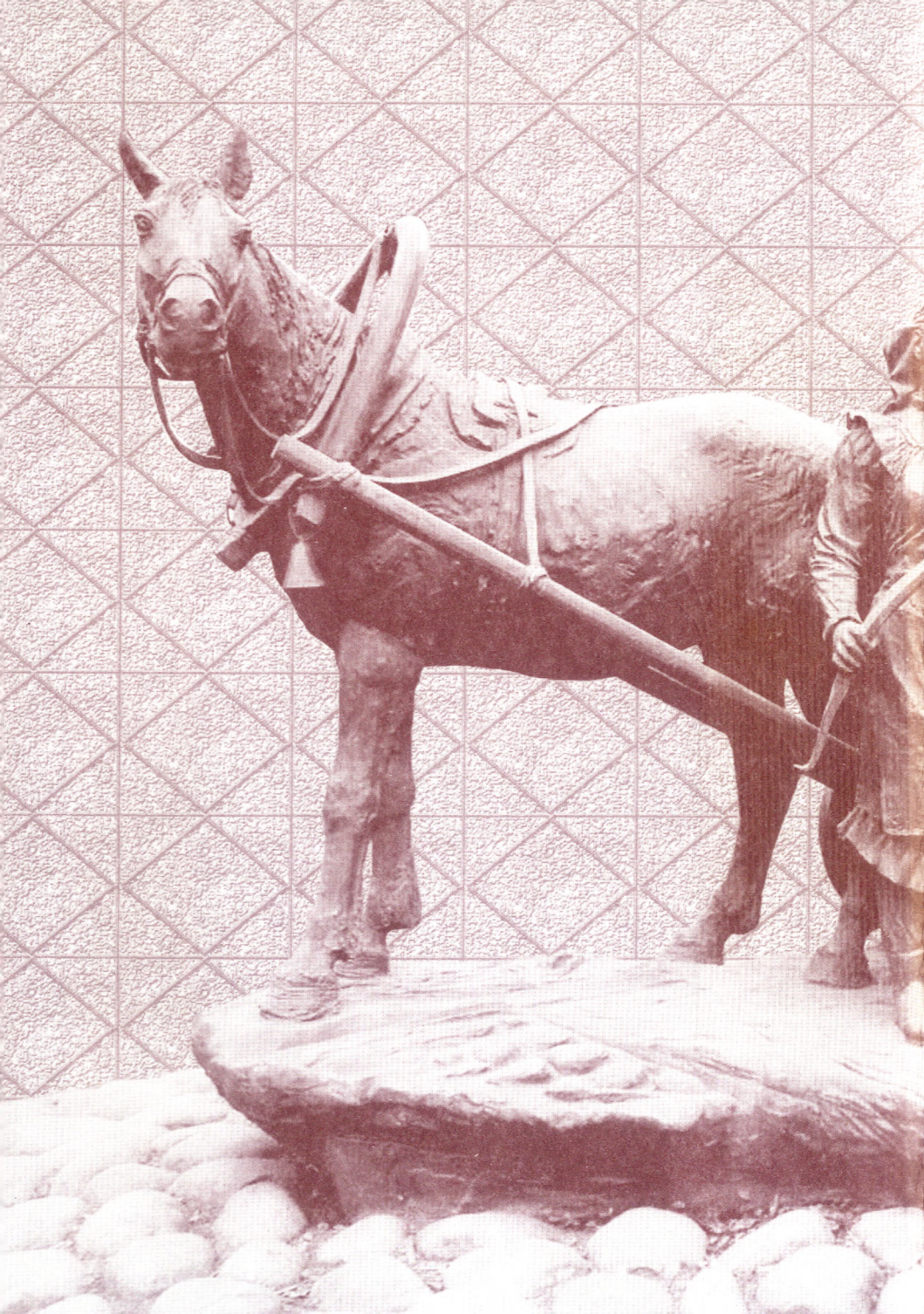
Е. Вишленкова
С. Малышева
А. Сальникова

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Казань и казанцы в XIX–XX веках



Е.А.Вишленкова, С.Ю.Малышева, А.А.Сальникова

Культура повседневности провинциального города:

Казань и казанцы в XIX – XX веках

Издательство
Казанского государственного университета
2008

УДК 94 (47+57)
ББК 63.3 (2Рос)
В 55

Научный редактор – канд. ист. наук, доцент **С.И.Ионенко**

Рецензенты: д-р ист. наук, профессор **О.В.Синицын**;
канд. ист. наук, доцент **В.В.Астафьев**

Вишленкова Е.А.
В 55 Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX – XX вв. / Е.А.Вишленкова, С.Ю.Малышева, А.А.Сальникова. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 452 с.

ISBN 978-5-98180-622-3

Книга посвящена истории повседневности российского провинциального города XIX–XX вв. На примере одного из крупнейших исторических центров Поволжья – Казани, – рассмотрены проблемы трансформации городского культурного ландшафта, изменение стилей и качества жизни горожан, их досуговых и праздничных практик. Источниковой основой работы послужили документы, отложившиеся в государственных архивах Республики Татарстан, материалы инициативного документирования, а также большой комплекс опубликованных источников.

Рассчитана на преподавателей, студентов, научных сотрудников и аспирантов, занимающихся гуманитарными исследованиями, а также на широкий круг читателей, интересующихся проблемами отечественной истории и культуры.

На обложке – картина Е.Канева «Запомним милые черты»

УДК 94 (47+57)
ББК 63.3 (2Рос)

ISBN 978-5-98180-622-3

© Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А., 2008
© Казанский государственный университет, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов 5

Глава 1. История провинциальной повседневности: теория и метод 7

Глава 2. Источники по истории российской повседневности и особенности их изучения.....31

Глава 3. Пространство повседневности губернского города 51

Глава 4. Условия и качество городской жизни в XIX веке 84

Глава 5. Стиль каждодневной жизни горожанина в XIX веке 142

Глава 6. Советская власть и культурный ландшафт провинциального города 188

Глава 7. Культура потребления в XX веке 256

Глава 8. Отдых и праздники советского горожанина 372

Впечатление от прочитанного.....450

Нашим родителям
и их поколению
посвящаем

От авторов

Предлагаемая вниманию читателей книга рождена нашим интересом к одному из важнейших направлений современного гуманитарного знания - истории повседневной жизни. Данное направление (вернее, ряд научных направлений, имеющих национально-региональную специфику: Alltagsgeschichte, Everyday Life History, Microstoria и др.) начало формироваться в мировой историографии несколько десятилетий назад в ходе дебатов о необходимости интегрировать в ткань социальной истории проблемы культурного измерения прошлого. В результате взоры исследователей повернулись от социальных процессов и структур к культурно-антропологическим аспектам жизни, прежде всего, к истории повседневности. Ни так называемая политическая история и ее подходы, практически безраздельно царившие в историографии многие десятилетия и ориентированные на изучение событий и отдельных личностей («великих людей»), ни социальная история, ориентированная на изучение социальных структур, общностей и процессов, не подходили столь близко к Человеку, как это сделали культурно-исторические исследования. Примечательно, что главное внимание в них оказалось сосредоточено на жизни "маленьких людей" или «человека второго плана» (в противоположность "человеку выдающемуся", человеку элиты – политической, культурной, научной), с его каждодневными заботами, бедами, радостями, страхами, представлениями, техниками и приемами выживания, обретения благополучия, всем образом жизни.

Историография российской повседневности еще очень молода, но она уже представлена множеством интереснейших исследований, результаты которых были учтены при написании этой работы

В книге рассмотрена повседневная жизнь российского провинциального города на примере одного из крупнейших исторических центров Поволжья - Казани, расположенной в центре полиэтнического, многоконфессионального региона с богатейшими культурными традициями и многовековой историей. В ходе поиска свидетельств о жизни и ощущениях его жителей мы обследовали архивные фонды, изучали опубликованные сборники и подборки документов, статистические издания, материалы периодики. Кроме того, в рамках работы над книгой мы инициировали и провели опрос наших старших современников и привлекли к этой работе студентов исторического факультета Казанского государственного университета Начиная с осени 2001 года и на протяжении нескольких лет студенты

проводили интервьюирование представителей старшего поколения: своих бабушек, дедушек, родителей, соседей, знакомых. Результаты опроса послужили основанием для реконструкции многих аспектов жизни казанцев. Пользуясь случаем, мы выражаем благодарность нашим старательным помощникам и их доброжелательным респондентам.

В основу данной книги положен курс лекций, который читается студентам исторического факультета и на курсах экскурсоводов Казанского государственного университета. В соответствии с дидактическими задачами изложение собранного материала и полученных результатов анализа мы структурировали в восемь тематических глав. Первая характеризует теоретико-методологические аспекты исследования истории провинциальной повседневности. В неё включен фрагмент работы одного из основоположников и теоретиков современной истории повседневности — немецкого историка А.Людтке. Во второй главе характеризуются особенности источников российской повседневности и рассказывается о возможных методах и приёмах анализа (герменевтического прочтения, источниковедческой критики и др.). В следующих трех главах читателю предлагается реконструкция культурного ландшафта, условий, качества и стиля жизни Казани XIX века. И последние три главы содержат рассказ об изменениях, произошедших в жизни казанца в советский период: о его восприятии городского пространства, о социалистической культуре потребления, досуге и праздничных постановках советского человека.

Мы не могли рассмотреть все эти проблемы всеобъемлюще и максимáльно полно: одни из них освещены подробнее, другие только намечены. Но своим ученикам мы хотели предложить исследовательскую модель или модели, которые можно было бы использовать как вариант изучения истории городской повседневности. Так, для характеристики жизни казанца в XIX веке, которую отличало разнообразие стилей и образов жизни, использовалась "мозаичная" модель, соединяющая множественность городских повседневных практик. А для характеристики более единообразной (в синхронии) и одновременно более разнообразной в диахронном измерении (значительно и быстро изменявшейся во времени) советской повседневности XX века использовалась проблемно-хронологическая модель изложения. Мы будем счастливы, если наши лекции послужат стимулом для дальнейшей разработки данного научного направления. Мы выражаем искреннюю благодарность всем тем, кто хотел и реально помогал в наших намерениях: знатокам истории Казани Евгению Васильевичу Липакову и Ильдусу Котдусовичу Загидуллину за советы и рекомендации, Эльмире Исхаковне Амерхановой за помощь в поиске источников и иллюстраций, Евгению Порфирьевичу Каневу за предоставленную возможность использовать его картины для дизайна наших книг, Сергею Ивановичу Ионенко за помощь в издании.

Глава 1.
История провинциальной повседневности: теория и метод

Понятие «провинция» как категория культурной жизни утвердилось в Российской империи в XVIII веке. В начале столетия оно использовалось для обозначения единицы административного деления государства, но уже в правление Павла I термин «провинциальность» стал ассоциироваться с особым укладом жизни, быта, поведения, манеры одеваться и выражать себя, с обликом зданий, типичных для территорий, находящихся вне столиц. Все это из «столичного далека» казалось смешным, старомодным, нелепым и патриархальным.

С течением времени «провинция» в устах политиков и журналистов оппозиционных к официальной власти направлений обрела значение места бытования и развития «народности». Провинция, по мнению российских радикалов и либералов второй половины XIX века, представляла собой почву, на которой должны были взрасти антисамодержавный протест или антибюрократическая оппозиция. Эти два семиотических значения были воспроизведены и использовались впоследствии в политической риторике советского времени.

Понятие «провинциальность» в XX веке обозначало одновременно два, на первый взгляд, несовместимых качества жизни. С одной стороны, провинциальность подразумевала удаленность от центра (в том числе и от культурных центров) и, как следствие, своеобразную второсортность. С другой стороны, она обозначала неразрывную связь с истоками, с традициями, с «незамутненностью» российской культуры. Отсюда – расхожее мнение: «русская литература (культура) рождается на периферии – в провинции или в эмиграции», и именно эта периферийная культура воплощает истинную сущность и высокие качества национальной культуры вообще.

Российская провинция XIX - XX веков испытывала на себе давление «более высокого» столичного стандарта жизни. В то же время нередко именно провинциальная культура бросала вызов

официозной. Однако «провинциальность» обусловливалась и поддерживалась также субъективными, внутренними факторами. Важным среди них являлось и является самосознание, самоощущение жителя провинции – «провинциала». Это самосознание во многом конструировало миф о «центре культуры» (им мог быть Петербург, Москва или Париж), дистанцировало собственный мир от «той» культуры и выстраивало модели взаимоотношений с ней.

Изучение провинциальной повседневной жизни возможно в двух измерениях: в синхронном и диахронном. Синхронное изучение позволяет выделить особенности культурно-бытовых практик жителей различных регионов страны. Специалисты в области российской истории XIX века условно делят территорию Российской империи на несколько культурных регионов:

– Москва и Петербург и соответствующие губернии;

– Центр России, испытывавший одновременно сильное влияние традиций древних городов и культуры столиц;

– Русский Север с оригинальной северорусской культурной традицией;

– Черноземные и южнорусские, а также «казачьи» губернии;

– Среднее и Нижнее Поволжье со значительным инонациональным влиянием;

– Урал и Сибирь[1].

Критериями разграничения этих регионов служат: степень влияния столичных культурных форм, развитость местных историко-культурных традиций, социальная и инонациональная окрашенность.

В XX веке эти территории сохраняют свою культурную специфику, но границы их смещаются. Причины тому – в переносе столицы, миграции населения, насильственном переселении целых народов, изменении административных границ внутри советского государства.

Наше понимание и объяснение культуры провинциальной повседневности России основывается на изучении материалов по истории Казани. Ее история предоставляет возможность проанализировать специфику повседневной жизни российского полиэтничного, мультикультурного провинциального города. И это дает основание определить свойства повседневности, общие для всего российского пространства и в то же время характерные только для данного региона.

---

[1] *Козляков В.Н., Севастьянова А.А.* Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Вып. 1. М., 1998. Общественно-культурная среда. С. 127.

Диахронный ракурс позволяет показать читателям культурные изменения в жизни региона во временном континууме. При слабости культурных коммуникаций на протяжении значительной части XIX века повседневная жизнь регионов различалась более отчетливо, чем в XX столетии. Развитие транспортных коммуникаций, формирование книжного рынка, рост числа периодических изданий и их распространение, появление новых средств массовой информации – радио, кино, а позднее – телевидения, компьютерных информационных сетей, – все это способствовало постепенному стиранию ряда региональных различий. В советский период власти различных уровней прилагали усилия для достижения централизации и унификации культурной жизни и культурных стандартов. Весьма значим был и столичный диктат над провинциальной культурой. Он проявлялся через целевое финансирование, определение жестких стандартов архитектурной застройки, навязывание художественного вкуса (посредством премий, наград, цензуры, худсоветов).

Существует множество способов презентации культуры городской повседневности. Она может предстать перед читателем в персонифицированном виде (например, в личном дневнике жителя Казани), а может быть рассмотрена в контексте жизненных опытов различных социальных, национальных, поло-возрастных и других городских групп, в контексте истории города вообще. Подобное сочетание микро- и макроподходов позволяет представить все многообразие повседневной жизни провинциального города. Однако, по нашему мнению, соотношение этих подходов при рассмотрении истории повседневности XIX и XX веков должно быть различным. Дело в том, что значительно обособленные друг от друга «повседневности» разных слоев городского населения XIX века в то же время достаточно медленно изменялись во времени. А повседневность советского периода отличалась большим единообразием, одновременно быстро меняясь от десятилетия к десятилетию. Поэтому при изучении дореволюционной повседневной жизни большее внимание следует уделить специфике «повседневностей» отдельных городских групп, тогда как при обращении к советской эпохе более оптимальным представляется исследование специфики повседневности отдельных периодов.

Разумеется, не все проблемы и аспекты истории повседневности нашли одинаково полное отражение на страницах этой книги. Это связано как с источниковым обеспечением исследования, так и с различной степенью важности рассматриваемых сюжетов для реконструкции мира повседневности горожан разных поколений, а также с внутренней логикой развития отдельных феноменов истории повседневности. Так, мы сознательно завершили разговор

о культуре потребления концом 1980-х гг. Остаток века пришелся на время экономических реформ, похоронивших старую систему и в значительной степени изменивших качество повседневной жизни россиянина, расколовших ее относительное единообразие. Стандарты материальной и духовной жизни в современном российском обществе весьма разнообразны и разноуровневы. Сегодня можно говорить о наличии целого ряда «повседневностей», и в этом отношении постсоветский провинциальный город в чем-то схож с провинцией XIX века. Хронологически ограничен и раздел о советском городском ландшафте – он заканчивается периодом 1960-х годов. Именно к тому времени в основном сформировался облик провинциального социалистического города.

* * *

Повседневность – важная и неотъемлемая часть человеческой истории и культуры. Мир повседневности наполнен разнообразными событиями и предметами, он населен людьми, их чувствами, привычками, отношениями, представлениями о жизни и о себе. Именно этот вещно-предметный и событийный ряд, поведенческие практики, стратегии и ритуалы, в которых выражает себя человек, и являются предметом изучения истории повседневности[1]. История повседневности обращает особое внимание на изучение ментальностей и ментальных стереотипов, их трансформации в условиях меняющейся социально-культурной реальности.

Повседневность как специальная область исторических исследований была обозначена и стала популярной лишь недавно. Безусловно, образцы фактографически-описательных работ по истории российской повседневности, вернее, по истории быта, можно обнаружить начиная еще с середины XIX в.[2] Историки быта сосредотачивали свое внимание на изучении традиционно-бытовых, устоявшихся элементов культуры: обычаев, традиций, верований, обрядов и пр.

В первые десятилетия XX века в трудах ряда ученых формируется

[1] ***Лелеко В.Д.*** Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002. С. 92-93.

[2] *См., например:* ***Терещенко А.*** Быт русского народа. Ч. 1-4. СПб., 1848; ***Забелин И.Е.*** Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1862; ***Забелин И.Е.*** Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869; ***Костомаров Н.И.*** Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992; ***Фукс К.*** Казанские татары в историческом и этнографическом отношении. Казань, 1844 и др.

культурологически-ориентированные подходы к изучению повседневности. Здесь, прежде всего, необходимо выделить работу Й.Хейзинги «Осень средневековья» (1919), а также труды основателей «Школы Анналов» – М.Блока и Л.Февра. Труд Хейзинги, посвященный изучению форм европейской жизни и специфики мышления XIV-XV вв., знаменовал собой «поворот исследовательского внимания к внутренним, ценностным, содержательным смыслам жизненных и мыслительных форм западно-европейской средневековой культуры»[1]. Л.Февр и М.Блок в своих произведениях ушли от изучения внешней, событийно-бытовой истории и обратились к исследованию типичного мироощущения людей прошлых эпох. В центре их внимания оказалось формировавшееся в конкретных условиях повседневной жизни обыденное сознание, реконструируемое историками путем изучения стереотипов мышления, идеалов, установок, картин мира и обусловленных ими поведенческих практик. Изучение Человека во времени, его ментальностей и антропологических характеристик стало основным направлением исследований практически всех поколений «Школы Анналов», а историческая антропология – одним из перспективных направлений развития гуманитарного знания.

Продолжателями традиций «Школы Анналов» в российской историографии явились, в первую очередь, историки-медиевисты. Объектами их изучения и теоретического осмысления стали такие аспекты, как семья и частная жизнь, качество жизни и культурный ландшафт, досуговая и праздничная народная культура, специфика повседневности различных категорий и слоев населения[2]. Эти и другие проблемы активно дебатировались и продолжают дебатироваться до сих пор. Вместе с тем, отечественные исследования культуры повседневности подпитывались также трудами отечественных методологов и теоретиков. Так, важнейшее значение имели разработки московско-тартусской семиотической

[1] ***Лелеко В.Д.*** Указ. соч. С. 10.

[2] ***Бахтин М.М.*** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1968; ***Гуревич А.Я.*** Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990; ***Даркевич В.П.*** Народная культура средневековья. М., 1981; Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996; Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М., 2002; ***Уваров П.Ю.*** История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе. М., 2000 и др. См. также: ***Ястребицкая А.Л.*** Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей: Человек в истории. 1990. М., 1990. С 182-198

школы, основанной Ю.М.Лотманом. Лотман и его последователи внесли большой вклад в разработку методологии анализа повседневности как феномена культуры. Особое значение имело изучение Ю.М.Лотманом бытового поведения как особой семиотической системы. Эти вопросы были разработаны Лотманом на основе анализа русской дворянской культуры XVIII - XIX вв.[1]

В последние десятилетия в зарубежной и отечественной историографии проявилось стремление к теоретическому освоению пространства повседневности, к обобщению результатов исследований и созданию описаний комплекса методов, возможных для его изучения[2]. В целом, для современного этапа изучения повседневности характерно стремление представить ее как микроисторический уровень жизни в его связи с макроисторией; обратить особое внимание на ментальный уровень повседневности, на мыслительные структуры, стереотипы сознания, ценностные ориентации; рассмотреть материальные структуры повседневности с точки зрения содержащихся в них культурных смыслов, как знаковые системы, применяя семантико-культурологический метод анализа.[3]

В ниже публикуемых выдержках из работы одного из основных методологов и теоретиков истории повседневности А. Людтке, осмысливаются итоги и результаты изучения повседневности на современном этапе.

* * *

Из статьи:
Альф ЛЮДТКЕ
ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ? ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ В ГЕРМАНИИ

О том, что такое история повседневности (Alltagsgeschichte) и зачем она нужна, с начала 80-х годов велись горячие дебаты,

[1] *См., в частности:* ***Лотман Ю.М.*** Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX века. СПб., 1994; Он же. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки (1968-1992). СПб., 2000 и др.

[2] ***Forgas J.*** Perspectives on Everyday Understanding. L., 1981; ***Certeau M. de.*** The Practice of Everyday Life. Berkeley, 1984; ***Luedtke A.*** A History of Everyday Life. Princeton, 1985; Alltagsgeschichte: Zur Rekonstruktion historischer Erfahrung und Lebensweisen. Frankfurt a/M. N.Y. 1989; Kultur als Lebenswelt und Monument. Frankfurt a/M., 1991; ***Лелеко В.Д.*** Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002 и др.

[3] О современном состоянии исследований повседневности см.: ***Лелеко В.Д.*** Указ.соч. С.8-72.

и не только среди германских историков. При этом сами дебаты разжигали к ней дополнительный интерес. Последние годы свидетельствуют о нарастающем потоке так или иначе связанных с «повседневной жизнью в истории» статей, книг, иллюстрированных томов в глянцевых обложках, фильмов и циклов телепередач, т.е. такой продукции, которая всегда привлекает внимание и пользуется в Германии хорошим спросом.

Дебатируется сам термин «история повседневности», и, наверное, это название – далеко не идеальное обозначение ее сути, принятое за неимением лучшего. Тем не менее, оно оправдывает себя как самая краткая и содержательная формулировка, полемически заостренная против той историографической традиции, которая исключала повседневность из своего видения.

По существу исследования повседневной жизни и их презентация делают упор на поступках и страданиях тех, кого обычно называют «маленькими, простыми, рядовыми людьми» – определение столь же приблизительное, сколь и неточное. Что важнее всего – это изучение человека в труде и вне его. Это – детальное историческое описание устроенных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, раздора и сотрудничества между людьми, а также их душевных переживаний, воспоминаний, любви и ненависти, тревог и надежд на будущее. В истории повседневности внимание направлено не просто на деяния (или злодеяния) великих людей, светских и духовных властителей. Центральными в анализе повседневности являются жизненные проблемы тех, кто в основном остались безымянными в истории. Интерес вращается вокруг их обыденных злоключений и несчастий, время от времени происходивших в их среде вспышек недовольства.

Исследования повседневности описывают как тяжелый труд, так и праздничные развлечения мужчин и женщин, молодежи и стариков. Индивиды в таких исследованиях предстают и действующими лицами, и творцами истории, активно производящими, воспроизводящими и изменяющими социально-политические реалии прошлого (и настоящего). (...)

1. КАК ВОЗНИКЛА ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

История повседневной жизни появилась в Западной Германии в конце 70-х годов. В ее возникновении можно проследить по крайней мере три главных источника. Два из них имеют научные корни, а третий исходил из социально-политических тенденций и движений.

В конце 1960-х годов несколько тогда еще молодых историков разработали научно-ориентированный подход, который сосредоточивал внимание главным образом на проблемах новой и новейшей социальной истории. Самыми яркими сторонниками понимания истории как процесса, движимого «структурными», а вернее, безличными экономическими, социальными и политическими силами, были Ханс-Ульрих Велер и Юрген Кокка. Соответствующие исследования подчеркивали репрессивные и в то же время империалистические черты в обществе и политике Германского рейха. При таком внимании к большим структурам и экономической конъюнктуре не возникало особой потребности восстановить в памяти лица и голоса людей, прежде всего тех, которые не принадлежали к правящей элите или бюрократии.

Тем не менее, движение к преодолению узкого взгляда, отождествляющего немногих «наверху», или же безличные структуры, с обществом в целом, зародилось в другой области – в изучении фашизма, но особенно – антифашизма. Именно здесь научную полемику более всего вдохновляли общественные движения и не в последнюю очередь – разногласия между людьми поколения, пережившего национал-социализм, и их детьми. Если раньше, в 50-е и 60-е годы, исторические исследования делали упор на «великих злодеях» вроде Гитлера, Гиммлера или Геббельса, теперь, напротив, виновниками «катастрофы» в недавней германской истории назвали не их, а безличные структуры накопления капитала и слабость демократических политических институтов.

Первым шагом к ревизии таких представлений стала реконструкция истории противостояния или сопротивления режиму «рядовых людей», и, в частности, «левых» – социал-демократов и коммунистов. Эталоном поиска лиц, казавшихся «безымянными», стали работы английских марксистов, которые в научном отношении явились вторым источником истории повседневности. Историки часто ссылались на фундаментальный труд Эдварда П.Томпсона, посвященный реконструкции процесса «формирования английского рабочего класса», правда, до конца так и не прочитанный. Английскими и шотландскими историками, а также Гербертом Гутманом в США была продемонстрирована возможность восстановить биографии людей, рассказывающих об их страданиях, чувстве собственного достоинства и, не в последнюю очередь, о том, каким образом, несмотря ни на какие преграды, они прокладывали в жизни свой путь.

В Германии подобные усилия исходили скорее извне, чем изнутри академической среды. Около 1980 г. настал момент, когда за дело взялись исследовательские группы на местах. В 1983 г., накануне 50-й

годовщины захвата власти национал-социалистами, деятельность местных энтузиастов опиралась уже на множество локальных history workshops.

Работы о борцах против нацизма, существование которых прежде «было подзабыто» или замалчивалось, расшевелили политическое противостояние. С самого начала было установлено, что преобладающая часть населения больших и малых городов и сельской местности не сопротивлялась нацизму, не говоря уже о борьбе с ним. Вместо этого обнаружилось другое: люди повернулись спиной к тем своим соседям, которых выделяли и клеймили как «евреев»; уже в марте и апреле 1933 г. они аплодировали насильственным актам по отношению к своим согражданам. Народ не возражал, когда их соседей-евреев гнали из трамваев, с тротуаров (или даже из «немецких лесов»!). Короче говоря, именно изучение повседневности обнаружило огромную степень восприятия, если не активной поддержки, нацизма большинством немцев.

Авторитетные западногерманские историки враждебно отреагировали на возникновение истории повседневности и не принимают ее сих пор.

Это заметно контрастировало с более благожелательным отношением к ней историков в Соединенных Штатах, равно как в Великобритании и, в какой-то мере, во Франции. В США это явилось отражением плюрализма в научных дискуссиях, нарастающего феминизма и борьбы за права этнических и расовых меньшинств, а также стремления к культурному полиморфизму. Американские ученые оказались более восприимчивыми к новым взглядам, шедшим вразрез с традиционными понятиями и направлениями исследований, тогда как в Германии многие признанные историки заявили, что именно социально-научная история (Social Science History) наиболее подходит для демократического государства. Иными словами, они пытались дискредитировать каждого, кто это оспаривал. По их мнению, любое продвижение к истории повседневности означало бы измену ценностям западной цивилизации, если не всей идее ее «рациональности».

Тем не менее, к концу 1980-х годов дискуссии утихли и в Германии. В настоящее время большинство университетов начало предлагать курсы, связанные с историей повседневности. Их темами, к примеру, стали будничная практика выживания крестьян в XVIII в., набор в армию в период наполеоновских войн или история труда в индустриальный век. Точно так же, как всего лишь лет десять назад Social Science History боролась за признание своего места в области изучения и преподавания истории, нечто подобное, хотя и в меньших масштабах, происходит сегодня с историей повседневности. Теперь

Разумеется, эта проблема обсуждалась и до настоящего времени, однако внимание привлекали лишь некоторые ее аспекты, в основном связанные с трансформацией семьи, сексуальности и детства. Но какие из эмоций соответствуют, например, труду или борьбе и как они изменились (или не изменились) с начала Нового времени? В частности, следует изучать эмоциональное восприятие и отношение к «иному», особенно в связи с национальными проблемами.

3. Третья категория насущных вопросов уже была упомянута выше, она касается форм представления. Как можно описать (или показать в фильме) историю повседневности, одновременно учитывая и многослойные исторические процессы, и «блуждающих» действующих лиц? Главная трудность в том, что конвенциональный подход упускает эту проблему. Придерживаясь его, исследователь сначала обрисовывает общую «схему», а потом вписывает в нее происшествия или поступки групп или/и индивидов. Такой способ историописания проблематичен: получается, что кажущееся «общим» определяет место действия и предпослано любым дебатам еще до того, как они начались.

Напротив, история повседневности призывает к воспроизведению всего многообразия личного опыта и форм самостоятельного поведения. При этом немедленные результаты действительно сосуществуют с долгосрочными эффектами человеческой деятельности, намеренные и ненамеренные последствия которых настигают людей и влияют на них самыми различными способами. Итак, главный вопрос заключается в том, каким образом можно представить эту одновременную «пестроту» мотивов и расчетов, понятий, образов и эмоций, действий и эффектов, не сводя их друг к другу.

Глава 2.

Источники по истории российской повседневности и особенности их изучения

История любой эпохи – это еще и история текстов. Они разнолики и нередко противоречивы, но именно в этой особенности историк видит отражение неисчерпаемого богатства и полноты самой жизни. «Люди... в стихах и прозе, в дневниках, в письмах наговорили много несогласуемого, – писала Л.Гинзбург. – Но не ищите здесь непременно ложь, а разгадывайте великую чересполосицу»[1]. Призыв этот не утратил своей справедливости и в наши дни, более того, он стал, вероятно, еще более актуальным в связи с расширением источникового поля исследовательской практики – фактически вплоть до безграничности. Общепринятое сегодня понимание исторического источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, как явления культуры (в самом широком смысле этого слова) ориентирует исследователя на системное изучение всех источников, отразивших социальные, психологические, ментальные, историко-географические, информационно-коммуникационные, правовые и другие аспекты развития общества и личности, власти и управления, мотивов, правил и стереотипов человеческого поведения[2]. Методология источниковедения опирается, таким образом, на фундаментальное единство своего объекта как результата творчества людей.

Особый пласт источников, в которых социо-антропологическое начало проявляется особенно очевидно, составляют источники по истории российской повседневности. Не следует, однако, думать, что эти тексты представляют собой какую-то особую, изолированную от других группу документов. Напротив, в исследовательской литературе не раз отмечалась готовность историков повседневности использовать

---

[1] ***Гинзбург Л.*** Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Л., 1989. С. 300.

[2] Об этом см.: ***Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.*** Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие. М.: РГГУ, 1998.

даже скептики не боятся, что науке грозит опасность, если студенты начинают задавать вопросы о том, как питались когда-то простые люди, как любили, как относились к болезни и смерти и т.д. При умелой исторической критике микроанализ, а с недавних пор также устная и визуальная история (изображения и их техническое воспроизведение) доказали, что они так же продуктивны, как и обычное прочтение текстов источников.

2. «ПОВТОРЯЮЩИЙСЯ» ХАРАКТЕР ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ИЛИ СПОСОБЫ «ПРИСВОЕНИЯ» МИРА?

Необходимо более четко определить некоторые ключевые концептуальные ориентиры и акценты истории повседневности[1]. Здесь можно выделить два принципиальных подхода.

Первый из них заостряет внимание на «повседневной деятельности», в которой преобладает элемент «повторяемости»[2]. Этот подход продолжает развивать линию, детально разработанную Петером Боршейдом, убеждая нас, что через «повторение» «повседневные размышления и деятельность становятся прагматическими», поскольку рутинные функции освобождают человека от постоянной неуверенности или сомнений. Для социальных групп и институтов рутинизация означает «подчинение авторитету» как предварительное условие их «стабильности». Эта ориентация, которая, несомненно, заимствует свой понятийный аппарат из социальной теории Арнольда Гелена, и отмечает преемственность с прежними представлениями о социальной истории, где главное внимание уделялось «структуре» общественных форм и конфигураций[3].

---

[1] Множество концептуальных подходов к вопросу о том, что такое «повседневная жизнь» и особенно ее неисчислимые недостатки, были критически рассмотрены в ст.: ***Elias N.*** Zum Begriff des Alltags // Materialien zur Soziologie des Alltags // Hrsg. K. Hammerich, M.Klein. Opladen, 1978. (Koelner Zeitschrift fuer Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft 20). S. 22-29.

[2] ***Boscheid P.*** Plaedoyer fuer eine Geschichte des Alltaeglichen // Ehe, Liebe, Tod: Zum Wandel der Familie, der Geschlechtsr und Generationsbeziehungen in der Neuzeit // Hrsg. P.Borscheid, H.J.Teuteberg. Muenster, 1983. S. 1-14, особенно 8-10. Это программное описание серии, которая к 1992 г. включала в себя уже десять томов, озаглавленных «Studien zur Geschichte des Alltags», посвященных, главным образом, девятнадцатому и началу двадцатого веков. Они содержат несколько конкретных (т.е. «интенсивно описанных») социально-исторических исследований, чьи глубина и масштабы ни в коей мере не были ограничены рамками краткого программного очерка.

[3] *См. программное заявление В.Конце:* ***Conze W.*** Die Strukturgeschichte des technich-industriellen Zeitalters. Cologne, 1957.

Эта статичная концепция в более современном варианте, связанном с историей повседневности, предполагает четкое разделение между сферами повседневной и неповседневной жизни. Одновременно как бы предусматривается некая иерархия, в которой повседневная жизнь рассматривается как своего рода «подготовительная стадия» для изучения сферы неповседневных событий. Но если конечная идея должна иметь дело с природой исторических изменений, то, согласно такому подходу, лишь «немногие избранные лица» обладают привилегией «пересечь границу» неповседневного. Только они, единственные, «способны продвинуться дальше на банальной основе... повседневного», так как этот процесс требует усилий «извне его».

Второй подход, вернее, набор довольно разных подходов, представляет собой принципиально иную перспективу. Конечно, кое-что из прежней ориентации сохраняется, но, в противовес вкратце изложенной выше нединамической концепции, ориентиром здесь служит не статичная структура или нечто «вечно неизменное». Напротив, динамизм и противоречивый характер радикальных исторических изменений увязываются с «производством и воспроизводством действительной жизни» (Фридрих Энгельс)[1]. С данной точки зрения, воссоздание истории повседневной жизни нацелено на нечто большее, чем будничная борьба за выживание. Скорее, такая реконструкция выявляет пути, следуя которым, участники исторического процесса становились – или могли стать – и объектами истории, и в то же время ее субъектами.

Согласно направлению социальной истории, известному в Германии как Social Science History, расширение рынка, утверждение наемного труда и процесс его разделения, бюрократизация и «современные» формы централизации государственного аппарата, а также переход к тому, что Артур Имхов назвал «безопасной и спокойной жизнью»[2], составляли суть исторического процесса в последние столетия. История повседневности, однако, изучая будничный опыт и поведение, не пытается поднять принципиально секулярные изменения до уровня, независимого от деятельности людей и скрытого «за их спинами». Изменчивость и преемственность в истории понимаются ею скорее как результат действий конкретных групп и индивидов. На передний план исторического исследования выдвигается социальная практика людей[1].

---

[1] ***Энгельс Ф.*** Письмо И. Блоху от 21[-22] сентября 1890 г. // ***Маркс К., Энгельс Ф.*** Соч. 2-е изд. Т. 37. М., 1956. С. 394.

[2] См. ***Wehler H.-U.*** Modernisierungstheorie und Geschichte. Goettingen, 1975; ***Kocka J.*** Sozialgeschichte. 2nd ed. Goettingen, 1986.

Но основное внимание при этом уделяется не тому, что Фридрих Энгельс называл некой «средней осью»[2], вокруг которой вращаются интересы. Вместо этого оно переключается на многообразие способов, посредством которых индивиды и группы выражают (или блокируют) свои представления о том, сколько что может стоить и какая из него будет польза. Упор в таком случае делается на то, чтобы показать, как социальные ограничения или стимулы воспринимались и усваивались в качестве интересов и потребностей, тревог и надежд; как в действительности они генерировали исторический процесс. Иными словами, фокус исследования смещается на средства, с помощью которых люди «присваивали»[3], одновременно преображая, «свой» мир.

Исходя из этого важного пункта, условия человеческой деятельности становятся амбивалентными, они вроде бы и заданы и в то же время являются мерой ее результатов. В процессе «присвоений» условия меняются и обретают более индивидуальные черты. Отсюда вывод о том, что исторические субъекты не отделены от социального «силового поля» (Эдвард П.Томпсон)[4]. Изначально предусматривается, что они не могут рассматриваться как «автономные» личности. Это не вопрос противопоставления сильного «эго» объективным социальным условиям. Проблема заключается не в могуществе субъекта как полюса, противостоящего социальным обстоятельствам. Способы восприятия и действия индивидов и групп формируются не где-то вне и над переплетением социальных отношений, а внутри и через них. Поступки, которыми

[1] *См. особенно:* ***De Certeau M.*** L'invention du quotidien. Vol. 1: L'arts de Faire. Paris, 1980. Напротив, «социальная практика» предстает как шифр сложной и герметической системы социальных отношений (т.е. такой системы, которая всегда детерминировала эмоции действующих лиц) в кн.: ***Bourdieu P.*** Entwurf zu einer Theorie der Praxis. Frankfurt a./M., 1976. (Французский оригинал: Esquisse d'une Theorie de la Pratique. Geneva, 1969).

[2] ***Энгельс Ф.*** Письмо В.Боргиусу от 25 января 1894 г. // ***Маркс К., Энгельс Ф.*** *Соч. 2-е изд. Т. 39. М., 1956. С. 176.*

[3] ***Marx K.*** Nationaloekonomie und Philosophie // ***Marx K.*** Die Fruehschriften // Hrsg. S.Landshut. Stuttgart, 1953. S. 240. Маркс здесь настаивает, что слово «присвоение» не означает одностороннего «использования для себя» или отношения чистого «обладания» — оно включает в себя разнообразное множество «чувственного присвоения» реальным человеком результатов труда для и посредством конкретного лица. «Поведение» его «частных» и «социальных органов» есть «присвоение человеческой реальности» так, как она «ведет себя» по отношению к объекту».

[4] ***Tompson E.P.*** Eighteenth-Century English Society: Class Struggle Without Class? // Social History. 1978. № 3. P. 151: социальное «силовое поле» — по крайней мере для анализа «отношений между джентри и народом» в Англии восемнадцатого века.

люди дистанцируют себя от социальных норм, все равно облекаются в социально-значимые языки и коды или указывают на них: способы противодействия также заложены матрицей определенного социального отношения. Конечно, в реальных ситуациях субъекты каждый раз обновляют его в свойственной именно для них манере. (...)

5. ПРИЗЫВ К ТЩАТЕЛЬНОМУ НАБЛЮДЕНИЮ: «РОМАНТИЗАЦИЯ» ИЛИ СЮЖЕТНАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ?

Многие критики упрекают историю повседневности в том, что она романтизирует прошлое. Желание представить страдания и тяжелые трудовые будни, большие и маленькие радости простых людей неизбежно ведет к воспроизведению весьма живописных подробностей. В результате происходит скорее вторжение в довольно экзотическую область жизни, чем проникновение в суть потенциально «иных» и неведомых прежде типов человеческого опыта.

Хотя такой упрек страдает чрезмерным преувеличением, все же он и вправду указывает на некоторые действительные просчеты истории повседневности в Германии. В самом деле справедливо, что допущение об одних и тех же постоянно неизменных состояниях «зависимости» среди «огромных масс» простых людей огрубляет специфические черты их образа жизни и, в частности, обходит вниманием вопрос о природе исторических изменений. Взгляд «извне» проходит мимо «инаковости» чьей-либо частной жизни. Теряется дистанция, разделяющая людей с различным жизненным опытом даже в строго определенных хронологических рамках.

При стремлении ухватить специфические черты (или элементы «инаковости») во всей их яркости и многообразии для историков крайне необходимыми становятся «путешествия за открытиями в собственный народ», по выражению Франца Бруггемейера. Только используя идеи и методы, сходные с антропологическими, мы можем отдельно проследить и показать такие особенности исторической практики, которые создавали для действительно или по всей видимости зависимых людей возможность заявлять и блюсти свои «собственные дела и интересы».

Однако эта отсылка к антропологическим методам не должна быть неправильно понята, поскольку они в данном случае не являются универсальным рецептом. Проблема заключается в том, что этнографические методы полевых исследований и «включенного наблюдения» – главную стезю эмпирического социального исследования и культурной антропологии – нелегко перенести в историческое исследование.

Антропологи, проводящие полевые исследования согласно определенной матрице повседневной жизни, должны учиться справляться с принципиально «иным» и необычным для них обществом, ожидая, по меньшей мере, неприятия или протеста со стороны людей, являющихся объектами их изучения. Историкам ничего, кроме безмятежного мира и спокойствия своего письменного стола, ждать не приходится. За исключением непосредственных свидетелей самой недавней истории, объекты, к которым они пытаются «приблизиться», не способны им противоречить или прибегать к возможным насильственным акциям протеста. Для полевого исследователя радикальный разрыв с ее или его прежним и жизненными привычками, уместно описанный образом «социальной смерти» (Марио Эрдгейм), представляет собой крайне опасный, но неизбежный шаг. В этом отношении историки могут чувствовать себя относительно спокойно и безопасно: они могут быть беспристрастными, даже если в своих попытках приблизиться к объектам исследования высвечивают, может быть, очень «иные» мотивы и действия, например, те, что были свойственны рабочим прошлого столетия.

История повседневности чаще всего имеет дело с людьми, которые если и оставили после себя источники в обычном понимании этого термина, то очень мало. Редко можно обнаружить письма или другие материалы личного происхождения, намеренно передаваемые из поколения в поколение[1]. При изучении самого последнего периода истории существует возможность проинтервьюировать его «непосредственных участников». В этом случае выходит, что историки сами производят источники[2]. Но, как правило, радости и горести, заботы и печали предшествующих поколений оставили нам немногим больше, чем неясные отпечатки в традиционных источниках, отраженные нередко в загадочно зашифрованной форме. Первый подход, и зачастую единственно возможный, если не имеешь дело с историей самого последнего времени, состоит в том, чтобы заново оценить те свидетельства, которые когда-то уже были использованы и истолкованы с другой точки зрения.

---

[1]Тем не менее, скрупулезное исследование и в самом деле (иногда буквально) раскапывает письма, дневники или другие личные документы, которые открывают потрясающие картины будней людей, см. серию Берлинской Академии Верлаг, в которой я был соредактором, «Selbstzeugnisse der Neuzeit» (1992).

[2]Общий обзор проблем устной истории см.: ***Niethammer L.*** Fragen — Antworten — Fragen // Wir krieden jetzt andere Zeiten / Hrsg. L.Niethammer, A. v. Plato. B.; Bonn, 1985. S. 392-445; общее введение в проблему см.: ***Thompson P.*** The Voice of the Past. 2nd ed. L., 1990.

Множество разнообразных и поучительных материалов содержится в отчетах полицейских и фабричных инспекторов, учителей или церковных служителей; можно также обратиться к письмам, (путевым) запискам или зарисовкам, оставленным во времени прямыми наблюдателями или «участниками» событий. Когда священники или учителя выражали свое возмущение «распущенностью» тех, о ком они должны были заботиться, отмечая детали их поведения, мы можем извлечь из этого пользу с помощью «скептического отношения» к негодованию авторов. Подобные документы демонстрируют нам не только скромное, робкое поведение, но и разнузданные, часто даже довольно дикие и грубые выходки людей как на работе, так и в других ситуациях, вроде отношений между мужчинами и женщинами в текстильных центрах.

Методологический аппарат, призванный помочь нам в реконструкции повседневной жизни и способов поведения людей, является частью направления, получившего название «микроистория». В нее входят «case studies», т.е. исследования отдельных биографий, или, чаще, включенные в локальные контексты деревни, городские районы. Законное место в истории повседневности занимают долговременные континуитеты и изменения, охватывающие два-три столетия. При изучении коллективных биографий, или так называемой «просопографии»[1], должны применяться особые методы. В любом случае всегда важно иметь в виду, что остатки строений, транспортные линии, орудия и инструменты, сознательно сохраненные или открытые позднее нарративные и изобразительные источники, например, налоговые списки или производственные фотоснимки (последние часто вообще игнорируются!) не автоматически раскрывают следы исторической деятельности. При расшифровке их смысла приходится иметь дело с множеством деталей и индивидуальных особенностей. Но все это превратится в бесплодную и антикварную работу, если не будет сопровождаться реконструктивным объединением отдельных элементов в единую сеть их взаимосвязей.

Реконструкция не предполагает, что какая-то скрытая долговременно существующая структура исторического «хода событий» ожидает того, чтобы ее раскрыли и осветили. Например, понятие «габитуса» у Бурдье, который говорит о «структурирующей

[1] ***Ginzburg C., Poni C.*** Was ist Mikrogeschichte? // Geschichtswerkstatt. 1985. N 6. S. 51.

структуре»[1] и в то же время о «системе... неосознанных схем мышления, восприятия и действия»[2], может свидетельствовать о таком недопонимании. Изначально реконструкторы оказываются в запутанном и беспорядочном контексте «сети»: только в результате продвижения на ощупь и ее распутывания она принимает более упорядоченный вид. В такой «сети» каждый из ее «узлов» представляет собой совпадение множества индивидуальных связей. Если развивать эту мысль дальше, то выясняется, что эти связи не являются ни стабильными во времени, ни однородными по степени интенсивности, скорее, их качества зависят от специфических «силовых полей» и поведения действующих в истории лиц. Иногда подобные связи являются крайне хрупкими или даже совсем отсутствуют. Таким образом, элементами данной сети также являются «дисконтинуитеты» и «зазоры». Иными словами, важны и связи, и разрывы или несогласованности между способами мышления, интерпретации и правилами поведения, которые в данном контексте присваивают и осуществляют действующие лица[3].

Помимо всего, их не следует путать с гомогенными субъектами. Исследования повседневной жизни показывают, что те же самые люди в одном случае, например на работе, действовали самостоятельно или даже против чужой воли, могли беспрекословно подчиняться ей дома, или по соседству, или в местной пивной. Действующие лица в истории идут не прямыми путями, а, скорее, блуждают в ней[4].

6. «НЕРАВНОМЕРНЫЕ» ИЗМЕНЕНИЯ И «ЛОСКУТНЫЕ» КОМПОЗИЦИИ: ОТКАЗ ОТ ИДЕИ «БОЛЬШИХ СТРУКТУР И ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ»?

История повседневной жизни сосредоточивает свое внимание на малом. Однако не подразумевает ли это сужение перспективы до определенной временной точки, выраженной в понятии «здесь и в данный момент»? В глазах критиков характерной чертой истории повседневной практики является «отказ, зачастую

[1] ***Bourdieu P.*** Entwurf einer Theorie der Praxis. S. 165.

[2] ***Bourdieu P.*** Zur Soziologie der Symbolischen Formen. Frankfurt a./M., 1974. S. 40. (Французский оригинал 1970 г.)

[3] *См. также:* ***Schindler N.*** Fuer eine Geschichte realer Moeglichkeiten: Nachwort // ***Davies N.Z.*** Humanismus, Narrenherschaft und die Riten der Gewalt. Frankfurt a./M., 1987. S. 335-337.

[4] ***Luedtke A.*** Eigen-Sinn, Fabrikalltag, Arbeitererfahrungen und Politik vom Kaiserreich bis in den Faschismus Hamburg, 1993

явно запрограммированный, от попытки понять контекстуальные взаимосвязи». «Крупные проблемы», вроде такой, «как формируются классы и государства», в сущности игнорируются. С данной точки зрения, история повседневной жизни практически не способна приблизиться к какому бы то ни было «знанию о том, как взаимосвязаны вещи»[1]. С этим суждением ассоциируется ее обвинение в отсутствии надлежащей теории или враждебном отношении к любым теоретическим знаниям.

Несомненно, история повседневной жизни требует систематического децентрирования анализа и интерпретации. Однако здесь можно различить зачатки нового взгляда на то, что есть теория. В ее создании главная роль больше не принадлежит классификации и систематизации индивидуальных явлений. На повестке дня стоит новая ориентация, в которой теория связывается с чем-то большим, нежели просто уровень «концепции»: она также включает в себя и процесс «концептуализации, формирования идеи». При этом теория нацелена на то, чтобы сделать не только понятными исторические свидетельства, но и осмыслить и сам акт «концептуализации» (или «оживления») синхронности индивидуальных элементов или их изменений, даже если они могут оказаться весьма противоречивыми или, возможно, не связанными между собой. Если приглядеться к «неравномерным» изменениям (Карл Маркс[2]) в способах производства или их интерпретации, то окажется, что благоприятные и неблагоприятные возможности для деятельности субъектов в истории спутаны на манер лоскутного коврика – «пэчворка». Такой взгляд позволяет в конечном счете учесть с определенными ограничениями одновременность совершенно разных, если не противоречивых, условий, которые могут сосуществовать без необходимого взаимодействия или прямого обоюдного сопряжения.

Обращаясь к фактору «неравномерности», а также к амбивалентности социальной практики, исследование может раскрыть своеобразную «лоскутность» одновременных стимулов и ограничений, символов и интересов. Подобный подход делает возможным воссоздание форм «присвоения», свойственных субъектам, без особой нужды с самого начала выстраивать какую-либо последовательную иерархию «обусловливающих» или «обусловивших» факторов. Отсюда следует важный вывод: интересы и «объективные» ограничения

[1] *Kocka J.* Sozialgeschichte. 2nd ed. Goettingen, 1986. S. 168-169.

[2] **Marx K.** Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (1857/58). Frankfurt a./M.; Vienna, 1973.

не предшествуют социальной практике, а, скорее, входят в нее. И индивидами, и группами они воспринимаются посредством различных интерпретаций. Их репертуар также включает в себя отпечаток «интересов»; он хранит в себе, в общем и целом, многозначность индивидуального и коллективного опыта. В нем заложены символы и образы, которые передают и представляют эти интерпретации. В процессе «присвоения» «мира» и «общества» их значения претворяются в жизнь и одновременно или находят выразительное подтверждение, или видоизменяются.

Только постепенно можно различить, как вырисовываются очертания нового синтаксиса, подходящего для более приемлемых теоретических обобщений. Очевидно, нелегко отказаться от понимания теории, согласно которому «общее» выводится из образа «того же самого». Но тщательная проверка, обращенная к индивидуальным «конфигурациям» (Стейн Роккан) возможностей и ограничений, интерпретаций и способов поведения, облегчает сравнения нового типа, сделанные на основе исследований «снизу».

Призыв «копай, где стоишь!» был необходим, но недостаточен. Этими словами Свен Линдквист[1] хотел направить внимание рабочих – или тех, кто не мог и предположить, что способен иметь настоящую, свою собственную историю, – на интересующий и нас специфический исторический контекст. Что необходимо в подобной ситуации – так это еще большая глубина и широта: рыть глубже, одновременно расширяя горизонт своего видения.

Однако в этом пункте история повседневности по-прежнему часто путается в своих «проводах и канатах». Существующие и предлагаемые способы понимания или концептуализации целостного исторического процесса склонны искажать главную идею истории повседневной жизни. Понятия, которые следуют идее «капитализации» (в смысле марксистской критики политической экономии) или «рационализации» (в веберианском смысле «расколдовывания» мира), не достигают необходимой здесь степени многослойности познания.

Концепция «колонизации жизненного мира» Ю.Хабермаса является более тонким инструментом, но и она пренебрегает основополагающим понятием об амбивалентности социально-исторической практики[2]. Специфические горизонты «жизненного

[1] ***Lindquist S.*** Grabe, wo du stehst: Handbuch zur Erforschung der eigenen Geschichte / Trans. M.Dammeyer. Bonn, 1989. (Шведский оригинал 1978 г.)

[2] Данное выражение было предложено Ю.Хабермасом в связи с его всесторонней систематической социальной теорией: ***Habermas J.*** The Theory of Communicative Action.Vol. 2. Boston, 1984. (Немецкий оригинал 1981 г.)

мира» в результате «колонизации» функциональными «императивами» тотально-социетальной системы не просто рассеиваются. Наряду с этим происходит процесс «опосредования жизненного мира вместе с его структурами и в них самих». «Репродуктивные ограничения» тотально-социетальной «системы» и «целенаправленные действия», ассоциированные с этой концепцией, «скрываются, так сказать, в порах коммуникативного действия»[1].

При неравномерном распределении ресурсов и продуктов с помощью этой концепции, несомненно, можно объяснить довольно стабильную удовлетворенность им среди обделенных и обиженных и даже его частичное одобрение. Тем не менее, здесь мы рискуем попасть в телеологическую западню: тот факт, что «система» и структура господства остаются незатронутыми, должен рассматриваться как доказательство успешной медитации, однако такой подход исключает вопрос о том, не распространяют ли в действительности такие «опосредованные» люди «способы»[2] поведения, которые устанавливают и отражают их «свое собственное» видение, может быть, ненавязчивое, зато более эффективное. Несомненно, вопрос о «способах» поведения предполагает, что возможности для действия несводимы к игре с нулевым результатом. До некоторой степени подобный подход рассматривает границы системы как подвижные, т.е. как продукт социальной практики, разнообразной и изменчивой.

Давайте посмотрим, как эта идея работает на конкретном материале: неимущие классы всегда или осуществляли свои собственные толкования тех самых форм, в которых с конца XIX в. они усваивали различные «колонизуемые» желания и потребности (начиная с «образования» и кончая «гигиеной»), или претендовали на это. Они явно старались извлекать свою выгоду из «прогрессивных» аспектов новых возможностей или необходимостей. К примеру, знание ценности определенных продуктов питания или правил

Взгляд на то, как, например, «мобилизация» или «капитализация» могут рассматриваться теоретически, в то же время подвергаясь проверке на историческом материале, представлен в ст.: ***Cogen D.W.*** Doing Social History from Pim's Doorway // Reliving the Past / Ed. O.Zunz. Chapel Hill-London, 1985. P. 191-235.

[1] ***Habermas J.*** The Theory of Communicative Action. Vol. 2. Chapter VIII. Sections 2 and 3.

[2] Stil: Geschichten und Function eines kulturwissenschaftlichen Diskurselements // Hrsg. H.U.Gumbrecht. K.L.Pfeiffer. Frankfurt a./M., 1986.

гигиены в уходе за детьми[1] открывало новые возможности и для удовлетворения их собственных нужд. Другой пример: начиная с 1820-х годов фабричные и рабочие, равно как и административные суды (основанные в 1875 г.), облегчали попытки открытым текстом требовать установления «современного конституционного государства» (верховенства закона). Несмотря на тот факт, что правительственные программы социального страхования большей частью, причем преднамеренно, играли роль «морковки» наряду с политическими репрессиями[2], они тем не менее обеспечивали законную возможность предъявлять права на уступки со стороны предпринимателей, страховых агентов и благотворительных учреждений. Такие уступки худо-бедно, но помогали сократить каждодневный риск (в борьбе за выживание)[3].

Для истории повседневности характерно не аналитическое расчленение, а, скорее, конкретное соединение «обстоятельств» и «интерпретаций», т.е. «класса» и «культуры». Напротив, в Social Science History стало привычкой делать акцент на трех аналитически «равноправных измерениях – экономике, власти и культуре»[4]. Хотя они и рассматриваются как существенным образом связанные, но обладают различным удельным весом. Лишь в рамках проекта «Бюргерство, буржуазная культура и общество» заметны признаки долгожданной новой ориентации, ибо упор в нем делается не на классовых позициях, правовых условиях и политических объединениях, а, скорее, на специфической конфигурации «норм, отношений и образов жизни». Эти факторы постулируются как формирующие основу «солидарности бюргерства и его отличительных особенностей»[5].

[1] *Общий обзор см.:* ***Spree R.*** Soziale Ungleichheit vor Krankheit und Tod: Zur Sozialgeschichte des Gesundheitsbereichs im Deutschen Kaiserreich. Goettingen, 1981. Что касается автобиографического материала, см.: ***Lipp C.*** «Uns hat die Mutter Not gesaeugt an ihren duerren Leibe»: Die Verarbeitung von Hungererfahrungen in Autobiographien von Handwerkern, Arbeitern und Arbeiterinnen // Beitraege zur historischen Sozialkunde. 1985. № 2. S. 54-58.

[2] ***Saul K.*** Der Staat und die «Machte des Umsturzes» // Archiv fuer Sozialgeschichte. 1972. Vol. 12. S. 293-350.

[3] Этот вопрос до настоящего времени был исследован плохо, обобщающие заметки можно найти в кн.: ***Ritter G.A.*** Sozialversicherung in Deutschland und England: Entstehung und Grundzuege im Vergleich. Munich, 1983. S. 62-65; ***Wissell R.*** Aus meinen Lebensjahren. B., 1983; ***Borsdorf H.B., Boeckler H.*** Arbeit und Leben eines Gewerkschafters von 1875 bis 1945. Cologne, 1982.

[4] ***Wehler H.-U.*** Geschichtswissenschaft heute... S. 743.

[5] ***Kocka J.*** Buergertum und Buergerlichkeit als Probleme der deutschen Geschichte vom spaeten 18 zum fruehen 20. Jahrhundert // Buerger und Buergerlichkeit im 19. Jahrhundert / Hrsg. J. Kocka. Goettingen, 1987. S. 44; также см. замечания по проблеме «соблазнения» и «просачивающегося эффекта... буржуазных норм и ценностей» в ст.: ***Wehler H.-U.*** Wie buergerlich war das Deutsche Kaiserreich? // Buerger und Buergerlichkeit... S. 252.

Именно то, каким образом конкретные ситуации могут быть увязаны с «главными линиями» исторического развития, остается наиболее трудной проблемой. По моему мнению, разговоры о (тотальном) контекстировании неправомерно предполагают, что власть обстоятельств и порядка вещей всегда играла решающую роль, проявляясь естественным и органическим путем. «Медитация» в этом случае чаще всего должна означать не что иное, как несомненно эффективное и продолжительное соответствие разнообразных или противоречивых элементов друг другу. Но остается и другая сторона вопроса: без сомнения, можно развертывать и упорядочивать множество «крупномасштабных» концептуализаций, точно определяя в них место отдельных исторических деятелей, их интересы и точки зрения. Тем не менее, не всегда есть возможность ясно различить следы их влияния, негативного или позитивного, на поступки и опыт тех, кто испытал их воздействие. Таким образом, эта проблема все еще требует своего решения.

Реконструкции в области истории повседневности не ограничиваются маленькими, герметически изолированными мирами. Они предоставляют возможность как бы арканом вытянуть кого-нибудь из небытия с помощью специальных аналитических приемов. Перспектива расширяется при использовании различных форм «насыщенного повествования». Так, тяжелый труд на токарном или ткацком станке германских рабочих нельзя изучать отдельно от положения и опыта всех, кто обеспечивал условия для этого труда, или тех, кто использовал их продукцию уже в иной сфере жизни. Выражаясь конкретнее, обеденный перерыв на фабрике или в расслабляющем комфорте кафе всегда отсылает к более общему контексту: он неотделим от условий производства и опыта кофейных плантаторов в Колумбии или Восточной Африке. Другими словами, опыт одних неотделим от опыта других. Удовольствия и лишения несут на себе печать своего происхождения.

Общечеловеческий опыт вбирает в себя все его проявления, которые привлекли внимание[1]. Они отсылают к контурам тех или иных из них же проистекающих потребностей конкретных людей. Так, можно различить специфические способы переживания опыта, характерные для мужчин и женщин, для вместе работающих групп, живущих совместно или по соседству.

Формы, в которых выражаются и (возможно) удовлетворяются

[1] ***Schuets A., Luckmann T.*** The Sructures of the Life-World. Vol. 2 / Trans. Richard M. Zamer and David J. Parent. Evanston: 1989. (Немецкий оригинал 1983 г.)

потребности, разнятся в зависимости от конкретной публики. Конечно, в среде угнетенных они в значительной мере проявлялись на всей «их площади». Например, стремление рабочих оградить себя от желания властей или начальников их контролировать не ограничивалось территорией фабрики. Различными путями оно распространялось на семейную жизнь, на организованное рабочее движение. Зачастую даже богатые оттенками безмолвные способы, которыми выражались готовность повиноваться, отстранение и демонстративное упрямство («Eigen-Sinn»)[1], никогда не отражали чисто индивидуальных поступков. Здесь мы возвращаемся к исходной посылке: даже упрямство индивида резонирует с организацией социальных отношений. Иными словами, самовыражение и поступок, какими бы «индивидуальными» они ни казались, были внушены политической жизнью и свидетельствовали о ней[2]. (...)

8. ЭПИЛОГ

А. Девяностые годы

Немецкие историки были непосредственно затронуты историческими трансформациями 1989-90 гг. в Центральной и Восточной Европе. Крушение «реального социализма» в Восточной Германии и в других странах немедленно отразилось на Западе, полностью дискредитировав претензии общественных наук определить социальные структуры и, таким образом, предсказать их дальнейшее развитие. Никто из ученых не предполагал такого неожиданного и полного развала или, точнее, взрывного разрушения.

Последствия, которые такое научное банкротство могло иметь для историков, были суммированы в ходе дискуссии на Национальной конференции германских историков в 1992 г. в Ганновере. Ее участники дали оценку положению, сложившемуся «после» исторического поворота и упадка общественных наук. Так, Юрген Кокка, один из сторонников Social Science History, подчеркнул, что для него главным уроком стало возрождение роли политического и политики. С его точки зрения, историки опять, но на новом уровне,

[1] «Упрямые», или «своенравные» (eigensinnige), рабочие — особый психологический тип рабочего, привлекавший исследовательское внимание А.Людтке.

[2] ***Luedtke A.*** Eigen-Sinn. Fabrikalltag, Arbeitererfahrungen und Politik vom Kaiserreich bis in den Faschismus. Hamburg, 1993.

должны обратить пристальное внимание на политические факторы как важнейшую движущую силу исторического процесса[1].

Другие участники, среди которых были Альф Людтке и Ханс Медик, занимали иную позицию. Они считали, что крушение государственного социализма, а также стремительная эскалация губительного насилия на Балканах, свидетельствуют о до поры до времени не дававших о себе знать, но подспудно вызреваемых процессах, резонирующих со стремлением людей к выживанию и, в то же время, установлению справедливости по отношению к ним и к тем, кто им дорог. Дискредитировано же было не что иное, как макросоциологический, или макроисторический, подход. Продуктивной могла бы стать попытка понять историю как многослойный процесс, который воспроизводится и, в первую очередь, трансформируется теми, кто является одновременно и объектами истории, и ее субъектами.

Б. Перспективные направления

Судя по современным дискуссиям, по крайней мере, три вопроса представляются особенно важными и интригующими:

1. Каким образом «новое время», и в частности характерное для него стремление к рациональности, связано с жестокостью и массовыми убийствами? История XX в. предоставляет вполне достаточное число свидетельств того, что историческими силами самого разного обличья использовалось или поощрялось не только рациональное созидание, но и рациональное разрушение, начиная с экономической конкуренции и кончая массовыми убийствами и геноцидом. Похоже, что склонность к утопическому проектированию будущего общества порождает идеи, ведущие к тоталитарному регулированию всего и вся. Более того, в своем повседневном поведении люди заражаются подобными идеями особенно легко и эмоционально. Но какие культурные формы действительно стимулируют эту «эмоциональность воображения», пронизывающую большинство сегментов и уровней социальной практики, в местных и региональных масштабах?

2. Для данного ряда проблем центральной является история эмоций.

---

[1]Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Micro-Historie / Hrsg. Schulze W. Goettingen, 1994; ***Kocka J.*** Op.cit. S. 33-39; ***Luedtke A.*** Arbeitsbeginn, Arbeitspausen, Arbeitsende. Skizzen zu Beduerfnisbefriedigung und Industriearbeit im 19. und fruehen 20. Jahrhundert // ***Luedtke A.*** Eigen-Sinn. Fabrikalltag, Arbeitererfahrungen und Politik vom Keiserreich bis in den Faschismus. Hamburg, 1993. S. 65-80; ***Medick H.*** Weben und Ueberleben in Laichingen: 1650-1900. Lokalgeschichte als allgemeine Geschichte. 1 Aufl. Goettingen, 1997. S. 40-52.

самые разные виды источников, некая «всеядность» в отношении документов[1], поскольку, непосредственно или опосредованно, фиксация фактов повседневности либо их восприятие откладывается в любом источнике.

Если рассматривать повседневность как форму протекания человеческой жизни, то по существу всякий документ может быть привлечен в такого рода исследованиях как остаток прошлого и как носитель информации о нем. Бесспорно, например, что письменные источники любого вида – законодательные, делопроизводственные (как общая, так и специальная документация, в том числе и судебно-следственные документы, фиксирующие образцы девиантной повседневности и своего рода социальные отклонения), мемуаристика, статистика, периодика и т.д. – с разной степенью достоверности и полноты способны отражать и воспроизводить те или иные аспекты российской повседневности. Другое дело, что приоритет видов источников меняется в зависимости от поставленных исследователем задач: если первостепенной исследовательской проблемой является проблема конструирования повседневности «сверху», то приоритет, безусловно, должен быть отдан документам официального происхождения. Правда, не следует забывать о том, что сфера повседневности относительно автономна, здесь действуют свои логики и практики, которые хотя и «перерабатывают» властные решения, но привносят в них и много своего, насыщают их опытами «маленьких частных жизней», в результате подчас изменяя эти решения до неузнаваемости. Поэтому, когда речь идет о рутинных повседневных практиках, о формировании и бытовании повседневности «снизу» и восприятии ее «изнутри», на первое место выступают не официальные документы, а источники личного происхождения, где «личные» повседневности каждого складываются в «общую» повседневность всех, в повседневность эпохи.

Ряд основополагающих бинарных моделей, сложившихся в источниковедении и целиком применимых к рассматриваемому комплексу источников (официальные – личные, вербальные – визуальные, документальные – нарративные, письменные – устные) может быть продлен за счет еще одной фундаментальной бинарной оппозиции: тайное – явное. И дело здесь не только в прямом засекречивании источников, в монополизации или иерархизации доступа к информации. За всей кажущейся простотой (и даже отчасти – упрощенностью) содержания источников по истории

[1] *См., например:* ***Куприянов А.И.*** Историческая антропология в России: Проблемы становления // Отечественная история. 1996. №4. С.93.

повседневности многие из них содержат некое тайное знание, скрытый подтекст, который подлежит дешифровке. Поэтому одной из существенных проблем источниковедческой критики такого рода источников является интерпретация их содержания.

Помимо выявления явного (манифестного) смысла этих текстов, т.е. изучения содержащейся в них информации в том виде, в котором ее фиксируют, переживают, рассказывают или помнят авторы источника, особое внимание необходимо уделять их скрытому (латентному) содержанию. Ю.М.Лотман отмечал высочайший уровень символизации повседневности (а следовательно, и ее источников), определяя повседневную жизнь как «историко-психологическую, знаковую систему, своего рода текст»[1]. Такой гипертекст, макротекст складывается из множества микротекстов, и задача исследователя – максимально репрезентативно и полно восстановить всю совокупность микротекстов и адекватно интерпретировать их.

На этапе интерпретации ничуть не возбраняется сопереживать, сострадать или сочувствовать автору источника или негодовать по поводу его суждений и поступков – именно такой неотстраненный подход позволит исследователю, по мнению некоторых современных теоретиков источниковедения, услышать «тихие голоса» и понять «маленькие истории» тех участников событий, которые раньше отвергались как тривиальные и даже неуместные. Однако это отнюдь не означает, что историк обязан разделять точку зрения автора источника: главное – достичь понимания текста «путем терпеливого систематического наблюдения и реконструкции».[2] Именно так историк может получить ключ к пониманию прошлого, который лежит в «понимании прошлых пониманий»[3].

В противном случае автор источника и историк-исследователь будут говорить между собой на разных языках. Непонимание источника (читай: непонимание прошлого) ведет к замене знания о нем воображаемыми построениями и «романтическим мнимопониманием», а в конечном итоге – к его мифологизации, отсутствию четкого разграничения между повседневностью реальных людей, обретающихся в пространственно-временных характеристиках конкретных обществ, и иллюзорно-вымышленным,

[1] ***Лотман Ю.М.*** Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — нач. XIX вв.). М., 1999. С.5.

[2] Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология, практика: Учебник/ Под ред. А.К.Соколова. М., 2004. С.52.

[3] ***Steinberg M.*** Stories and Voices: History and Theory // Russian Review. July 1996. V.55. №3. P.349.

метафорическим смыслом их повседневного существования, сконструированном современниками и воспринятом впоследствии историками[1]. Бытующие иллюзии и метафоры бывают порождены, как правило, отсутствием погружения в проблему того, что люди «говорят (или пишут) и что бы это значило».

Важное место при изучении источников по истории повседневности приобретает проблема полноты и сохранности имеющейся источниковой базы. С одной стороны, круг источников сравнительно многочислен и многообразен, поскольку у каждого была «своя» повседневность, смыкающаяся на макроуровне в целостную повседневность эпохи. С другой стороны, в сложившемся источниковом комплексе по истории повседневности наличествуют существенные пробелы, порождающие известные перекосы и несоответствия, неравномерность и отчасти несоотносимость источников между собой. В первую очередь, это касается источников личного происхождения.

Люди могут оставить после себя различные разновидности, виды и даже типы источников личного происхождения, так или иначе отражающие историю их повседневного существования. Одной из таких разновидностей являются, например, служебные «бытовые» автоисточники (формуляры, послужные , кондуитные списки, заявления, личные листки по учету кадров, служебные автобиографии и т.д.). Хотя сохранность и учет таких документов не были в отдельные периоды российской истории в должной степени налажены, они сохранились все же гораздо лучше, нежели личные источники нарративного характера.

Вместе с тем, вышеупомянутые «служебные» источники, являясь ценными документами по истории «трудовой» повседневности, в целом весьма схематичны и формализованы, лишены каких-либо намеков на индивидуально-чувственное восприятие окружающей повседневной действительности или ее «неформальных» сторон авторами документов. Гораздо более интересны и содержательны с этой точки зрения нарративные ego-документы. Но здесь исследователь сталкивается с еще более значительными информационными пробелами. Прежде всего, чтобы стать автором такого рода источника, человек должен обрести биографическую самоидентификацию, осознать значимость собственной судьбы и собственной повседневности для истории собственной страны. А сделать это весьма непросто.

Некоторая демократизация ego-документов началась в

[1] ***James A., Jenks Ch., Prout A.*** Theorizing Childhood. N.Y., 1998. P.177.

России с конца XVIII века. Тогда появились воспоминания частных лиц, описывающие собственную жизнь либо в подражание агиографической литературе – как путь в Истине, либо в подражание исповедальным текстам – как рассказ о перенесенных страданиях, о жизни, наполненной и праведными делами, и грехами, либо – в подражание автобиографической повести Ж.Ж.Руссо – как перерождение. В отличие от мемуарных текстов, где повседневность являлась не основным объектом описания, а лишь негативным или позитивным фоном для сценария судьбы, в дневниках и письмах быт и каждодневность представали главными действующими лицами повествования. Поскольку вплоть до середины XIX века большая часть источников личного происхождения, особенно в провинции, создавалась представителями высших социальных слоев, сохранились описания, главным образом, повседневности российских элит. Но, даже имея дело с текстами, появившимися внутри приблизительно одного социального слоя и исходящими от жителей одного города, исследователь обнаруживает высокую степень индивидуальных модификаций повседневностей XIX века.

Расширение сети городских школ во второй половине столетия способствовало распространению грамотности среди горожан, в том числе недворянского происхождения. Это обстоятельство объясняет массовость мемуарных, дневниковых и эпистолярных текстов, отложившихся в региональных архивах, библиотечных и музейных фондах. Причем в отличие от столичных коллекций эти сокровища отечественной культуры еще довольно слабо введены в научный оборот. Публиковались лишь тексты, принадлежавшие перу людей, поднявшихся из социальных «низов» в социальные «верхи». Достигнув высокого положения, эти люди рассказывали удивленным современникам, иногда намеренно сгущая краски, с какого «дна» общества они смогли подняться. Так, повседневность казанской городской «черни» описана в произведениях М.Горького (Пешкова) и мемуарах Ф.Шаляпина, повседневность казанского студенчества – в воспоминаниях заслуженных врачей и профессоров, повседневность приходских священников – в автобиографических записках их сыновей, пополнивших ряды городской и земской интеллигенции.

Говоря же об общих тенденциях, можно согласиться с тем, что до 1917 г. в русской культуре существовало две традиции: большая – традиция «размышляющего меньшинства» и малая – традиция

«неразмышляющего большинства»[1], два потока мысли и действия, у каждого из которых были «своя» повседневность, свой строй жизни, свой распорядок поведения, четко разграничивающий «своих» и «чужих». «Размышляющее меньшинство» писало в создаваемых им источниках не только о собственной повседневности, но отчасти (а иногда и главным образом) о повседневности «чужих», усматривая в этом великую гуманистическую задачу. В результате, изучая комплекс источников по истории российской повседневности, мы обнаруживаем в нем не только взгляд «изнутри», но и взгляд «со стороны». «Неразмышляющее большинство» предпочитало саморепрезентироваться в фольклоре или источниках невербального характера.

После революции 1917 г. были попытки осуществить слом старых повседневностей и сформировать повседневность новую, единую, советскую, субъективной основой которой должны были оказаться «новые люди» – представители прежнего «неразмышляющего большинства». Как отмечает Н.Н.Козлова, эти люди оказались выпавшими из истории – у них не было воспоминаний, т. к. не было лип, под которыми прошло их детство[2]. Вместе с тем, они не особенно стремились припасть к неиссякаемому роднику коммунистической идеологии и насладиться прелестями социалистической культуры. Достаточно назвать довольно многочисленные свидетельства «пролетарских» детей начала 1920-х гг., заявлявших об их явном нежелании учиться[3]. На улице (и даже на фабрике) им было легче и лучше – а, между тем, их привычную повседневность пытались сломать!

Мощный откат в сторону децивилизации и упрощенчества в постреволюционные годы не мог не сказаться и на источниковом комплексе: повседневность «нового большинства» была столь убога, образ мира и стиль мышления столь ограничены, что нарративных источников из этой среды могло не появиться бы вовсе, если бы не специально провоцированные, продуцированные советской властью документы (воспоминания рабочих, крестьян или детей). Но эти «маленькие» тексты являлись лишь фрагментами огромного гипертекста, инициированного и по существу написанного самой властью.

Нельзя сказать, что субъективное начало здесь полностью

[1] ***Козлова Н.Н.*** Горизонты повседневности советской эпохи: (Голоса из хора). М., 1996. С.69.

[2] Там же. С. 72.

[3] *См.:* ***Зимилова Н.*** Орехово-зуевская рабочая аудитория // Коммунистическое просвещение. 1928. №5. С.43-46; ***Рыбников Н.А.*** Автобиографии рабочих и их изучение. М., 1930. С.49-51 и др.

отсутствовало, но оно находилось в подавленном состоянии, учитывая не только наличествующие идеологические установки, но и необходимость для авторов текстов действовать в условиях чуждого языкового поля. В результате возникали образцы так называемого «примитивного» («наивного») письма – документы внеписьменной культуры, написанные представителями этой культуры[1], людьми, для которых сама практика письма не являлась обязательной ни в профессиональной, ни в обыденной жизни и была исключенной из их повседневности. Здесь присутствовали и устойчиво сохранялись такие общие признаки «наивных» текстов, как клишированность изложения, в особенности при переходе от фиксации событий микропланового характера к освещению макроплановых явлений, примитивность письма, наличие фрагментов посторонних языковых дискурсов, парадоксальность и непредсказуемость выводов и умозаключений, деиерархизация текста. Однако, отдавая должное скупости, а подчас и беспомощности «примитивного» языка, заметим, что первоначально авторы текстов были довольно искренни и непосредственны в своем бытописании, хотя у многих из них явно присутствовало желание написать о чем-то «важном, значительном и главном» в своей жизни, куда довольно скудная на события повседневность, по их представлению, отнюдь не входила.

Что касается «старого» «культурного меньшинства», то оно тоже не было особенно склонно к откровенным рассказам о своей «устаревшей» и даже, в отдельных случаях, «контрреволюционной», по меркам новых понятий, повседневности. Если уж у советских людей существовали двойные биографии – биография «для себя» и биография «для других» и, соответственно им, две повседневности – новая, советская, к которой нужно было адаптироваться, и старая, подавляемая, тщательно скрываемая, то для чего было фиксировать это письменно и, таким образом, рассказывать об этом всем и каждому? Благоразумнее было молчать, что люди и делали. Поэтому гораздо более значительный круг мемуарной литературы по истории советской повседневности составляют воспоминания, созданные не синхронно, а через много лет после описываемых событий.

Помимо проблемы полноты, не менее актуальной при изучении источников по истории повседневности является проблема их достоверности.

В Российской империи все знали, что переписка перлюстрируется (вскрывается и прочитывается) почтовыми чиновниками. Читая письма, отправленные по официальной эстафете, и письма, полученные

[1] *Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* «Я так хочу назвать кино»: «Наивное письмо». Опыт лингво-социологического чтения. М., 1996. С.13.

с оказией, нетрудно заметить изменения в стиле письма одного и того же человека. Особенно это проявляется в коллекциях писем смешанного – частно-официального характера. Они лучше, чем частная переписка, сохранились в архивах, будучи включены в состав официального делопроизводства.

Другим важным моментом при изложении оценок, при описании каждодневной жизни, при выражении эмоций была реакция читателя. В тех случаях, когда мемуарист предназначал свои воспоминания для публикации, он неизменно учитывал читательские вкусы, например, пристрастие современников к развлекательному чтению, их интерес к «взрывам» рутины – праздникам, скандалам, криминальным происшествиям и т.д. Нет, мемуарист, как правило, не фальсифицировал события прямо, но о чем-то он умалчивал, считая это неинтересным, о чем-то говорил много и подробно, и у читателей складывалось впечатление, что это что-то и есть основная составляющая повседневной жизни.

На то, как воспринимали и оценивали люди ритм, структуру, события каждодневной жизни, влияли их возраст, их официальное положение и уровень образования, их пол, особенности характера и психики. Почти всегда создатель ego-документов мог бы заверить, что все, о чем он пишет, достоверная реальность, но исследователь должен иметь в виду, что любой текст – это индивидуальная и, следовательно, субъективная проекция действительности.

В советский период манипуляция общественным сознанием стала планомерно осуществляемой политикой, направленной на духовное развитие общества по заранее заданной схеме[1]. Внешне все выглядело вполне благопристойно. Была поставлена цель: сделать повседневную жизнь советского человека неповторимой, богатой, комфортной. На словах провозглашались весьма заманчивые перспективы и прекрасные лозунги, а на деле все было ориентировано на убогое и примитивное существование и ограниченные вкусы и потребности. Везде говорилось об изобилии и выдающихся достижениях в производстве продуктов питания и легкой промышленности, а в стране сохранялась жесткая система нормирования, людям нечего было надеть, в квартирах стояла самодельная мебель; строители великолепных зданий жили в бараках и коммуналках; рабочие, занятые в машиностроительном производстве, ездили на работу на трамвае и т.д. Все это неизбежно

[1]О манипуляции общественным сознанием в советский период и влиянии его на создаваемые исторические источники см. подробно: ***Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.*** Источниковедение. С.523-527.

порождало «двоемыслие», когда люди думали об одном, с близкими и друзьями говорили о том же, а в источниках, носящих публичный характер, писали совсем другое.

Такое моральное состояние общества неизбежно отражалось на документах личного происхождения: «не выговоренные до конца» мемуары, скрывающие горькую правду (термин В.В.Кабанова)[1], рассчитанные на немедленную публикацию дневники, полные фальшивых и лицемерно-восторженных лозунгов и высказываний, – документы, написанные с оглядкой по сторонам, с боязнью, как бы чего не вышло. 13-летняя девочка, подробно описав в письме бабушке и дедушке скандал между соседями по коммунальной квартире, где она живет (1954 г.), тут же переходит к восторженному повествованию об услышанной по радио речи Маленкова[2]. Что это – детская непосредственность или желание выделиться и обезопасить себя?

При обращении к ego-документам по истории повседневности исследователями был подмечен следующий интересный момент: при опросах люди абсолютно ничего не рассказывали о сталинских репрессиях[3]. Это вызвало удивление у ряда авторов: почему? Неужели респонденты были так далеки от политики? Неужели ничего о репрессиях не слышали и не знали? Неужели ничего их не коснулось? Уверены, что и слышали, и знали, и коснулось. Но наш опыт опроса показал, что представители старшего поколения до сих пор боятся касаться «запретных» тем, которыми их запугали с детства и ранней юности. Одна из респонденток (1910 г. рождения), вспоминая о том, что их семья была отнесена в 1920-е гг. к категории «лишенцев», спросила: «Сейчас, что ли, можно про это говорить?»[4]

Страх вошел в плоть и кровь советского человека, что отражалось на создаваемых им текстах. Люди сознательно или подсознательно не касались тех аспектов повседневности жизни, которые способны были повредить или разрушить их социальный образ. Поэтому, не желая выходить за рамки привычной идентификации, респондент табуировал некоторые сюжеты. Хотя вполне возможенбыл и обратный вариант: добровольно возложенная на себя маска жертвы (или маска борца) заставляла автора источника вновь и вновь

[1]Там же. С.526.

[2]Письмо Марины Обручевой, 1941 г. рождения. Архив авторов.

[3]См., например: Ленинград и ленинградцы 1930-х годов в интервью // На корме времени: Интервью с ленинградцами 1930-х годов. СПб., 2000. С.14.

[4]Воспоминания Екатерины Михайловны Савиной, 1910 г. рождения. Архив авторов.

обращаться к событиям «аномальной» повседневности (например, лагерной или военной), в ущерб событиям повседневности «нормальной», на которую, возможно, пришлась значительно большая (по хронологии, но не по значимости для данного индивидуума) часть его жизни.

Существенной, активно дискутируемой в современном источниковедении истории повседневности проблемой является проблема репрезентативности рассматриваемых источников, острота которой обусловлена самими условиями возникновения, существования и бытования этих текстов в культуре. Поскольку источники эти, как правило, максимально индивидуализированы, в том числе до уровня «маленького», казалось бы, мало кому интересного человека, то, естественно, возникает вопрос: может ли информация, извлеченная из данного текста, быть распространена на всю совокупность социально-экономических, общественных и культурных отношений эпохи? Может ли повседневный опыт одного человека быть экстраполирован на повседневную практику его современников, и если да, то в какой мере?

В решении этой проблемы исследователю помогает введение в научный оборот такого понятия, как «матрица повседневности»[1], под которой следует понимать наличие неких материально обусловленных, социально заданных параметров, ограничивающих пределы индивидуализации повседневной жизни. В этом смысле указанная матрица в той или иной мере всегда найдет отражение в источниковом комплексе, созданном в определенную историческую эпоху в определенных исторических условиях, хотели этого авторы документов или нет. За уникальной индивидуальностью каждого источника неизбежно прячется обобщенная типичность, за микрознанием – макрознание. Другое дело, что человеческая повседневность на каждом этапе развития общества четко структурирована и по вертикали, и по горизонтали, и здесь особое значение приобретает необходимость анализа источников по происхождению в самом широком смысле этого слова. Совершенно очевидно, что повседневность губернатора будет существенно отличаться от повседневности бурлака, а в повседневности историка мы найдем показательные отличия от повседневности балерины. При этом и сами источники, отражающие и фиксирующие эту повседневность, у вышеуказанных

[1] *Сенявский А. С.* Повседневность как методологическая проблема микро и макро-исторических исследований (на материалах российской истории XX века // История в XXI веке: Историко-антропологический подход в преподавании и изучении человечества. Материалы интернет-конференции // UPL<http://www. auditorium.ru.

авторов будут существенно разниться между собой и в содержательном, и в типо-видовом, и в структурном плане

Немаловажное значение имеет определение авторства источников по историко-демографическому признаку известно, что факты, оценки и сюжеты «детских» источников по истории повседневности кардинально отличаются от проблематики и проблемной приоритетности источников «взрослых», а «мужские» источники – от «женских» во всем, даже в стилистике и языке

Повседневность эпохи неизбежно отражается и в языке общества и, более того, непосредственно влияет на его изменения и развитие Поэтому лингвистические источники занимают особое место при изучении повседневной действительности Мы можем говорить о повседневных практиках письма городской и губернской бюрократии, о стереотипах, отражающихся в «площадном» языке, о городском фольклоре как отражении и как интеграционной части городских ритуалов Особая проблема – конструирование повседневности языком политических и административных распоряжений Мы неоднократно сталкивались с проблемой того, что прочтение и интерпретация понятий и терминов в XIX и даже первой половине XX века и их современная трактовка существенно различались между собой

Советская эпоха создала новый – русский политический – язык, известный в лингвистической среде как «lingua sovietica» Представляя собой совокупность дискурсивных практик, характерных для политического языка советского общества в целом, этот язык активно внедрялся сверху в бытующие повседневные разговорные практики советских людей, порождая в результате чудовищных языковых монстров, все более утверждавшихся в языковой повседневности и вытеснявшие «нормальную» человеческую речь Особенно очевидным это становилось тогда, когда пишущий или говорящий пытался вписать свою «маленькую» повседневность в контекст более высоких социальных структур, процессов и понятий

Для правильного прочтения, понимания и интерпретации многих источников по истории советской повседневности, в особенности документов личного происхождения, необходимо знание жаргона, т е лексики определенных социальных или иных объединенных общими интересами групп, содержащих много отличных от общего языка, иногда условных слов и выражений[1] Уже в годы первой мировой войны в быт и сознание российского населения все глубже стал проникать тюремный, блатной жаргон Впоследствии процесс

[1] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка М , 1973 С 174

этот еще более усилился. Да иначе и быть не могло в стране, где, по словам В.В.Кабанова, одна половина населения сидела, а другая стерегла ее[1].

Живая речь может быть представлена в виде аудиоматериалов, т.е. зафиксирована в виде звукозаписи, составив категорию фонодокументов. Не умаляя значения этого источника, заметим, что в преобладающем большинстве своем такие записи носят организованный характер, что лишает их непринужденности и насыщает излишним самоконтролем со стороны говорящих.

Перед исследователем истории повседневности стоит проблема выявления и включения в научный оборот максимально широкого комплекса источников, гармоничного сочетания документов макро – и микроуровня, поскольку если обращение к первым способствует воссозданию общей структуры повседневности, то использование вторых облекает ее в живую плоть, воссоздает дух и атмосферу повседневной жизни эпохи. Мы широко использовали такие разновидности источников, циркулирующих в сфере социальных коммуникаций, как лозунги, транспаранты, плакаты. Реклама имеет особое значение при изучении сюжетов, которые связаны с формированием потребительских вкусов населения, а также уровня и качества повседневной жизни горожанина.

Расширение источниковой основы исследований по истории повседневности провинциального города возможно как за счет привлечения новых, нетрадиционных источников, так и за счет извлечения новой информации из «старых», то есть давно и прочно вошедших в научный оборот, документов, но анализируемых уже с иных позиций. Остановимся на некоторых группах источников, исследование которых играет, по нашему мнению, особую роль в изучении истории повседневности[2].

Огромное значение при изучении истории повседневности имеют вещественные источники. По существу все они являются непосредственным отражением и воплощением повседневной практической деятельности человека. Мир прошлого и настоящего – это, прежде всего, мир вещей. Они определяют место личности в обществе и могут быть рассмотрены как инструмент индивидуальной

[1] ***Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.*** Источниковедение. С.511.

[2] Развернутую характеристику отдельных типов, видов и разновидностей источников по истории России см.: ***Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.*** Указ.соч.; Источниковедение новейшей истории России. М., 2004. Эти учебные издания обобщают и практически воплощают новейшие подходы в области источниковедения отечественной истории.

и групповой социализации. В семиотическом контексте вещи обладают ярко выраженным знаковым содержанием, которое как бы кодирует принадлежность к той или иной социальной группе[1]. Вместе с тем, они не просто «зеркало» реальности. Вещи властно диктуют стиль поведения человека и, в конечном итоге, определяют психологическую установку личности. Они позволяют отличать «своих» от «чужих», «наших» от «не наших».

Так, например, весьма важную роль при выборе социальной ориентации человека играла его одежда – мундир чиновников различных ведомств, студентов, гимназистов, костюмы социальных и этнических групп, специфические «возрастные» и «гендерные» аксессуары. Императорская Россия была одета в форменную одежду. Детали этой одежды были тщательно прописаны в законах и опубликованы в виде приложения к «Своду законов Российской империи». Изменения нашивки на отворотах рукава или воротнике очень о многом говорили на языке «чиновного мира». А человек в «партикулярном платье» зачастую воспринимался как человек «вне системы» и едва ли не «вольнолюбец».

В революционной России образца 1917 г. появились знаковые образцы революционной моды, восходящей к форменной одежде летчиков и шоферов периода первой мировой войны. Параллельно в первые годы Советской власти произошло своеобразное «раздевание» человека: в обществе, провозгласившем всеобщую эгалитаризацию, быть хорошо одетым стало немодно и непрестижно. Да и у редких людей в то время была такая возможность. Антисексуализм, стремление к внешнему единообразию пропагандировались во всем – начиная от унификации женской одежды и кончая стрижками «под мальчика» и отсутствием всякой косметики.

К сожалению, вещественные источники время уничтожает едва ли не беспощаднее, чем тексты, особенно во времена социальных катаклизмов. Атрибуты «прежней», «старой» жизни очень быстро исчезали из советской повседневности: многое было реквизировано большевиками, многое – потеряно при поспешном бегстве от новой власти, остальное – продано или выменено на хлеб. В современных семьях рядовых россиян почти не сохранилось вещей XIX века. А в музейных фондах осели вещи отнюдь не рутинные, а, как правило, выходящие за пределы повседневности – необычные своим редким качеством или уникальные, «штучные» произведения художественно-прикладного творчества. И в этом смысле быть свидетельствами повседневности они не могут.

[1] *Об этом см.: **Лебина Н.Б.*** Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930-е годы. СПб., 1999. С.205.

Более того, исследователь нуждается не в отдельных предметах быта, а в изучении «системы вещей». Его интересует не художественная ценность или номинальная стоимость вещей, а их связи между собой и с человеком. С этой точки зрения едиными источниковыми комплексами представляются мемориальные дома-музеи. В Казани их несколько: дома и квартиры-музеи академиков Арбузовых, дворянского рода Боратынских, татарского поэта Мусы Джалиля, композитора Назиба Жиганова. Здесь вещи хранятся в «естественном» окружении, в «правильном» сочетании с современным им архитектурным и жилищным дизайном.

Переход от дома как ареал-минимума повседневного пространства к поселению (в частности, городу) как его ареал-максимуму показывает, что сам город – его улицы, площади, дома, памятники, парки и скверы – являются важнейшим источником не только при изучении истории города или истории архитектуры, но и при реконструкции исторического прошлого в целом и отдельных его вех, событий и эпизодов. «Архитектурный подход» является во многом определяющим при изучении истории городской повседневности.

Незаменимыми и весьма многочисленными источниками по истории повседневности являются визуальные источники – картины, скульптуры, статуэтки, рисунки на посуде и тканях, графические зарисовки, гравюры, литографии, карикатуры, шаржи, фото- и кинодокументы. Их репродукции опубликованы в каталогах художественных выставок, альбомах музеев и приложены в качестве иллюстраций к искусствоведческим исследованиям[1].

Конечно, в интересующее нас время таких художественных текстов было больше, и не все они дошли до нас. Об их существовании (например, о том, какие «картинки» висели на стенах городских изб и постоялых дворов, какой декоративной живописью были расписаны интерьеры особняков, какие декорации украшали подмостки театров, какие фейерверки сопровождали праздники, какие визуальные развлечения услаждали взор собравшихся на

[1] ***Сомов А.П.*** Картинная галерея имп. Академии художеств: Каталог оригинальных произведений русской живописи. СПб., 1872; ***Исаков С.К.*** Имп Академия художеств. Музей. Русская живопись: Каталог. Пг., 1915; ***Федоров-Давыдов А.А.*** Русский пейзаж XVIII-начала XIX века. М., 1953. С.365-581; ***Комелова Г.Н.*** Сцены русской народной жизни конца XVIII – начала XIX века. Л., 1961; Русская видовая гравюра. Петербург-Ленинград: Каталог. Гос. Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Л., 1965; Жанровая живопись XIX – начала XX века. М., 1964; ***Гончарова Н.Н.*** Е.М.Корнеев. Из истории русской графики начала XIX века. М., 1987. С.209-378; ***Турчин В.С.*** Александр I и неоклассицизм в России: Стиль империи или империя как стиль. М.. 2001.

гуляния горожан) мы можем судить лишь по сохранившимся литературным описаниям.

Почти у каждой современной семьи есть свой архив, составленный из разного рода свидетельств – писем, дневников, воспоминаний, документов, благодарностей, кубков и т.д. Но после того, как фото-, кино- и видеокамеры, звукозаписывающие устройства, компьютеры и цифровые аппараты стали массовым явлением, в семейных архивах значительно выросла доля визуальных и звуковых источников. Глубина памяти при этом, к сожалению, почти не увеличилась: большинство семей располагает документами от силы двух-трех и не более поколений.

К тому же в семейных видеодневниках или видеомемуарах, как и в их текстовых аналогах, есть общая видовая матрица. Они составлены в основном из снимков с единым сюжетом, выполненных в узнаваемых местах – на службе, во время праздничных застолий, в ходе путешествий. Мало сохранилось фотографий, на которых люди были бы запечатлены в повседневной обстановке. Между тем, именно такие снимки гораздо информативнее с точки зрения изучения истории повседневности. Однако, как правило, они носят любительский характер, а отсюда – их низкое качество, что довольно быстро возводит их в категорию «угасающих» источников.

На официальных снимках достоверно отражен внешний облик сфотографировавшегося человека, его одежда (обычно – парадная). Но, как правило, при этом имеет место высокая степень стереотипизации изображения советского человека. Так, Т. Дашкова выделяет четыре основных иконографических типа человека на основе анализа фото- и изоматериалов массовых советских журналов 1930-х гг.: «Многоголовые портреты», «Женщина – станок (женщина-диаграмма)», «Массовки» и «Безлюдные кадры»[1]. Для них характерны: обезличенность (в прямом и переносном смысле), акцент на людской массе, в которой растворен индивид, «портретирование» машин без людей. Все это рождает болезненное ощущение «нехватки человека».

Аналогичные проблемы возникают и при анализе кинодокументов как исторического источника, профессиональных и любительских фильмов. Заметим, что необычайно наглядно повседневность отображена в фильмах художественных. Однако здесь необходимо принимать во внимание, что во многих советских игровых фильмах имела место лакировка повседневности, ее приукрашивание,

[1] ***Дашкова Т.*** «Работницу — в массы»: Политика социального моделирования в советских женских журналах 1930-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. №50. С.184-192.

а в постсоветских зачастую встречаются явные ошибки при отображении деталей повседневности и быта предшествующих поколений советских людей.

Повседневными сюжетами активно и квалифицированно занимается сегодня такое направление в современной исторической науке, как устная история. Устные источники занимают особо важное место именно в повседневной жизни, служат едва ли не основным коммуникативным каналом передачи повседневной информации. «Одна из самых важных черт устной истории – ее способность создавать источник там, где его до сих пор не существовало, следовательно, создавать историю на всех уровнях, включая в нее новые истории, сюжеты, типажи, события, факты, которые раньше не могли быть исследованы из-за отсутствия источников»[1].

Существенную часть устных источников по истории повседневности составляют устные воспоминания и интервью участников, очевидцев и современников событий. К сожалению, таких интервью по истории провинциальной повседневности Среднего Поволжья практически не сохранилось, поэтому мы вынуждены были провести определенную работу по созданию такого рода источников, в которой нам оказали большую помощь студенты исторического факультета Казанского государственного университета.

Уже самим кругом задаваемых респондентам вопросов интервьюеры довольно четко ограничили тематику интервью – в центре их внимания должна была стать не политическая ситуация в СССР в 1920 -1960-е гг., а повседневная жизнь рядовых граждан российской провинции. Кстати говоря, это изначально предполагало и выбор круга опрашиваемых: люди «обыкновенные», «простые», они с гораздо большей достоверностью и осведомленностью могли поведать о событиях рутинно-бытовых, повседневно-событийных, нежели о фактах «высокой политики», от которой они, в силу своего социального статуса, были весьма далеки. Смещение таких людей с «горизонта индивидуальной жизни» было чревато для исследователей большими, а в ряде случаев и непреодолимыми трудностями преодоления стереотипизации и излишней мифологизации полученных текстов. Вопросы, задаваемые респондентам, были строго выверены, унифицированы, а главное – мы стремились, чтобы они были понятны тем, к кому они обращены (что немаловажно, учитывая возраст всех без исключения и культурно-образовательный уровень большинства опрашиваемых).

[1] *Хубова Д.Н.* Устная история «VERBA VOLANT...?» М., 1997. С.5.:

Богатый фактический материал, содержащийся в ответах, позволил заметно приблизиться к решению двух основных, по нашему мнению, проблем. Во-первых, показать постепенный процесс превращения старой губернской Казани в новый, социалистический город – город коммуналок и новых рабочих районов, рабфаков и ликбезов. Во-вторых, проследить сложнейший процесс трансформации качества жизни советского человека в новых условиях и адаптации жителей провинциального города, среди которых были и мигранты-переселенцы, и люди «из бывших», к новым условиям своего существования. И те, и другие, по существу, являлись «мигрантами социальными»: географическое пространство их существования могло сохраняться, могло изменяться на микро- или макроуровне, но социальное менялось кардинально. Подобно реальным мигрантам, они вынуждены были оставить привычный стиль жизни и адаптироваться к новым социальным условиям. Особенно интересны те интервью, которые свидетельствуют о желании совместить новые нормы и ценности с прежними привычками и традициями, сохранить «осколки старой жизни», и это вполне естественно, поскольку процесс адаптации был длителен и сложен.

В целом же картина «городского мира» Казани 1920-1960-х гг. предстает со страниц интервью интересной и разнообразной. Добиться этого было непросто. Круг опрашиваемых составили люди преклонного возраста, родившиеся в 1910-1930-е гг. Это потребовало особой методики и, мы бы сказали, особого такта при опросе респондентов. Помимо обычного забывания, постоянно приходилось учитывать специфику «памяти пожилых»: стремление мифологизировать прошлое и, в особенности, себя в прошлом, скрыть некоторые факты своей биографии, наличие известного в психологии феномена «старческого кокетства». В ряде случаев имело место явление «наложения» и «сдвига» воспоминаний, когда события более поздние переносились на более ранние сроки и наоборот. Опыт работы с этой категорией информантов показал, что зачастую проблемой является просто убедить этих людей говорить, в какой-то мере осмысливать свой собственный опыт и не слишком отклоняться от темы в дебри общих рассуждений.

Разумеется, факты, полученные из интервью, нуждались в проверке, поэтому была проведена большая работа по уточнению, переспрашиванию, верификации сведений, в том числе и с использованием документальных материалов. Безусловно, для получения фактической информации о провинциальной повседневности существуют и другие источники, подчас даже гораздо лучшие с точки зрения насыщенности и упорядоченности

содержащейся в них информации. Однако достоинство устных источников заключается в возможности запечатлеть чувства, мысли, настроения людей, их отношение к событиям – то, что приближает историю к жизни да фактически и делает ее таковой.

Другой важной разновидностью устных источников по истории городской повседневности являются слухи и сплетни. Заметим, что ни в коем случае нельзя исключать слухи из общего информационного пространства по причине их априорной недостоверности, но необходимо применять к ним особые, специфические методы и приемы источниковедческого анализа. Подчас именно слухи являются единственными источниками информации об отдельных аспектах городской жизни. Слухи бывают порождены, как правило, недостатком информации, сопряженным с желанием получить ее, со столь распространенным у людей наивным стремлением выдать желаемое за действительное, но иногда слухи распространяются умышленно, специально, с целью исказить реально существующие события, «подправить» их в соответствии с собственными потребностями и интересами. Таким образом, слух есть источник по истории своего времени, позволяющий раскрыть особенности общественного сознания своей эпохи, и поэтому как от источника от слухов отказываться нельзя.

К устным источникам весьма близки произведения фольклора – анекдоты, частушки, поговорки, легенды, городские песни и романсы. Иногда граница между ними условна: слухи могут превратиться в легенды, мифы, легенды – лечь в основу городской песни и т.д. В фольклорных произведениях очень четко (иногда в сатирически-гротесковой форме) отражается «портрет времени», особенно повседневность.

При ее изучении нельзя обойтись и без таких источников, как художественная проза и поэзия. Не отрицая высокой информационной значимости профессиональной художественной литературы, отметим особое значение произведений непрофессионального художественного прозаического и особенно поэтического (в силу несравнимо более высокой своей распространенности) творчества для реконструкции истории повседневности и особенно ее понимания и восприятия современниками. Нередко в таких произведениях была четко отражена и расписана вся программа жизни человека:

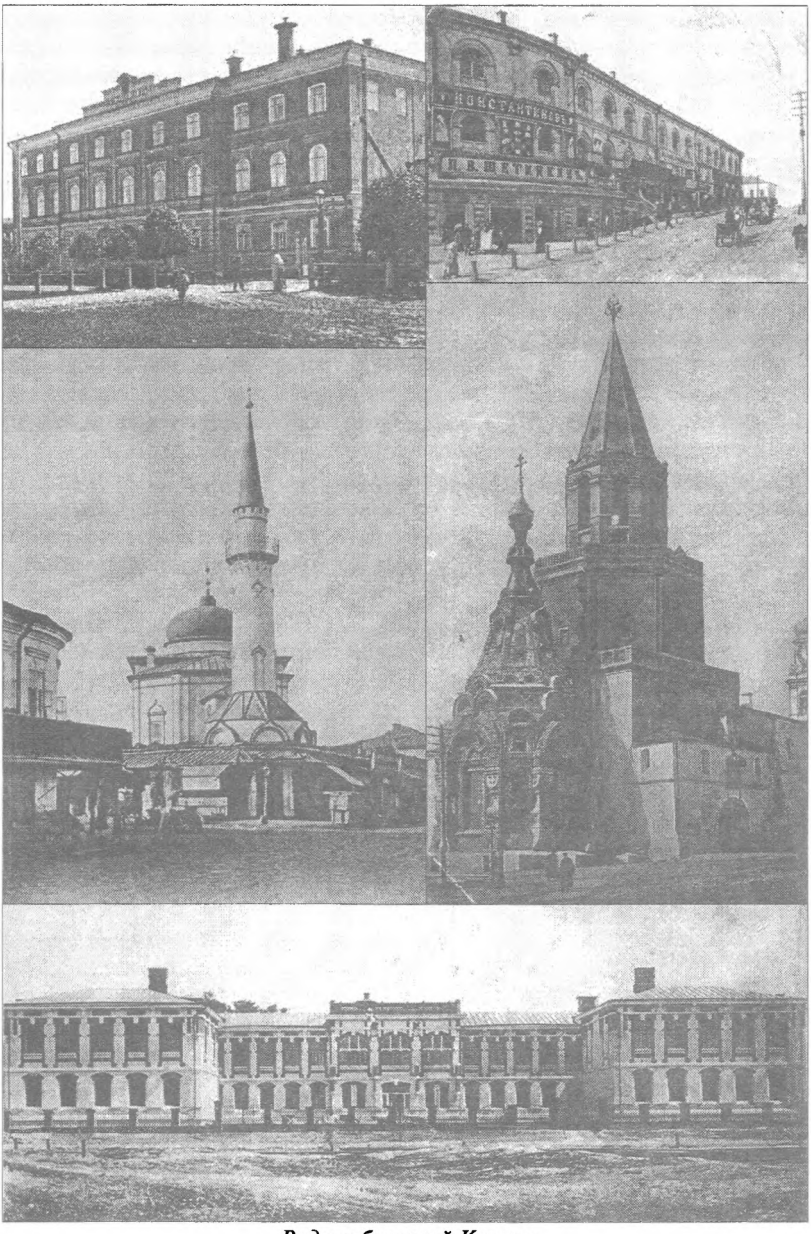
«Спи, младенец мой прекрасный – / Баюшки-баю. / Тихо смотрит месяц ясный / В колыбель твою. / Твой отец убит на фронте, / Матушка больна. / И тебя советской власти / В ясли отдала. / Подрастете, отдадим вас / К старшим в детский сад. / В ясли снова

наберем мы / Маленьких ребят. / В восемь лет / Вас в трудовую школу отдадут. / Труд, науку, жизнь иную / В школе вам привьют. / В клубе юных коммунистов / Маркса вам прочтут, / Там научитесь вы целью / Жизни ставить труд. / Ты, мой маленький малютка, / Много книг прочтешь. / Полный силы, с капиталом / На борьбу пойдешь. / Будешь пламенно к победе / Братьев призывать. / Путь твой светлая идея / Будет освещать. / Дам тебе я на дорогу / Ленина портрет. / Не молись ты больше Богу, / Бога больше нет. / Для побед идей прекрасных / Жизнь отдай свою. / Спи пока спокойно в яслях, / Баюшки-баю»[1].

Как видим, такие произведения зачастую наделялись ярко выраженными архетипическими чертами и вплотную смыкались с фольклором.

Таким образом, видовое и содержательное многообразие источников делает возможным реконструкцию «повседневностей» российских/советских людей во всем их единстве и общности, но, вместе с тем, непохожести и противоречивости. Адекватное герменевтическое прочтение имеющихся в распоряжении исследователей вербальных и невербальных текстов, верификация содержащихся в них сведений, сопоставление источников между собой, комплексный подход к их анализу позволяют представить повседневную жизнь прошлых эпох такой, какой она и была в действительности, с учетом всех ее нюансов, тонкостей, колорита и духа каждой эпохи.

[1] Детская жизнь. 1922. №1. С.6-7.



Виды губернской Казани

Глава 3.

Пространство повседневности губернского города

Особенности повседневности слабо осознаются жителями той или иной местности, особенно в периоды «большой длительности», когда изменения в быту, образе, стиле и качестве жизни растяжимы во времени. Такие изменения острее испытывает человек путешествующий, попадающий в иную среду – с ее пространством, темпом, языком и формами проявления. Поэтому имеет смысл посмотреть на культурное пространство губернской Казани глазами путника.

Исторически Казань вошла в состав Русского государства в результате военной победы над сильным соседом – Казанским ханством. В начале XIX века ее наличие в короне Российской империи осознавалось современниками как трофей и как свидетельство политического величия России. В экономическом и административном отношении Казанская губерния воспринималась как своего рода «внутренняя окраина» империи[1].

Поскольку столичные чиновники видели в Казани центр Евразии, пограничный город, окно на Восток, это сказалось на наделении города особыми административными и образовательными функциями. В течение столетия Казань стала сначала центром учебного и духовно-учебного, а затем – военного и судебного округов. В первой половине XIX века именно Казань рассматривалась официальным Петербургом как посредник в отношениях России с мусульманским Востоком. Во второй половине столетия в результате расширения имперских границ на восток и юг на ментальных картах Казань сместилась в центр страны и стала одним из губернских городов центра империи.

Восприятие Казани, ощущение особенностей ее повседневной жизни начиналось у путешественника задолго до прибытия в

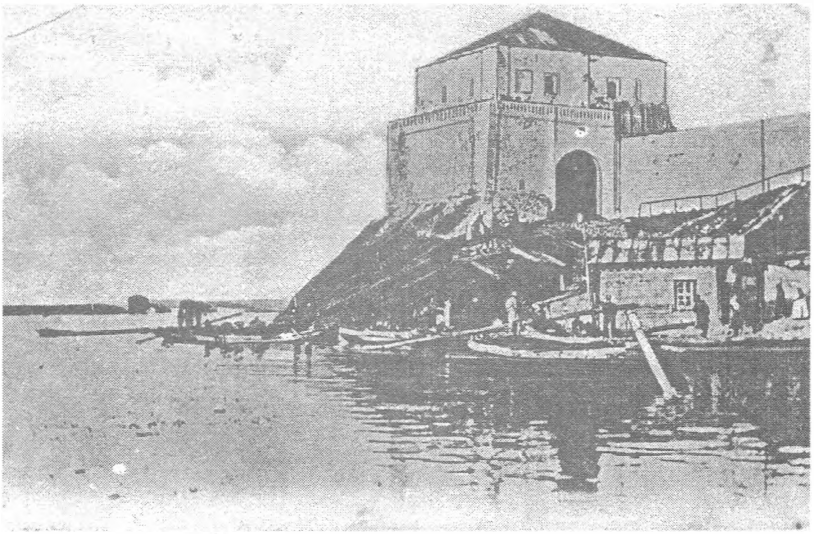
[1]Цит. по: ***Загидуллин И.К.*** Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань, 2000. С.99.

город. Дорога к нему была полна трудностей и неожиданностей. Она как бы заранее готовила гостя к будущей встрече с городом, настраивала на определенное «прочтение» и интерпретацию увиденного. Например, профессор И.Литтров, приглашенный в 1810 г. в Казанский университет из Кракова, проделал долгий и тяжелый путь до места предстоящей службы. Свои впечатления он изложил в изданных в Австрии мемуарах «Bilder aus Russland»: «Когда 2-го февраля пришел я на почту, почтмейстер (вероятно, смотритель станции – *авторы*) сказал, чтоб я явился к нему завтра, так как сегодня лошадей нет – все в разгоне. Пришел я на другой день, но он был так пьян, что едва ворочал языком. Когда я снова явился поздно вечером, мне велели прийти 4-го и пораньше утром. Но в ночь приехал какой-то офицер, прибил почтмейстера и силою отнял лошадей, которые были оставлены для меня. На мою угрозу, что я буду жаловаться губернатору, почтмейстер только отвечал смехом. Тогда я решился действовать иначе. После подарка в три рубля, он обещал 5-го, в полдень, непременно дать мне лошадей, но как только я явился за ними, оказалось, что какой-то помещик уже забрал их себе. Я сослался на свои три рубля, но помещик со смехом уверял меня, что он дал почтмейстеру десять, и добавил, что кто лучше смазывает, тот лучше и едет. Я вздумал было нанять вольных, но с меня запросили 40 рублей только до первой станции... Я считаю долгом прибавить к этому, что то же случается со многими, почти со всеми, за исключением военных, которые силою умеют настоять на порядке»[1].

Дорога знакомила иностранцев с бытовыми нравами россиян. Примечательно, что рассказ Литтрова у его российских попутчиков вызывал только приступы смеха. Ему советовали выучить несколько бранных выражений и настаивать на своем с помощью палки. Страх ученого, что его побьют, вызывал улыбку и высказывания типа: «не знаете Вы русских». В результате проделанного путешествия у Литтрова сложилось впечатление, что ему предстоит жить в диком, не тронутом цивилизацией крае, и это породило ощущение бедственности и безнадежности его положения. И в дальнейшем, что бы ни происходило с ним в Казани, все воспринималось им как еще один удар судьбы.

Другой прибывший в 1824 г. в Казань преподаватель, И.И.Лажечников, вспоминал о дороге в город иначе: «Во время пути меня окурял, как будто против миазмов, ожидавших меня в Казани, медовый аромат гречневых полей, расстилавшихся на

[1]Цит. по: ***Булич Н.Н.*** Из истории первых лет Казанского университета. Ч.2. Казань, 1879. С.110.



Тайницкая башня Казанского Кремля

несколько десятков верст. По нескольким станциям я мчался как вихрь на лихих татарских конях, управляемых бешеным татарином-ямщиком»[1].

Путешественник, прибывавший в Казань из европейской части империи, должен был переправиться через Волгу. Это обстоятельство делало доступ в город еще более затруднительным. Зимой, по санному пути, пересечь реку было нетрудно, разве что ветер заледенит лицо. А вот весной и осенью, под порывами ветра, Волга превращалась в бушующее водное пространство. А.И.Герцен, следовавший в апреле 1835 г. через Казань в пермскую ссылку, вспоминал: «Когда мы подъехали к Казани, Волга была во всем блеске весеннего разлива: целую станцию от Услона до Казани надобно плыть на дощанике, река разливалась верст на пятнадцать или больше. День был ненастный... Установили мою коляску на небольшом дощанике, и мы поплыли... И вдруг утихшая буря снова усилилась, нас несло с такой силой... Положение было неприятное. Впрочем, татарин сумел направить дощаник на мель»[2].

[1] ***Лажечников И.И.*** Как я знал М.Л. Магницкого // ***Лажечников И.И.*** Басурман. Колдун на Сухаревой башне: Очерки-воспоминания. М., 1991. С.482.

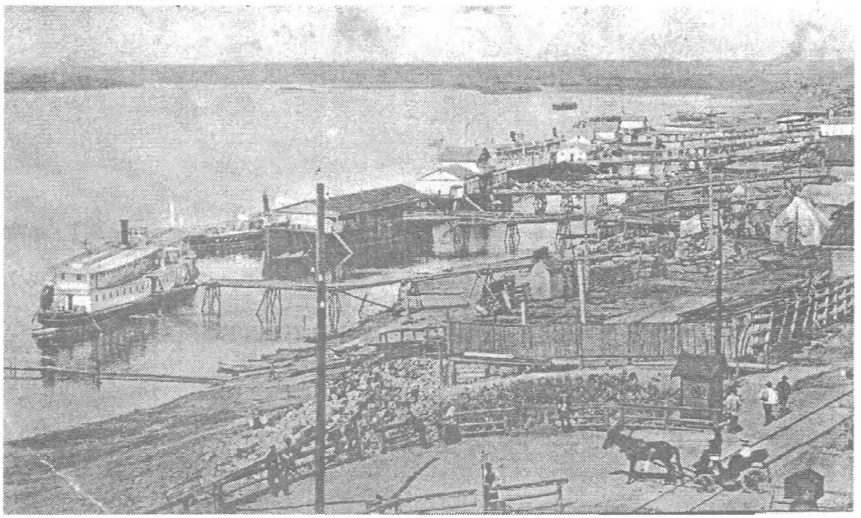
[2] ***Герцен А.И.*** Былое и думы. СПб., 1864. С.421.

Волжская пристань

Упоминаемый в мемуарах Герцена дощаник до 1830-х годов был единственным средством переправы через Волгу. Он представлял собою «широкую, сажени в две или три с половиною и длиною сажень в пять-шесть плоскодонную лодку, с весьма низкими бортами... никакой палубы и никакого навеса на таком дощанике не делалось; лавочек тоже не было, кроме двух или трех, помещавшихся в носовой части для гребцов; только на корме дощаника приделывался род палубы – это нависшая над водою сзади дощаника, открытая ровная площадка; площадка эта предназначалась для привилегированных пассажиров». «На этой же площадке, – вспоминал далее Э.П.Янишевский, – верхом на длинном бревне с лопастью на конце, представляющую собой навес или руль, помещался кормчий; при каждом повороте руля пассажирам, сидящим на площадке, приходилось нагибаться, чтобы руль не задел за голову; но это не беда, потому что во время пути обыкновенно не сидят, а лежат и не мешают движению рулевого»[1].

О том, сколь опасной была волжская переправа, вспоминала и А.Я.Панаева. «Теперь съездить в Казань ничего не стоит, – писала она в конце XIX столетия, – а тогда (в 1839 г. – *авторы*) это было продолжительное и небезопасное путешествие; переправлялись через реки в дырявых барках или на паромах. Мы чуть не утонули, когда поднялась на Волге буря и нас понесло бог весть куда от

[1] ***Янишевский Э.П.*** Из воспоминаний старого казанского студента Казань, 1893. С 75



Устье

пристани, потому что перевозчики струсили, бросили весла, руль, стали плакать и молиться. Нас спас ямщик-татарин, который не только ругал перевозчиков, заставляя их грести, но даже бил их, а сам управлял рулем»[1]. Русское население Казани считало татар лучшими ямщиками, паромщиками, проводниками. Потому, отправляясь в дальний или короткий путь, каждый стремился взять в сопровождающие татарина.

В конце XVIII века путешественники въезжали в город через караульную избу. В ней несли дневной и ночной караул выбранные из городских обывателей сотники и десятники, вооруженные дубинками. В ночное время въездная улица закрывалась деревянной рогаткой, прикрепленной одним концом к колесу, а другим к столбу с болтом. На многих городских улицах тогда были ворота, которые на ночь запирались живущими поблизости от них жителями.

В XIX веке путники попадали в город уже через заставу, расположенную на одном из почтовых трактов, пересекавших город: Московском (ныне ул. К. Цеткин), Оренбургском (одноименное название) или Сибирском (ныне улицы Н. Ершова и Сибирский тракт). Московская застава располагалась у начала Адмиралтейской дамбы, ведущей к Устью (место Дворца спорта), Оренбургская – в

[1] ***Панаева А.Я.*** Воспоминания. Л., 1927. С.98.

конце Суконной слободы (ныне ул. Эсперанто), Сибирская – около Варваринской церкви. Обычно при заставе находилась караульная, где въезжающий должен был записать, «кто он и откуда». После этого караульный поднимал шлагбаум и пропускал путника в город. Шлагбаумы исчезли только в конце XIX века после появления в Казани железнодорожного вокзала.

Человек, приехавший в Казань в начале XIX столетия, оказывался в губернском городе с 30-тысячным населением, расположенном в двух неделях безостановочной верховой езды от Петербурга[1]. В представлениях людей того времени Казань ассоциировалась с мусульманским Востоком. Экзотический колорит восточного города привлекал путешественников, волновал их воображение, оживляя в памяти образы и сюжеты восточных сказок.

Вытерпев тяготы нелегкой дороги, прибывший в Казань путешественник бывал, однако, нередко разочарован. Так, приехавший в город в 1805 г. 19-летний Ф.Ф.Вигель впоследствии заверял современников, что Казань утратила мусульманское своеобразие и стала походить на не очень удачную копию Москвы. «Казань сколько могла старалась рабски все перенимать у Москвы..., – писал он в воспоминаниях , – также кремль, также древние соборы и храмы, в одном стиле и современные московским церквам... Купцы, чиновники и мелкие дворяне, так же как в Москве за Москвой-рекой и за Яузой, жили здесь за Казанкой и Булаком»[2]. За три недели пребывания в городе юноша, стремившийся не соскучиться и испытать максимум удовольствий, вероятно, не смог понять организацию городского пространства Казани. Его жизнь сосредотачивалась в дворянском центре, а потому его суждения были поверхностны, что вообще свойственно первому впечатлению приезжего. Такое же разочарование испытала побывавшая в начале XIX века в Казани французская аристократка принцесса Тарентская. В путевом дневнике она писала: «Вот я и в Казани, что меня поражает, так это то, что здесь, как и повсюду, нет ничего азиатского, а все европейское»[3].

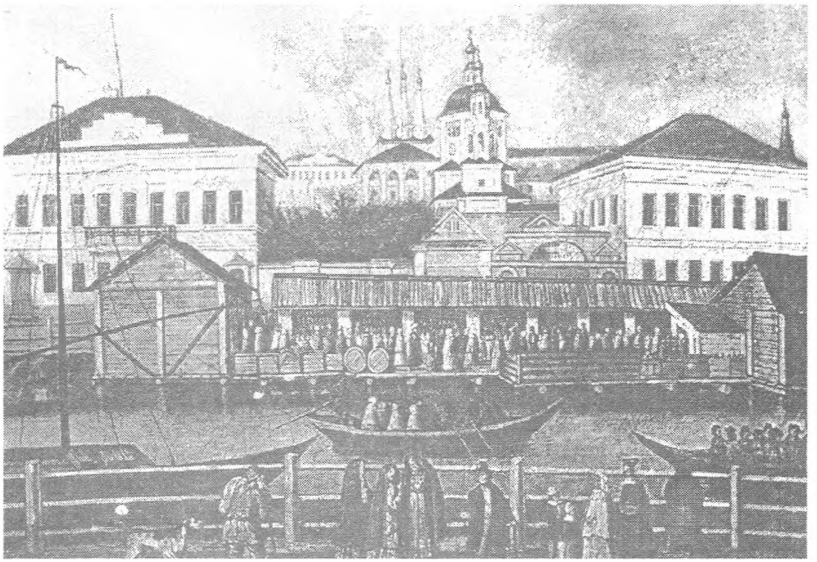
Менее привередливый путешественник мог удовлетворить свое любопытство и ожидания тем, что находил в похожем и обыденном элементы инаковости. Въезжая в город, герой повести В.А.Соллогуба «Тарантас» восклицал: «Казань... Татары... Восток!.. Иоанн Грозный... бирюза, мыло, халаты... Казанское царство...

---

[1] *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования: Т.1. Казань, 1902. С.52.

[2] Воспоминания Ф.Ф.Вигеля: Ч.2. М., 1864. С.132.

[3] ГАРФ. Ф.706. Оп.1. Д.9. Л.5.

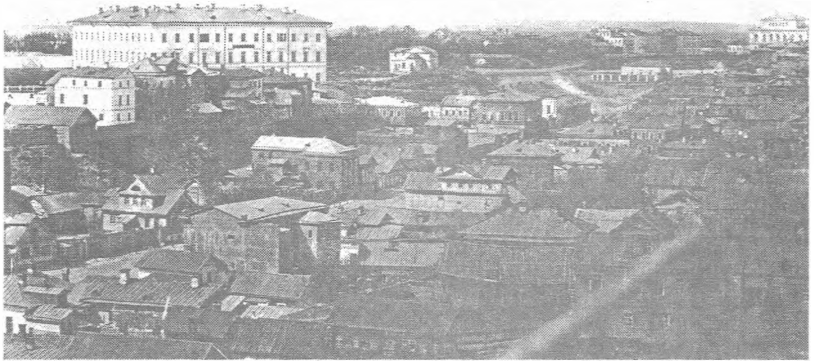


Вид Булака

Преддверие Азии»[1]. Эти восторженные фразы как нельзя лучше отвечают стереотипному представлению о городе, сложившемуся у российского обывателя. И жители Казани старались оправдать надежды путешественника. В гостиничный номер приезжего буквально ломились татарские офени, наперебой предлагая азиатские и местные товары, перемежая в своей быстрой речи татарские и русские слова.

Проживший много лет в Казани (причем в районе пограничья русского и татарского населения) немец К.Фукс смог внимательнее присмотреться к повседневной жизни мусульманского населения города. В 1844 году он издал книгу с описанием результатов от таких наблюдений. «Казанские татары, – писал он, – в течение трехсот лет от их покорения, сохраняют еще так много собственного, национального, что заслуживают особенного внимания наблюдательного этнографа. Они всегда живут довольно отдельно от русских и от других их окружающих племен, перед которыми они стараются, даже и ныне, поддержать то преимущество, каким отличались некогда их предки. Они гордятся своим происхождением, своими моральными

[1] ***Соллогуб В.А.*** Тарантас. Путевые впечатления. СПб. 1845. С.243-244.



Рыбнорядская улица

качествами, своей религией, своим домашним бытом, что все составляет их характер»[1].

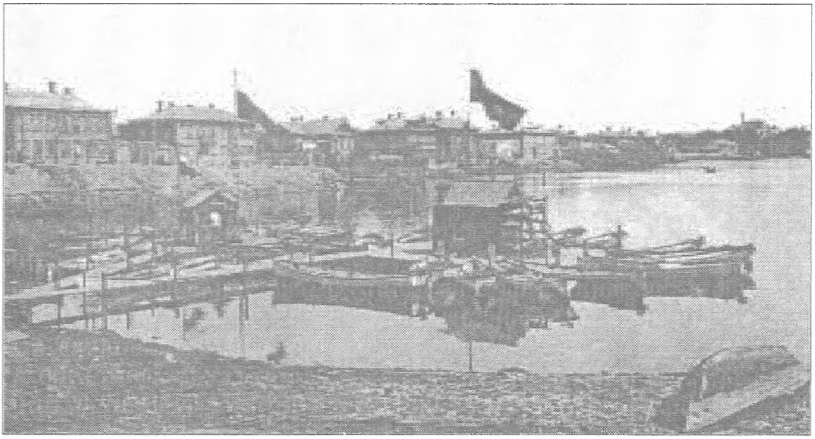
В большинстве же случаев проезжающий через Казань путник оказывался погруженным в повседневность русской части города, причем именно той его части, которая соответствовала его социальному и материальному положению. И этим определялся характер впечатлений, зафиксированных в текстах путешественников. Так, А.И.Герцен, проехав по казанским улицам, записал: «Строения довольно чисты; главные улицы красивы; на них все живо; везде толпятся, кричат, шумят... Словом, везде вы видите большой город, исполненный жизни, центральный своего края, торговый и, что всего важнее, город двуначальный – европейско-азиатский»[2]. А вот винный откупщик Кокорев свое посещение Казани вспоминал иначе: «Бывало, если приедешь в Казань ночью, со стороны Нижнего, в Ягодинскую слободу, то и сиди тут до утра... Между городом и слободою четыре версты, но это пространство не думай переехать ночью: ямы, овраги с водой, грязь невылазная»[3].

Природный ландшафт придавал Казани причудливое своеобразие. Город лежал на нескольких довольно крутых холмах

[1] ***Фукс К.*** Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях // Фукс К.Ф. О Казани, Казанском крае. Казань, 2005. С 144

[2] Знаменитые люди о Казанском крае. Казань, 1987. С.66.

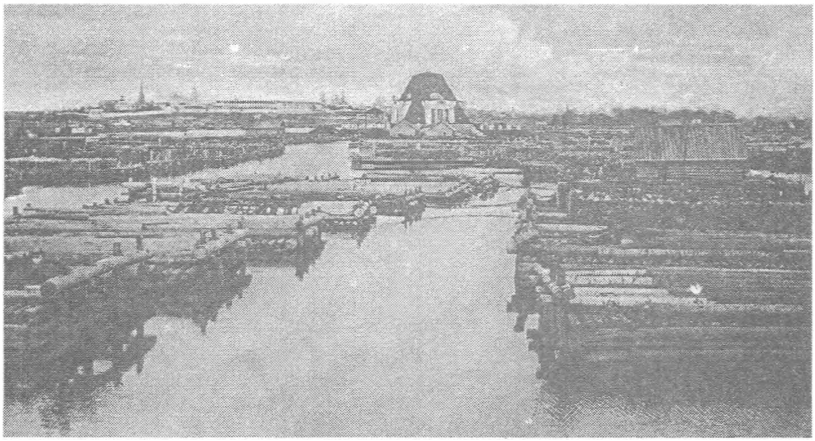
[3] ***Загоскин Н.П.*** Спутник по Казани. Казань, 1895. С.558.



Лодочная пристань на озере Кабан

по левому берегу Волги, в том месте, где в нее впадала петляющая речка Казанка. Кроме рек, водное пространство города образовывали цепь озер (Банное, Черное, Поганое), расположенных под склоном кремлевского холма (в XIX веке на их месте был разбит парк), и речная протока под названием Булак – по другую его сторону. Узкий и часто пересыхавший Булак («тинный», как его называли казанцы в XIX веке) соединял Казанку с озером Нижний Кабан. Тянущиеся за Нижним озера Средний и Верхний Кабан составляли рекреационную зону города. Водные пространства играли активную роль в жизни казанцев. Они служили транспортными артериями, были зонами отдыха и развлечений. Иногда они становились и источником бедствий.

В весеннее половодье город менял свой облик. Волга и Казанка разливались, затопляя его низменную часть. Современник так описал картину, открывшуюся перед ним в 1843 г. с бульвара, опоясывающего кремлевскую гору: «Пред вами расстилается обширная равнина вод, окаймленная на юге услонскими горами, которые тонут в тумане. К западу лежат слободы Адмиралтейская и Ягодная, из-за них на горе красуется Зилантов монастырь и несколько правее – красивые сушильни порохового завода. На распутье, между крепостью и слободами, как бы возникает из вод памятник в честь убиенных при взятии Казани. Сюда еще западнее – Гривка и Кизический монастырь, со своею темною сосновою рощею, ограничивают разлив вод, но далее к северу и северо-востоку воды свободно разливаются по лугам, и только вдали



Казанка во время разлива

виднеются села Щербаково и Савиново и за Подлужною мелькают между деревьев летние домики в Немецкой Швейцарии»[1].

Культурное освоение природного ландшафта предопределило «анатомию» (выражение Н.П.Анциферова) города. От кремля брали свое начало три центральные и лучшие улицы города: Проломная, Воскресенская и Грузинская. Проломная шла на юго-восток от крепости мимо Хлебной площади (место на улице Профсоюзная) до Рыбного базара («Кольцо»). Н.Баженов в 1847 г. увидел ее такой: «Эта улица с огромными каменными зданиями, помещающими гостиницы, трактиры, постоялые дворы, лавки и гнездящихся на ней мастеровых, ремесленников, – из всех самая многолюдная»[2]. «Верхний» город располагался на гребнях холмов. Это была наиболее престижная, богатая и обустроенная часть городского пространства, заселенная дворянами, высшими чиновниками, старшими воинскими чинами. Главной ее артерией была Воскресенская улица.

До пожара 1842 г. Воскресенская улица выполняла функции административного центра города. Путешественник обычно начинал осмотр с самой крепости и ее строений, затем любовался величественным зданием Гостиного двора и потом, мимо двухэтажных частных домов, направлялся к другому концу улицы, туда, где стоял белоколонный университет. В августе 1842 г. почти

[1]Хроника // Казанские губернские ведомости. 1844. № 23. 5 июня.

[2]***Баженов Н.*** Казанская история. Ч.III: Казанская губерния. Казань, 1847. С.27.

Воскресенская улица

вся Воскресенская выгорела. С этого момента начинается ее переустройство. Уже в 1847 г. Баженов писал о ней: «Воскресенская улица, пролегая от Спасских ворот к востоку, мимо Ивановского монастыря и Гостиного двора, оканчивается Воскресенскою горою и зданиями университета. Улица эта недлинна, но лучшая по зданиям, помещающим модные галантерейные и прочие магазины; она же избрана для зимней прогулки публики»[1].

Грузинской улице (она же в XVIII веке – Арская, в начале XIX века – Покровская, а ныне – часть улицы К.Маркса) в начале XIX столетия отводилась представительская функция. О ней Э.Турнерелли сообщал: «Грузинская улица, так названная, потому что на ней имеется церковь Грузинской божьей матери, простирается прямой линией от стен крепости до Арского поля... Эта улица во всю ее длину имеет торцовую набережную; дома на ней большей частью простого вида, но хорошо построенные, одни каменные, другие деревянные». До пожара на ней располагались: военная площадь с манежем для обучения гарнизонных войск («экзерциргауз», место, соответствующее современной площади Свободы), театр, лютеранская церковь, инвалидный госпиталь, первая мужская гимназия, Покровская церковь и самые богатые дома городской аристократии. Турнерелли считал, что это самая красивая и, в силу

[1] ***Баженов Н.*** Казанская история. С.27

Вид на Никольскую площадь

своего возвышенного положения (на участке от городского театра до Варваринской церкви), самая здоровая улица города[17].

«Нижний», или «пойменный», город принадлежал мелким торговцам, ремесленникам, чиновникам, нижним воинским чинам. Такая социальная сегрегация отражалась и во внешнем виде, и в названиях улиц и площадей.

Городская топонимика XIX века рассказывала о реальной и мифической истории и о современной для той поры жизни Казани. Улица Большая Проломная (ныне Баумана) начиналась в том месте кремлевской стены, где, согласно легенде, через пролом от взрыва в крепость ворвались войска Ивана Грозного. Параллельно ей шла улица Малая Проломная. Рыбнорядская площадь, Сенной базар оправдывали свои названия, связанные с торговлей. Большинство центральных улиц носили одноименные с расположенными на них соборами и церквями названия: Воскресенская, Грузинская, Георгиевская и др.

Вокруг городского посада располагались слободы. Переписная книга 1646 г. содержит сведения о слободах Гавриловой, Болдырской, Федоровской, Армянской, Засыпкиной, Татарской, Богоявленской, Ямской, Мокрой и селе Плетени. В XVIII веке возникли слободы Адмиралтейская, Суконная, Ново-Татарская, Служило-Татарская, Игумнова, село Ягодное и Гривка. В течение XIX века к ним

[1]ОРРК НБЛ КГУ. Ед хр. 8384 Л.11.

добавились слободы Рогожкина, Бутырская, Сотенная, Панская, Подлужная, Кизическая, Козья, Горшечная, Прилуцкая, Красная, Захарьевская и село Архангельское[1].

По происхождению казанские слободы делились на следующие группы:

1) Бывшие монастырские и владельческие. Кизическая, Большая и Малая Игумновы, Федоровская, Прилуцкая связаны были своим происхождением с одноименными монастырями. Слободы Архангельская, Ягодная, Поповка и Плетени возникли из сел, принадлежавших казанскому архиерейскому дому. Основной состав их жителей – монастырские и владельческие крестьяне, с 1764 г. перешедшие в разряд экономических. Большинство их жило отдельными частными хозяйствами – бобылями. Пашенной земли в слободах не было, потому их жители занимались промыслами, ремеслами и торговлей. В Архангельской слободе жили каменщики, кирпичники, квасовары, тележные и колесные мастера, кожевенники. Они платили денежный оброк архиерейскому дому, нанимались в работники, занимались извозом.

2) Национально-религиозные слободы. Таким поселением была Татарская слобода. После городского пожара 1749 г. образовалась Ново-Татарская, а рядом со Старо-Татарской появилась Служило-Татарская слобода. Жители этих слобод «не имели хлебопашенной земли и никаких угодьев, содержали свои домоводства и оплачивали государственного оклада подати из зарабатываньев по городу»[2]. Как особое поселение до XVIII века просуществовала Болдырская слобода, населенная людьми, родившимися от смешанных браков. К началу XVIII века прекратила свое существование Армянская слобода.

3) Слободы, образованные по видам занятий их жителей. Сюда относились: Горшечная, Кирпичная, Засыпкина – поселения мельничных работников; Ямская, специализировавшаяся на ямской службе; слободы Мокрая и Гривка, основанные, по-видимому, отставными солдатами. Всех их объединяла давняя тесная связь с городским посадом. Многие из них в конце XVIII века вошли в посадскую черту.

---

[1]История Казани. Т.1. Казань, 1988. С.92, 111; ***Калинин Н.Ф.*** Казань: Исторический очерк. Казань, 1955. С.59; ***Калинин Н.Ф.*** Казань времен пугачевских событий // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук: Вып.2. Казань, 1959. С 102.

[2]Цит. по: ***Клокман Ю.Р.*** Социально-экономическая история русского города (вторая половина XVIII в.). М., 1967 С.283.

В петровскую эпоху в Казани появились слободы вокруг основанных здесь казенных предприятий – Суконная, Адмиралтейская и Пороховая[1].

Слободы являлись территориально обособленными поселениями. Чаще всего границами между ними служили естественные особенности рельефа местности – овраги, холмы, заливные долины, небольшие речки или озера, которых было немало на окраинах города. Иногда к подобным естественным ограждениям добавлялись искусственные: острогом была обнесена Старо-Татарская слобода, деревянную ограду имело Адмиралтейство.

В течение XIX столетия город рос вширь за счет включения этих поселений в городскую черту. Впрочем, процесс их вхождения в состав Казани был затяжным, потому что сдерживался многими факторами, в том числе ландшафтно-географическими. Ряд казанских слобод долго оставался за городской чертой из-за водных преград. Поэтому создание единого городского пространства напрямую зависело от сооружения мостов и строительства дамб.

В 1825 г. с началом функционирования Кизической дамбы к Казани присоединились Ягодная, Игумнова и Кизическая слободы. При этом их жители лишились всей земли, кроме усадебной и выгонной, перешли из ведения земской полиции в городскую и должны были отныне исполнять повинности наравне с прочими городскими обывателями[2]. В 1833 г. к городу перешла деревня Бишбалта. Незадолго до этого в состав Казани влились Козья слобода и Гривка[3]. Но и после включения в городскую черту слободы сохраняли свои экономические, социальные и культурные особенности. Да и дорога, соединившая их с городом, не была легкой для сообщения.

В 1842-1849 гг. была отстроена Адмиралтейская дамба, соединившая улицы Московскую (ныне К.Цеткин) в слободе и Успенскую (ныне Московскую). Благодаря ей в город вошла Адмиралтейская слобода. Это была одна из наиболее протяженных дорог. Ее сооружение дорого обошлось властям, а содержание требовало постоянных значительных затрат, так как дамба ежегодно подмывалась весенними паводками. В 1867 г. она была особенно сильно размыта бурным весенним половодьем. Тогда уровень воды поднялся до самой дороги, и ее затопило. После того, как паводок отступил, разрушенная дамба была передана в ведение

[1] ***Бессонова Т.В.*** Казанская Суконная слобода в XVIII – первой половине XIX веков: Дисс... канд. ист. наук. Казань, 1998. С.115-117.

[2] НАРТ. Ф.114. Оп.1. Д.835. Л.7.

[3] Там же. Л.8.

губернской земской управы. Последняя вложила большие средства в ее реконструкцию. Именно тогда дорога была значительно поднята, а откосы выложены каменными плитами[1].

Городской посад с двумя Татарскими и Мокрой слободами соединяли деревянные мосты, перекинутые через Булак. В конце XIX века их было семь, некоторые из них имели собственные названия. Так, «Татарский мост» связывал, но не объединял русскую и татарскую части города, разделенные озером Кабан. Привыкшие к такому сосуществованию культур казанцы не придавали значения тому, что поражало приезжих. Покинув европейскую часть города, путешественник оказывался в пространстве другой культуры, в пространстве мусульманского города. К.Фукс так описывал Татарскую слободу: «Она состоит ныне из регулярных улиц по общему плану города, но они не вымощены и без фонарей, от этого, особенно осенью, там бывает почти непроходимая грязь. Дома, по большей части деревянные, обыкновенно о двух этажах; есть много каменных, хорошо выстроенных... Нижний этаж каждого дома служит вместо амбара или отдается внаем; а на верхнем живут сами хозяева»[2].

В конце XIX века, после возведения дамб и мостов, Казань отчетливо разделилась на три больших района – Посад (административный, русский по составу населения), Забулачье (торговый, с татарским населением) и Заречье (промышленный, со смешанным населением). В последнем располагались корпуса предприятий Алафузова, казенный пороховой завод, химический завод Ушкова, механический завод Свешникова, на старых волжских пристанях (Устье) работали шумные артели грузчиков. Этот район был застроен деревянными домами и по большей части состоял из узких немощеных улиц.

В административном отношении город делился на «полицейские части». В начале XIX века их было четыре. Первую составляла территория современного посада: улицы Касаткина, Предтеченская, Воскресенская, Проломная, Торговая площадь. Вторая включала низменную часть к югу от крепости – Мокрую слободу (район современного вокзала), улицу Московскую, Булак. В третью входили улицы Старо-Горшечная, Лядская, Грузинская. Четвертая охватывала Суконную слободу и Ново-Горшечную улицу. А после того, как в состав города вошли предместья – Гривка,

[1]Казань. 1867 год. // Сост. В.И. Шишкин. Казань, 1992. С.19.

[2]***Фукс К.*** Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. С.148.

Адмиралтейская, Ягодная, Козья и Кизическая слободы, из них составилась пятая административная часть с участком на Плетеневской улице. Впрочем, эти части не были неизменными. Административно-полицейское деление города менялось по мере его роста. Так, в 1879 году пятая часть разделилась на две[1].

Архитектурный облик Казани XIX века сочетал в себе типические черты губернского города с элементами восточной традиции. В свое время А.Н.Анциферов обратил внимание на соответствие «цвета» города определенной эпохе. Краски имеют свой язык, а цвет может быть рассмотрен как метафора неких культурных значений. В цветовом отношении губернская Казань распадалась на две гаммы. Официальный центр, как истинный пуританин, имел пастельную окраску эпохи классицизма, а Забулачная, «татарская» часть города была выкрашена в яркие, сочные цвета. «Броские», «природные» краски татарской части города воспринимались как экзотика и символ инокультуры.

Большинство описаний архитектурного облика Казани, оставленных современниками, относятся к ее русской части. Ф.Ф.Вигель писал: «Сплошное каменное строение было при мне (то есть в 1805 г. – *авторы*) только по Большой улице (улица К.Маркса под Кремлем. – *авторы*) и вокруг так называемого Черного озера; тут были все публичные здания, торговля, жило лучшее дворянство; в других кварталах каменное строение мешалось с деревянным»[2]. В широком масштабе работы по составлению планов городов в России начались еще в 1760-е гг., а в начале XIX века большинство российских городов получили новые генеральные планы. Они реализовывались с натугой и неравномерно. Но их введение постепенно изменило внешний вид Казани, привнесло в него стандартизацию и типичность: прямые улицы, широкие площади, на которой располагались здания присутственных мест, торговые ряды, церкви.

Согласно генеральному плану, каменные дома, образующие центр города, ставились вплотную друг к другу, благодаря чему они образовывали «фасад» улицы. Таких улиц было немного, но они были «витриной» города, куда в первую очередь направлялись вновь прибывшие. Много путешествовавший по России и посетивший Казань в 1841 г. академик Г.П.Гельмерсен писал: «Казань, бесспорно, принадлежит к наилучшим городам России. Прекрасные здания в новом вкусе, древние церкви, крепость

[1] ***Гребенкин М.Ю.*** Казанская полиция в первой половине XIX века // Казанский посад в прошлом и настоящем. Казань, 2002. С.31.

[2] Воспоминания Ф.Ф.Вигеля. С.132.

Городские дома

и мечети со стройными минаретами украшают и разнообразят город»[1].

Несмотря на эти уверения путешественников, городская статистика свидетельствует, что на протяжении XIX века Казань оставалась по преимуществу деревянной. Город был центром одной из наиболее лесистых губерний империи. Соответственно, лес был дешев и доступен. И хотя в пореформенное время центр Казани был застроен двухэтажными каменными зданиями, ее окраины и тогда оставались деревянными. Даже в конце XIX столетия деревянные дома составляли более 60% всех казанских строений.

Типичный дом казанского обывателя мало отличался от сельской избы: он был трехкамерным, состоял из избы, сеней и клети и выходил тремя окнами на улицу[2]. Как правило, он был окружен забором, за которым располагались огород и хозяйственные постройки. К середине XIX столетия дома в Казани стали строиться в два этажа и, оставаясь деревянными, обзаводились каменным фундаментом.

---

[1]Цит. по: ***Зорин А.Н.*** Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань, 2001. С.385.

[2]***Бессонова Т.В.*** Казанская Суконная слобода... С.128; ***Рабинович М.Г.*** Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С.94-95.

Улица Воскресенская

Отличительной чертой городской жилой застройки можно считать ее неоднородность. В ней отчетливо проступали полярные формы. С одной стороны, примитивное жилище городских низов, вынужденных ограничивать свои потребности, само существование которого можно рассматривать как возврат к пережиточным формам жилища (землянки, полуземлянки, однокамерные постройки временного типа), с другой – жилища богатых горожан, имевших современные удобства и отвечавшие эстетическим вкусам владельцев[1].

Подавляющее большинство казанцев жили в собственных домах. Некоторые обыватели сдавали часть своего дома внаем. Посредниками в этом деле выступали, как правило, городские дворники. В первой половине XIX столетия квартиросъемщиками (постояльцами, или «нахлебниками») были офицеры военного гарнизона, преподаватели гимназии и университета, учителя училищ, приехавшие в город врачи и чиновники. С конца 1850-х гг. по частным квартирам стали размещать еще и студентов.

В последующем потребность в найме жилья еще более выросла в связи с массовым притоком в город сельского населения. Это было общероссийское явление. Особенно сильно миграция стала ощущаться в 1870-е годы после серии неурожайных и голодных лет. Во многих городах она породила строительство специальных доходных домов. На улицах Казани они образовали ряды похожих двухэтажных строений. И все же даже при регулярном притоке в город сельчан, учащихся и служилых людей плотность населения в Казани, по сравнению с другими европейскими городами России, не была высокой. В городском доме в среднем проживало не более 5-9 человек.

В XIX веке по преимуществу деревянный и плотно застроенный город регулярно страдал от пожаров. Наиболее сильные

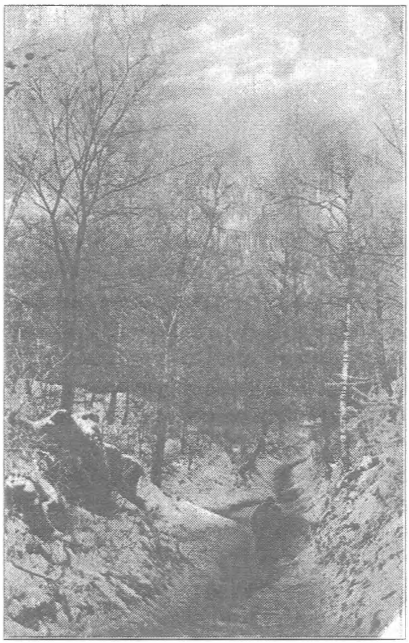
[2] *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977. С.156.

Пожарная команда

разрушения и жертвы принесли пожары 3 сентября 1815 г. и 24 августа 1842 г. В обоих случаях была уничтожена почти вся центральная часть города. Пожары воспринимались жителями провинциальной России как почти неотвратимое бедствие. В сухую ветреную погоду деревянные дома в одно мгновение охватывало море огня. И никакие человеческие усилия не могли спасти их. «Гул, тревога, разрушение домов, взрыв пороха, звон колоколов, звук барабанов и пронзительный визг трещоток, крик народа, густой черный дым, расстилавшийся на пространстве более, нежели пяти верст, – все это представляло для взора ужасную и вместе с тем поразительную картину», – свидетельствовал М.Рыбушкин о пожаре 1815 г.[1]

Историк испытал на себе ужас и завораживающую силу обоих пожаров. Об огненном бедствии 1842 г. он писал: «Торжествуя над всеми человеческими усилиями, пожар распространялся так быстро, что в полдень все главные улицы были объяты пламенем... Пожар, управляемый бурею, расширялся во все стороны. Ужасный вихрь взметал раскаленный песок и уголья и крутил ими в воздухе. На площадях и на улицах, захваченных пожаром,

[1] ***Рыбушкин М.*** Краткая история города Казани: Ч.II. Казань, 1849. С.12-13.



Окрестности Казани зимой

невозможно было стоять... Жар был до того силен, что торцевые (деревянные) мостовые прогорали до основания. Вся улица представлялась огненным по-током. Наступившая ночь только усилила бедствие... Казань утонула в море огня, в туманах смрада и дыма. Над этою огненною бездною висело раскаленное небо. Тут уже не было слышно человеческого голоса: только свист раздуваемого ветром пламени, шум бури и по временам треск рухнувших строений и колоколен»[1]. Эти стихийные бедствия столь сильно отражались на жизни людей, что долгое время спустя спасшиеся казанцы измеряли свою жизнь временем до и после пожара. И вместе с тем пожары были фактором обновления и реконструкции города.

До 1829 г. в Казани не было улиц и площадей, мощенных камнем. Тротуары делали из досок, а проезжую часть мостили бревнами, кладя их торцом. И поскольку такая улица во время пожара превращалась в огненную реку, а в Казани не было своего камня, то в 1812 г. император Александр I именным указом повелел всем приходящим в город судам привозить по 10-30 камней для мощения улиц. Хозяева судов, нарушившие указ, штрафовались в пользу города. Впоследствии этот каменный «фонд» стал основой реконструкции городского посада.

Посетивший «послепожарную» Казань И.А.Второв вспоминал: «После ужасного пожара 1815 года, уничтожившего почти половину города, Казань начала постепенно возрастать и поправляться: воздвигались новые красивые здания, срывались крутизны гор, засыпались овраги, мостились улицы... В роковой день 24 августа (пожар 1842 г. – *авторы*) многие лучшие здания ее снова прев-

[1] ***Рыбушкин М.*** Краткая история города Казани. С.14-15.

ратились в пустыни!»[1]. Рыбушкин подтверждал это с цифрами на руках: «Бедствие и потери неисчислимы: сгорело 1309 домов и 9 церквей. Пожар истребил большую и лучшую часть города, где сосредоточивались главные казенные и общественные здания, цветущая промышленность и домы дворянства. Квартал, прилежащий к реке Казанке, населен был недостаточными чиновниками и бедными жителями, которые лишились теперь всякого средства к существованию. Купеческая часть выгорела почти вся. Потери гостиного двора заключены в миллионах»[2]. Далее автор выражал надежду, что правительственные субсидии и благотворительные средства позволят отстроить выгоревшую часть города в соответствии с архитектурным планом и современными вкусами.

Действительно, в декабре 1842 г. был утвержден новый план застройки центральной части Казани. Согласно ему, городу предстояли большие перемены. Планировалось: «1. сломать ветхие и обгоревшие здания в Кузнечном ряду и весь сей ряд обратить в городскую торговую площадь; 2. Большую Красную улицу (ныне улицы К. Маркса и Большая Красная) продолжить в прямом направлении до пересечения с Театральною площадью так, чтобы она составляла без изгибов, имевшихся прежде, продолжение Большой Казанской улицы; 3. Театральную площадь уширить так, чтоб она была правильным продолжением Мяснорядской улицы; 4. Улицы: Кошачий переулок, Попову гору и Косаткину привести в более правильный вид; 5. Часть города от крепости по Большой Казанской улице до Театральной площади, от оной по Рыбнорядской улице (улица Пушкина) и площади до озера Кабана, а также по обе стороны Булака (то есть современный посад) назначено застраивать каменным строением...7. Канал Булак, с приведением в исполнение проекта о снабжении города чистою водой, предполагается засыпать с устроением под насыпью водосточной трубы и на месте этом образовать бульвар»[3].

Современники надеялись, что несчастье обернется счастьем и пожар превратит Казань в цветущий город. Действительно, уже через пять лет внешний облик городского посада преобразился до неузнаваемости. Губернские власти уничтожили «величайшее казанское безобразие» – грязную, топкую и зловонную Кузнечную площадь (ныне – нижняя терраса Ленинского сада). Ее поверхность была засыпана и поднята. В честь царствующего императора она

[1] ***В-в И.*** Мои воспоминания о Казани // Казанские губернские ведомости. 1843. № 50.

[2] ***Рыбушкин М.*** Краткая история города Казани. С.16

[3] ***Рыбушкин М.*** Краткая история города Казани. С.27.

была названа Николаевской. По указанию военного губернатора С.П.Шипова было осушено заболоченное Банное озеро, очищено Черное озеро и устроен кремлевский бульвар под каменными стенами крепости.

В городе проводилось выравнивание улиц, засыпались овраги, снималась крутизна городских холмов. Тогда же деревянные заборы на центральных улицах города стали заменяться на металлические решетки. В ответ на спрос в 12 км от города, в пригородном селе Чебакса получили заказы кузнечные цеха, постепенно монополизировавшие кузнечное производство в округе. К концу XIX века оно достигло огромного размаха: если первоначально здесь было четыре кузницы, то к концу века их стало 75[1]. Город украсился решетками, навесами, воротами, калитками ажурной чебаксинской ковки. Из отчета полиции за 1844 г. явствует, что на тот момент в городе числилось 32 каменных, деревянных и насыпных моста, 160 улиц и переулков, 30 из них были вымощены либо камнем, либо деревом; 563 каменных и 4012 деревянных дома[2].

И все же, несмотря на последующее благоустройство города, пережившие или хотя бы видевшие пожар горожане боялись его едва ли не больше всего на свете. Центральные и местные власти принимали меры по предотвращению этого стихийного бедствия, в результате которых облик города тоже претерпевал своеобразные изменения. Так, по приказу императора деревянные постройки и плотно прилегавшие друг к другу деревянные дома должны были быть разделены глухой каменной стеной «на левой меже», так называемым брандмауэром. А по указу от 4 февраля 1835 г. деревянные постройки надлежало возводить на расстоянии не менее 4 саженей друг от друга. В результате этих распоряжений улицы казанских слобод «украсились» странными каменными стенами, поставленными перпендикулярно проезжей части, а улицы стали явно длиннее за счет более разреженной, чем прежде, линии строений.

Городское пространство Казани второй половины XIX столетия было организовано вокруг площадей. Одной из центральных была Театральная площадь, расположенная на возвышенном месте, с которого открывался прекрасный вид на реку Казанку и Заречье, на Черное озеро. В 1850-е гг. площадь по периметру была застроена: трехэтажным зданием Дворянского собрания с садом, огороженным высокой кирпичной стеной; зданием городского театра; двухэтажным строением с антресолями, принадлежавшим

[1] *Лисевич М.* История Казани глазами эрудитов. Казань, 1998. С.49.
[2] *Рыбушкин М.* Краткая история города Казани. С.29.

Вид на университет

казанскому предводителю дворянства А.Н.Булыгину, и, наконец, двухэтажным зданием городской почтовой конторы. От нее справа, на спуске к Никольской площади, расположился Державинский сквер.

Репрезентативную роль данного пространства в жизни города подчеркивали установленные около каждого из названных строений массивные тумбы для привязи лошадей, деревянные столбы с газовыми фонарями, театральные тумбы с афишами спектаклей. Поверхность площади была вымощена дорогостоящим и редким для Казани булыжником. На Театральной площади проходили военные смотры, через нее шли крестные ходы, здесь проводились публичные празднества. Сходную функцию в городе выполняла и Спасская площадь, расположенная под стенами крепости. Большинство же других городских площадей (Никольская, Рыбнорядская, Сенная, Хлебная) использовались как торговые площадки и, соответственно, заставлены палатками, лавками, балаганами, они были нередко грязными и шумными.

Культурное пространство города размечали общественные сады и парки, где казанцы проводили свой досуг. Местами общественных гуляний служили так называемое Устье, набережные Булака, загородный сад «Русская Швейцария», Биржа, Кремлевский (он же Купеческий) бульвар, сад «Аркадия» на Кабане, общественные и частные сады в пределах городской черты: Черноозерский, Банно-озерский, Николаевский скверы, Державинский сад, Театральный сад, Лядской, Интендантский садики, Панаевский, Износковский

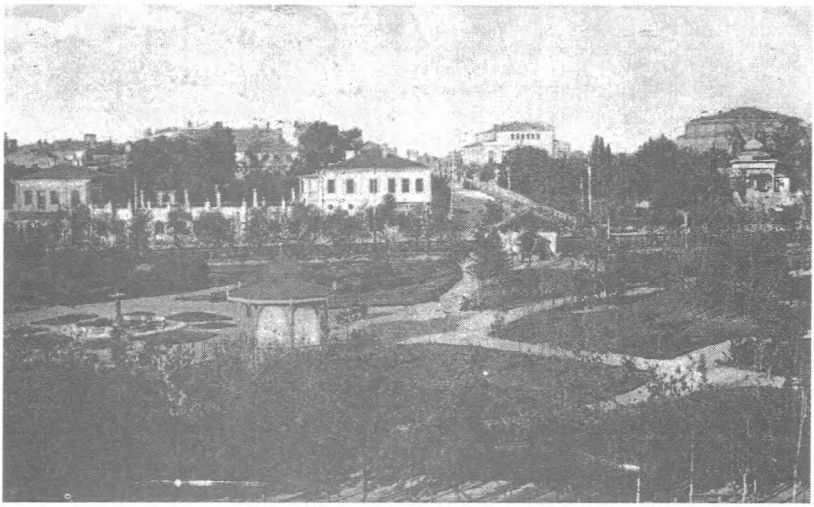
сады, сад Тиволи, сад Крупенниковых, Андреевский сад в Адмиралтейской слободе[1].

Казанцы гордились имевшимися в городе зонами отдыха, видели в них отдушину в рутинной жизни. Прибывавшие же в Казань путешественники этого восхищения, судя по всему, не разделяли. Европейцам, привыкшим к большим ландшафтным паркам, к стриженым зеленым газонам, взлелеянным руками нескольких поколений садовников, зеленые зоны Казани казались маленькими и неухоженными. Отсутствие в них налаженной системы досугового сервиса порождало ощущение глубокой провинциальности.

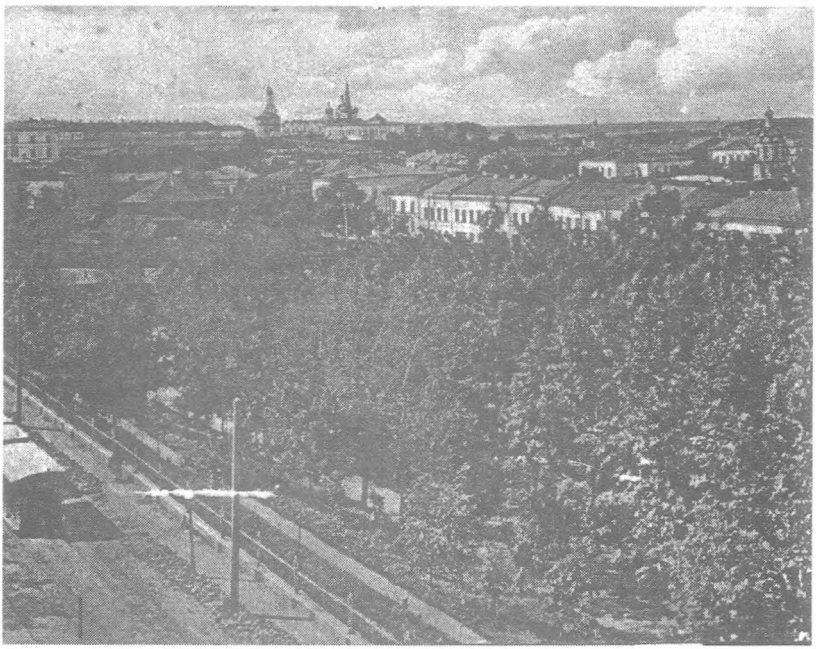
Но все познается в сравнении. Казанцы сравнивали то, что обрели, с тем, что имели в прошлом, когда в городе вообще не было общественных садов и парков. Для старожилов улучшения были «налицо», и потому каждое новшество воспринималось ими бурно и восторженно. Так, в 1840-е гг. радость посетителей вызвало открытие в «Русской Швейцарии» гостиницы «для низшего класса» и кондитерской для людей comme il faut. Тогда об этом писали все казанские газеты.

«Черное озеро» многим иностранцам представлялось простым прудом со стоячей водой. Между тем казанцы считали его одним из красивейших мест в городе, удобным для неспешных прогулок и детских забав. В 1860-е годы вид этого сада сильно изменился. Он превратился в демократическое и общедоступное место городских гуляний, но и тогда не был достаточно ухожен. Расположенный в центре города, сад утопал в пыли и почти не имел на своей территории деревьев. Местные власти, потратив значительные суммы из бюджета, разбили здесь цветники, но этого было недостаточно. Прогуливавшиеся по саду горожане томились от жары, а в случае дождя не могли спрятаться под защиту листвы. За исключением ветхого деревянного навеса для оркестра, в парке не было других беседок и павильонов. Проведенная в начале 1860-х г. очистка озера не устранила его гнилостного запаха. Горожане жаловались на отсутствие в саду ресторана или буфета, где можно было бы утолить голод, ругали местные власти и, тем не менее, в свободное время устремлялись на аллеи сада. Здесь было весело и шумно. Летом в дневное время играл духовой оркестр Казанского военного округа, а зимой озеро превращалось в лучший в городе каток.

[1] ***Зорин А.Н.*** Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С.253-259.



Николаевский сквер



Черноозерский сад и Кремль

В отличие от российских столиц казанские парки и сады не стали местом «городского единения». Рекреационные зоны делились на общедоступные и элитарные. Последние были расположены в бывшей Красной слободе (район современных улиц Гоголя, Маяковского, Горького, Щапова). Так, состоятельная публика любила собираться в платном Александровском саду (он же сад Эрмитаж) в конце Старо-Горшечной улицы (ныне Щапова). Входной билет туда стоил «пять алтынов, или четвертак». По вечерам центральная аллея сада освещалась разноцветными фонарями. Гуляющие прохаживались под звуки музыки, исполнявшейся либо военным духовым оркестром, либо заезжими музыкантами, например, из Богемии. Порядок в «Александрийке», как между собою называли казанцы этот сад, бдительно охранялся городскими полицейскими «со жгутиками на плечах». Вымуштрованные официанты местного буфета, «с номерами на груди», быстро и бесшумно двигались, обслуживая столики с посетителями.

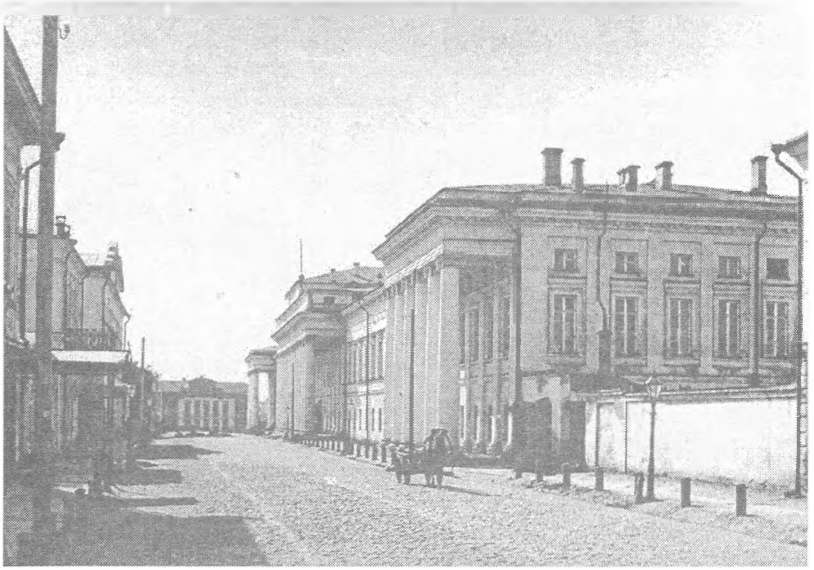
В конце столетия одним из престижных центров городских увеселений стал платный Панаевский сад – «Панаевка» (ныне стадион «Динамо»). Здесь располагались закрытый и открытый театры, эстрада с «раковиной» для оркестра, летние клубы – купеческий и шахматный, ресторан, множество киосков с мороженым и прохладительными напитками. В октябре 1896 г. здесь в закрытом театре впервые прошли два сеанса синематографа.

Культурообразующими центрами Казани были учебные и просветительские учреждения: университет, духовная академия, Родионовский институт благородных девиц, Высшие женские курсы, Учительский институт, гимназии, духовная семинария, главное народное училище, театры, музей, книжные магазины.

Учебными корпусами, квартирами преподавателей, студентов, служащих, библиотеками, ботаническим садом, загородной обсерваторией, а также многочисленными трактирами, лавками, торгующими нужными университетским людям вещами, книжными магазинами, обслуживающими их интеллектуальные нужды, университет врастал в тело города, изменяя его «анатомию», топонимику, становясь центральным элементом идентичности Казани как города университетского.

Студенты занимали места в местном театре, были завсегдатаями Дворянского и Купеческого собраний, принимали участие в массовых гуляниях[1]. Казенная синяя форма выделяла их из

[1] *Благов Ю.А.* В содружестве с Мельпоменой. Казанский университет и театр: к истории взаимосвязей. Казань, 2003.



Университет

толпы обывателей, а сами они постоянно создавали проблемы для городских полицейских, вынужденных то разнимать драки подвыпивших школяров, то разгонять студенческую сходку, то следить за неблагонадежными.

Постепенно само слово «университет» стало частью повседневной жизни горожан разных социальных слоев. По обычаю, заведенному местными интеллектуалами, во все дни пасхальной недели музеи и кабинеты университета были открыты для широкой городской публики. Пришедший до двух часов дня любопытствующий горожанин мог осмотреть коллекцию музея, заглянуть в аудитории, послушать лекцию и студенческий хор, стать участником проводимого на глазах публики научного эксперимента. Накануне Пасхи корреспондент «Справочного листка» предсказывал: «Особенное внимание будут привлекать в анатомическом театре скелеты известных казанских разбойников – Чайкина и Быкова, лет двадцать тому назад загнанных на смерть сквозь строй; в физическом кабинете будет постоянная толпа перед электрической машиной... неподдельный искренний смех будет слышен перед зеркалом, в котором вытягивается физиономия смотрящего в

Студенческое общежитие

него»[1]. Каждый приезжающий в город путешественник обязательно старался побывать в местном храме наук. На академические праздники, особенно в день основания университета, собиралось огромное количество народа[2]. И на студенческом балу в Дворянском собрании гулял весь «город».

Объявления о нуждах академической корпорации, экзаменах, торжественных актах, событиях научной жизни регулярно публиковались в местных газетах. Причем первая городская газета – «Казанские известия» (1811-1820) – издавалась по инициативе, в типографии и силами университетских преподавателей. Профессора нередко определяли повседневную жизнь города и активно вторгались в нее. Они были устроителями публичных лекций, организаторами литературных вечеров, они поднимали перед общественностью вопросы городского благоустройства, боролись за повышение качества жизни, беспокоились о здоровье казанцев, выступали в городском суде.

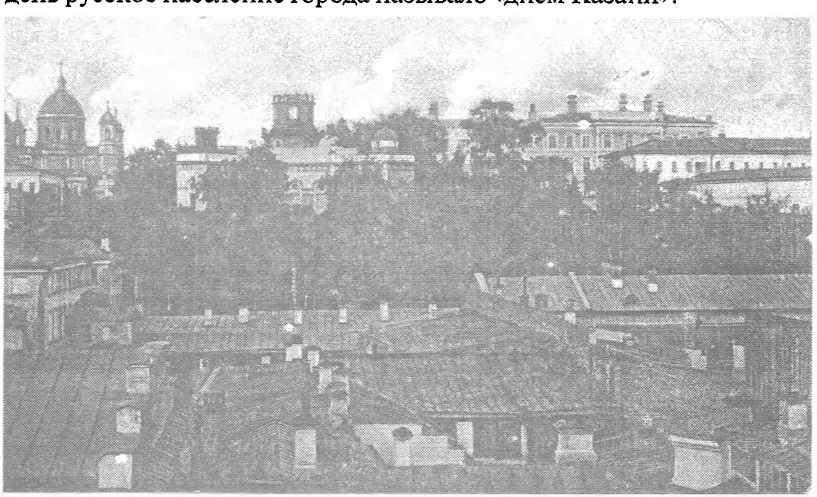
Элементом культурного пространства Казани были ее памятники. Они символизировали присутствие имперской власти в губернии, а также утверждали ценность определенных событий, свойств

[1]Святая неделя // Справочный листок города Казани. 1867. 16 апреля.

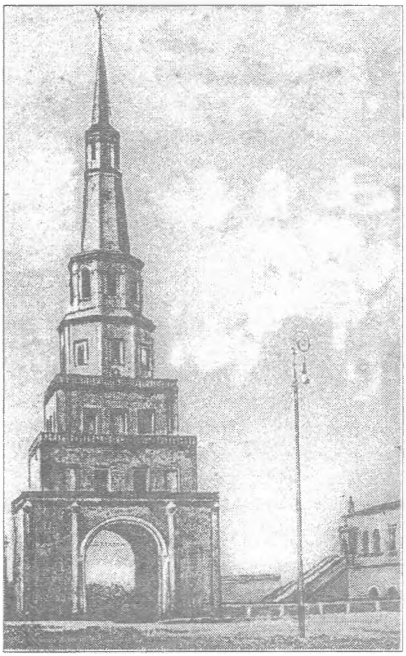
[2]***Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.*** Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.

личности, заслуг перед Отечеством. И хотя в течение XIX века Казань не испытала столь сильной мемориализации, как столицы империи, у нее были свои «точки исторической памяти». Они оказались зафиксированными в созданных в XIX веке путеводителях по Казани. Это башня Сююмбике, Петропавловский собор, Зилантов монастырь, церковь-памятник убиенным при взятии Казани, скульптурные портреты Державину и членам императорской семьи, галера «Тверь», на которой Екатерина II посетила Казань. Именно они становились объектами паломничества прибывавших в город гостей и путешественников.

Башня Сююмбике, семиярусное сооружение на территории крепости, городские мифы увязывали с именем последней татарской ханши. Башня служила напоминанием об историческом прошлом города. В легендарной форме ее история интерпретировала обстоятельства вхождения Казани в состав Русского государства. В правление Александра I началось сооружение церкви-памятника русским воинам, погибшим при взятии Казани осенью 1552 г. Его проект был разработан известным русским архитектором Н.Ф.Алферовым в виде усеченной пирамиды с военной атрибутикой на входных портиках. Церковь была сооружена на холме, расположенном на противоположном от кремля берегу Казанки, откуда, по преданию, воины Ивана Грозного проникли через тайный ход под стены кремля. В XIX столетии каждый год 5 ноября в церкви служили панихиду по погибшим воинам. Этот день русское население города называло «днем Казани».



Обсерватория императорского университета



Башня Сююмбике

А на сооружение памятника знаменитому согражданину, уроженцу Казанской губернии, поэту и сановнику Г.Р.Державину казанцы собирали пожертвования по подписке. Инициаторами сбора выступили университетские преподаватели, стремившиеся развивать в горожанах и студентах чувства местного патриотизма и значимости образования. Созданный К.А.Тоном и С.И.Гальбергом монумент изображал поэта, одетого в тунику и сидящего на камне в задумчивой позе. Статуя была установлена на пьедестале, три боковые стороны которого были украшены барельефами.

В 1846 г. памятник установили во дворе университета. Примечательно, что довольно быстро он был усвоен массовым сознанием горожан, по-своему интерпретирован, стал элементом повседневности города. По свидетельству очевидцев, в праздничные дни «у Державина» собирались обыватели, приходившие в музеи. «Толпится народ, прохаживается, щелкает орешки и лакомится пряниками перед памятником Державина на университетском дворе»[1]. А в городском фольклоре появилось специфическое выражение «Ах ты, Державин этакий!», обозначавшее медлительного и мечтательного человека. В 1870 г. памятник был перевезен в Державинский сад (ныне на этом месте находится театр оперы и балета имени Мусы Джалиля). Приблизительно с этого времени он стал визитной карточкой Казани, его символом. Памятник поэту изображался на почтовых конвертах, рекламах, открытках с видами города.

Часть мемориального пространства Казани составляли ее кладбища. «Город мертвых» был частью города живых, в какой-то мере его отражением. С одной стороны, состояние кладбищ было

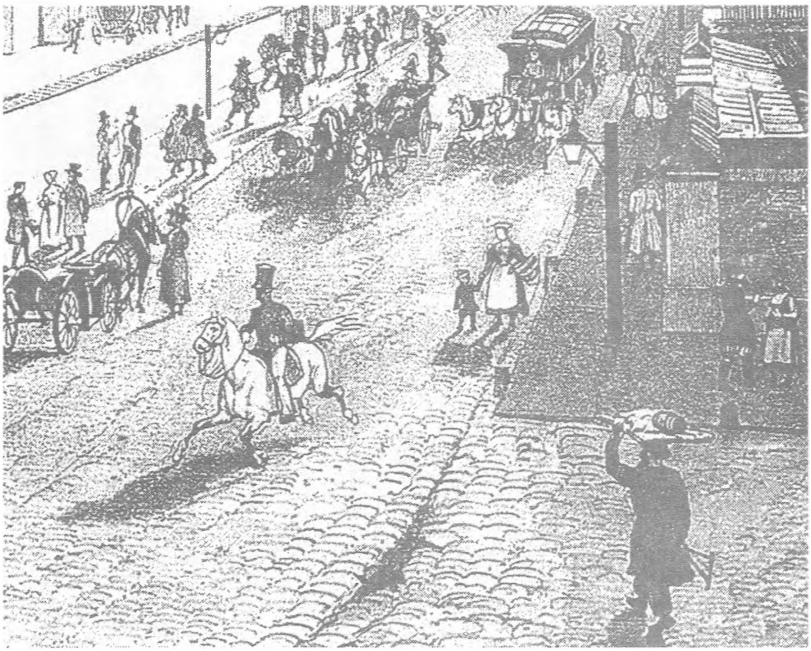
[1]Святая неделя // Справочный листок города Казани. 1867. 16 апреля.

Памятник Державину

показателем общей культуры повседневной жизни казанцев. С другой, каждый помнил о своем конце и старался позаботиться о последнем прибежище для себя.

Казанские кладбища находились на разном удалении от городской черты. Православные казанцы хоронили умерших родственников на третий день после смерти. Тело отвозилось либо на Арское поле рядом с «Русской Швейцарией», либо к стенам Кизического монастыря (ныне территория восстановленного Кизического монастыря в парке Дворца культуры химиков), либо на кладбище у села Архангельское. Татары выполняли погребальный обряд на следующий день после смерти. Местом захоронения усопших мусульман были «мазарки» за Старо-Татарской слободой. Многие казанские слободы имели свои собственные кладбища.

Обустройство общих кладбищ осуществлялось на городские средства и включало в себя огораживание кладбищенской территории каменной или кирпичной стеной, посадку деревьев (особенно берез), устройство «караулов» и найм «сторожей» («караульщиков»). Казанских бедняков хоронили на средства



Городские зарисовки

города, арестантов – на суммы, выделявшиеся министерством внутренних дел. Умерших в больницах хоронили за счет больниц[1].

Имевший возможность и желание узнать Казань путешественник обнаруживал, что культурное пространство губернского города не было гомогенным. Оно совершенно отчетливо разделялось границами слободских поселений и посада. В последнем концентрировалась «высокая», европейская по своему характеру, модернизированная культура респектабельной части города. Культурное пространство казанских слобод было освоено и поддерживалось их коренным населением и прибывавшими сельскими мигрантами.

Так, специфика Академической слободы определялась ведущей ролью в ней духовной академии с корпорацией ученых монахов и студентов, как правило, выходцев из среды сельского приходского духовенства. Повседневность и культурное пространство слободы Бакалда зависели от нужд торговой пристани. Именно здесь легче

[1]Устав врачебный // Свод законов Российской империи. Т.13. Кн.4. СПб. 1910. С. 713-722.

Городские гуляния

всего было найти сезонную, не требующую профессиональных навыков работу грузчика, уборщицы, кухарки, охранника и т.д. Описывая нравы этих поселян, современник фиксировал: «Как мужчины, так и женщины ведут себя довольно вольно и мало соблюдают между собою приличия. Частенько между этими людьми слышен веселый смех, пошлая любезность, всякого рода ругань и замечаются сальные выходки»[1]. Преобладание в слободе молодого рабочего люда влекло за собой появление дешевых ночлежек, кабаков и трактиров, публичных домов. В отличие от таких «мужских» поселений, как Академическая слобода и Бакалда, пространство мануфактурных слобод (Адмиралтейство, Суконная, Пороховая) определялось семейной жизнью заводских работников. От предприятия лучами расходились жилые улочки, застроенные деревянными домами с примыкавшими к ним огородами и хлевами для скотины. На пересечении улиц строились церкви, магазины, пекарни и прочее. Культурная среда Засыпкиной слободы формировалась жившими здесь мелкими чиновниками. На культурный ландшафт Казани оказывал влияние и фактор этнической сегрегации[2].

Вобравший в себя пригороды и слободы, город не имел очевидной границы с окружавшими его селами. Посетившие в 1870-е годы Казань немецкие ученые признавались: «Как ни мало напоминают большой город казанские предместия, с их развалившимися хижинами, плохими домишками, кабаками, свиньями и кучами навоза, но сам город производит приятное впечатление»[3].

---

[1]Бакалда // Справочный листок города Казани. 1867. 18 июня.

[2]Татарские слободы Казани. Казань, 2002.

[3]Волжский Вестник. 1883. № 24.

Глава 4.

Условия и качество городской жизни в XIX веке

Экология

По климатическим условиям Казань считалась тогда тяжелым для жизни городом. В путеводителе, изданном в 1890 году, М.Пинегин сообщал: «Сильная изменчивость температуры и резкие переходы от тепла к холоду составляют основные свойства казанского климата»[1]. Трудно было местным жителям, но особенно болезненно на такие перепады реагировал организм привыкшего к более мягкому климату европейца. Профессор И.Литтров, вспоминая годы, проведенные им в Казани (1810-1816), писал о жутких морозах, громадных массах снега, лежавших в городе в течение полугода, о замерзавших на улице людях, об обмороженных во время получасовой прогулки по улице ушах и носах, о распространении в народе болезни глаз, причину которой он видел в продолжительных зимних холодах[2].

Дневниковые записи казанского архиепископа Серапиона рассказывают о сильных холодах в январе 1803 г. Он писал: «Мрак солнце самое затмевал... Когда ехал я в город к обедне, при солнечном сиянии, воздух был столь густ, как туман, что нельзя было видеть за десять сажень человека»[3]. Но стоило температуре немного подняться, как начинал дуть пронизывающий ветер, небо затягивало, становилось сумрачно и зябко. В 1880-е гг. зимой для сведения обывателей, не имевших термометра, на городских каланчах стали вывешиваться флаги: синего цвета – при морозе в 15 градусов и два флага – синий и черный с желтым – при морозе в 20 градусов по Реомюру[4].

Приезжающих в Казань путешественников поражали суточные перепады температур, тяжело сказывавшиеся на самочувствии. В качестве примера можно указать на публиковавшиеся в

---

[1] ***Пинегин М.*** Казань в ее прошлом и настоящем. Казань, 2005. С. 557.

[2] Цит. по: ***Булич Н.Н.*** Из первых лет Казанского университета (1805-1819): Рассказы по архивным документам: Ч. 2. Казань, 1891. С.126.

[3] ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 2648. Л. 2об.

[4] Казанские новости. 1885 5 декабря.

Модная торговка и бухарец

Дворник и трубочист

июньском номере «Казанских губернских ведомостей» за 1844 г. метеорологические наблюдения за май профессора физики Э.А.Кнорра[1], а также на дневниковые записи Серапиона за январь 1803 г.[2]

Рассказывая современникам о Казани, историк Н.Баженов сообщал: «Казанский климат довольно суров и переменчив. Эти изменения весьма приметны весною, облекающею город своими туманами, а особенно во время разлива воды. Тогда весенние туманы часто уступают место ясным дням и обратно; дожди, красные дни и морозы сменяются очень быстро. Лето в Казани душно от испарений»[3]. Впрочем, все познается в сравнении. Так, переехавший в 1816 г. из Казани в Петербург попечитель округа М.А.Салтыков хвалил казанский климат. 27 мая он писал: «У нас все еще настоящая зима: снег и ветер... Климат в Казани гораздо лучше, я начинаю о нем сожалеть»[4].

---

[1]Казанские губернские ведомости. 1844. № 25. 19 июня.

[2]ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 2648. Л. 2-5об.

[3]***Баженов Н.*** Казанская история. Ч.III: Казанская губерния. Казань, 1847. С.29.

[4]Письмо А.М. Салтыкова к Ф.К. Броннеру (фр.яз.) // ***Нагуевский Д.И.*** Профессор Франц Ксаверий Броннер, его Дневник и Переписка (1758-1850). Казань, 1902. С.317.

Почтальон и городской страж

Буйство природы проявлялось также в нередко бедственных для местных жителей половодьях. И если обладатели жилья в высокой части города приходили на кремлевский бульвар любоваться красотами вешней воды, то для слобожан это время было борьбой за выживание. Половодье 1843 года длилось более месяца, с 6 апреля по 14 мая. «Разлив воды в Казани, – сообщали 15 мая «Казанские губернские ведомости», – потопил многие улицы, расположенные в низких частях города... Всего затоплено 464 обывательских дома, 4 торговые бани, 4 кирпичных сарая, 13 кожевенных завода, 8 кузниц, 8 полицейских будок и дом питейной конторы... В особенности бедственно положение жителей Мокрой слободы, где вода достигла такой высоты, что жители вынуждены были выселиться под кровли и устроить переходы с одного двора на другой по крышам»[1].

Не улучшал экологическую ситуацию в городе и целый ряд стоячих водоемов в центральной его части. По свидетельству очевидцев, «во время летних жаров вода в пруде (Черное озеро – *авторы*) выделяет зловонные и нездоровые испарения, что для обитателей смежных улиц составляет очень большую неприятность и неудобство»[2].

Одним из важных компонентов, определявших качество жизни горожан, являлось водоснабжение. На протяжении почти всего XIX столетия в Казани были большие проблемы с питьевой водой. «Волга отстоит от города в шести верстах, – вспоминал живший в Казани в 1825 г. И.И.Лажечников, – следственно, доставка из нее ежедневно воды чрезвычайно затруднительна, да и сопряжена с большими расходами. Разливаясь в половодье до самого города и входя в берега только в июне, она образует на этом пространстве

[1]Местные известия // Казанские губернские ведомости. 1844. № 20. 15 мая.
[2]ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 8384. Л.12.

настоящие Понтийские болота, которые в жаркое время гниют и издают миазмы, заражающие воздух. Этим испарениям обязаны жители сильными лихорадками, имеющими, особенно для приезжих, худые последствия. С другой стороны города – тоже болота. Остается казанцам довольствоваться водой из озера Кабан, где летом купают лошадей и куда зимой свозят всякую нечистоту. Как здорова она, можно судить по зеленым шапкам, всплывающим на ней, когда ее кипятят, и по роям зеленых букашек, появляющихся в ней, когда она постоит в сосуде хотя четверть часа»[1].

Водовоз

Описание жуткое, между тем эта вода считалась лучшей в городе[2]. Жители Ямской и Мокрой слобод (кварталы между улицами Правобулачная и Московская) во время разливов пользовались водой из Булака, что было еще хуже. А жители улиц Большая и Малая Красные, Грузинская, Рыбнорядская брали воду из водоема, образованного дождевой водой на Театральной площади.

Попытки улучшить качество воды в Казани предпринимались на протяжении всего XIX века. Тот же Лажечников упоминает об одной из них. В начале века главноуправляющий путями сообщения принц Виртенбергский приезжал в Казань для осмотра водных путей сообщения и изучения состояния питьевой воды. Принц признал состояние питьевой воды в Казани ужасным. По результатам его поездки были разработаны несколько проектов, «чтобы провести воду из источников, находящихся в нескольких верстах от него (города – *авторы*)»[3]. Однако все проекты остались лишь на бумаге.

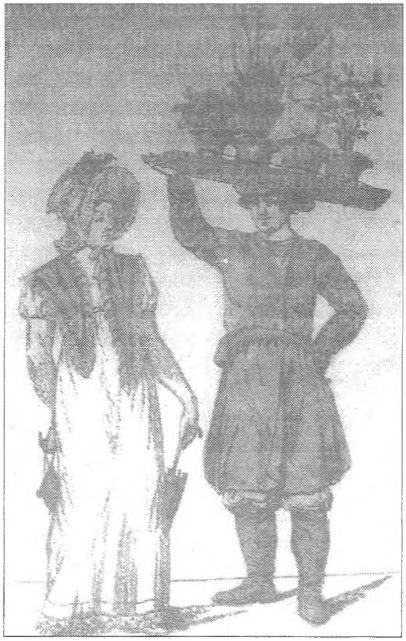
В 1833 г. в журнале «Заволжский муравей» доктор медицины и доцент судебной медицины Казанского университета В.Л.Тилле опубликовал статью, призывавшую местные власти сделать что-либо для снабжения казанцев чистой питьевой водой. Ссылаясь

[1] ***Лажечников И.И.*** Как я знал М.Л. Магницкого // ***Лажечников И.И.*** Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М., 1991. С.493.

[2] Казанская губерния // Сост. М. Лаптев. СПб. 1861. С.302.

[3] Там же. С.494.

Маляр и штукатур



Разносчик с цветами и госпожа

на собственную медицинскую практику, он увязывал высокую смертность жителей «луговой части» города с качеством местного воздуха и воды. Доктор считал, что ситуацию можно улучшить, если соединить болота и озера с Казанкой канавами или засыпать болота грунтом. Кабан же следовало соединить протокой с рекой Мешей и другими близ города протекающими реками. Если этот способ властей не устроит, Тилле предлагал принять жесткие меры против загрязнения Кабана и профильтровать водоем с помощью угля[1]. Но и этот, и последовавшие за ним призывы не дали практических результатов[2].

Между тем качество воды ухудшалось. Жители обеих Татарских и Суконной слобод стирали в озере белье[3], купались в нем сами и

[1] ***Тилле В.Л.*** Записка о причинах, по коим Казань принадлежит к городам, по здоровью неблагоприятствующим, и почему воду Волги предпочесть должно воде озера Кабан // Заволжский муравей. 1833. Т.III. С.1-28.

[2] НАРТ. Ф.376. Оп.1. Д.94. Л.47.

[3] Зимой за полоскание белья в прорубях женщины платили деньги «содержателю прорубей» (См.: Тонувшая в проруби на реке Казанке // Казанские новости. 1885. 14 ноября).

мыли лошадей и собак, топили в воде кошек. В зимнее время на лед озера свозился городской мусор, который с наступлением весны погружался под воду. Во время разлива Волги в Кабан попадали нечистоты из рыбных торговых рядов (ныне улица Татарстан).

Экологическую ситуацию в Казани еще более осложнили фабрики и мануфактуры, выстроенные в городе на берегах рек и озер. Кожевенные заводы не только отравляли воду в озере, но и выбрасывали в воздух химические отходы, запах от которых особенно ощущался в летнюю жару. Во второй половине XIX столетия на берегах Кабана выросли корпуса еще нескольких предприятий – красильного, клеевого и мыловаренного. Естественно, промышленные стоки пошли в озерные воды.

Тем не менее, долгое время «кабанная» вода считалась в городе самой чистой. Каждое утро между 4 и 10 часами утра к озеру подъезжали запряженные лошадьми телеги с бочками, и водовозы черпаком заполняли емкость мутной «питьевой» водой. 20 таких телег ежедневно развозили воду по казанским домам[1]. По свидетельству современника, жившего на Засыпкиной улице, нередко водовозы продавали воду, примешивая к «кабанной» непитьевую речную воду из Казанки, а иногда и вовсе набранную из ближайшего стоячего водоема на Театральной площади[2].

Но в 1860-е гг. многочисленные публикации в газетах, публичные лекции университетских профессоров сделали свое дело. Казанцы, напуганные обнародованной в «Справочном листке города Казани» статистикой смертности и информацией о качестве питьевой воды, находились буквально в панике. Один из корреспондентов газеты в ужасе писал: «Пьем мы воду из озера Кабан и допиваемся до лихорадки и до завалов брюшных внутренностей»[3]. Чтобы получить более-менее пригодную для питья воду, казанцы начали рыть колодцы. Уже в конце 1860-х гг. их было более 500[4]. Но вода во многих из них была либо чрезмерно жесткой, с большим количеством извести, либо откровенно грязной. Лучшим по качеству воды считался колодец военного госпиталя, прорытый на глубину почти 60 метров. Однако колодцы не могли удовлетворить полностью потребности города в питьевой воде.

---

[1]Вода ли это? // Справочный листок города Казани. 1867. 15 июня.

[2]Голос из глубины Засыпкиной улицы // Справочный листок города Казани. 1867. 18 июля.

[3]Нечто горькое о казанских мостовых // Справочный листок города Казани. 1867. 30 апреля.

[4]***Зорин А.Н.*** Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань, 2001. С.598.

Квасник и сбитеньщик

Ситуацию мог бы улучшить общественный водопровод. Попытки его устройства в городах России относятся к началу XIX века. В 1805 г. было завершено строительство Мытищинского водопровода общественного пользования в Москве – первого в России. Водопроводы призваны были не только обеспечить санитарно-гигиенические потребности, их создание диктовалось необходимостью предотвращения пожаров. Но, тем не менее, многие казанцы считали водопровод роскошью и отказывались тратиться на это. В Казани водопровод появился лишь в 1874 г. Тогда Казанское общество водоснабжения проложило трубы с питьевой водой от ключей деревни Пановка (в 18 км от Казани) до Арского поля, где был оборудован закрытый резервуар для накопления воды. Его торжественное открытие состоялось 24 октября[1]. И хотя уже через год в отчетах врачей было отмечено резкое снижение желудочно-кишечных заболеваний, далеко не все горожане смогли воспользоваться преимуществами водопровода. К концу века он был проведен лишь в 522 казанских дома из 5044.

На всем протяжении XIX века город обходился без канализации. Собственно, в бытовой культуре казанцев того времени даже туалеты и очистные ямы не получили «постоянной прописки». И в конце столетия помойные ямы имели только около 23% домовладельцев Казанской губернии. Помои, пищевые отходы выплескивались на двор или «задворки». Туалеты (или «ретирады», «отхожие места», «сортиры», по терминологии того времени) были только в домах состоятельных и образованных горожан. Большинство же обывателей их не имели вовсе. Составители «Оценки городов» вынужденно констатировали: «При большинстве домов нет не только помойной ямы, но даже и особого отхожего места»[2].

[1] *Ерунов Б.Г.* Казанский калейдоскоп. Казань, 2003. С.82.

[2] Оценка городов: Вып.3. Казань, 1908. С.79.

Хлебник

Пирожник

Даже официальные учреждения и торговые дома нередко обходились без канализации. Врач Казанской духовной академии, расследовавший обоснованность студенческой жалобы, вынужденно признал, что в спальнях и учебных комнатах студентов «воздух весьма сух», «кухня содержится неопрятно», белье в академической больнице находится в «укоризненном состоянии». Но более всего его поразило состояние холодного, грязного «отхожего места», где пол и стульчаки были покрыты «ледяной коркой» и куда студенты выходили ночью «в испарине из сухой и теплой спальни». В своем отчете врач указывал, что подобное не встречается даже «в беднейших постоялых дворах»[1].

Но, судя по всему, он ошибался. Обличая низкую санитарно-гигиеническую культуру казанцев, университетский медик И.Больцани предупреждал: «Даже и те нововведения, которые могли бы считаться улучшениями в этом отношении, должны без обилия воды и, в особенности, без правильно устроенных водостоков сделаться источником вреда. Достаточно заглянуть в летнее время в те не имеющие названия ни на каком языке сооружения, которые во внутренности Гостиного двора заменяют отхожие места, чтобы видеть пример этому»[2].

[1] ***Вульфсон Г.Н.*** Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань, 1974. С.112-113.

[2] ***Больцани И.*** По поводу вопроса о водоснабжении города Казани: Материалы для статистики // Справочный листок города Казани. 1867. 31 января.

Город рос, и вместе с ним росло количество отходов. Нечистоты заполняли его улицы, площади, сады, задворки домов, уродовали облик, создавали антисанитарные условия жизни горожан, способствовали вспышкам эпидемий. В конце 1860-х гг. современники констатировали: «Гигиеническое состояние города вообще было еще менее удовлетворительно в последнее время, нежели прежде»[1].

В 1870-х гг. очисткой улиц и площадей в Казани занимались арестанты. Их работа не была эффективной, и нареканий на них у горожан было немало. Лишь в 1889 г. в городе появился очистной обоз – 30 рабочих на 20 запряженных лошадьми повозках. На рассвете они появлялись на центральных городских улицах, сгребая метлами и совками мусор. Наполнив повозку, рабочие везли его на свалку за городом или сбрасывали в городские овраги. В результате почти все казанские обрывы и овраги были завалены мусором и всевозможными отбросами. Разлагаясь, они издавали зловоние, а с талыми водами растекались по низменным частям города, попадали в питьевую воду. И это порождало все новые эпидемии. В целях их предотвращения в 1890-е гг. в городе была создана специальная команда для дезинфекции отхожих мест[2].

Санитария

Казань отличалась среди прочих российских городов высокой смертностью. В 1867 г. в Суконной слободе на 100 родившихся приходилось 107 умерших, в Адмиралтейской – 133, а в Мокрой – 180. В целом же по городу в это время показатели были следующими: на 100 младенцев приходилось 86 умерших. К концу столетия эти показатели возросли. Уже в 1883-1895 гг. смертность среди казанцев превышала рождаемость более чем на 2000 человек. Демографическая ситуация не была стабильной. Наиболее высокая смертность в Казани отмечалась в периоды 1843-1852 и 1863-1865 гг., в голод 1892 г.

Конечно, люди гибли и от рук преступников, и в результате несчастных случаев, и от разбушевавшейся стихии огня или воды, но чаще и больше всего от болезней. По статистике, опубликованной в 1867 г. Александровской лечебницей для приходящих, наиболее частыми заболеваниями в городе были «перемежающаяся лихорадка», сифилис и воспаление легких[3]. Климатические условия

---

[1] ***Больцани И.*** Указ. соч.

[2] ***Зорин А.Н.*** Города и посады дореволюционного Поволжья. С.554.

[3] Сведение о деятельности Александровской лечебницы для приходящих // Справочный листок города Казани. 1867. 18 июля.

способствовали тому, что «в Казани преимущественно свирепствуют простудные болезни и упорные лихорадки, часто сопряженные с опухолями (oedema) и переходящие в водяную болезнь. Цинготное худосочие, – сообщал путеводитель Н.Баженова, – тоже не чуждо казанскому климату»[1]. Лихорадками в то время называли многие болезни, сопровождающиеся повышением температуры тела.

В декабре 1822 г. ректор университета Г.Б.Никольский писал: «Начиная с осени я недомогаю, а теперь третью неделю очень болен простудным кашлем, который по всему городу свирепствует... Около 16-ти человек студентов и пансионеров также больны были кашлем, лихорадками и резями в животе, которые происходят, кажется, от чрезмерных перемен в воздухе, от всегдашней почти мглы, носящейся в атмосфере, и от плодов земных, которые в продолжение прошедшего лета, сырого, пасмурного и по большей части холодного, не дозрели»[2].

Человеку, попавшему в Казань из более мягкого климата, грозил тяжелый период адаптации. И не все его выдерживали. Приехавшие в местный университет немецкие ученые жаловались на недомогание, становились жертвами простудных и инфекционных заболеваний. Рассказывая о смерти соотечественника Т.Реннера, профессор Ф.К.Броннер полагал, что причина ее в том, что покойный пил холодную некипяченую воду и допускал переохлаждения[3].

Особенно высокой в городе была детская смертность. Младенцы, дети и подростки гибли от чахотки, тифа, лихорадки, водянки, дизентерии. По мнению казанского врача Р.Лангеля, источниками этих заболеваний были все те же антисанитарные условия жизни в городе: «испорченный воздух от... болотистых мест и неопрятность улиц и домов»[4].

Занимая сырые низины, жители казанских слобод оказывались в самых неблагоприятных санитарных условиях, в худших, чем обладатели домов в «высокой» части посада. Особенно тяжелым было положение поселян Мокрой, Ямской, Засыпкиной, Нижне-Федоровской, Подлужной и Архангельской слобод, расположенных вокруг Кабана и по берегам Казанки. В 1861 г. чиновник МВД М.Лаптев в отчете о медико-санитарном состоянии Казани

[1] ***Баженов Н.*** Казанская история. С.30.

[2] ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 4019. Л.49.

[3] Письмо Ф.К. Броннера к М.А. Салтыкову (фр. яз.) // ***Нагуевский Д.И.*** Профессор Франц Ксаверий Броннер. С.322.

[4] ***Лангель Р.*** Краткое медико-физическое и топографическое обозрение города Казани и губернии оной. Казань, 1809. С.29.

Кормилица и развозчик

отмечал, что вышеперечисленные слободы ежегодно заливаются водой[1]. Каждый год в весенне-летний период в Ново-Татарской слободе из-за большой влажности и подтоплений свирепствует цинга[2]. Аналогичная ситуация была в Адмиралтейской, Игумновой, Козьей, Кизической, Ягодной слободах и на Гривке, находившихся по другую сторону Казанки от городского посада[3].

В XIX веке жизнь казанских обывателей периодически оказывалась парализованной приступами эпидемий. Город замирал в 1812-1813 гг., когда на его улицах свирепствовал тиф, вызванный перемещением в город большого числа пленных и мигрантов из разоренных французами территорий. А в 1830-1831, 1847-1848, 1853-1854, 1857, 1859, 1866 гг. городская жизнь затихала в страхе и бессилии перед холерой.

В период эпидемий губерния изолировалась от остальной империи. На ее границах местные власти устанавливали медицинские кордоны внутренней стражи, на дорогах через каждые две версты выставляли пикеты, которые останавливали путников и отправляли их на обсервационные заставы для 14-дневной обсервации. Город был поделен на кварталы, и полицейские ежедневно обходили дома казанских жителей, выявляя больных. Заболевших военных отправляли в военный госпиталь; для лечения прочих городские власти выделяли специальные «дома с чистым воздухом». В таких случаях домохозяева получали из приказа общественного призрения изрядную сумму за аренду их собственности. Так, во время холеры 1847-1848 гг. под лазареты «были наняты дома у купца Абдуллина – фабрика в 3-й части г. Казани и дом у чиновника Бальбуциновского с оплатой: первому единовременно 100 руб. серебром, а второму по 50 руб. каждый

[1]Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. СПб. 1861. С.300.

[2]Там же. С.302.

[3]***Баженов Н.К.*** Казанская история. Ч.III. Казань, 1847. С.30.

Купец и артельщик

Обручник

месяц»[1]. Для заболевших казанских бедняков устраивались холерные бараки. В 1848 г. такой барак был при Стекольном заводе в пригороде Казани[2].

От холеры каждый спасался, как мог. Во время эпидемии 1830-1831 гг. по распоряжению ректора Н.И.Лобачевского Казанский университет превратился в «осажденный город». Все входы и выходы на его территорию были закрыты, около них выставлена стража. Впускали только врачей. Вещи, с которыми могла быть занесена инфекция, обрабатывались «хлорированным раствором, письма окуривались, постели умерших сжигались». Вода и продукты питания подвозились на специально отведенный двор и обрабатывались. В результате принятых мер ни один студент университета не заболел, а из 560 человек, живших в главном корпусе университета, заболело только 12[3]. Наиболее тяжелой была эпидемия 1848 г., когда в Казанской губернии умерло более 59 тысяч человек. Источниками всех этих вспышек были загрязненная вода, антисанитарное состояние в городе.

---

[1]НАРТ. Ф.376. Оп.1. Д.38. Л.21.

[2]***Агафонов Н.*** Казань и казанцы. Вып.II. Казань, 1907. С.55.

[3]Материалы для биографии Н.И. Лобачевского (1792-1857) // Под ред. Л.Б. Модзалевского. М.-Л., 1948. С.283-285.

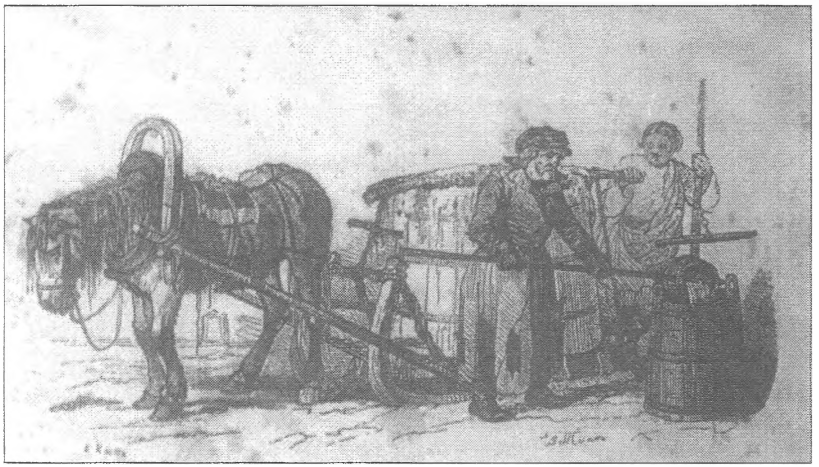
Разносчик посуды

Между тем, казанским обывателям состояние улиц, домов, площадей, похоже, не внушало отвращения, как не вызывали у них тревогу высокая заболеваемость и смертность. Причина тому, думается, в способах восприятия болезни, характерных для отечественной традиционной культуры. Болезнь в России понималась как испытание. Утрата здоровья могла служить предупреждением о том, что заболевший прогневил Господа. В подобной ситуации надеяться на лечение казалось нелепым – ведь исцелиться мог лишь тот, кто внял призыву Божьему. Недуг истолковывался не только как предупреждение, но и как непосредственная кара, настигающая грешников. И лечение могло лишь усилить гнев Божий.

Казанские врачи считали эпидемии социальной проблемой. Они констатировали, что заболевали холерой преимущественно «простолюдины, нищие, солдатки», те, кто не соблюдал или не мог себе позволить соблюдать гигиенические правила и употреблять качественную воду и пищу. Согласно же традиционным представлениям, эпидемия являлась не столько болезнью отдельного человека, сколько коллективной напастью, по характеру аналогичной войне, голоду, стихийным бедствиям.

В этом, видимо, причина того, что, как отмечали современники, «среднее сословие пользуется услугами медиков крайне редко»[1]. Заболевания малярией лечили купанием в «крещенской проруби». От холеры спасались тем, что парились в бане, пили водку, настоянную на перце, или процеженную кипяченую воду с ложкой просеянной золы и щепотью соли. От простуд натирались в бане редькой или «растворенным с камфарою вином», примачивали голову уксусом или прикладывали к ней листья лопуха и свеклы. Не только неимущие, но и состоятельные горожане регулярно

[1]Казанская губерния. С.296.



Водовоз

пользовались услугами знахарей и священников. Даже некоторые университетские преподаватели больше верили в силу святой воды, чем в медицинские средства борьбы с сезонными эпидемиями.

Конечно, медицинская помощь, обслуживание в больнице, лекарства и медикаменты стоили дорого. Но, помимо материальных трудностей, были и другие соображения, препятствовавшие широкому проникновению медицинских знаний и практики в повседневность казанцев. Профессиональных медиков было крайне мало, и сам уровень медицинского обслуживания не внушал горожанам доверия. Так, жители Суконной слободы жаловались, что «в лазарет же больных хотя и принимают, токмо лечат из фабричных же выученные медицине два человека под дозиранием штаб-лекаря большею частию простыми травами и скипидаром»[1].

Лекари в Казани появились в пятидесятых годах XVIII века. В первой половине XIX столетия их число росло очень медленно. Медицинский факультет университета давал мало выпускников, и их забирало военное ведомство. В 1861 г. на весь город было всего 37 врачей. А вот в конце столетия их стало 220, в том числе 184 гражданских и 36 военных врачей. По специальностям медики распределялись следующим образом: 6 дантистов, 31 ветеринарный врач, 46 акушерок, 39 фельдшеров, 6 ветеринарных фельдшеров.

[1]Рабочее движение в России в XIX веке: Сб. док. / Под ред. А.М. Панкратовой. Т.1. Ч.1. М., 1955. С.123.

С 1885 г. в Казани были учреждены проституционные врачи[1]. В 1888 г. началось строительство детской больницы, со следующего года был введен врачебный контроль за школами. В 1892 г. в городе были созданы медицинские участки. К концу столетия Казань, благодаря медицинскому факультету, самому многочисленному в университете, а также университетским и земским клиникам, стала считаться крупнейшим медицинским центром империи. Сюда на консультации к хирургам и специалистам приезжали больные со всей России.

Благоустройство

Культура повседневной жизни во многом определяется развитием городской инфраструктуры и благоустройством города. В первой половине XIX века благоустройство Казани сводилось к заботе о состоянии центральных улиц, площадей, водоемов и об освещении ночного города.

В начале XIX века в Казани мощеными были лишь Воскресенская и Грузинская улицы, в конце 1820-х гг. мостовые появились на Вознесенской и Георгиевской улицах. Забота о содержании мостовых возлагалась на самих горожан. А это было непросто. Глинистые почвы Казанской губернии, отсутствие сточной системы способствовали тому, что, как вспоминал бывший профессор Казанского университета И. Литтров, «во время дождей была на улицах грязь непроходимая, и надо было ездить в легковом экипаже не иначе, как тройкой, а на одной из торговых площадей, кажется, на Сенной, случались утопленники в грязи. В сухое время поднималась тонкая пыль, которая проникала во все щели и облекала все предметы в комнатах пепельным саваном»[2]. Свидетельство Литтрова подтверждает И.А.Второв, вспоминавший свое первое посещение Казани в 1812 г.: «Лучшие улицы ее были прежде непроходимы от грязи в сырую погоду, а в сухое время пыль засыпала пешеходов»[3].

Вспоминая город своей молодости, С.В.Смоленский в начале XX века писал: «Зимою улицы Казани, кроме самых главных,... были по ухабам и сугробам не хуже нынешнего Сибирского тракта; весною и осенью все немощеные улицы... представляли собой нечто непроходимое и даже непроезжее. Летом казанская пыль была

[1]Волжский Вестник. 1885. №73.

[2]Цит. по: ***Булич Н.Н.*** Из первых лет Казанского университета. Ч.2. С.126

[2]***В-в И.*** Мои воспоминания о Казани // Казанские губернские ведомости. 1843. № 50.

такая же, как и теперь. Такие улицы сами собой вынуждали к устройству высоких деревянных тротуаров, отдельных мостков к домовым крыльцам, или к прокладыванию через особенно топкие перекрестки то длинных досок, то бревен, то ряда больших камней»[1].

Улучшение состояния городских улиц казанцы связывали с именем военного губернатора, генерал-майора С.С.Стрекалова. Описывая эту сторону деятельности губернского начальника, казанский поэт И.С.Чернов на его проводах декламировал:

Крестьянин и крестьянка

В избытке чувств благодаренья
Тобой счастливая Казань –
Не фимиам, не песнопенья,
Тебе сердца приносит в дань!

Ты дикия красы природы
Рукой искусства оживил;
Ты разноверные народы
В одну семью соединил!

Полвеком целым ты подвинул
Вперед угрюмую Казань;
Неву и Волгу вместе сдвинул!
Прими ж признательности дань![2]

Впервые камнем в Казани была вымощена Рыбнорядская площадь (ныне площадь им. Тукая). 6 декабря 1829 г. по этому случаю в городе был устроен крестный ход. Казанский архиепископ Филарет и гражданский губернатор И.Г.Жеванов первыми проехали

[1] Былое из университетской жизни: Литературный сборник к 100-летию императорского Казанского университета. Казань, 1904. С.241.

[2] ***Баженов Н.*** Казанская история. С.121.

на лошадях по вымощенному пространству. С 1829 по 1833 гг. были замощены камнем улицы Крепостная (в Кремле), Рыбнорядская (Пушкина), Проломная (Баумана), Воскресенская (Кремлевская), Петропавловская (Т.Гиззата), Гостинодворская (Чернышевского), Успено-Московская (Московская). К 1844 г. мощеными стали 19 улиц и 4 площади, а в 1874 г. их было уже 81.

Для благоустройства улиц использовался местный акинский камень, мягкий по своей структуре. Известковые глыбы клали на перекопанный грунт и сверху неотесанные камни засыпали глиной, перемешанной с песком. После дождя все это превращалось в грязную жижу, в которой вязли пешеходы и экипажи, но, засыхая, она сцепляла мостовую. Летом над ней поднимался столб белой известковой пыли, забивавший глаза и легкие горожан[1]. Поэтому не столь уж неожиданным для казанцев было сообщение в июльском номере «Волжского Вестника» за 1886 г.: «Болезненность органов дыхания, – писал обозреватель, – получила за последнее время сильное развитие в нашем городе»[2].

Ко всему прочему такая мостовая была крайне недолговечной. Ремонтировать ее частями было то ли невозможно, то ли невыгодно, поэтому через несколько лет вся процедура мощения повторялась вновь. И новый слой ложился на предшествующий. В результате центральные улицы города поднимались с неимоверной быстротой, закрывая окна и двери первых этажей, превращая их в подвалы.

Известковые мостовые создавали неудобства и пассажирам, проезжавшим по улицам. Горожанин, севший в экипаж, обрекал себя на сущие муки. «На всяком шагу, – описывал журналист свои ощущения от поездки, – кажется ездоку, что вот-вот рессора лопнет, или ось сломается; на всяком шагу вы получаете такие толчки, подпрыгиваете так высоко на вашем сиденье, что, наконец, терпенья не достает и поневоле спрашиваешь себя: неужто нельзя избегнуть этого мученья, неужто и в самом деле нельзя иметь лучшей мостовой?»[3] Покрывать казанские улицы асфальтом начали с 1878 г.

Но если в посадской части города с течением времени происходили перемены к лучшему, то в казанских слободах ситуация не менялась на протяжении всего столетия. «Перед нами снова захолустья со своими мизерными домишками, сараями и пустошью... Улицы неправильные, немощеные, заваленные каким-то мусором», – так в 1860-е гг. описывал впечатление от Суконной

[1] Нечто горькое о казанских мостовых. // Справочный листок города Казани. 1867. 30 апреля

[2] Волжский Вестник. 1886. № 7.

[3] Нечто горькое о казанских мостовых.

слободы В.Невельский[1]. Расположение слобод в низких, часто затоплявшихся местах с глинистыми почвами делало их крайне грязными районами. Чтобы пройти от дома к дому, слобожане сооружали переходные мостки–доски, положенные на какие-нибудь валуны или бревна.

Да и центральные улицы, когда-то замощенные, со временем требовали ремонта. А на это у городских властей постоянно не хватало средств. В результате страницы местных газет конца XIX столетия были наполнены статьями о городском запустении, об уличной грязи, о нерадении чиновников, о смущении, которое казанцы испытывали за свой город перед приезжими. Эти публикации отражали недовольство горожан состоянием места своего проживания. «Знаменитая наша Рыбнорядская улица, – писал в 1885 г. корреспондент, – на всем своем протяжении утопает в грязи. Мостовые и тротуары ее представляют печальную картину. Это улица с неопрятною грязною торговой площадью. На Николаевской площади тротуары узкие, известковые плиты давно расколотились и во многих местах совсем исчезли, а на их месте образовались дождевые вымоины и впадины. Почти абсолютное отсутствие сточных городских труб не раз уже ставилось на вид городскому самоуправлению»[2].

Состояние казанских улиц диктовало особый стиль поведения горожанина. Свидетели констатировали: «Казанцы прямо страдали от упражнений в прыжках и соблюдении равновесия в дебрях Старой Горшечной (улица Щапова – *авторы*) и Собачьего переулка (улица Некрасова – *авторы*)... В этих палестинах, как и в Суконных и «Мокрых» улицах, иногда виднелись днем экипажи без лошадей, завязшие в грязи так крепко, что хозяева их, без страха от воров, спокойно отправлялись далее верхом «на конях», а на другой день, уже при помощи добрых людей, выручалась застрявшая пролетка, или коляска, или плетушка»[3]. Выходя на улицу, житель Казани вовсе не был уверен в том, что вовремя доберется до нужного ему места, что его не обрызгает грязью проезжающая мимо повозка, что ему удастся не соскользнуть в грязь или вернуться домой не покрытым толстым слоем известковой пыли. Поэтому поведение и повседневная одежда горожан отражали эту вечную неуверенность, готовность к худшему. А напряжение порождало бытовую агрессию.

Исследовав состояние городов Поволжья, А.Н.Зорин пришел к заключению, что «в середине XIX в. освещение в городах России было

[1] ***Невельский В.*** Казанские захолустья и трущобы. Казань, 1867. С.139.
[2] Цит. по: История Казани. Кн.1. Казань, 1988. С.208-209.
[3] Былое из университетской жизни. С.241.

распространено очень слабо»[1]. Мемуары сохранили воспоминания о том, что впервые уличное освещение в Казани намеревался ввести губернатор А.П.Волынский еще в 1720-е гг. Но жители отказались выполнять его приказ о зажигании масляных фонарей около домов. С наступлением сумерек город вымирал, обыватели запирались в домах, некоторые улицы перегораживались решетками и на них выпускали собак. И лишь спустя столетие после первой попытки осветить Казань, в 1829 г., на центральных улицах посада появились первые фонари, заправленные конопляным маслом. Они давали слабый мерцающий свет, позволявший запоздалым путникам лишь не натолкнуться в темноте друг на друга.

Чуть позже на городских улицах появились более яркие фонари на спиртово-скипидарной жидкости. Сила света такого фонаря составляла «12 лучших стеариновых свечей». Ежедневное освещение городского посада началось с 1840 г. В 1863 г. в Казани были установлены фонари с так называемым «фотонафтилем». Он давал больше света, чем прежние конструкции, поэтому вскоре на него перевели 414 прежних спиртово-скипидарных фонарей. В 1860-е гг. число фонарей в городе достигло 1200. С 1874 г. казанские улицы стали освещаться «трескучим» газом, подводившимся по подземным трубам. Полностью освещение первой части города газовыми фонарями было завершено к 1876 г., когда их количество достигло 1000. Впрочем, тогда газовое освещение не вытеснило керосиновое, и количество керосиновых фонарей продолжало расти. В общей сложности к концу XIX века в Казани насчитывалось 1400 керосиновых фонарей.

В 1887 г. в Панаевском саду (ныне стадион «Динамо») была установлена динамо-машина с двумя «паровиками», снабжавшая электрическим током восемь больших фонарей и несколько сот маленьких лампочек. Но вылетавшие из труб «паровиков» искры вызывали страх и негодование горожан. Обыватели не без тревоги за свою безопасность приходили посмотреть на техническое чудо. Первая городская электростанция в Казани была пущена в 1895 г. Она располагалась на Театральной площади (ныне площадь Свободы). Станция работала на двух двигателях мощностью 120 лошадиных сил, использовавших светильный газ. Пробное освещение электричеством состоялось 24 июня 1897 г. на улице Большой Проломной (ныне Баумана). Эта проба разочаровала собравшихся. Поставленные наспех вкривь и вкось столбы с лампочками едва освещали сами себя. Более удачной оказалась попытка освещения Воскресенской (ныне Кремлевской) улицы. С пробы, проведенной

[1] *Зорин А.Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья. С.581.

на этой улице 6 декабря 1897 г., началось регулярное освещение городских улиц электричеством.

Сначала к городской электросети были подключены правительственные учреждения, почта, телеграф, здание дворянского собрания, театр и небольшое количество домов в центре. Непривычно яркий свет падал из их окон на тротуары, привлекая внимание прохожих. На рубеже XIX-XX столетий на улицах Большая Проломная, Воскресенская, Московская, Грузинская, Покровская появились электрические дуговые фонари. Фонари зажигались около 7 часов вечера, а в 1 час ночи их гасили.

Разносчик с корзинами

Частью повседневности Казани XIX века были регулярные обходы городских улиц и площадей фонарщиками – молодыми мужчинами с лестницами на плечах. Каждый из них обслуживал примерно 15 фонарей. Часть фонарей подвешивалась на столбы с помощью тросов и крепилась специальными блоками. Эта система позволяла опускать фонарь на тросе и заправлять его. Казанские мальчишки любили наблюдать за работой фонарщика, мечтали хоть раз быть допущенными к «техническому» священнодействию. Поскольку от порыва ветра огонь на фитиле легко гас, фонарщик вынужден был постоянно курсировать около порученных ему фонарных столбов и зажигать потухшие фонари.

С улучшением освещения были связаны не только радостные настроения горожан, но и трагические ситуации. В ночь с 3 на 4 декабря 1874 г. после окончания спектакля «Горе от ума» загорелся казанский городской театр. Впоследствии обыватели были поражены известием, что театр поджег служивший в нем ламповщик. На следствии выяснилось, что старый служитель был уверен, что в связи с установкой газового освещения он останется без работы, и решил покончить с собой и театром одновременно.

Казанские слободы оставались не затронутыми «прогрессом». С наступлением вечера здесь воцарялась кромешная тьма. «В четвертой части города, – писал в 1899 г. корреспондент «Волжского

Любитель быстрой езды

Вестника», – до сих пор еще много кварталов, которые с самого основания их не только газового, но даже и керосинового освещения не видали... Перечисленные кварталы буквально тонут во тьме, и во время ненастья сюда не едет ни один извозчик из опасения или увязнуть в грязи, или сломать пролетку. Между тем обитатели этих кварталов платят налоги, часть которых идет якобы на освещение»[1]. В этих условиях отдельные жители слободы могли рассчитывать на некоторые сомнительные привилегии. Так, одному из лучших мастеров суконной мануфактуры Борису Сазонову разрешалось «возвращаться домой после работы в темные осенние ночи с фонарем в руке, по причине грязи»[2].

Плохое состояние улиц, изрезанный ландшафт, большая протяженность города затрудняли коммуникацию между отдельными частями губернской Казани первой половины XIX века. Жизнь горожан проходила в ограниченном и довольно замкнутом пространстве. Ситуация стала меняться с появлением городского общественного транспорта. До 1870-х гг. единственным видом городского транспорта был конный, состоявший из частных экипажей и пролеток извозчиков. Извозчики обслуживали все слои городского населения. Большая их часть входила в артели,

[1]Цит. по: История Казани. Кн.1. С.210.

[2]***Лисевич М.М.*** История Казани глазами эрудитов. Казань, 2002. С.89; ***Агафонов Н.Я.*** Горшок герани // ОРРК НБЛ КГУ. Д.216. С.574.

работавшие на предпринимателя, но встречались и одиночки, преимущественно из крестьян окрестных деревень, приезжавших в город на своей лошади на заработки.

В конце XIX века на улицах Казани появилась конка, а позже – трамвай (линии конно-железной дороги позже были переведены на электрическую тягу). Конка стала ходить в городе с 1875 г. Она представляла собой маленькие коробочные одно- и двухэтажные вагоны, запряженные двумя лошадьми. На крутых подъемах к ним пристегивались дополнительные кони – «петрушки». Линия конно-железной дороги была одноколейной, с разъездами, на которых вагоны должны были дожидаться встречных. Конка ходила преимущественно летом с 7 часов утра до 9 часов вечера. В зимнее время движение осуществлялось нерегулярно, а на отдельных линиях (в связи с обледенелостью крутого спуска) прекращалось до весны. Скорость конки была столь низкой (4 версты в час),

Беседа горожан

что зимой, чтобы согреться, кучера и кондукторы периодически спрыгивали со своего места и бежали рядом с вагоном.

Одна из самых протяженных линий казанской конки связывала центр города с волжской пристанью «Дальнее устье», которая располагалась в месте тогдашнего слияния Казанки с Волгой[1]. К концу XIX века в городе было пять линий конно-железной дороги: Волжская (от толчка на Проломной до пароходных пристаней на Волге); Проломная (по ул. Б. Проломная до Суконной слободы); Черноозерская (от Черного озера по Грузинской улице к Арскому полю); Центральная (от Верхне-Федоровской улицы до Рыбнорядской площади); Екатерининская (по Московской улице до завода Крестовниковых).

Конка быстро стала неотъемлемой частью городской жизни. Она была популярна у горожан, так как проезд на ней стоил гораздо дешевле, чем на извозчике. Мальчишки берегли медяки, чтобы прокатиться в конном вагончике. Горожане стали активнее перемещаться по городу. Наличие транспортных коммуникаций дало казанцам большую свободу выбора в устройстве на работу, разнообразило формы досуга.

Несмотря на доходность предприятия, владельцы конки не спешили вкладывать средства в текущий ремонт вагонов и рельсов, в расширение сети дорог. В результате в 1880-е гг. вагонный парк Казани находился в плачевном состоянии. Горожане жаловались на разбитое состояние салонов вагончиков, на частые поломки, остановки в движении, на отсутствие расписания, на грубость кондукторов и контролеров.

Первый электрический трамвай прошел по казанским улицам 18 ноября 1899 г. В 1898 г. на берегу озера Кабан была построена центральная станция электрических трамваев. Первые трамваи (их было 36) ходили по улицам Московская, Грузинская и Проломная. В следующем году электрические вагоны стали возить горожан к волжским пристаням, через Кизическую дамбу, а также вдоль Черного озера и к заводу Крестовниковых. Их скорость была чуть выше конки, но трамвай был более дешевым, а потому и доступным транспортом.

Качество повседневной жизни казанцев определяли не только физические, но и информационные коммуникации. За столетие Казань стала городом с развитой культурно-информационной системой, включавшей почту, телеграф, телефон.

[1] *Лисевич М. М.* История Казани глазами эрудитов. С. 89.

Почта появилась в России еще в XVII веке. При Петре I была учреждена ординарная почта от Петербурга до «всех знатных городов», а указ Екатерины II предписал соединить почтовыми дорогами не только губернские, но и уездные города. Но как система почтовое обслуживание сложилось в России только в XIX веке. Она развивалась посредством эстафетной конной курьерской службы.

Скорость доставки корреспонденции, охват почтовыми услугами территории страны во многом зависели от состояния дорог. В XIX веке российские города соединялись, в основном, грунтовыми дорогами, которые размывались в весенне-осеннюю распутицу. Все почтовые тракты в России делились на четыре разряда: столичные (Москва – Петербург), генеральные (от столиц к границам и губернским городам), дороги между губернскими центрами и все прочие (проселочные) дороги.

К началу XIX века почтовые тракты соединили Москву и Петербург со всеми крупными губернскими городами. В 1800 г. был издан первый «Российский почт-календарь», где были указаны направления и протяженность российских почтовых дорог. В «Указателе губернских и уездных почтовых дорог в Российской империи» (1838) были описаны уездные дороги. А в правление Николая I на почтовых дорогах были установлены верстовые столбы с указанием расстояния от столицы или губернского города до ближайшей почтовой станции.

Почтовая контора

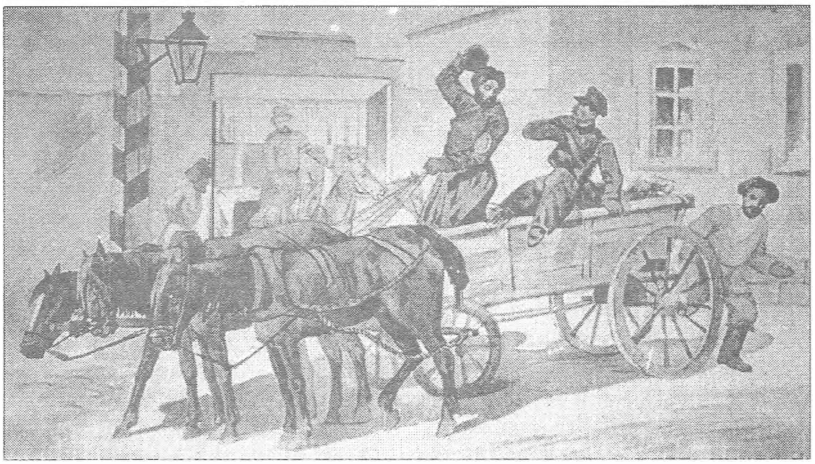
В течение XIX столетия вся территория страны была разделена на почтовые округа. В 1830-е гг. их было 13, а в 1885 г. стало 35. В столицах находились почтамты, а в губернских городах – почтовые палаты во главе с почтмейстерами. Они открывались для населения на несколько часов в так называемые «почтовые дни», когда в город приходила корреспонденция. Палаты же ведали работой почтовых станций, располагавшихся на всех трактах. В начале XIX века в Казань почта приходила по понедельникам, а отправлялась по вторникам, в 1850-е годы письма доставлялись ежедневно, а в 1900-е – по несколько раз в день.

В 1866 г. в Казани появилась внутригородская почта. Сначала горожане отправляли лишь поздравления и пригласительные билеты. Позже городскую почту стали использовать для доставки частной и официальной корреспонденции, для распространения газет. С этой целью в маленьких лавках, в кондитерских, на оживленных местах, например, у Дворянского собрания, около университета, у дома купца Алафузова в Адмиралтейской слободе или при заводской конторе в Пороховой слободе устанавливались почтовые ящики[1]. Надпись на них гласила: «Прием писем на городскую почту». Специально нанятый служащий делал запись в почтовой книге, брал с посетителя плату в 5 копеек и лишь после этого бросал письмо в ящик. В 1860-1870-е гг. в Казани было 20 почтовых ящиков и 7 почтовых учреждений.

Долгое время развитию городской почты мешало отсутствие нумерации на казанских домах и наличие большого количества одноименных и безымянных улиц. Адреса на почтовых отправлениях имели самые причудливые формулировки. Во всяком случае, современников отнюдь не удивляла формулировка «На деревню дедушке...». Надписи на сложенных в несколько раз письмах зачастую бывали не намного точнее. Даже в 1860-е годы почтовая палата регулярно публиковала «реестр писем с нарушениями почтовых правил». Поэтому в общей массе почтовой корреспонденции преобладали отправления, которые нужно было получать в почтовых конторах «до востребования». В Казани заказную корреспонденцию выдавали в почтовых конторах с 4 до 6 часов вечера[2].

Казанцы, ощутившие на себе удобства почты, делились впечатлениями с читателями местной газеты: «Мы совершенно уверены, что ее учреждение даже вызовет увеличение и развитие

[1] *Ерунов Б.Г.* Казанский калейдоскоп. С.89.
[2] Волжский Вестник. 1886. № 7.



Приезд почтальона

общественных связей, подобно тому, как дорога рождает движение»[1]. Действительно, разраставшийся город с увеличивавшимся населением нуждался в оперативной связи, информационных коммуникациях. И это уже не было делом частных лиц. С учреждением городской почты отпала необходимость содержать в качестве прислуги «мальчика на посылках». Его заменил городской почтальон.

Это была новая фигура в провинциальной жизни Казани XIX века. Он сопровождал почту при перевозке ее по почтовому тракту, занимался доставкой писем. От него обыватели узнавали много интересного из жизни других городов, о том, что происходит в отдаленных казанских слободах и даже в доме ближайшего соседа. Почтальоны, набиравшиеся «из свободных и грамотных людей», одетые в синие форменные костюмы почтового ведомства, в фуражки с персональными номерами, обходили городские места приема писем и один раз в день осуществляли доставку корреспонденции по домам.

В течение столетия менялись формы почтовой корреспонденции, устанавливались новые правила ее транспортирования. Так, в 1848 г. в России появились «штемпельные конверты», а в 1857 г. – почтовые марки. На них обычно изображались либо российский герб, либо портрет императора. В 1871 г. в торговый оборот вошли открытые

[1]О казанской городской почте // Справочный листок города Казани. 1867. 7 марта

письма («открытки»). С 1890-х гг. на них стали печатать рисунки известных художников, виды и достопримечательности российских городов. Все эти изменения официальным порядком вводились и в Казани.

В начале XIX века в почтовом движении преобладала правительственная корреспонденция, частные письма предпочитали пересылать с оказией. Это было и дешевле, и безопаснее. Ведь и в российских столицах, и в провинциальных городах знали, что на почте корреспонденцию вскрывают и прочитывают специальные чиновники, а выписки доводятся до сведения тайной полиции. Поэтому казанцы не особо доверяли почтовой службе, пользовались ею в основном в официальных целях. Во второй половине века в почтовых оборотах, напротив, возобладали частные отправления. Тогда же стало возможным отправлять по почте деньги и получать журналы. В Казанской губернии в конце XIX века выписывалось до 1800 экземпляров газет и журналов, более половины из них приходилось на Казань[1].

Почтовая корреспонденция делилась на тяжелую (для посылок и денег), легкую (для писем и небольших посылок) и экстра-почту (для экстренных писем). Экстра-почта доставлялась по эстафете. С 1837 г. казенные почтовые повозки обзавелись колокольчиком. Заслышав «колокольчик рассыпной», все путники и дорожные экипажи должны были уступить дорогу летящей тройке с ямщиком на облучке.

В течение XIX века скорость доставки корреспонденции постоянно росла[2]. В начале столетия письмо из Казани в Петербург, доставляемое гужевым транспортом, шло чуть больше месяца. На письме казанского попечителя М.А.Салтыкова стоит двойная дата: отправки и получения его адресатом – 3 июля и 11 августа 1816 г.[3] Обычными были объявления почтовой палаты, уведомлявшей казанских адресатов: «Почта, следующая из Буинска чрез Тетюши, Спасск и Лаишев, должна была получиться здесь 5 числа, но получена в Казани только 8 сего июня по случаю дурной дороги от разлива рек, а потому и полученная с нею корреспонденция

[1]Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т.1-25. СПб. 1859-1868. Т.8 (Казанская губерния). С.527-529.

[2]Министерство внутренних дел. Исторический очерк. Приложение второе. Почта и Телеграф в XIX столетии. СПб. 1902. С.122.

[3]Письмо М.А. Салтыкова к Ф.К. Броннеру (фр.яз.) // Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер. С.324.

Мясник

Гребенщик и девка

Конфетчик и парикмахер

Кучер и блинник

Кухарка и фонарщик

Господин и извозчик

могла быть доставлена позднее»[1]. С середины столетия телеграммы доставлялись в город водным путем – пароходами. А в конце XIX века почта стала прибывать в Казань по железной дороге, поэтому письмо из столицы шло до адресата неделю.

Во второй половине XIX века в жизнь казанцев вошли телеграф и телефон. С 1860-х гг. телеграф использовался для правительственной связи с Москвой и Петербургом. Отныне правительственные решения, события столичной жизни через местные газеты становились известными казанцам на следующий же день. Между прочим, введение телеграфа и развитие железных дорог потребовали унификации имперского времени. Телеграфная сеть и железная дорога империи в 1870-е гг. стали функционировать по времени Пулковской обсерватории («Петербургское время»). В 1871 г. при Казанском телеграфе была открыта школа телеграфистов. В нее набирали юношей и девушек, окончивших городские училища.

Телефон появился в городе в 1876 г., фактически вскоре после его изобретения. Однако телефонная сеть развивалась медленно,

[1] От губернской почтовой палаты // Справочный листок города Казани. 1867. 13 июня.

и к 1886 г. в городе было всего 16 телефонных аппаратов. К тому же ввиду высокой платы телефонной связью могли пользоваться только состоятельные люди. В 1906 году, например, за каждые 5 минут заказного разговора надо было платить 15 копеек, а за каждое слово принятой телефонограммы – 2 копейки и плюс 10 копеек за ее доставку адресату[1]. Центральная станция, открытая в городе в ноябре 1888 г., находилась в здании почтовой конторы на углу Покровской улицы и Театральной площади (ныне это значительно реконструированное здание Технического университета).

Потребности казанцев призваны были удовлетворить многочисленные лавки, трактиры, гостиницы, общественные бани, аптеки. Качество обслуживания в этих заведениях зависело от многих факторов, в том числе от места их расположения. Так, по мнению современников, трактиры, располагавшиеся в Бакалде, отличались низким качеством обслуживания. Прислуга так и норовила обсчитать и обмануть клиентов. «Например, часто бывает, – делился с горожанами местный журналист, – что вместо пирога с говядиной или с чем-нибудь другим, в 40 коп., подают только в 25 коп... Не редкость и то, что на пьяных посетителей насчитывают тройную сумму»[2]. А хозяева местных кабаков, по мнению автора, – «плуты большой руки», основной доход которых составляет ростовщичество.

Большинство казанских бань располагалось вдоль Булака. Это были доходные предприятия Жуковского, Меркулова, Баратынского, Соболева. В конце XIX века данные заведения стали «многофункциональными». При них открывались рестораны, массажные кабинеты, травяные лечебницы и варьете.

Доходы и расходы

Определяющими факторами в организации повседневной и бытовой жизни горожанина служили его статус («благородство»), материальные возможности и культурные потребности.

Кажется, что из этих трех показателей легче всего определить материальное положение. Но и тут немало сложностей. Чтобы судить о реальном уровне жизни казанцев, требуется сопоставление их доходов с уровнем инфляции. Доходы государственных служащих определялись штатами их ведомств, и выяснить их легко, но многие горожане подрабатывали кто чем мог. И такие «скрытые» доходы слабо отражены в документах.

---

[1] *Ерунов Б.Г.* Казанский калейдоскоп. С.92.

[2] Бакалда // Справочный листок города Казани. 1867. 18 июня

Шарлатан и школьник

Молочница и прачка

Что же касается инфляции, то она сопровождала жизнь россиян на протяжении всего столетия, вот только уровень ее менялся. Так, если в 1802 г. ассигнационный рубль приравнивался к 80 копейкам серебра, то в результате выпуска огромных партий бумажных денег в период антифранцузских коалиций уровень рублевой ассигнации в 1814 г. упал до 20 копеек серебром. При этом жалованье большинства служащих империи осталось на том же уровне, а налоги и цены выросли. Кроме того, необходимо иметь в виду, что в 1839-1843 гг. в России прошла крупная финансовая реформа с девальвацией ассигнаций, заменой их кредитными билетами, введением серебряного рубля как основной денежной единицы. После этого деньги в стране стали иными: «новый» рубль, как его называли современники, приравнивался к 3,5 «старым» ассигнационным рублям.

Рост инфляции можно проследить на примере изменения цен на хлеб: в 1805 г. пуд ржаной муки в оптовой продаже стоил 35 копеек, в 1808 – 60, в 1819 – 90, в 1838 – 1 рубль[1], в 1856 («новыми» деньгами) – 24 копейки[2], в 1859 – 40[3], а в 1886 – 55-57 копеек[4]. Эти цифры в значительной мере отражают рост цен на другие продукты питания, да и на все товары первой необходимости.

[1]Казанские губернские ведомости. Прибавление к № 5. 1839. С.4.
[2]Казанские губернские ведомости. Приложение к № 5. 1856. С.13.
[3]Казанские губернские ведомости. Приложение к № 4. 1859. С.38-39.
[4]Волжский Вестник. 1886. № 7.

Общие тенденции в изменении качества жизни горожан мы проследим на примере жизни университетского преподавателя[1]. В условиях Казани его можно признать «самым городским жителем» в смысле его оторванности от села и полной зависимости от урбанистических процессов. Согласно «штату» министерства народного просвещения с 1804 по 1835 гг. ординарный профессор Казанского университета получал жалованье в 2 тысячи рублей в год, экстраординарный (соответствует современной должности доцента) – 1,5 тысячи, адъюнкт – 800 рублей[2]. Учитывая уровень цен в России начала XIX столетия, назначенные университетским людям оклады позволяли им неплохо устроиться. Для сравнения – годовое жалование полковника пехоты составляло в то время 334 рубля ассигнациями, и экипироваться он должен был за свой счет. А в Казани профессор и вовсе мог жить довольно респектабельно. Жилье здесь стоило дешево, и не было дефицита продуктов. Более того, реклама местных магазинов свидетельствовала о широте продуктового ассортимента, а цены были значительно ниже столичных. Разница в столичных и провинциальных ценах особенно ощущалась при смене места жительства. Переехавший из Казани в Петербург попечитель округа М.А.Салтыков жаловался: «Так все вздорожало, что средства, которых в Казани хватило бы на год, здесь (в Петербурге – *авторы*) мне хватает не более чем на четыре-пять месяцев»[3].

Однако после войны 1812 г. жалование университетских людей стала «съедать» инфляция. Цены на продукты взлетели. А благодаря тому, что в городе были расквартированы военные части, эвакуированные государственные учреждения и военнопленные, цены на квартиры и дрова также стали неимоверно высокими. Когда в 1819 г. Магницкий проводил ревизию счетов университета, он запросил справки о ценах у казанского городского магистрата. Из выданного документа явствует, что пуд говядины на тот момент стоил 4 рубля 80 копеек, крупы пшенной – 1 рубль 80 копеек, соли – 1 рубль 10 копеек, мыла – 15 рублей 20 копеек; фунт коровьего масла – 47 копеек, конопляного – 40 копеек, сахара – 1 рубль 60 копеек, черного чая – 5 рублей, сальных свечей – 45 копеек; ведро

[1]Более подробно об этом см: ***Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.*** Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.

[2]Российский государственный исторический архив (далее - РГИА). Ф.733. Оп.39. Д.14. Л.5.

[3]Письмо А.М Салтыкова к Ф.К. Броннеру (фр.яз.) // ***Нагуевский Д.И.*** Профессор Франц Ксаверий Броннер. С 316.

белого вина – 15 рублей[1]. А ведь это оптовые цены, которые всегда ниже розничных.

Все, кто мог, подрабатывали. Когда однажды, в связи с пропажей золотых монет из минц-кабинета, власти стали выяснять уровень доходов и расходов университетских людей, оказалось, что на самом деле в корпорации было довольно мало тех, кто жил на «голое» жалование. Служащие ловили рыбу в Кабане, пускали в свою квартиру или в дом «нахлебников» (как правило, это были студенты и слушатели университета). Кандидаты и адъюнкты вели занятия в частных пансионах, готовили к поступлению, помогали городским обывателям составлять прошения и другие официальные бумаги[2].

Наиболее распространенным источником дополнительных доходов для профессоров было совмещение должностей. Так, Г.И.Солнцев, помимо оклада в 2000 рублей, получал еще 1200 рублей за чтение курса по естественному праву. Профессора охотно брались за исполнение административных обязанностей, так как за ректорство полагалась доплата 600 рублей в год, за деканство – 300 рублей. А если профессор брал на себя директорство над Педагогическим институтом, то ему выплачивали дополнительно 500 рублей в год. Инспектор студентов имел надбавку в 400 рублей, столько же получал библиотекарь, а его помощник и писец имели по 250 рублей. При дефиците преподавательских кадров один профессор имел возможность совмещать и реально совмещал три-четыре должности. Кроме того, в его доход шли и так называемые «квартирные деньги». Они составляли 500 рублей в год для профессора и 200 рублей – для адъюнкта.

Все это вкупе складывалось в приличную сумму. Например, ординарный профессор К.Ф.Фукс совокупно получал из университетской кассы 3036 рублей, его коллега М.А.Пальмин – 4000, а исполняющий должность директора И.Ф.Яковкин – 4900 рублей[3]. Перечисленные преподаватели были самыми высокооплачиваемыми в университетской корпорации. И жалование являлось не единственным источником их дохода, поэтому они смогли приобрести в городе собственные дома.

Материальное положение университетских служащих различалось довольно сильно. В рамках одной корпорации встречались люди и весьма обеспеченные, и те, кто еле дотягивал до получения очередной «трети», кто вынужден был вымаливать у директора свое жалование

[1]РГИА. Ф.733. Оп.39. Д.260. Л.632-656.
[2]РГИА. Ф.733. Оп.40. Д.365. Л.8.
[3]РГИА. Ф.733. Оп.39. Д.260. Л.2 об-3об., 11, 62 об-63, 338.

авансом. Получение должности по совместительству тоже зависело от решения университетской администрации (попечителя, директора, ректора и декана). В результате в их руках находились рычаги материального воздействия на подчиненных коллег.

К эпизодическим доходам членов университетской корпорации следует отнести денежные вознаграждения. Их получение не было определено в уставных документах или «штатах», скорее, их раздача являлась частью ритуала «въезда правителя». Каждое посещение университета членами императорской фамилии или высшими сановниками империи сопровождалось «одариванием». В 1829 г. после посещения университета императором все чиновники университета получили «единовременное награждение». Для профессоров оно составляло 750 рублей. Награды были также следствием рекомендательных писем, приходивших в министерство от имени сановников, посетивших университет. Премии в размере полного годового оклада или его части присуждались за успешное исполнение государственного дела (например, их получили

Саечники

члены Строительного комитета за возведение главного учебного корпуса). В благодарность за поднесенный императору, великому князю или министру научный трактат или за заслуги в просвещении преподавателю могли быть пожалованы перстень с бриллиантами или золотая табакерка[1]. В некоторых случаях такие вознаграждения становились регулярным доходом университетского человека. Так, директор И.Ф.Яковкин получал премии в размере годового жалования каждые два года; регулярно получал вознаграждения и ректор Н.И. Лобачевский[2].

Вместе с тем, в университетской корпорации были и такие преподаватели, которые чувствовали себя довольно независимо, в том числе материально, и без покровительства столичного начальства. Как правило, таковыми являлись профессора, получившие состояние либо по наследству, либо в качестве приданого за женой. Так, приехавший в Казань состоятельный профессор Ф.К.Броннер всерьез помышлял о приобретении недвижимости в губернии. Его быт значительно отличался от жизненного уклада большинства казанских обывателей начала XIX века. Внимание приходивших к нему на квартиру коллег и студентов привлекали красивая посуда, столовое серебро, занавески на окнах, цветы на подоконниках[3]. В его доме всегда были хорошее вино и свежеприготовленный обед.

А вот его соотечественник, коллега и современник, тоже холостяк, профессор П.Цеплин жил, по выражению его биографа Д.И.Нагуевского, «убого»: довольствовался весьма скромной обстановкой, плохими обедами, снятыми комнатами, старой одеждой. И такой быт был более характерен для «беспритязательных одиноких профессоров», чем быт Броннера[4].

В конце 1820-х – начале 1830-х гг. инфляция в Казани уменьшилась, и цены на жилье и продукты несколько снизились. Тем не менее, преподаватели ощущали себя живущими в крайне стесненных обстоятельствах. Очевидно, такое ощущение порождали не только размер жалования и цены, но и предписываемый им уровень жизни, которому следовало соответствовать. В эти годы университет блистал паркетными полами. Входящих в учебный корпус преподавателей встречал швейцар в шитой золотом ливрее. «Профессорская зала» была украшена роскошными картинами и

[1]НАРТ. Ф.977. Оп. Ректор. Д.1045. Л.33.

[2]НАРТ. Ф.977. Оп. Ректор. Д.297; Д.386; Д.425; Д.542.

[3]***Нагуевский Д.И.*** Профессор Франц Ксаверий Броннер. С.LXXII.

[4]***Нагуевский Д.И.*** Петр Цеплин – первый профессор Казанского университета (1772-1832): Историко-литературный очерк. Казань, 1904. С.243.

обставлена дорогой мебелью. Профессора, магистры и адъюнкты были облачены в полувоенного образца мундиры. В соответствии с занимаемым общественным положением они были обязаны заниматься благотворительностью, что влекло за собой сбор средств «по подписке» на сооружение памятников, на организацию библиотек, на создание новых учебных заведений, на проведение мемориальных торжеств или «на пользу отечества» в условиях войн и стихийных бедствий[1].

Разговор Лобачевского с министром народного просвещения, состоявшийся в начале 1836 г., свидетельствует, что университетские люди Казани с большой надеждой ждали введения нового устава, обещавшего повышения окладов. «Все вообще наши ученые, –уверял С.С.Уварова казанский ректор, – нуждаются в содержании и потому ждут с нетерпением преобразования университета. Например, профессор Шарбе с многочисленным семейством едва может себя пропитывать и сколько-нибудь пристойно жить»[2]. Преподавателю нужно было не просто жить, но жить «пристойно»!

В новом уставе правительство гарантировало университетским людям ряд экономических льгот: освобождались от постойной повинности собственные и наемные дома отечественных ученых, иностранцы могли выезжать и въезжать через российскую границу беспошлинно. В два раза выросло жалование. Отныне ординарный профессор нестоличного университета получал 4000 рублей ассигнациями годового жалования (с 1839 г. это составляло 1143 рубля 68 копеек «новыми» деньгами, то есть серебром) и 500 рублей «квартирных». Столичные профессора оплачивались намного лучше: их жалование составляло 5000 рублей. Экстраординарные профессора в Казани получали 3000 рублей (в столицах – 3500) плюс 300 рублей на квартиру, адъюнкты – 2000 рублей (в столицах – 2500) и 300 рублей «квартирных», лектор без звания – 1600 рублей.

Перед лицом местного общества корпорация демонстрировала свой особый, «имперский» статус. Появляясь в публичных местах, университетский преподаватель неизменно становился объектом пристального внимания окружающих. По своему положению он вынужден был держать дом «открытым» для гостей: студентов, городских знакомых, приезжих коллег и чиновников. Все это требовало дополнительных, и немалых, расходов. А между тем,

[1]НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.1923; Д.1923; Д.1915; Ф.977. Оп. Ректор. Д.1064.

[2]***Лобачевский Н.И.*** Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма / Ред. П.С.Александров и др. М., 1976. С.632.

Городские типы

жалование могло обеспечить преподавателю либо приличное, но одинокое и замкнутое существование ученого-анахорета, либо очень скромный, если не сказать убогий, образ жизни семейного обывателя.

В середине XIX века казанские приказчики получали 50-100 рублей в год, работники при домах – 15-40 рублей, мельники на купеческих мельницах – 35-100, наемные плотники – 36-60 рублей серебром, кузнец – 40-60 рублей[1]. Низкими были оклады разночинной интеллигенции. Мелкие канцелярские служащие имели от 36 до 72 рублей в год, примерно столько же – повивальные бабки, лекарские ученики и учителя без университетского диплома. От 180 до 224 рублей получали уездные и городские врачи, 108 рублей – помощник библиотекаря и 168 рублей – библиотекарь с высшим образованием[2]. Годовое жалованье ординарного профессора духовной академии составляло 715 рублей, а экстраординарного профессора и бакалавра – 358 рублей плюс 100 рублей за магистерскую степень.

В середине 1850-х гг. стоимость основных продуктов питания в Казани возросла почти в два раза[3]. В те годы непомерно высокими стали цены на сахар и чай. Фунт сахара стоил 30 копеек и был в 6 раз дороже говядины, а фунт чая – 2-3 рубля, то есть в 40-60 раз дороже мяса. В результате мелкие чиновники, учащиеся и даже больные в больницах почти не знали вкуса сладкого чая. Дорого стоили овощи, особенно картофель. Ведро картофеля оптом стоило 10 копеек, а в розницу еще дороже. Соответственно, в рационе питания казанца со средним и низким доходом доминировали хлеб и мясо.

Одновременно с ценами на продукты питания росли цены на жилье, отопление (дрова), освещение (свечи), одежду и обувь. В Казани конца 1850-х гг. стоимость жилья, в зависимости от качества, удобств и месторасположения, колебалась в среднем от 3 до 17 рублей и более. Квартиры же в каменных домах центральной части или аристократических кварталах стоили от 25 до 50 рублей в месяц. Конечно, было и дешевое жилье, разбитое на лачужки для постояльцев. Такие убогие квартиры в Казани называли «скитами». Обычным явлением казанских рабочих слобод, таких как Бакалда,

---

[1] ***Михайлов С.*** Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С.157.

[2] ***Вульфсон Г.Н.*** Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. С.80.

[3] ***Знаменский П.В.*** История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870): Вып.1-3. Казань, 1891-1892.

Дворник

были «курени» – «довольно грязные, сырые и неудобные помещения, в которых ночуют рабочие всякого рода и тут же получают довольно нездоровую пищу, приготовляемую хозяевами». Место в них стоило от 50 копеек до 1 рубля в месяц.

Одна из причин дороговизны квартир была связана с ростом цен на дрова и свечи. И даже если семья экономила и ложилась спать с наступлением темноты, ее расход на свечи составлял около рубля в месяц[1]. Если, по признанию современников, в целом по стране на рубеже 1850-1860-х гг. цены на продукты и товары первой необходимости по сравнению с 1835 г. выросли в три раза, то в Казани уровень инфляции был все же значительно ниже. Прибывших из столиц профессоров поражала дешевизна местной жизни. Д.А.Корсаков вспоминал, что за квартиру в доме Котовщикова на Ново-Горшечной улице, состоявшую из шести комнат на втором этаже и пяти «в антресолях», его родители платили по 360 рублей в год[2]. В Москве в это время квартира из пяти жилых комнат, передней и кухни стоила 600 рублей, ее освещение обходилось в 80 рублей, а отопление – в 120 рублей.

Жизнь человека XIX века была плохо защищена и подвержена многим случайным обстоятельствам. И гораздо большей угрозой, чем факторы экономической нестабильности, для человека позапрошлого столетия были частые болезни, эпидемии, стихийные бедствия. Особенно часто в Казани случались наводнения и пожары. В экстренных случаях люди могли рассчитывать на компенсацию части потерь за счет казны и общественных пожертвований[3]. Другое

[1] ***Вульфсон Г.Н.*** Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. С.83-85.

[2] ***Корсаков Д.А.*** Былое в жизни Казанского университета в 1856-1860 гг. // Былое из университетской жизни. С.184.

[3] РГИА. Ф.733. Оп.45. Д.2.

дело, что эта помощь была небольшой, ее размер зависел от чина погорельца и величины понесенного им ущерба, и выдавалась она спустя годы, а процедура ее получения сопровождалась бюрократическими проволочками. Но все же на нее надеялись, и компенсацию реально получали[1].

Повышение университетских окладов в 1863 г. было более чем скромным. Еще в 1862 г. доктор политэкономии Казанского университета Э.О.Горлов вычислил прожиточный минимум профессора. «Если он будет завтракать на 8 коп. – рассуждал Горлов, – если он и все его домашние будут всегда ходить пешком, будут всегда здоровы и никогда не будет нужно звать доктора и покупать лекарства; если профессор не будет никогда выезжать из города в летнее время; если он будет вести затворническую жизнь и никого не будет у себя принимать и сам никого посещать; если он не будет заботиться об участи своих детей и жены и не будет ничего для них сберегать; если у него не будет никаких экстраординарных расходов», то ему понадобится 2942 рубля 25 коп.[2]

Впоследствии эта полюбившаяся в университетской среде шутка не однажды воспроизводилась при обсуждении уставов, в разговорах о жаловании и о качестве жизни университетского человека[3]. Примечательно, что в «ординарные расходы» профессора современники включали расходы на содержание неработающей супруги, пятерых детей, оплату труда прачек, кухарки, двух служанок, гувернантки или частных учителей для детей. А наемная квартира профессора должна была состоять не менее чем из 5 жилых комнат, «передней» и кухни. Все это минимальный оклад позволял иметь, а в ситуации «дешевой» Казани у профессора оставались еще и сбережения.

Цены на основные продукты питания в 1860-е гг. можно определить по рекламам местных торговых домов. Так, реклама бакалейного магазина П.Д.Степанова, расположенного на Проломной улице, предлагала покупателям сыр швейцарский, голландский и «линбургский» по 45 копеек за фунт, зеленый – за 25, голицынский – за 20, барановский – за 5 коп., отварные владимирские грибы продавались по 20 коп., астраханский

[1]НАРТ. Ф.977. Оп. Ректор. Д.478.

[2]Сборник постановлений по министерству народного просвещения: Т.3: Царствование императора Александра II. 1855-1864. 2-е изд. СПб., 1876. С.1097.

[3]Доклад комиссии, избранной советом профессоров императорского Казанского университета, 15 марта 1901 года, о причинах студенческих волнений и способах их устранения: Ч.2. Казань, 1901. С.9.

Елка

виноград – по 10, кофе Мокко – по 80, кавказские груши отдавались по 40 коп. за 10 шт.[1] С 1870-х гг. губернские «Ведомости» стали публиковать сведения о ценах на основные продукты питания в городе. На январь 1870 г. пуд ржаной муки стоил 60 копеек, крупа гречневая – 80 копеек, пшено – 1 рубль, испеченный хлеб первого сорта – 2 рубля 20 копеек, фунт говядины – 8 копеек, а телятины – 10 копеек. В декабре цены снизились почти на четверть[2].

И хотя продукты в Казани были дешевле, чем в Москве и Петербурге, но, в отличие от столичных коллег, казанские профессора в большинстве своем не имели иных источников дохода, кроме жалования, «размеры которого... представляются более, нежели скромными»[3]. Устав 1884 г. должностной оклад профессора университета оставил прежним – 3000 рублей в год (2400 рублей – жалование, 300 – «столовых» и 300 – «квартирных»). Экстраординарный профессор получал 2000 рублей в год, лектор – 1000 рублей. За исполнение должности ректора полагались казенная квартира и 1500 рублей добавочного оклада. Деканам также предоставлялась квартира и 600 рублей добавочного жалования[4]. Профессорские стипендиаты получали 600 рублей в год[5]. Но теперь это был не единственный доход университетского человека даже в провинции. Еще с 1870-х гг. старшее поколение преподавателей стало получать доплату за выслугу лет. Выплата производилась из губернского казначейства по представлению попечителя округа. Устав 1884 г. несколько усовершенствовал эту систему. Как и прежде, прослужив 20 или 25 лет, преподаватель получал пенсию в размере жалования. Если же ему удавалось отслужить 30 лет, он сохранял за собой не только полное жалование, но также столовые и квартирные деньги.

С точки зрения обывателей и местных властей, получаемое университетскими людьми от государства содержание ставило их в положение высших государственных служащих империи. В те времена подобный уровень окладов в Казани имели лишь городской голова, полицмейстер, члены городской управы,

---

[1]Казанские губернские ведомости. 1870. № 83. 24 октября.

[2]Сведения о ценах // Казанские губернские ведомости. 1870. № 8 и 91. 28 января и 4 декабря.

[3]***С.Г. [Глинка]*** Отрывки из воспоминаний (1874-1877) // Былое из университетской жизни. СПб., 1904. С.285-286.

[4]Устав императорских российских университетов 1884 г. // Сборник постановлений по министерству народного просвещения: Т.7: Царствование императора Александра III. 1881-1895. СПб., 1896. С.1027-1030.

[5]НАРТ. Ф.977. Оп. Ист-фил. ф-т. Д.2078.

председатель «исполнительной училищной по народному образованию комиссии» и городской архитектор[1]. Это была губернская административная элита. Другое дело, что качество повседневной жизни университетского человека зависело не только от жалования, финансового состояния университета, унаследованного капитала, материальных выгод женитьбы, числа домочадцев или непредвиденных обстоятельств. В значительной степени оно определялось потребностями преподавателями, во многом определявшимися его мировоззренческими особенностями и социальными претензиями.

В университетской среде всегда были подвижники науки, приносившие на ее алтарь не только свое здоровье, но и сбережения. Экономя на удовлетворении бытовых потребностей и даже на еде, они тратили значительные средства на приобретение научных трактатов и рукописей. Таковым, например, был профессор гражданского права Д.И.Мейер. Посетивший его квартиру ученик вспоминал: «Я взбираюсь по крутой лестнице, ведущей на мезонин маленького домика на Грузинской улице, где обитал профессор. Вся квартира его заключалась в одной комнате, до такой степени заваленной книгами, что у меня зарябило в глазах»[2]. Чиновники, описывавшие имущество умершего профессора П.Цеплина, не нашли в комнате ничего ценного, кроме книг[3]. И студенты, побывавшие в квартире профессора-слависта В.И.Григоровича, тоже отмечали, что у него «кроме двух-трех стульев, кровати да грубого стола ничего не было; все было завалено книгами и рукописями»[4]. П.Д.Боборыкин воспроизвел в мемуарах ходившую в университетской среде легенду, согласно которой, Григорович, выйдя на пенсию, был вынужден искать дешевую квартиру. Хозяйка одной из них отказала бывшему ректору, заподозрив в нем «пьяницу и оборвыша». Быт Григоровича соответствовал типу ученого-аскета, не заботящегося о своем имидже.

В XIX веке, особенно в его начале, многие университетские люди были страстными коллекционерами. Это была и мода, и потребность. Университетские музеи и библиотека еще не были богатыми собраниями, позволявшими утолить ученую любознательность. А потому преподаватели скупали рукописи, старинные монеты,

---

[1] ***Зорин А.Н.*** Города и посады дореволюционного Поволжья. С.202-203.

[2] Воспоминания о Д.И.Мейере и др.// Былое из университетской жизни. С.64.

[3] ***Нагуевский Д.И.*** Петр Цеплин – первый профессор Казанского. С.243.

[4] ***Овсянников А.И.*** Из воспоминаний старого педагога // Русская старина. Г XXX 1899, июнь. С.683.

покупали приспособления для ловли бабочек и хранения гербариев, во время экспедиций приобретали этнографические материалы, геологические породы и минералы. И, конечно, все создавали личные библиотеки. У некоторых профессоров образовались уникальные коллекции. Каждого владельца такого собрания на склоне лет тревожила мысль о том, кому передать созданную трудом и любовью коллекцию или библиотеку. Некоторые из профессорских собраний были выкуплены университетом у их обладателей или наследников[1], часть коллекций университет получил в виде дара. А судьба коллекций, не влившихся в университетскую библиотеку, часто оказывалась печальной.

Создание собрания редкостей, монет, хорошей библиотеки требовало вложения значительных денежных средств. Цены даже на современные отечественные издания в Казани были весьма высокими. Книжный магазин А.Мясникова в 1851 г. рекламировал «Указание законов о дворянстве» за 3 рубля серебром, а пятитомную «Историю Наполеона» Николая Полевого за 7 рублей[2]. Университетские профессора выписывали необходимые им издания не только из Петербурга, но и из-за границы, тратясь не только на саму книгу, но и оплачивая ее пересылку[3]. Сообщая в Петербург о пожаре 1842 г., Н.И.Лобачевский подсчитывал размер ущерба коллег по стоимости погибших у них книг. Остальное имущество, как правило, воспринималось как гораздо менее ощутимая материальная и моральная потеря[4].

В середине XIX столетия испытывавшее финансовый дефицит правительство воспитывало в подданных чувство бескорыстного служения Отечеству – не за чины и жалованье, а за «совесть» и «любовь»[5]. Современники весьма неоднозначно реагировали на правительственную пропаганду. Но в душах университетских преподавателей она находила благоприятный отклик. Университетская корпорация всегда культивировала в своей среде бескорыстие и равнодушие к миру бренных вещей, порой доводя это чувство до крайностей. Хороня врача и синолога О.П.Войцеховского, коллеги вспоминали о его «редком бескорыстии и всегдашней готовности помогать страждущему человечеству». Как о высшем проявлении самопожертвования говорилось о бедственном положении его

[1]НАРТ. Ф.977. Оп. Ист.-фил. ф-т. Д.190; Д.242.

[2]Казанские губернские ведомости. 1851. № 2.

[3]***Петровская М.Н.*** О моих предках // ОРРК НБЛ. Ед.хр.10007.

[4]***Лобачевский Н.И.*** Научно-педагогическое наследие. С.305-306.

[5]Речь предводителя губернского дворянства Н.В.Чемезова // Казанские губернские ведомости. 1851. № 1. С.4.

семьи. «По необыкновенному бескорыстию своему, ты оставил свое семейство, супругу и пятерых детей без всякого состояния», – говорили восхищенные сослуживцы[1].

Философия эстетствующей нищеты как нельзя более отражала и камуфлировала материальное неблагополучие университетского человека, позволяла ему снять психологический дискомфорт от несоответствия его социальных амбиций реальным финансовым возможностям.

Материальное благополучие и качество жизни университетских медиков, в услугах которых так нуждались городские обыватели, во многом зависело от частной практики. Но одни, подобно профессору Е.Ф.Аристову, делали это бесплатно, другие же продавали свой труд довольно дорого. Так, профессор Ф. О. Елачич имел от частной практики высокие доходы. «Будучи лучшим хирургом Казани и имея громадную практику со всего Поволжья и соседних губерний, даже сибирских пациентов, приезжавших в Казань собственно для операционного лечения, Елачич наполнял клинику (университетскую) своими пациентами, где и делал им операции»[2]. За операцию пациент платил университетскому профессору от 500 до 1000 рублей. В результате довольно быстро Елачич приобрел в Казани дом, затем обзавелся имением. За годы преподавания в Казанском университете он скопил крупное состояние, позволившее ему не только безбедно жить на пенсии, но даже успешно заниматься коммерцией.

Состоятельным человеком был и доцент кафедры накожных и сифилитических болезней Г.Ге. Однако для университетского преподавателя деньги, как правило, не были высшей ценностью. Положение в корпоративной иерархии, признание в ученом мире ценились намного выше, чем материальный достаток. Не получив их, Г.Ге одно время всерьез думал оставить Казань, а вместе с городом – и университет, и частную практику, и начать все «с чистого листа» в Киеве. Кстати, его коллега профессор неврологии Л.О.Даркшевич так и сделал, променяв устроенный казанский быт на московские возможности для научного будущего своих детей[3].

Другой относительно благополучной категорией университетских людей были юристы и преподаватели иностранных языков.

---

[1] Некролог О.П. Войцеховского // Казанские губернские ведомости. 1851. № 3. С.23.

[2] ***Ильинский А.И.*** За полстолетия. 1841-1892. Часть 1. (1841-1854). Гл.V // Русская Старина. Г.XXV. 1894. Апрель. С.8.

[3] ***Попелянский Я.Ю.*** Профессор Ливерий Осипович Даркшевич. Казань, 1976. С.103.

Остальные профессора имели дополнительный доход с уроков в гимназии, в Родионовском институте благородных девиц, в семинарии и академии, а с 1870-х гг. – в ветеринарном институте и на Высших женских курсах, от «приватных лекций», иногда от содержания пансиона. Читавший в Родионовском институте физику адъюнкт М.И.Мельников получал сверх своего университетского жалования (571 руб. 84 к.) доплату в 286 рублей; лекторы французского и немецкого языков А.А.Де Пляньи и П.Бересфорд получали по 450 рублей, адъюнкт И.С.Дмитриевский за исполнение должности институтского врача – 286 рублей[1].

Достигшая генеральских чинов и признания в обществе профессура стремилась соответствовать представлению обывателей о материальном достатке чиновника такого ранга. И, даже если это противоречило убеждениям самого обладателя чинов, под давлением семьи он вынужденно мирился с жизнью «не по средствам». Многие «генеральские или профессорские» семьи воспроизводили образ жизни аристократии: снимали ложу в театре, покупали дорогую одежду, нанимали высокооплачиваемую прислугу, принимали каждый день к обеду гостей, меняли на более дорогой рацион питания, отдавали детей учиться в престижные платные учебные заведения, содержали летнюю дачу. Дети написали за отцов то, о чем профессора стыдливо умалчивали. В мемуарах детей университетских профессоров легко отыскать сюжеты о долгах семьи, о напряженных заботах отца о хлебе насущном, о его переживаниях за семью, за собственную старость.

Все описанное – это общие черты качества жизни преподавателей. И поскольку университетская среда никогда не была единой, она давала множество примеров отступления от правил. Далеко не всегда грязный и старый костюм свидетельствовал о богатом духовном мире его обладателя. Иногда за этим скрывались лишь скупость и низкая бытовая культура. Таковым в воспоминаниях студентов остался казанский профессор-медик Л.К.Сутковский[2]. Кроме того, на уровень жизни университетского человека влияли его слабости и пристрастия. В каждой университетской корпорации находились преподаватели, значительная часть жалования которых оседала в трактирах, портерных и ресторанах.

По отношению к быту и качеству жизни дореволюционных профессоров Казанского университета можно разделить на две

[1]НАРТ. Ф.977. Оп. Ректор. Д.1045. Л.30-37.

[2]*Янишевский Э.П.* Из воспоминаний старого казанского студента. Казань, 1893. С.50-51.

основные категории: ученые-аскеты, пренебрегавшие мнением обывателей и обустраивавшие свое жилье как научную лабораторию или скрипторий, и профессора-аристократы, всем своим видом и стилем жизни стремившиеся поддержать в обществе социальный престиж университета и свой собственный престиж, утвердить иллюзию того, что в храме наук обитают боги, не ведающие бытовых и материальных проблем. Высокий социальный статус университетского преподавателя, а также его культурные потребности понуждали многих представителей корпорации вести жизнь «не по средствам». Респектабельный образ дореволюционного профессора, сохранившийся и утвердившийся в исторической памяти, создавался не столько реальной заботой государства об ученых , сколько их собственными огромными физическими (чтение лекций в разных учебных заведениях, обширная медицинская и юридическая практика и т.д.) или психологическими (долги, камуфлирование недостатка в средствах) усилиями.

Доходы служащих конца XIX века приведены в исследовании А.Н. Зорина «Города и посады дореволюционного Поволжья». Автор разделил их на категории. Первую составляли лица, получавшие высшие должностные оклады – выше 1 тыс. руб. в год. Таковыми были городской голова, полицмейстер, члены городской управы, председатель и делопроизводитель «исполнительной училищной по народному образованию комиссии» городской управы, городской архитектор, землемер, бухгалтер управы, секретарь управы, врачи, «служащие по осмотру мяса», профессора и доценты университета.

Во вторую категорию (от 500 до 1000 руб.) входили заместители первых лиц города и городских управ, начальники разных отделов, ассистенты университета, священнослужители среднего ранга, актеры театра и провизоры в аптеках.

Следующий слой горожан имел доход в 300-500 рублей в год. Их составляли высококвалифицированные рабочие, мастеровые, приказчики, смотрители театра и свалки, средний медицинский персонал, учителя приходских училищ, извозчики и буфетчики.

Четвертая группа служащих получала оклады в 100-300 рублей. Среди них были помощник пристава, писари, мелкие служащие в управе, священник кладбищенской церкви, статист в театре, вольнонаемные низшие чины в полиции, смотритель бродячих собак, фотограф-ретушер, швейцары, сторожа, дворники, «караульщики». Самый низший слой городских служащих имели доход менее 100

рублей в год. Так вынужденно жили писец банковской конторы, трубочист, забойщик скота и сторож скотобойни, пожарник[1].

В конце XIX века «порог бедности» в Казани определялся прожиточным минимумом рабочего человека и составлял примерно 10 рублей в месяц[2]. Между тем, значительная часть горожан жила ниже «черты бедности», соответственно, их повседневные жизненные практики и стратегии обусловливались стремлением к простому физическому выживанию. Казанский рабочий мог себе позволить обед из «капустных щей с протухлой солониной, гречушной каши с прогорклым постным маслом и кислого кваса». Про такой квас жители куреней говорили: «взлей на собаку и та взбесится»[3]. Жители многих казанских слобод вынуждены были держать домашних животных, таким образом обеспечивая себя мясом и молоком. Женщины разводили огороды и снабжали семью овощами. Словом, по бедности городской житель никак не мог расстаться с элементами сельского хозяйства.

Организация жилища

Среди жителей Казани были бездомные бедняки, но была и группа людей, которая задавала тон городской жизни. Ее культурные запросы и финансовые возможности создавали условия для формирования особой культуры потребления, характерной для городской элиты. Если рассматривать потребление как интенсивный процесс выбора, организации и регулярного обновления бытовых вещей[4], то вещи, окружающие человека, могут быть осмыслены как культурные знаки эпохи, как летопись внутреннего мира и качества повседневной жизни их обладателя, как хранители времени или времен. Для Казани XIX века характерно такое разнообразие форм и уровней потребления, что можно лишь обозначить общие тенденции и говорить о различиях в них.

Несмотря на контраст богатства и нищеты, интерьер дома каждого казанца воплощал в себе одновременно внешнюю принужденность и внутреннюю укромность. Принужденность постольку, поскольку он задавал норму в поведении своих обитателей, принуждая их к определенной последовательности, этикету и ритуалу. Войдя в дом, человек выполнял заданный вещами алгоритм поступков:

---

[1] ***Зорин А.Н.*** Города и посады дореволюционного Поволжья. С.202-203.

[2] ***Бессонова Т.В.*** Казанская Суконная слобода в XVIII – первой половине XIX веков: Дисс.... канд. ист. наук. Казань, 1998.

[3] Бакалда // Справочный листок города Казани. 1867. 18 июня.

[4] ***Бодрийяр Ж.*** Система вещей. М., 2001.

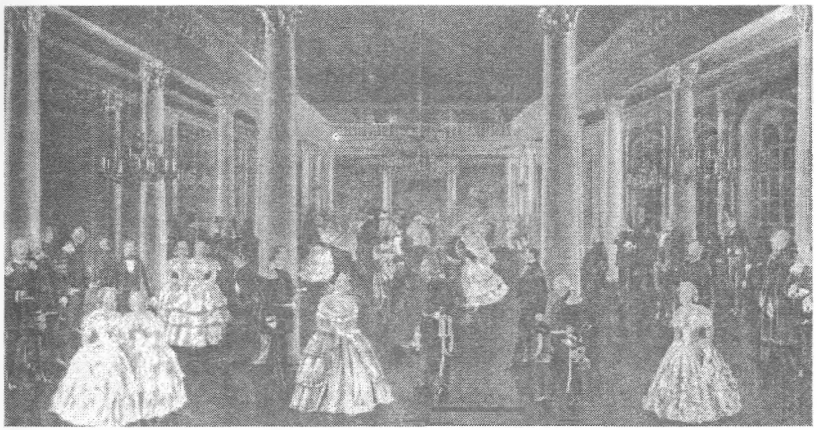
двигался от гардероба к зеркалу, далее в зависимости от характера помещения – к иконам, креслу, столу и т.д. Столовый гарнитур XIX века заставлял его пользователей применять приборы по назначению и в строгой последовательности, неся на себе груз моральных условностей. Большинство вещей той эпохи, как правило, были монофункциональны (буфет для хранения, стул для сидения, кровать для лежания). Соответственно их функциям выстраивался этикет их употребления: нельзя сидеть на кровати, читать в столовой, есть за ломберным столиком.

Человек «объединял» вещи, занимавшие пространство его жилища, придавал им единство гармонии и одухотворял. Приданное им сочетание вещей, красок, форм создавало стиль интерьера, в котором проходила его повседневная жизнь. Вместе с тем, в расположении мебели отражался характер социальных и семейных связей владельцев, так как основная функция мебели в семейном доме – воплощать в себе отношения между его членами. Поэтому главными в доме казанца XIX века становились те комнаты и те вещи, которые принадлежали главе семьи. Это подчеркивало патриархальность отношений в семье.

В интерьере дома жителя Казани описываемого времени непременными атрибутами были зеркало, картины (портреты) и часы. Это вещи-символы. Зеркало играло роль избытка, излишества, отсвета. Портрет хозяина в гостиной, развешанные по стенам изображения детей и родственников населяли помещение, делали каждодневную жизнь человека погруженной в семью. А часы вносили в дом пульсацию жизни. Настенные, напольные или каминные, они наполняли дом сердцебиением, придавали ему домашность и спокойствие.

В совокупности вещи создавали у владельца городского дома чувство комфортности и защищенности. Его признаками являлись уют и удобство. Знаками убежища были толстые стены, крепкие двери с замками и щеколдами, окна со ставнями, решетки или заборы, огораживавшие двор. Функциональная роль дома-кормильца прочитывалась в его наполненности столами, буфетами, тяжеловесно-пузатыми самоварами, крепкими сундуками. Это общие черты повседневной среды казанца XIX века. Многообразие форм ее проявления закладывалось социальной, культурной и экономической сегрегацией казанского общества. Попытаемся реконструировать несколько таких внутренних пространств.

Несмотря на то, что большая часть казанских дворян в XIX веке жила в долг, статус благородного сословия обязывал их поддерживать определенный уровень бытовой и повседневной жизни.



Бал в городском собрании

Последний включал в себя обязательное посещение корпоративных мероприятий, проводившихся в Дворянском собрании. Поэтому обстановка и организация интерьера в нем может быть рассмотрена в качестве универсальной среды дворянской повседневности.

До 1815 г. местное дворянское сообщество не имело собственного помещения и располагалось в различных казенных и частных домах. Первое свое здание оно получило, приобретя дом у купца Дряблова в Петропавловском переулке (ныне ул. Рахматуллина, 6). Это помещение сгорело в пожаре 1842 г. С 1860 г. местные и приезжающие в город дворяне встречались и проводили время в прекрасном специально отстроенном трехэтажном здании на Театральной площади.

В здании собрания были танцевальный зал, столовая и буфетная, библиотека, гостевые комнаты для приезжих. По стенам главной залы были развешаны портреты царствующих особ и бывших губернских предводителей дворянства. Комнаты разделялись двустворчатыми филенчатыми дверьми с латунными ручками. Полы первоначально были выполнены из наборного паркета, но позднее в вестибюльной части, коридорах первого этажа, в шинельных и уборных их сделали «цементными» с геометрическим рисунком. В гостиной и пикетной залах работали фонтаны. Звук струящейся воды действовал на посетителей и проживавших здесь гостей умиротворяюще.

Большой танцевальный зал Дворянского собрания вмещал до 800 человек внизу и до 400 – на балконах. Вместе с гостиными и прочими комнатами в его помещениях одновременно могли находиться около

Местные красавицы

2,5 тысяч человек. Для вывода такого количества людей в случае пожара, кроме трехмаршевой лестницы с каменными ступенями и металлическим ограждением, были сделаны две дополнительные, на которых располагались туалетные комнаты. Помещение отапливалось пневматическими печами, установленными в полуподвале. Их трубы проходили по торцевым стенам мезонинной части здания. Помещение освещалось тремя типами люстр (малые, средние и большие), бра, канделябрами и подсвечниками из бронзы. На междуэтажной площадке в пролетах центральной лестницы поднимающихся встречали фигуры китайцев с фонарями над головой[1].

По признанию современников, гость или постоянный посетитель Дворянского собрания ощущал себя в «помещении поистине барском: в сенях, где снимают шубы, тепло; широкая лестница ведет в боярские хоромы, уставленные изящной и покойной мебелью. В огромном зале широкие хоры поддерживаются массивными колоннами, обширная столовая украшена по малиновым обоям гербами Казани и уездных городов Казанской губернии, прочие комнаты, также весьма обширные, равно удовлетворяют вкус и требования даже взыскательного посетителя»[2]. Люди здесь двигались неторопливо, беседа звучала приглушенно и пристойно. Все внушало чувство собственного достоинства.

Приведем другой пример организации жилища. Повседневная жизнь семьи казанского купца Г.П.Каменева (1772-1803) проходила в доме, который стоял напротив пересыльной тюрьмы (ныне онкологический диспансер под стенами кремля). Это был каменный двухэтажный особняк, нижний этаж которого состоял из четырех покоев, а верхний – из пяти. Он имел накатные потолки и «одну малую антресоль». Под домом был устроен большой сухой погреб, а во дворе справа тянулись хозяйственные «каменные службы»,

[1] ***Айнутдинов Р.А., Чудинова Т.С.*** Здание Казанского Дворянского собрания: прошлое и настоящее. Казань, 2000.

[2] Казань 1867 г. / Ред. В.И. Шишкин. Казань, 1992. С.4.

включающие баню, погреб и конюшню. При доме были две торговые каменные «палатки» с железными дверями, каретник и двухэтажный каменный флигель.

После смерти владельца была составлена оценочная опись принадлежавшего ему имущества. Эти протокольные свидетельства дают представление о внутренней обстановке купеческого дома Казани начала XIX века, о материальной культуре его обитателей. Мебель, принадлежавшая семье Каменева, включала 16 стульев, конторку из красного дерева и такого же материала диван, обитый сафьяном и украшенный «медною бронзою», 12 ильмовых кресел, обитых зеленым сафьяном, три разного размера и обивки «канапе», шесть комодов причудливой конфигурации, с различным количеством ящиков, с зеркалами и без них, деревянный «шкап», 14 столов, среди которых – круглый красного дерева, два складных, четыре ломберных с полукруглыми ящиками, украшенный «медною бронзою» ильмовый, резной с красками, 8 зеркал в рамах красного дерева.

Трапеза обставлялась оловянной, медной, серебряной, фарфоровой и фаянсовой («аглицкой каменной») посудой. Это были многочисленные самовары, суповые чаши, соусники, салатники, тарелки, миски, бокалы с «подденками», сахарницы, чайницы, чайные и суповые ложки, ножи, вилки, ковши, солонки, «чашки половные», «ситка», курильница, подносы. Во время торжественных приемов дом освещался «бронзовой люстрой», «стенными и двойными шандалами». В прочее время в комнатах горели светцы и лампады.

В описи имущества Каменева значатся иконы, картины и книги[1]. Среди предметов материальной культуры, окружавших членов этой семьи, были вещи, которые отражали специфические вкусы и интеллектуальное лицо хозяина. Так, в документе упомянуты «гусли с подношками», гитара, «бандура под лаком», деревянные органчики, телескоп, бильярд, охотничьи ружья, пара тульских пистолетов, шпага с серебряным эфесом, два ящика с красками, прибором и инструментами, пеньковая трубка в серебряной оправе и еще три «пеньковые с чубуками и в серебре». Все это вкупе составляло бытовую обстановку жизни зажиточного казанского купца, человека, близкого к дворянскому обществу и культуре, поэта и масона.

«Дома богатых татарских купцов, – сообщал современник, – по

[1] *Залкинд Г.Г. П.Каменев*: Опыт имущественной характеристики первого русского романтика. Казань, 1926.

наружности своей мало отличаются от домов русских дворян и купцов. Внутри дома стены часто расписываются русскими малярами, где представлены ландшафты с деревьями...Вокруг комнаты стоят стулья с диванами по-европейски. Столы всегда покрыты пестрыми скатертями»[1]. Дом зажиточного татарина обязательно украшали несколько зеркал и часы, на полу лежали персидские ковры, а на столе был выставлен китайский фарфор.

Быт казенных (учившихся за счет государства) студентов в Казани начала XIX века был весьма неприхотливым. Их камеры заполняли кровати, общий стол для еды и занятий, ширма, отделявшая зону для переодеваний, письменный стол и маленький ломберный столик с табуретами. Таково было стандартное убранство студенческого жилья.

Во времена проживания в гимназическом корпусе казеннокоштные студенты размещались в четырех камерах. Единого принципа их распределения не существовало. Все зависело от решения инспектора. С его позволения молодые люди могли либо сами выбрать себе место жительства (в зависимости от комфорта, наличия друзей, свободного места и прочего), либо их расселяли по комнатам в зависимости от успеваемости и поведения, как делал это инспектор Ф.К.Броннер.

Вплоть до 1819 года, когда попечителем университета стал М.Л.Магницкий, своими инструкциями преобразовавший, в том числе, бытовую жизнь казанских студентов, день казеннокоштного студента начинался без четверти семь. В камеры заходил либо инспектор, либо один из двух его помощников и будил молодых людей. В семь часов все должны были собраться в столовой за завтраком. К приходу студентов на столах расставлялись стаканы и тарелки с нарезанным хлебом.

Относительно этого времени трудно судить о гигиене студенческого общежития. Из записей инспекторов можно понять, что, ложась спать, юноши раздевались. У каждого была своя кровать. Время от времени студенты меняли белье и сами относили его к прачкам, а потом получали от них выстиранное. Топили университетские дома, убирали «камеры», аудитории и коридорные помещения «инвалиды» – отслужившие свой срок солдаты, приписанные к университету, и их жены. Видимо, делали они это не слишком старательно, а студенты не были притязательными и не обращали внимания на мусор вокруг себя. Привыкших к гигиеническим нормам европейской жизни немецких профессоров коробили грязь в студенческих спальнях и запахи в учебном корпусе.

[1] ***Фукс К.*** Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях // ***Фукс К.Ф.*** О Казани, Казанском крае. Казань, 2005. С.150.

«Вследствие постоянного зловония от писуаров, доводящего меня до тошноты каждый раз при входе в здание университета, – писал Броннер, – я полагал, что следовало бы, для устранения зловония, как и раньше, ставить в сенях на ночь особые писуарные сосуды и убирать их утром до завтрака»[1].

Проверявший в 1819 г. Казанский университет М.Л.Магницкий также констатировал, что в университетских помещениях грязно, нет средств противопожарной безопасности, у многих печей украдены заслонки и двойные вьюшки. Студенты спали без простыней и наволочек. В комнатах было холодно, а посуда в столовой и на кухне находилась «в столь большой нечистоте, что без отвращения видеть ее не можно»[2]. Попечителю удалось добиться для университета льготного финансирования и резко изменить уровень и качество жизни воспитанников. Например, студенческие столовую и кухню не только вычистили и отремонтировали, но стол учащихся (будущей российской элиты) сервировали серебряными приборами[3].

В 1830-1840-е гг. казеннокоштные студенты жили на обеспечении университета. В отстроенном «главном» учебном корпусе их «спальные» и «занимательные» (для занятий) комнаты находились на антресольном этаже. А в «кандидатских» комнатах на первом этаже жили студенты, окончившие курс обучения и готовившиеся к преподавательской должности. Пространство бытовой жизни студентов включало также столовую, гардеробную, буфет, кухню, баню и прачечную. Учившихся и живших в университете юношей обслуживал целый штат прислуги: кастелянши, посудомойки, кухарки, сторожа, дозорные, «золотых дел мастера», эконом и пр.

Бытовая жизнь своекоштных (учившихся за свой счет) студентов была более разнородной, чем у казеннокоштных, зависела от поддержки со стороны родителей, от возможностей заработка, от финансовых возможностей университета. Среди своекоштных были юноши и из неимущих, и из весьма состоятельных семей. Учившийся в 1850-е гг. А.Н.Пыпин вспоминал, что типичная студенческая комната снималась студентами на двоих. Каждому она обходилась в 4 рубля 50 коп. в месяц ассигнациями, или 1 рубль 30 коп. серебром. Хозяйка арендуемой ими комнаты жила за счет дохода с квартирантов- «нахлебников». Для поддержания своего не слишком прибыльного бизнеса она снимала верхний этаж двухэтажного дома и еще несколько комнаток в доме недалеко от университета. За стол каждый студент платил ей 12 рублей ассигнациями (или 3 рубля 40

[1] ***Нагуевский Д.И.*** Профессор Франц Ксаверий Броннер. С.30.
[2] РГИА. Ф.733. Оп.39. Д.260. Л.21.
[3] НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.2438. Л.1.

копеек «новыми» деньгами). Главное, что условиями проживания и качеством питания юноши были довольны. По признанию мемуариста, «стол был простой и сытный»[1]. Состоятельные студенты ехали в Казанский университет в сопровождении крепостной прислуги и старались снять квартиру из нескольких комнат в купеческом или аристократическом районе города.

«Квартирование» казеннокоштных студентов в зданиях университета прекратилось летом 1858 г. Это решение администрации стало следствием высокого уровня послевоенной инфляции. Хорошую комнату недалеко от Казанского университета с прислугой и самоваром в 1860-е гг. можно было снять за 5-6 рублей в месяц. Место в «скитах» обходилось жильцу в 2-3 рубля[2]. По сравнению с Москвой это было баснословно дешево. Но казанские студенты были людьми более бедными, чем столичные учащиеся. Потому цены на жилье казались непомерно высокими. Выселенные на частные квартиры студенты писали прошения в Правление о выдаче им одеял, нательного белья, о предоставлении ссуды для пошива мундира[3].

Ликвидация пансиона в университете снизила уровень жизни тех студентов, которые ранее по бедности попадали в категорию казеннокоштных и могли жить на университетском содержании. Именно они заселили маленькие сырые комнаты в «скитах», «клоповники» и «голубятни», а после отмены формы стали появляться на лекциях в заштопанных и засаленных сюртуках, в цветных косоворотках, голодные и промерзшие[4].

В те годы квартирный вопрос и вопрос питания студентов приобрели небывалую остроту. Как свидетельствуют современники, большинство студентов конца 1870-х гг., «представляя с точки зрения квартирных хозяев товар, годный для эксплуатации всякого рода, помещались в комнатах сырых и угарных»[5]. Правда, и владельцы доходных домов и комнат подвергались риску в своем коммерческом предприятии. Нередко случалось, что они несли убытки, так как съемщик подолгу не мог оплатить свое проживание. В таком случае студент использовался хозяевами на разных подсобных работах.

---

[1] ***Пыпин А.Н.*** Мои заметки. М., 1910. С.41.

[2] ***Овсянников А.И.*** Из воспоминаний старого педагога. С.679.

[3] НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.7538.

[4] ***Чириков Е.*** В затруднительном положении (из студенческой жизни) // Волжский Вестник. 1887. № 41. 13 (25) февраля.

[5] ***С.Г. [Глинка].*** Отрывки из воспоминаний. С.294 // Русская старина. Г.XXX. 1899, июнь. С. 683.

Но примечательно, что даже по прошествии ряда лет задолжавшие юноши не забывали о сделанных в студенческие годы долгах и, как правило, расплачивались со своими кредиторами.

Бытовую ситуацию в университете могло бы улучшить создание интерната, или общежития. Оно было организовано в Казани лишь в 1903 г. и располагалось в новом, специально отстроенном здании рядом с университетскими клиниками на Арском поле. И хотя оно не предоставляло своим обитателям питания, но обеспечивало их весьма комфортабельным жильем с центральным отоплением, электрическим освещением, постельным бельем и кипятком для чая. Изолированная комната здесь обходилась для студента в 9 рублей в месяц, комната на двоих – по 7 рублей с каждого[1]. Общежитие значительно улучшило бытовую жизнь казанских студентов.

Повседневная жизнь, бытовая обстановка, стиль и качество жизни студентов духовной академии – выходцев из среды сельского приходского духовенства – были более однородными, чем в университете. Воспитанники академии жили в главном ее корпусе. Им были отведены низенькие комнаты с маленькими окнами. В 1840-1860-е гг. меблировка академических спален состояла из железной кровати, табурета и конторки, за которой можно было писать стоя. Под тиковым чехлом на кровати лежали набитый рубленым мочалом тюфяк и подушка, наполненная такими перьями, что ими, по словам П.В. Знаменского, «можно было в случае нужды даже писать какое-нибудь семестровое или курсовое сочинение»[2].

Согласно свидетельству К.Фукса, интерьер простого татарского дома был следующим: «на правой руке от двери в горницу стоит большая печь; при ней находится небольшой котел, в котором варится пища. На печи стоят два медные полуженные кувшина, один – мужу, другой – жене, потому-то по обряду своему они не могут умываться из одного кувшина. За печью в углу находится весьма большой медный таз для умывания, над которым висят два полотенца, одно – для лица и рук, другое для обтирания ног»[3]. Спали обитатели такого дома на широких нарах, пользовались такой же, как в русских домах, мебелью – столами, стульями, сундуками. Этнографический колорит такого дома составляли ковры и деление внутреннего пространства на женские и мужские места.

---

[1] НАРТ. Ф.977. Оп.604. Д.175. Л.32.

[2] ***Знаменский П.В.*** История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования. С.110.

[3] ***Фукс К.*** Казанские татары в статистическом и этнографическом отношени..х. С.149.

А жилье обитателей казанских слобод мало чем отличалось от жилища их сельских современников. Та же деревенская изба (русская или татарская), те же хозяйственные постройки, те же возможности убранства интерьера. Сохранилось множество негативных свидетельств о бытовой культуре городских низов Казанской губернии. Одно из них датируется 1899 г. и принадлежит земскому врачу. Он сообщал, что дома бедноты никогда не проветриваются, так как в них «страшно холодно»: в помещении идет пар от дыхания, а воду, чтобы ею пользоваться, приходится держать на печи. С целью экономии топлива хозяева использовали железные печки, быстро прогревавшие воздух (чтобы не топить все время русские), но дыры и широкие щели в полах, покосившиеся стены из некачественных бревен не позволяли удерживать тепло... Из-за крайне малой кубатуры, отсутствия вентиляции воздух загрязнялся «хлебным и другим чадом» от печей... Подсобных помещений в домах бедноты не было, поэтому при изрядной тесноте на полу везде был разбросан всякий хлам, как-то: посуда, обувь, разное тряпье, мука, квашня и пр.[1] Но многие казанцы не имели и таких домов. Тогда их быт ограничивался местом в «курени».

В целом, можно утверждать, что качество повседневной жизни жителя Казани XIX века определялось зависимостью от природы, городского ландшафта, климата, от развития техники, социальных коммуникаций, благоустройства, то есть от экологии в широком смысле слова, а также от социального и финансового состояния и культурных потребностей конкретного горожанина. Повседневность большинства казанцев выстраивалась как борьба за выживание, как способ и форма приспособления к окружающей среде, как адаптация в сложных условиях и защита от непредсказуемых сил природы – пожара, наводнения, эпидемии, голода, холода. Рост благосостояния, развитие городского благоустройства, улучшение санитарных условий жизни напрямую влияли на качество жизни казанца.

Однако существовала сильная дифференциация городских групп и слоев по уровню и качеству жизни. Небольшая часть обитателей Казани жила в относительно комфортных условиях европейского города Нового времени, между тем как остальные проживали в условиях, более приближенных к быту средневекового поселения переходного от сельского к городскому типа.

Плоды цивилизации вошли в повседневность состоятельной части горожан. Для подавляющего же большинства бедных казанцев каждодневная жизнь в большом городе, особенно в конце XIX

[1] *Зорин А.Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья. С.542.

века, была сопряжена с множеством проблем. Большие расстояния при слабом развитии городского транспорта, теснота жилища, загрязненная атмосфера, отсутствие водопровода, канализации и других коммунальных услуг, толкотня на оживленных улицах и базарных площадях – все эти негативные следствия урбанизации прочно вошли в повседневность горожан. Дискомфорт усиливался недоступными соблазнами сверкающих витрин магазинов, элегантных костюмов прохожих, красивых и дорогих экипажей, рекламой ресторанов и запахами кондитерских – красивая жизнь была на виду.

Отчасти эти соблазны сглаживались благодаря социальной сегрегации во многих сферах городской жизни. К тому же сфера общедоступного комфорта постоянно расширялась. Красивые дома, мощеные улицы, театры и музеи, университет и гимназии, фонари на улицах принадлежали всему городу. Вежливые и внимательные приказчики в больших магазинах, лакеи в трактирах, большие возможности для развлечений – все это давало жителю Казани возможность почувствовать себя полноправным городским жителем, обрести достоинство и уверенность в себе и даже определенный снобизм обитателя губернского города по отношению к жителям периферийных городов и сел Казанской губернии.

Глава 5.

Стиль каждодневной жизни горожанина в XIX веке

Структура городского общества

В XIX веке Казань вошла в число наиболее интенсивно растущих городов Российской империи. В 1860-е гг. по численности населения она вышла на шестое место в списке российских городов (после Москвы, Петербурга, Одессы, Киева и Саратова), а к середине 1880-х поднялась на пятое. Это был один из крупнейших городов Среднего Поволжья, губернский центр. Население Казани в конце XIX века составляло приблизительно 6% от всего населения Казанской губернии.

При всем том характерной особенностью демографической ситуации было по существу почти полное отсутствие естественного прироста городского населения. Численность его росла, в основном, за счет включения в городскую черту слобод и предместий, а также за счет притока сельских мигрантов. По данным переписи 1897 г., пришлое население составляло 64,5% жителей города[1]. Вследствие интенсивного миграционного притока во второй половине XIX столетия среди казанцев увеличилась доля мужского населения работоспособного возраста.

Другой демографической особенностью Казани был полиэтничный и многоконфессиональный состав населения. В 1897 г. здесь проживало 96130 русских (74%), 28520 татар (22%), 500 чуваш (0,4%), 217 марийцев (0,2%); поляки, немцы, евреи, мордва и прочие этнические группы составляли 3,4% всего населения[2]. Поэтому повседневность города включала в себя христианские литургии, мусульманские намазы, иудейские богослужения. Над улицами Казани разносились и звуки колокольного звона, и призыв муэдзина[3].

---

[1]Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.XIV. Казанская губерния. СПб., 1904.

[2]Статистические данные приводятся по: История Казани: Кн.1. Казань, 1988. С.158-159 и 198-200.

[3]Об этнокультурной ситуации в городе см.: Geraci R. Window on the East· National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca and London, 2001.

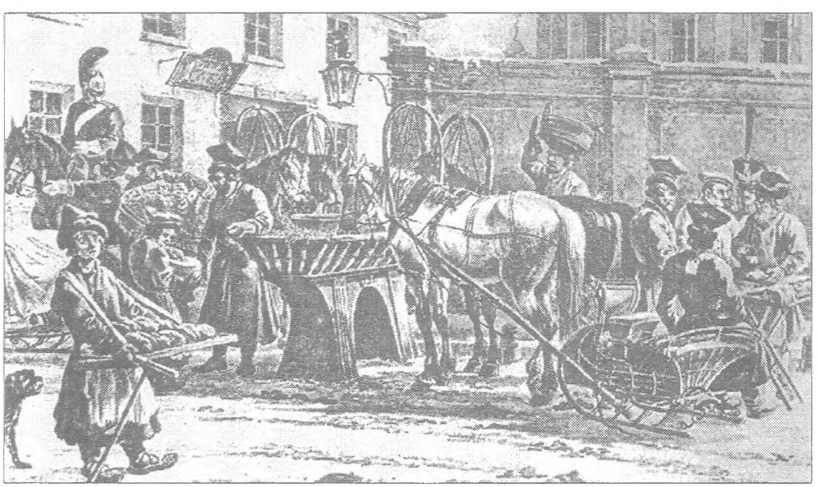
К концу XIX столетия Казань относилась к крупным административным и торгово-промышленным городам. Чиновники и воинские чины составляли здесь около 10%, торговцы и купцы – 17,5%, в сфере обслуживания работало до 20% городских жителей, 30% были заняты в промышленности. Дворяне, духовные лица и люди «свободных профессий», т.е. городская интеллигенция, в Казани составляли 6,3 % населения. 11,4% жителей относились к категории «рантье и пенсионеры». Статистика 1897 г. отдельно выделяла категорию «лишенные свободы, неопределенные, неизвестные». С точки зрения общественной морали, они относились к маргинальным слоям общества и составляли почти 2% населения города (2404 чел.). Особенно высокой концентрация таких людей была в беднейших районах Казани: Суконной, Ямской и Адмиралтейской слободах.

Описанные демографические и миграционные процессы отразились на стиле социальной и культурной жизни Казани. Приехавшие из сельской местности в город неофиты в своей новой повседневности воспроизводили привычные для деревни поведенческие стереотипы. Это проявлялось в их восприятии досуга как безделья, в формах его организации, близких к крестьянским ритуалам. Сельский менталитет сказывался в обустройстве жизненного пространства мигранта: в разведении огородов

Городские зарисовки

за домом, строительстве сельских изб в городе, в отсутствии особой потребности в комфорте. Недавний сельчанин иначе, чем потомственный городской житель, выстраивал стратегию собственной жизни в большом городе. Все, что не огорожено забором, воспринималось им как «ничейное», которым грех было не воспользоваться. Поэтому такой человек, не задумываясь, выбрасывал отходы и мусор со «своей» территории в близлежащий овраг, топил кошку в «общем» озере, откуда город черпал питьевую воду, брал камни из мостовой для «своего» хозяйства. По всей видимости, у многих тогдашних жителей Казани не было ощущения общности городского пространства, коллективного владения им, зависимости горожан друг от друга, а потому не выработалось норм приемлемого общежительства.

Все это усугублялось тем, что многие поселившиеся в Казани люди ощущали себя «временными горожанами» и, соответственно, не особо обустраивали свою жизнь и пространство вокруг себя. Это ощущение поддерживалось нестабильностью жизни мигрантов в Казани. Эпидемии, пожары, наводнения, голод, послевоенная инфляция порождали волны оттока городских жителей обратно в села. Статистика, сглаженная территориальными включениями слобод, все же позволяет проследить эти тенденции: в 1801 г. в Казани проживало 30 тыс. чел.; в 1830-м – 43,9 тыс., в 1839-м – 51,6 тыс., в 1859-м – 60,6 тыс., в 1863-м – 63,1 тыс., в 1883-м – 140 тыс., в 1892-м – 125,7 тыс. и в 1897-м – 130 тыс.



Ямской базар

Интеллектуальное лицо Казани создавало ее «образованное меньшинство». Пытаясь восстановить его черты, мы сталкиваемся с довольно мрачной картиной, оставленной нам современниками. Так, по свидетельству И.И.Лажечникова, казанское общество начала XIX века не блистало яркими личностями, было чопорным и непросвещенным. «Редко, редко когда, бывало, услышишь слово о литературе, и то робко, как о запрещенном плоде», – писал он[1].

Впрочем, мемуарист пробыл в Казани лишь полгода и, по его признанию, «посещал только два-три дома, не великосветских, но радушных, приятных». Среди них он называл дом вдовы Геркен. Возможно, дело в том, что 32-летний Иван Иванович не был дворянином, а только сыном богатого купца, торговавшего солью. Да, он получил прекрасное домашнее образование, в войне 1812 года и заграничных походах проявил себя героем и патриотом, имел опыт директорства училищами Пензенской губернии, но... не более того. И потому за время своего кратковременного пребывания в Казани (лето 1824 – зима 1825) он не был приглашен на маскарадные вечера в Дворянское собрание или в частный театр П.П.Есипова, где любили бывать местные и приезжие дворяне.

Но вот другое свидетельство. 19-летний Ф.Ф.Вигель прибыл в Казань в составе китайского посольства князя Ю.А.Головкина. Эскорт составляло множество обозов, и молодой дворянин вынужден был пробыть в городе почти три недели. Его, сына губернатора, в отличие от Лажечникова, местные дворяне охотно принимали, ему покровительствовал сам губернатор Б.А.Мансуров[2]. Но мнение гостя об интеллектуальном уровне хозяев было весьма скептическим. «Не знаю, что мне сказать об обществе, в котором я жил... ни одного порока, ни одной доблести... А между тем, собирались, разговаривали без умолку, толковали, а о чем? Бог весть, хотя бы о собаках или об урожае. Ан нет! Ни пересудов и злословия, ни политики, ни литературы, а так; какой-нибудь вздор взбредет; не на ум, который тут не вмешивался, а на язык, и как на жернове начнет перемалываться»[3]. Все это Вигель назвал «казанским пустословием».

Изучая архив Казанского университета, Д.И.Нагуевский также пришел к выводу, что в начале XIX века Казань имела «среду и нравы глухой провинции, жившей эгоизмом, наветами и повседневными

[1] ***Лажечников И.И.*** Как я знал М.Л. Магницкого. С.494.

[2] **Бикташева А.Н.** Деятельность губернатора Б.А.Мансурова по благоустройству Казани в начале XIX века // Казанский посад в прошлом и настоящем. С.25-30.

[3] Воспоминания Ф.Ф. Вигеля. С.131.

дрязгами»[1]. Так ли это? Насколько свидетельства современников адекватны реальности, справедливы по отношению к себе и своим согражданам?

Во-первых, не только объективная, но и просто беспристрастная оценка или характеристика культурной жизни изнутри невозможна. Всякое высказывание современника на эту тему может быть воспринято скорее как признак идентичности автора и идентичности общества, частью которого он являлся. Во-вторых, важны контекст высказывания, культурная и психологическая ситуация, в которой оно было сделано, а также цель говорящего. В воспоминаниях и в периодике исследователь может найти массу весьма противоречивых суждений. И здесь важна «критическая масса», перевес, общая тенденция. Опираясь на эти показатели, легко отметить преобладание негативных суждений современников о культурных потребностях общества, в котором они жили. И тому много причин.

Дело в том, что провинциальному обществу свойствен комплекс неполноценности, упорное и ущербное сопоставление себя со столицей. «Казань городок – Петербурга уголок», – сказал какой-то шутник, а казанцы этому поверили, и брехню шутника возвели на степень поговорки», – напоминал читателям обозреватель «Казанских новостей»[2]. Испытывая пиетет перед европейской и столичной культурой (неким умозрительным идеалом), представители местного образованного слоя обличали свойственную их окружению «азиатчину». «Наш Лотов (основатель эротического варьете в Казани), – писал журналист в 1885 г., – знает, что нужно увеселяющейся российской публике вообще, а казанской в особенности. Он знает, что всякая европейская идея в Казани со временем «обазиячивается», пропахивает дрянным мылом (Казань была одним из крупнейших в России производителей мыла – авторы) и козлятиной»[3]. Перефразируя Грибоедова, скептично настроенные казанцы определяли стиль общественной жизни города как «смятку татарского с великорусским»[4].

Долгое время лишенное из-за отсутствия городской прессы возможности публично высказываться на этот счет, казанское общество буквально захлебывалось от самокритичных суждений на страницах открывшегося в 1867 г. «Справочного листка города Казани». Шедшие в это время политические реформы привносили

[1] ***Нагуевский Д.И.*** П.Д.Ф. Цеплин. Казань, 1904. С.107.

[2] Маленький калейдоскоп // Казанские новости. 1885. 24 сентября.

[3] Маленький калейдоскоп // Казанские новости. 1885. 24 сентября.

[4] Чертополохи // Казанские новости. 1885. 24 июня.

в жизнь еще больше обличительного пафоса Критика горожан была направлена в адрес местной администрации, касалась проблем повседневности Культурная жизнь города представлялась современникам своеобразной, «оригинальной нравами, понятиями, уровнем развития» За этими фразами сквозят едва прикрытый сарказм, плохо скрытое недовольство Недовольство, например, тем, что «в других местах, с более благоприятными условиями, толки переходят в печать и образуют общественное мнение, создают столкновение убеждений, полезное хоть для просветления умов»[1] В Казани же этого не происходит, жизнь ее населения характеризуется «заметною разъединенностью, равнодушием к общественным интересам, даже к развитию»[2]

Скорее всего, эти суждения не вполне соответствовали реальности Вряд ли уничижительные свидетельства следовало воспринимать дословно, без поправки на провинциальную застенчивость и самонедовольство, без учета намерений высказывающегося улучшить настоящее

Открытие университета, гимназий, Института благородных девиц, художественного училища и других учебных заведений, издание местной газеты и журнала, рост книжной торговли, становление местного театра, литературных, музыкальных и научных обществ, создание музея, расширение форм общественной деятельности способствовали усложнению интеллектуальной жизни города И это, в частности, сказалось на росте потребности общества в образовании и на формах появившегося в XIX веке общественного досуга

Отношение казанских жителей к образованию в начале XIX века было типичным для всех провинциальных городов России В те годы сам министр народного просвещения П В Завадовский признавал· «Не спорю, что мало учеников, но потому, что еще мал у нас вкус к наукам»[3] И попечитель харьковского учебного округа соглашался, что с местными жителями «нужно быть крайне осторожными, чтобы не отвратить их от наук, которых они и без того недолюбливают»[4]

Эта ситуация усугублялась еще и тем, что в начале столетия немногочисленные учебные заведения империи не имели

---

[1] Казанская летопись // Справочный листок города Казани 1867 22 апреля

[2] По поводу издания в Казани «Справочного листка» // Справочный листок города Казани 1867 7 марта

[3] *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России 1086-1856 Ч 2 СПб 1899 С 266

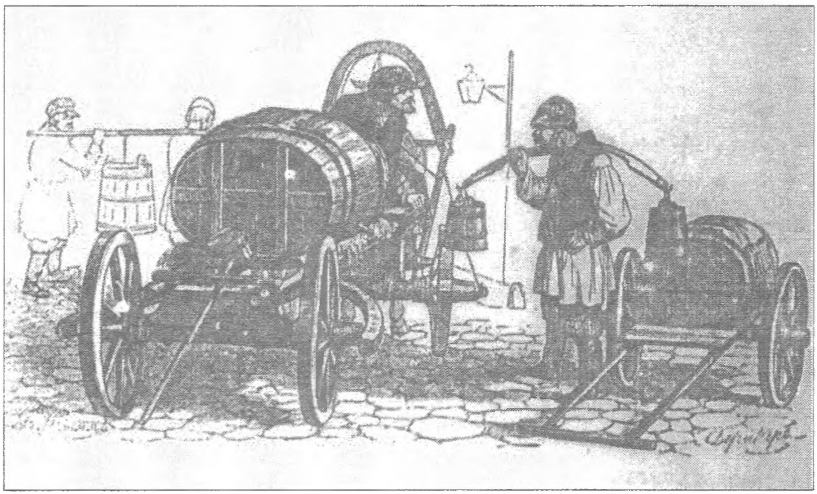
[4] *Сухомлинов.* Материалы для истории просвещения в России // Журнал министерства народного просвещения 1865 Октябрь

региональной специализации. В столичные пансионы и университет принимали способных учеников изо всех уголков страны. В результате именно в Петербург и Москву (кадетские корпуса, благородный пансион, московскую гимназию и университет, академический университет, Главный педагогический институт) устремлялись юноши из тех семей, которые желали дать детям «правильное и истинное» просвещение. Это обстоятельство создавало интеллектуальную ассиметрию в империи. Просвещенная и образованная часть российского общества оседала в столицах.

Конечно, возможность отправиться из провинции в Петербург или Москву определялась финансовым состоянием семьи и признанием родителями ценности образования. Но вследствие образовательной миграции в открывшийся в Казани университет редко записывались дети дворян крепкого материального состояния и высокого культурного уровня. Чаще всего его воспитанниками становились либо разночинцы, либо малоимущие дворяне, либо те, кто рассматривал местный университет лишь как подготовительную ступень для поступления в столичный университет или службы в столице.

К тому же, в отличие от столиц, Казань не испытала мощного воздействия просветительской волны. Среди местных дворян, судя по всему, не нашлось человека, подобно А.Прокоповичу-Антонскому или И.П.Тургеневу способного беззаветно посвятить себя

Бытовая сцена



Водовозы

просвещению соотечественников. Первое десятилетие гимназию и университет в Казани возглавлял разночинец И.Ф.Яковкин. Он не обладал ни социальными связями, ни широтой личности, способной утвердить в местном сообществе культурную значимость вверенных ему учебных заведений. Более того, в 1807 году казанский губернатор Б.А.Мансуров в конфиденциальном письме министру внутренних дел В.П.Кочубею сообщал: «Упущения в воспитании детей произвели ропот в публике, и некоторые берут обратно детей своих, а многие удерживаются отдавать их для обучения... негодование публики умножилось еще более отрешением от должностей профессоров и учителей университета, заслуживших одобрения ее»[1].

После ревизии 1819 г. в университете и гимназии был наведен хозяйственный порядок, педагогический состав очистился от старых и слабых педагогов. Но в духе времени обучение было построено на основах религиозной схоластики, что не способствовало популярности университетского образования у горожан.

Расцвет Казанского университета пришелся на 1830-е-1840-е гг. Именно тогда в нем открылись восточный разряд, камеральное отделение. Университет обрел постоянное и приспособленное под его учебные нужды помещение, а преподавательский состав был укомплектован отечественными учеными. Обучение стало делом престижным. Такое отношение к местному университету казан-

[1]РГИА. Ф.733. Оп.39. Ед.хр.40.

Барышня

ских обывателей сохранялось на протяжении всего XIX века, несмотря на внутренние кризисы, подъемы и спады в развитии местной высшей школы.

Казань была одним из первых провинциальных городов империи, где появилась специальная женская школа (1841). Из документов архивного фонда Казанского Института благородных девиц явствует, что инициатива его учреждения принадлежала императрице Марии Федоровне и относилась к 1805 г. Практическое осуществление замысла стало возможным благодаря частному пожертвованию известной казанской предпринимательницы и благотворительницы А.И.Родионовой. Это учебное заведение сразу же стало популярным. Другим показателем востребованности женского образования являлись сверхвысокие наборы на платные Высшие женские курсы (1876-1887 и 1896-1904), сделавшие их одним из доходных образовательных учреждений города[1].

Уже в конце 1850-х гг. официальные наблюдатели отмечали, что произошли изменения в отношении к образованию среди городских низов. «Теперь, – уверяли аналитики Генерального штаба, – устранено одно из главных препятствий к распространению грамотности между простым народом: ослабело предубеждение, которое имели родители против учебы своих детей... Городские жители чувствуют потребность в знании грамоты и начальных оснований арифметики»[2]. А к середине 1890-х гг. в Казани было уже 25 начальных городских школ, в которых одновременно обучалось 2500-3000 учеников. Из них 9 школ были женскими, 4 смешанными,

[1] ***Афонина Е.В.*** Казань – первый в провинции центр высшего женского образования // Казанский посад в прошлом и настоящем. С.135-140.

[2] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Ген. Штаба: Т.1-25. СПб. 1859-1868.

2 – русско-татарскими школами для мальчиков. К этому следует добавить 6 церковно-приходских школ с 600 учениками. По заключению Н.М.Суходоева, они полностью покрывали потребности населения города в начальном образовании[1]. В этом отношении у горожанина были явные преимущества перед сельским жителем, где проблема обретения грамотности сохранялась и в начале XX века.

Формы досуга

Досуг становится общественным явлением в жизни Казани приблизительно с 1840-х гг. До этого освободившийся вечером от служебных или хозяйственных дел горожанин оказывался в объятиях темноты и скуки. Это время заполнялось семейными чаепитиями, разговорами, рукоделием, редко чтением, а нередко пьянством. Коллективный досуг почти полностью исчерпывался хождением в гости.

Ситуация несколько изменилась в результате появления городского освещения. Если раньше, по свидетельству очевидцев, «по вечерам казанцы сидели дома, вынужденные же пешеходы ходили по улицам с фонарями в руках и с провожатыми»[2], то теперь жизнь в центральной части города продолжалась и с наступлением темноты. Вследствие искусственного удлинения светового дня увеличилось время досуга, что, в свою очередь, способствовало появлению новых форм общественной жизни. По вечерам на освещенные желтым светом фонарей улицы выходили жители из близрасположенных домов. Публика прогуливалась по улицам, останавливалась у витрин магазинов, оседала за столиками ресторанов и кондитерских. В угоду ей центральная часть города стала средоточием развлекательных заведений, а также местом размещения рекламы. Плакаты, салфетки с программами спектаклей, афиши на тумбах и объявления на фонарных столбах – эта рекламная книга открывала горожанину свои страницы, входила в его повседневную жизнь.

В течение XIX столетия заметно изменилась коммуникативная ситуация на городских улицах. Так, в начале века казанец, как правило, хорошо знал свое окружение и, попадая в многолюдную толпу, часто встречал знакомых, раскланивался с ними, останавливался с разговорами и расспросами, испытывая при этом на себе внимание окружающих, ловя пристальные взгляды прохожих. Его осматривали,

[1] ***Суходоев Н.С.*** Начальное образование в городах Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX века: Дисс... канд. ист. наук. Казань, 2002. С.145.

[2] ***Смоленский С.В.*** Былое из университетской жизни: Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. Казань, 1904. С.241.

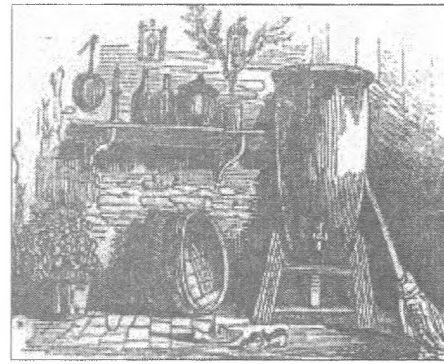
Городской бал

оценивали, им интересовались. Словом, люди реагировали друг на друга. Рост города придал ему новые урбанистические свойства. Общение людей на центральных улицах, в парках, на базарах становилось всё более обезличенным. Человек все чаще ощущал на себе безразличие окружающих его людей, становился незаметным в толпе и сам не замечал встречных.

Конечно, круг знакомств у жителя Казани был довольно широк, но с большинством своих знакомых он поддерживал лишь символические или формальные связи. К тому же различные социальные круги города имели свои коммуникативные центры и формы общения, и эти круги почти не пересекались. Несмотря на естественную привлекательность дворянского образа жизни, культурная замкнутость городской элиты Казани не способствовала утверждению ее идеалов и ценностей в среде городских обывателей. В результате в повседневной жизни казанцев довольно слабо проявлялась мещанская культура, «специфическое явление городской культуры, в которой происходит адаптация культуры элиты для рядового потребителя»[1]. По мнению А.П.Шевырева, именно она ориентирует человека на культурное восхождение, создавая иллюзию приобщения к высоким, элитарным ценностям.

Одну из немногих возможностей для формирования мещанской культуры в городе предоставляли народные гуляния. В 1814 г. «Казанские известия» сообщали: «Ныне публика начинает и в прочие дни (а не только в праздники – авторы), для приятного времяпрепровождения, по вечерам, особенно в праздники, собираться в саду сем («Лазаретный сад» на Арском поле – авторы). Сие, кроме приятности, служит и к здравию, особенно в Казани, не имеющей никаких назначенных гульбищ и общественных садов, как то бывает в других многих

[1] *Шевырев А.П.* Культурная среда столичного города. Петербург и Москва // Очерки русской культуры XIX века: Ч.1. М., 1998. С.110.



городах. Город наш большой в империи, многолюдный и доселе еще не наслаждается столь полезными по многим отношениям предметами: пыль или грязь препятствуют прогуливаться даже и по улицам; а затем остается все лето сидеть дома (особенно у кого нет лошадей, дабы ехать несколько верст за город) и вместо благорастворенного воздуха питаться удушающим. Кроме пользы и удовольствия, таковые гульбища служат и к большой связи публики, даже полезны и в нравственном отношении»[1].

Действительно, народные гуляния собирали «весь город», показывали ему воедино собранные традицию и новацию, искусство свое и чужое, простонародное и барское, народное и казенное[2]. Здесь было на что посмотреть и что перенять. В гуляниях участвовали не только городские низы, их атрибутом были и дорогие экипажи, из которых состоятельная публика взирала на веселящийся народ и демонстрировала себя. Поскольку в описываемое время каждый общественный слой имел «свою» материальную культуру, костюм являлся для современников показателем социального положения человека. Описывая приходящую на Черное озеро публику, обозреватель сообщал: «Вот идут военные, опустив до земли свои исполинские сабли... вот идут гражданские чиновники в разнокалиберных визитках, крылатках, саках и других костюмах, совершенно модных, но крайне неудобных... вот идет почетное купечество в своих известных костюмах, хотя и немодных, но зато свободных... вот идут студенты, редко одетые с комфортом и удобством, зато веселые, беспечные... наконец, целыми рядами идут наши дамы, щегольством своим разоряющие мужей своих»[3]. Примечательно, что понятие «моды» делит персонажей очерка на «настоящих», состоявшихся (а потому стоящих вне моды) и на «ветреных», повес. При этом определение «модный» противопоставлено понятию «удобный».

---

[1] Казанские известия. 1814. №23. 5 июня.

[2] *Левинсон А.* Новый этап в изучении народных гуляний // Декоративное искусство СССР. 1986. № 1. С.42.

[3] Справочный листок города Казани. 1867. 4 июля.

А тем временем, со слов другого современника, по фешенебельному Александровскому саду прогуливались «макфарланы и сирийские плащи милордов и джентльменов, их шляпы черные круглые, и соломенные, и серые, их розовые, голубые и всяких других цветов галстуки, бряцание шпор и сабель военных людей услаждают слух и взоры; красавицы леди, их изящный наряд, их коротенькие платьица, позволяющие видеть их тоненькие ножки, обутые в игрушку ботинку... – все это приводит зрителя в несказанное умиление»[1].

В 1840-е гг. местные журналисты с гордостью сравнивали гуляния в казанской «Русской Швейцарии» со столичными гуляниями в Сокольниках и в Новинском. «Здесь так же, как и там,–писал местный обозреватель, – ставятся качели, возникают новые балаганы механических театров, панорам, собачьих комедий и т.п. Сверх того, труппа волтижеров г. Гейнриша дает особенные представления»[2].

Сопоставление Казани со столицей и крупными городами, по всей видимости, льстило казанскому читателю. Журналисты местных газет во все времена намеренно и не однажды, по каждому удобному поводу проводили эти сравнения. «Праздничное веселье Казани не имеет ничего особенного, типического, свойственного ей одной, – писал обозреватель в 1844 г.. – Как и везде в больших городах, где есть загородные гулянья, народ рассеивается по роще, толпится около песельников и музыкантов, тянется вереницею по аллеям, отдельными группами собирается на полянах»[3]. В 1867 г., описывая Александровский сад, журналист опять же посчитал своим долгом подчеркнуть, что это такое же учреждение, как и «петербургский Излер, Минерашки, Павловск или московский Эрмитаж»[4].

Другой провинциальной особенностью были пышные названия, присваиваемые полюбившимся местам отдыха, – «Немецкая Швейцария», «Новый Иерусалим», сад «Эрмитаж», «Русская Швейцария», «Аркадия».

Но во второй половине XIX столетия гуляния в Казани перестали быть «всенародными». Сады и парки «распределились» по сословиям и состояниям. Наиболее демократичным оставался сад «Черное озеро». Летом гуляния в нем начинались в 11 часов утра, когда на

[1]Александровский сад // Справочный листок города Казани. 1867. 23 мая.
[2]Казанские губернские ведомости. 1844. № 23. 5 июня.
[3]Казанские губернские ведомости. 1844. № 23. 5 июня.
[4]Справочный листок города Казани. 1867. 23 мая.

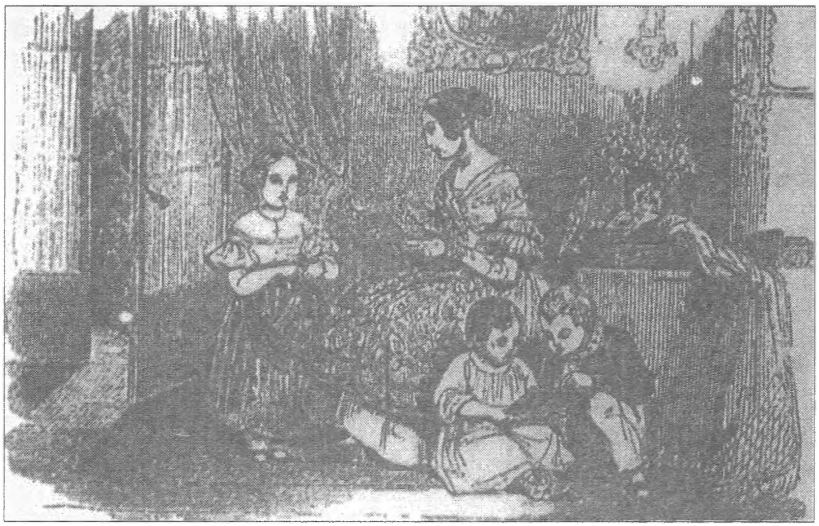
Экипаж

его дорожках появлялись няни с детьми. В обеденное время сюда приходили служащие из ближайших присутственных мест. В обычные дни гуляния на дорожках сада продолжались до 9 часов вечера. В это время здесь можно было встретить и приказчиков, и военных, и мелких торговцев. Ночью же летний сад переходил во владение нищих и любителей незатейливых дешевых удовольствий. О ночной жизни «Черного озера» «Справочный листок» писал: «В кустах слышится страстный соблазнительный шепот, везде подозрительные парочки; кое-где раздается богатырский храп какого-нибудь пьяного, развалившегося на скамейке. И что еще тут творится в глубине ночи — знает только синее небо да скромница-луна»[1].

Состоятельный горожанин, а также тот, кого к этому обязывало социальное положение, отправлялись на гуляния в фешенебельный Александровский сад. «Здесь все прилично, — заверял современников журналист. — Сюда пришли щегольнуть роскошью и богатством нарядов, и здесь не место бедняку»[2]. Впрочем, после полуночи и сюда самыми невероятными способами пробирались казанские «ночные бабочки». Увлекаемые надеждой заработать на отдаленных

[1]Летние гулянья в Казани // Справочный листок г. Казани. 1867. 20 августа.

[2]Там же.



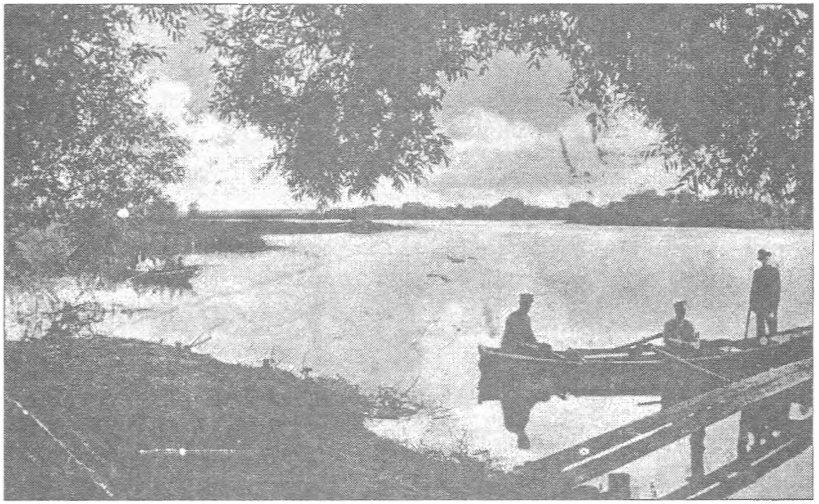
Дама с детьми

аллеях сада, они тенями скользили между деревьев и в неосвещенных уголках. В летнюю пору музыка и гулянья в Александровском саду продолжались до 2-3 часов ночи.

В 1880-е годы «садов с музыкой» в Казани было шесть. Это стало выгодным и прибыльным делом. Развлекательные и питейные заведения, расположенные в рекреационных зонах, приносили столь высокую прибыль, что ради привлечения публики содержатель, например, Панаевского сада умерил цены в буфете и вышколил прислугу. «В садах, как отмечали современники, – «чего хочешь, – того просишь»: в Панаевском шансонетка, комики-рассказчики, «король воздуха» (канатоходец – авторы) Абдул-Керим и три оркестра музыки... в саду Соединенного собрания чередуются семейные и детские вечера для танцев; в «Тиволи» – музыка, песенники, марионеточный... театр; в Чертовом углу (юго-восточный берег озера Кабан – авторы) – музыка и фейерверки»[1].

Летом, спасаясь от жары и пыли, имущие казанцы брали экипаж и отправлялись на прогулку в предместья города. В 1830-е годы одним из наиболее популярных мест для таких прогулок было село Бутырки, расположенное на берегу Среднего Кабана, у подножия Архиерейского сада. В результате паломничества праздных горожан

[1]Беседы о чем придется // Казанские новости. 1885. 1 июля.



Озеро Кабан

в летнее время Кабан превращался в место купаний и катаний на лодках. «Лодки так восхитительны в часы заката, когда их движение сопровождается звуками музыки», – вспоминал уехавший из Казани Э.Турнерелли.

Группы людей на берегу озера располагались семьями на пикник: пыхтели самовары, кругом разливался запах свежеиспеченных пирогов. А со стороны Старо-татарской слободы на противоположный от Бутырок берег Кабана устремлялись мусульманские семьи. Как писал британский путешественник, татары «сидели в восточных позах на коврах и подушках, курили свои длинные трубки и распивали чай в торжественном молчании. Перед ними разложены разные татарские съестные припасы. Женщин можно увидеть несколько сзади в знак уважения к своим господам и хозяевам»[1].

Приезжие путешественники полагали, что татарское и русское население Казани в повседневной жизни не пересекается, что город разделен незримой, но непроницаемой культурной стеной. Между тем, местная полиция после каждого зимнего праздника увозила из Суконной слободы трупы русских и татар – участников кулачных боев. Как правило, такие бои проходили либо на льду

[1] ***Turnerelly E.*** Kazan... with an account of the province to which it belongs: Vol.II. London, 1854. P.7.

Кабана, отделявшего татарскую и русскую части города, либо на Евангелистовской (ныне улица Татарстан) или Тихвинской улицах[1]. Это самобытное развлечение собирало много казанского рабочего люда. Оно было пресечено лишь ценой невероятных усилий губернатора Н.Я.Скарятина, усилившего казанскую полицию.

Вплоть до судебной реформы 1864 г. жители Казани имели возможность наслаждаться еще одним бесплатным и кровавым зрелищем – казнью преступников. Судным местом в городе служила Торговая, или Хлебная, площадь под стенами кремля. Приговоренных к телесным наказаниям или к казни преступников медленно везли туда на открытых тележках, а затем при большом стечении народа происходила расправа. Если осужденный был приговорен к ударам розгами или плетьми, то палач снимал с него рубаху, привязывал к скамье и затем «вспарывал кнутом спину»[2].

Н.А.Демерт вспоминал, что, когда он был гимназистом, он видел, как «по улицам вели на казнь двух казанских разбойников, рослых мужиков Быкова и Чайкина. Один из них зарезал человек 50... другой еще больше, в особенности женщин, которых он с наслаждением еще живых анатомировал. И казнь-то была особого рода: разбойников засекали до смерти палками. Множество разряженных дам, стоя в колясках, любовались на это страшное зрелище»[3]. Примечательно, что по свидетельству Н.Я.Агафонова, скелеты этих разбойников впоследствии были выставлены в анатомическом театре университета[4].

В обычные дни для городских обывателей развлечением служили прогулки по базарным площадям и торговым рядам на Булаке. «Варяги развешивают на веревочках картины, – сообщал обозреватель «Губернских ведомостей», – раскладывают груды азбук, песенников, сонников, сказок и даже романов известной фабрикации. Панорама, механический театр и другие балаганы привлекают к себе простонародье, которое находит немалое развлеченье даже и в простом рассматривании балаганных вывесок, в слушании доморощенных острот паяцов»[5]. В провинции на такие незатейливые развлечения стекались не только бедные обыватели, но и состоятельные горожане.

---

[1]ОРРК НБЛ КГУ. «*Агафонов Н.Я.* Горшок герани». Ед. хр. 216. Л.844-847.

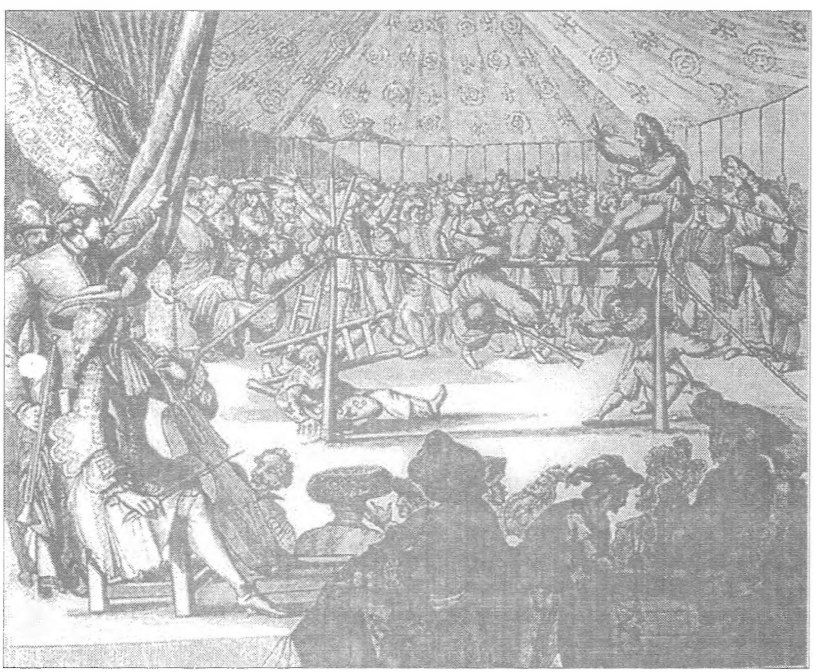
[2]ОРРК НБЛ КГУ. «*Агафонов Н.Я.* Горшок герани». Ед. хр. 216. Л.848-849.

[3]*Демерт Н.А.* Наши общественные дела // Отечественные записки. 1873. № 11. Ноябрь. С.165.

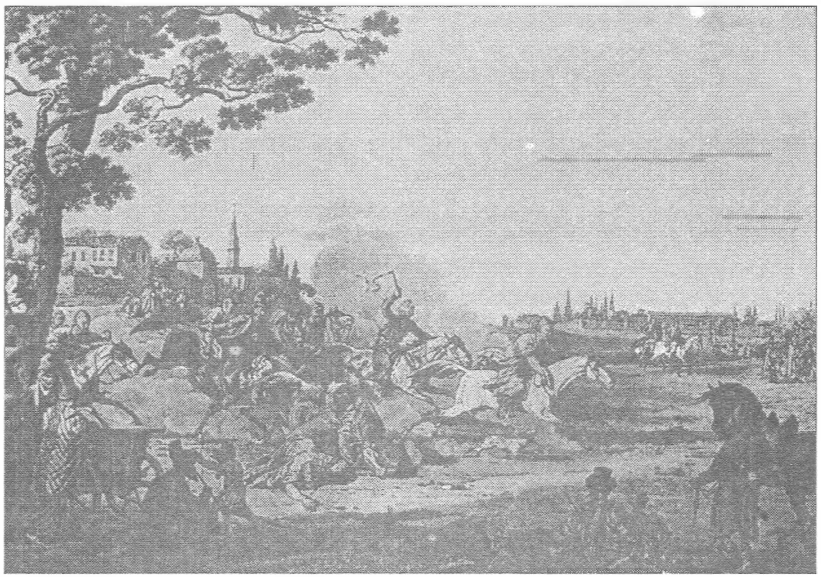
[4]ОРРК НБЛ КГУ. «*Агафонов Н.Я.* Горшок герани». Ед. хр. 216. Л.305.

[5]Казанские губернские ведомости. 1844. № 23 (5 июня).

Казанцы любили наблюдать буйство природы. В то время, когда весной 1844 г. жители слобод спасали себя и свое имущество от затопления, не затронутые бедствием горожане спешили насладиться потрясающе красивым видом разлива. Отражая настроения современников, местная газета писала: «Везде на всем этом пространстве пробуждается кипучая жизнь: везде слышится говор, несутся веселые или заунывные голоса русских песен, гремит во всех концах музыка. Как во время масленицы каждый казанский житель считает непременным долгом езду на татарах, так в это время каждый почитает за обязанность катанье на лодке, — и лодки, и ялики, и катеры шныряют во всех направлениях... Ныне приходили в Казань два небольшие парохода (Татаренкова и Киселева) именно для того, чтобы доставить удовольствие желающим кататься. Редкость такого явления и при том довольно умеренная цена были причиною, что ежедневно на пароходах собиралось многочисленное общество. Пароходы обыкновенно



Французский балаган



Конники-татары

брали на буксир досчаники и большие лодки и отправлялись с музыкою крейсировать кругом Казани»[1].

Ублажая горожан, и в целях получения дохода в 1860-е гг. один местный предприниматель ввел через Булак на воды Кабана маленький («сил в шесть») пароходик. Курсируя от берега к берегу, он тянул за собой небольшую баржу с отдыхающими пассажирами[2]. Казанцам очень понравилось это развлечение. Особенной популярностью пользовались ночные прогулки по озеру.

Официальные праздники отмечались в Казани всеми горожанами. В зависимости от достатка различались лишь сопровождавшие их развлечения. «Жители здешнего города провели масленицу очень весело, – сообщали в 1844 г. «Губернские ведомости». – В первый оный день был дан в доме благородного собрания от восьми в Казани жительствующих дворян завтрак, который стоил 800 руб. и на котором было до 400 кувертов (приборов – авторы). Благородное общество собралось на сей завтрак в 11 часов утра, потом прогуливалось по главным улицам города. Между прочими экипажами находились

[1]Казанские губернские ведомости. 1844. № 23. 5 июня.

[2]Пароход на озере Кабан // Справочный листок города Казани. 1867. 30 мая.

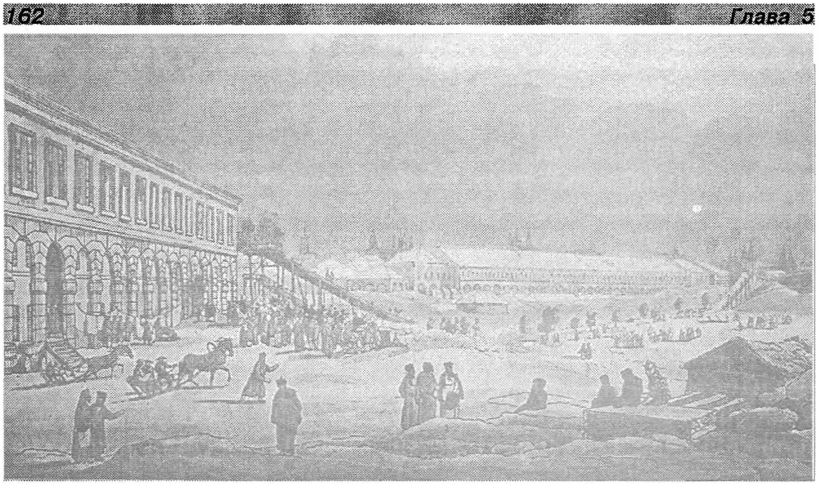
Катание на качелях

сани, запряженные в 4 и 6 лошадей. После сей прогулки в помянутом доме занимались танцами, потом имели обеденный стол, за которым опять последовали танцы. В следующие дни до четверга многие давали обеды... в среду на здешнем театре был спектакль «Мнимый философ»[1].

В отличие от представителей «благородного общества», городские обыватели, по свидетельству той же газеты, на масленицу «начинали шататься по улицам». В эти дни из татарских селений в город стекались подводы. За 5 копеек ассигнациями татарин-извозчик катал ездоков из одного конца города в другой – «делал далекий конец». Обычно местом найма подводы был берег Кабана близ «Татарского» моста. В 1840-е г. наблюдатели считали, что «катание на татарах» прижилось в Казани вследствие отсутствия организованных развлечений. «Сие увеселение, – полагал журналист, – служит для черни вместо гор, которых здесь не делают к масленице, хотя и можно было бы поставить оныя на озере Кабане»[2].

Двадцать лет спустя данная традиция осознавалась горожанами как особенность праздничной культуры Казани. В те годы в городе были отстроены горки, на масленицу кругом пестрели

[1]Казанские губернские ведомости. 1844. № 7. 14 февраля.
[2]Там же.



Ледяные горы на Масленицу

балаганы со зверинцами, цирком, открытым театром, но катание оставалось непременным атрибутом праздника. «Все казанские улицы, – описывал его «Справочный листок» за 1867 г., – с воскресенья покрываются парными, раскатистыми санями татар, их приезжает из казанского и других уездов для извоза на масленицу очень много, иногда бывало их до 6 тыс.; в последнее время вместе с татарами стали появляться и русские, но извоз татар на масленице считается какой-то привилегией их, дарованной им чуть ли не Петром Великим... Татары являются с предложением своих услуг, упрашивая пешехода садиться: «садись, пожалуйста, хозяин; садись, пожалуйста, знакомый»; «гуля'м, бачка!». По крику «айда» (ступай), «кувала! кувала!» (скорей, скорей) татарин мчит свою пару лошадей, украшенных ленточками»[1]. И хотя теперь за «далекий конец» платили 10-15 копеек серебром, казанцы не признали и пресекли конкуренцию в этом бизнесе со стороны русских крестьян. Она осознавалась как покушение на ритуал.

Изучая праздничную культуру Казани XIX века, легко отметить зоны, на которые было поделено культурное пространство города. Каждая из них жила своей автономной жизнью. Горожане не первого поколения с удивлением отмечали завезенную в казанские слободы из деревни традицию отмечать Пасхальную неделю хороводами. «Водят их в Казани, – писал обозреватель, – посреди переулков и даже улиц, конечно, не Воскресенской, не Грузинской – эти улицы барские, дворянские; может быть, кто-

[1]Масленица // Справочный листок города Казани. 1867. 21 февраля.

Русская пляска

нибудь из нас и остановится перед хороводом, прислушиваясь к какой-нибудь песне, впрочем, мы не любим мужицких песен, некоторые из них даже шокируют наше благовоспитанное ухо»[1]. Модернизированная культура городского посада не желала признавать право народной традиционной культуры на существование, склонна была оценивать ее как более низкий уровень развития.

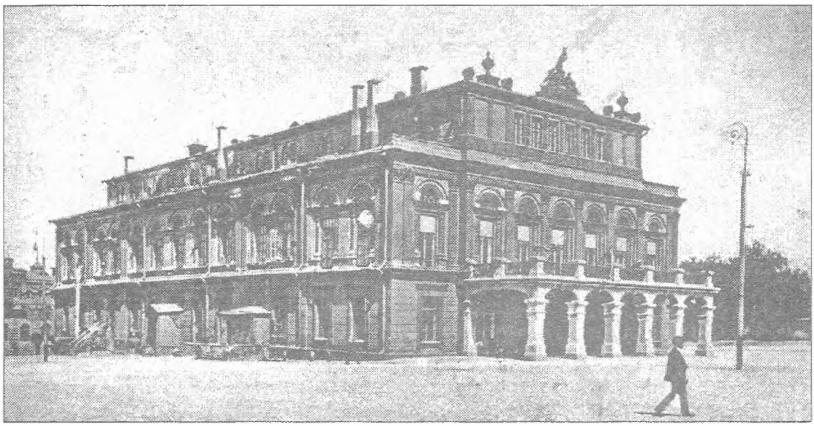
В XIX веке неотъемлемой частью повседневности провинциального города стал театр. Но Казани в этом отношении хронически не везло. Казанцы даже утверждали, что «какая-то злая судьба преследует Казанский театр: против него восстали огонь и вода»[2].

Частные театры были организованы в городе еще в XVIII веке. Например, на Воскресенской улице в доме купца Челышева (дом 25/22) с 1791 по 1796 гг. давала спектакли профессиональная труппа артистов. Впоследствии в этом помещении был открыт городской шахматный клуб, а во дворе дома находился самый известный в городе сиреневый сад.

Первый публичный театр в Казани появился в 1798 г. Он был

[1]Казань. 1867 год / Сост. В.И.Шишкин. Казань, 1992. С.40.

[2]Открытие летнего театра в Александровском саду // Справочный листок города Казани. 1867. 27 апреля.



Городской театр

создан на средства казанского помещика П.П.Есипова. Актерами в нем были его же крепостные, получившие специальную подготовку в Петербургском придворном театре. Есиповский театр просуществовал 17 лет, сгорев в пожаре 1815 г. В 1844 г. «Казанские губернские ведомости» писали: «Рассказывают, что труды Есипова увенчались таким прекрасным успехом, что все спектакли, даваемые на его сцене, своим достоинством почти не уступали столичным. Конечно, может быть, молва современников и излишком увеличила эти достоинства: однако по всей вероятности по своему времени театр Есипова был гораздо совершеннее и блестящее нынешних театров... К нему привыкли жители чрезвычайно, и даже самые татары, дотоле чуждавшиеся общения с русскими, начали весьма часто посещать его»[1].

Постоянный театр в Казани просуществовал 10 лет: с 1851 по 1860 гг. В первый же сезон в нем давала концерты итальянская оперная труппа. Далее сменявшие друг друга директора Грабовский и Мирцев сформировали местную труппу, по утверждению очевидцев, «весьма хорошую, доставившую казанскому театру самую лучшую репутацию из провинциальных театров». В 1850-е гг. в театре были аншлаги. На его сцене шли классические европейские и русские постановки. Артистов знали в лицо и по именам, публика делилась на группы поклонников той или иной театральной звезды. «Между молодыми людьми,

[1]Казанские губернские ведомости. 1844. № 23. 5 июня.

Ряженые

особенно студентами университета, образовались даже две партии – «стрелковисты» и «прокофисты», по имени двух артисток», – вспоминал П. Васильев[1].

Но в 1859 г. Мирцев отказался от управления театром, группа распалась. Вновь назначенный директором Хатунцев привез труппу начинающих актеров из Москвы. Они, по мнению зрителей, «превратили театр в балаган». Летом и в начале осени того года в помещении театра шли представления заезжего фокусника, потом показ зверинца. Наконец, в октябре здание снял содержатель итальянской труппы Бергер. Но тут случился пожар, и казанцы вновь остались без стационарного театра.

Вместо сгоревшего театра на Арском поле был создан временный, деревянный. По словам современников, «снаружи он представлялся некрасивым, это был простой дощатый огромный балаган, но внутри он был отделан недурно и вмещал довольно большую сцену, два ряда лож, с балконами и амфитеатром над

[1]**Васильев П.** Материалы для истории казанского театра (1851-1859) // Справочный листок города Казани. 1867. 2 июля.

ними, и рядов 12 кресл»[1]. И хотя, по признанию очевидцев, большая часть прошедших в нем спектаклей были плохи, а театр довольно часто был пуст, тем не менее, у его посетителей были и редкие радости. На его сцене казанцы увидели Виноградова, Иловайского, Трусову, Айра-Ольриджа, здесь услышали итальянских оперных певцов. Но в июле 1866 г. и этот театр тоже сгорел.

По частной инициативе Аверина (псевдоним – Аверино) в 1867 г. был выстроен плавучий театр. Но случившееся весной половодье сорвало его с берега и разломало между льдин. В тот год казанцам пришлось довольствоваться летним театром в Александровском саду. Наряду с откровенно слабыми артистами здесь дали концерты столичные чтецы Монахов и Горбунов, играл известный петербургский артист Васильев. Казанцы принимали их бурно, потом долго обсуждали выступления, вспоминали и рассказывали о своих впечатлениях. В конце года каменный театр, наконец, открылся. Но он просуществовал лишь до пожара 1874 г.[2]

Театр был символом высоких культурных запросов. В XIX веке посещение его носило ритуальный характер. Оно требовало вечерних туалетов и причесок. И, вместе с тем, в театре встречались люди разных сословий. Предметом наблюдений, эмоциональных переживаний, эстетического наслаждения была не только сцена, но и публика в ложах, партере, бельэтаже. Именно в театре обыватели имели возможность увидеть городской «свет» вблизи, полюбоваться на наряды дам и обсудить первых лиц города.

По уверению обозревателя казанской общественной жизни, в 1860-е гг. вручение цветов артистам стало социальным жестом. «Это, – вскрывал суть явления журналист, – считается чуть ли не верным доказательством обеспеченности в денежных средствах, умения хорошо жить, хорошего тона, фешенебельности, дендизма»[3]. Чем больше был размер букета и очевиднее его высокая стоимость, тем выше было публично декларируемое благосостояние человека, вышедшего на театральные подмостки.

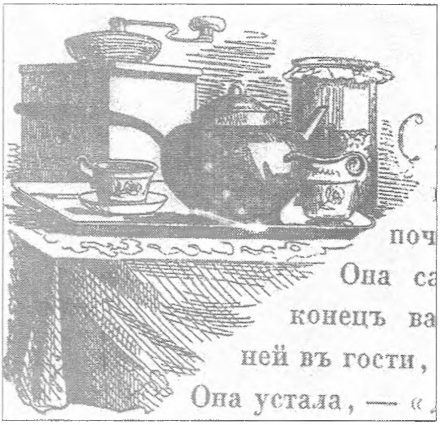
В середине XIX века почти ежегодно у казанцев появлялась возможность посетить цирковое представление. Обычно огромная палатка приехавшего на гастроли цирка устанавливалась на Никольской площади. В 1860-е годы в Казань приезжали труппы цирка Вейса, Приса, Сулье, Гинне. Завороженные зрители, затаив дыхание,

---

[1]Открытие летнего театра в Александровском саду // Справочный листок города Казани. 1867. 27 апреля.

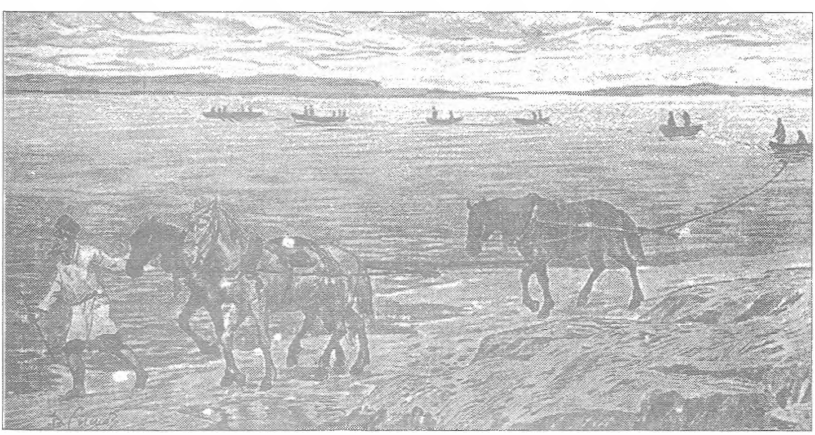
[2]***Крути И.А.*** Русский театр в Казани. М., 1958.

[3]Букетомания в Казани // Справочный листок города Казани. 1867. 2 июля.

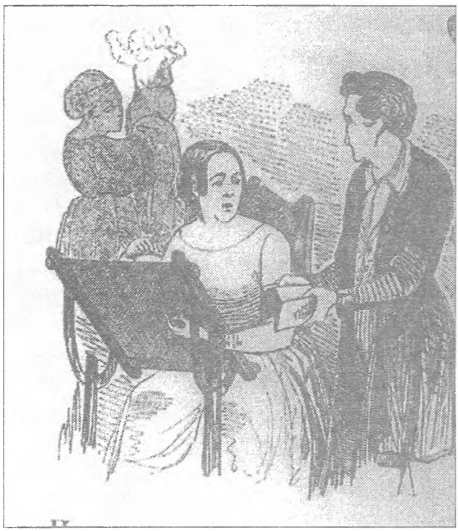


следили за чудодейством иллюзионистов, вздрагивали от головокружительных полетов воздушных эквилибристов. В 1870-е гг. в городе появился стационарный цирк. Он был построен семьей цирковых артистов и предпринимателей Никитиных у входа в Черноозерский сад. Непременными участниками никитинских программ были наездники, жонглеры, а любимым зрелищем местной публики – французская борьба. Посещение цирка было менее этикетным мероприятием, чем посещение театра или бала. К тому же цирковая публика не делилась столь жестко на культурные сегменты партера, бельэтажа и лож, как то было в театре.

В конце XIX столетия в Казани стали повсеместно открываться частные и сословные театры и клубы. Их было много, и все они в своей работе ориентировались на проводившиеся в Дворянском и Купеческом собраниях музыкальные и литературные утренники, балы, вечера и маскарады. Мероприятия Дворянского собрания отличались элитарностью публики. Между тем, в Купеческое



Рыбалка с лошадьми



собрание был «всем вольный вход, все гости дорогие». В этом были свои плюсы и минусы. В Дворянском собрании мероприятия проходили в богатой и стильной обстановке, в просторном зале со свежим воздухом, с изысканной французской кухней, но, по признанию очевидцев, скучно и однообразно. Начинавшиеся в 8 часов пополудни «вечера» в Дворянском собрании в час ночи уже заканчивались.

Купеческое собрание отличалось теснотой помещения, скромными нарядами участников, простотой нравов, плотными ужинами и неподдельным весельем. По свидетельствам современников, в 4 часа ночи здесь продолжали откупоривать бутылки шампанского[1]. Билет на такой вечер в конце 1860-х гг. стоил 1 рубль с кавалера и 50 копеек с дамы. По средам в Купеческом собрании проводились семейные вечера, а по вторникам – «обеды по подписке».

Еще один сословный клуб располагался в Пороховой слободе, во дворе, образованном из офицерских домов (ныне улица 25-го Октября). Зимой сюда на каток стекались жители со всей пятой части города. Пары и отдельные любители коньков кружили под звуки военного духового оркестра. «Офицерский каток» был излюбленным местом знакомств и встреч молодых людей, проживавших в Заречье.

Количество клубов росло. В 1880-е гг. их в Казани было пять, но все они, по признанию современников, тяготели к карточной форме организации досуга. «Главный доход наших клубов, – констатировал обозреватель «Казанских новостей», – получается от карт и посредством карт. Нет картежной игры в клубе – нет у него и доходов, потому что только за картами засиживаются до утра и платят за то чудовищные штрафы... Только за картами и ради карт происходили и кутежи, во время которых «шло разливанное море»

[1]Балы дворянского и купеческого собраний // Справочный листок города Казани. 1867. 5 января.

Татарская семья

и опустошался буфет чуть не до последней бутылки питейных запасов»[1]. В этом отношении Шахматный клуб не отличался от Купеческого или Русского соединенного собрания.

В конце столетия на благотворительные средства местных промышленников в окраиных районах Казани стали возводиться просветительские учреждения для служащих и рабочих. Одним из таких заведений был театр И.И.Алафузова на улице Архангельской (ныне Гладилова). Еженедельно товарищество казанских артистов давало в нем спектакли на русском, а иногда и на татарском языке. Для служащих устраивались танцевальные вечера, литературные чтения и лекции. Для рабочих десять раз в году проводились специальные вечера, а по воскресеньям профессора Казанского университета и Духовной академии читали лекции по общеобразовательным предметам[2].

Досуг и праздники казанцев сопровождались обильным угощением и потреблением горячительных напитков[3].

Сильные алкогольные напитки, и прежде всего водка, потреблялись в Казани в больших объемах, чем вино и пиво. В текстах (художественных, публицистических, делопроизводственных) содержится масса свидетельств того, как люди напивались до

[1]Надо сокращаться // Казанские новости. 1885. 9 июля.

[2]***Лисевич М.*** История Казани глазами эрудитов. Казань, 1998. С.48.

[3]***Бушков Р.А.*** Гуляй Расея-Азия. История казанских кабаков, трактиров и ресторанов // Казанский посад в прошлом и настоящем. С.78-84.

Магазин

потери человеческого облика. Праздник был почти официальным поводом для этого. «По праздникам каменщики и плотники напивались до безумия, устраивали драки...»; «после торжественных праздников завсегда были у пировавших рыла сворочены и подбиты очи ясные». Драка, скандал рассматривались как неотъемлемая часть праздничной культуры. Приведя эти и другие свидетельства современников о пьянстве казанцев, А.Н.Зорин заключил: «Было бы ошибкой думать, что пьянство было присуще только рабочему классу окраинных слобод, людям самого низкого культурного уровня. Пьянство имело распространение во всех слоях населения»[1].

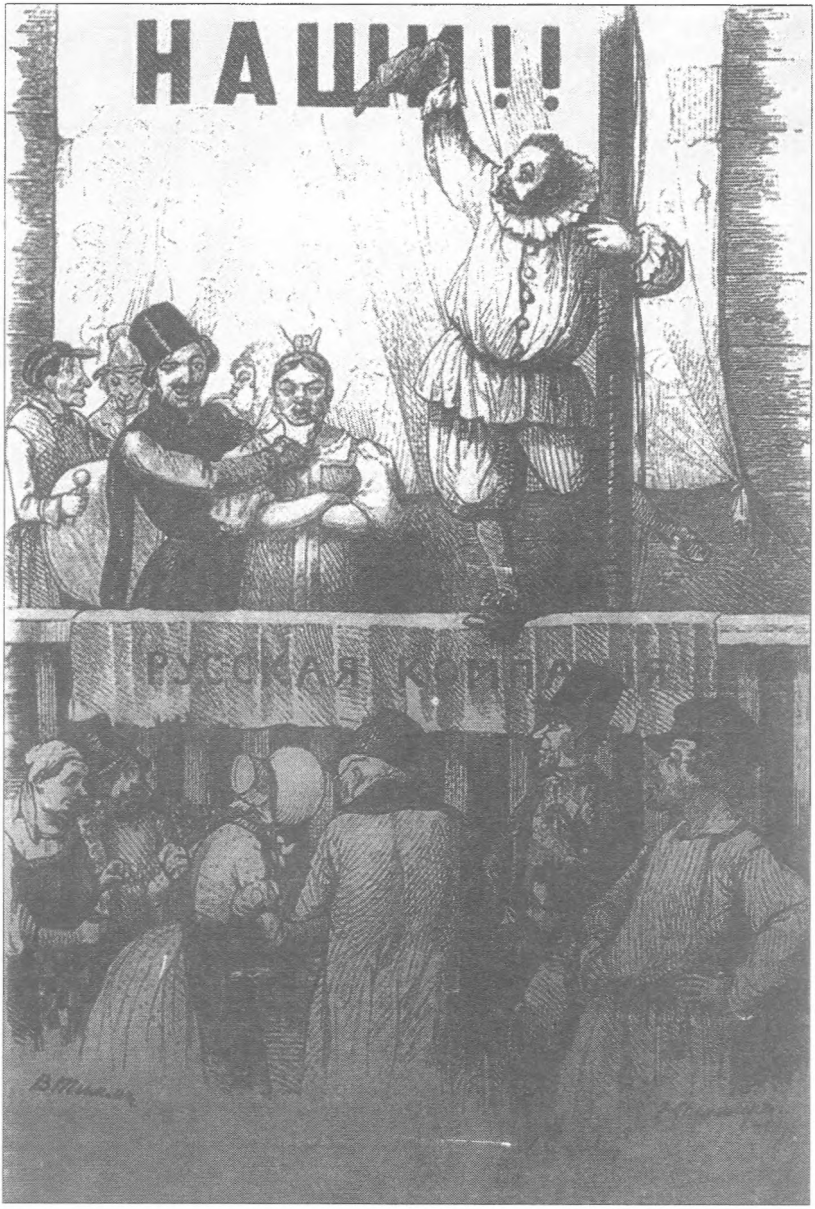
Нормой для казанского люда была выпивка по воскресеньям, но пили и в другие дни. М.С.Рыбушкин в 1830-е гг. писал: «Множество любителей разгульной жизни усердно посещают питейные дома и трактиры, которые, впрочем, привлекают к себе нередко и другие сословия, любящие убивать время в праздности»[2]. Чиновники начинали пить сначала «по двадцатое число», т.е. по дням получения жалованья. Следующим этапом было пьянство «по вся дни». Многие служащие пропивали месячное жалование, обрекая свои семьи на полную нищету. Ф.И.Шаляпин, детство которого прошло в Казани конца XIX столетия, вспоминал: «Двадцатого числа среда, в которой я жил, поголовно отравлялась водкой и дико дебоширила. Это были дни сплошного кошмара; люди, теряя образ человеческий, бессмысленно орали, дрались, плакали, валялись в грязи – жизнь становилась отвратительной, страшной»[3].

В Казани, как и в других университетских городах, особый слой гуляк составляли студенты. Правда, судя по воспоминаниям Л.Н.Толстого, учившегося здесь в 1840-е гг., студенты дворянского происхождения пили в основном слабые напитки: «В то время мы из

[1] ***Зорин А.Н.*** Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань, 2001. С.235

[2] Цит. по: Знаменитые люди о Казанском крае. С.54.

[3] ***Шаляпин Ф.И.*** Страницы моей жизни. М., 1959. С.33.



Балаган

Книжная лавка

Кабак

вина ничего, кроме шампанского, не пили»[1]. Студенты-разночинцы обходились, как правило, более дешевыми и сильными напитками – вином, водкой, хересом. В результате пьянство среди них было распространено гораздо сильнее, впрочем, все зависело от количества выпитого.

В то же время, вопреки современным представлениям, в трактирах посетители чаще всего заказывали не графинчик с водкой, а чай. На втором месте среди покупаемых напитков было пиво, затем следовали мед, дешевое вино, наливки и на последнем месте по потреблению стояло высококачественное вино[2]. А в ресторане фешенебельного Александровского парка все категории гуляющих пили чай, немцы предпочитали «грахинский или щербаковский бир (пиво)», респектабельные главы семейств заказывали коньяк, водку, пиво, шампанское[3].

Девиантные явления городской жизни

С 40-х гг. XIX века для повседневной жизни Казани стала актуальной проблема проституции и связанных с нею венерических заболеваний. Проституция в России была легализована указом 1844 г., содержащим правила для публичных домов. Опираясь на него, в Казани тогда открыли несколько домов терпимости. Некоторые из них просуществовали несколько десятков лет. Их содержательницы (а все обладатели такого бизнеса были женщины) учреждали заведения в расчете на разный материальный достаток посетителей, поэтому казанские дома терпимости можно было поделить на три уровня.

По статистическим данным за 1889 г., цены за подобного рода услуги в респектабельных заведениях Казани составляли приблизительно 3 рубля за посещение и 5 рублей за ночь. В домах

[1]Цит. по: Знаменитые люди о Казанском крае. С.90.

[2]Бакалда // Справочный листок города Казани. 1867. 18 июня.

[3]Александровский сад // Справочный листок города Казани. 1867. 23 мая.

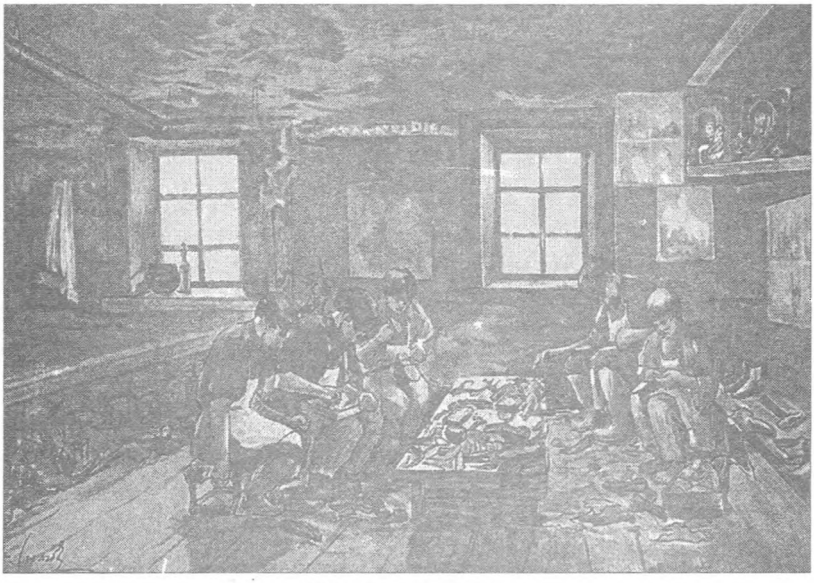
Народные гуляния

«средней категории» плата составляла соответственно 1 рубль и 3 рубля. А в дешевых «домах с красным фонарем» посетитель тратил от 20 до 50 копеек за посещение и от 50 копеек до 2 рублей за ночь. Общим для всех такого рода мест было наличие музыканта и буфета с алкогольными напитками, куда «девушка» должна была заманить клиента и «выпотрошить» его кошелек по максимуму. Ярко освещенные окна, призывные вывески и громко звучавшая музыка манили к себе новых клиентов и голодных девочек.

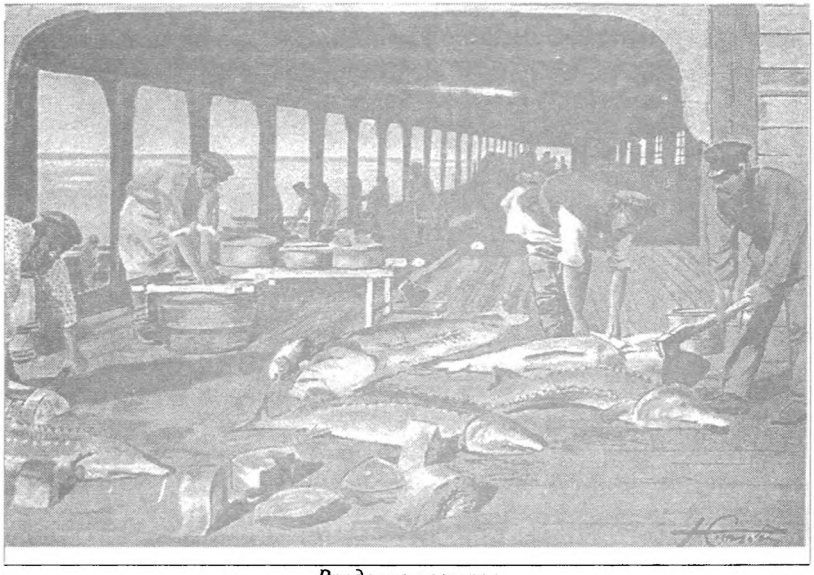
Большинство казанских домов терпимости были небольшими, состояли из двух-трех комнат, общей залы и буфета. Клиентов обслуживали три проститутки. Спустя два года работы в дорогом заведении они отправлялись в заведение уровнем пониже, затем в еще более дешевое. Почти все казанские проститутки были «из бедных». Около 60% их рекрутировалось из крестьянских семей, 30% были по происхождению мещанками, 10% из солдаток[1]. Как правило, это были безграмотные деревенские или из городских низов девушки, многие – незаконнорожденные или сироты. Среди них встречались и такие, кто начинал заниматься проституцией в возрасте 10-11 лет.

В августе 1889 г. в казанских заведениях работали 134 проститутки. Согласно медицинским опросам, ежедневно обладательницы

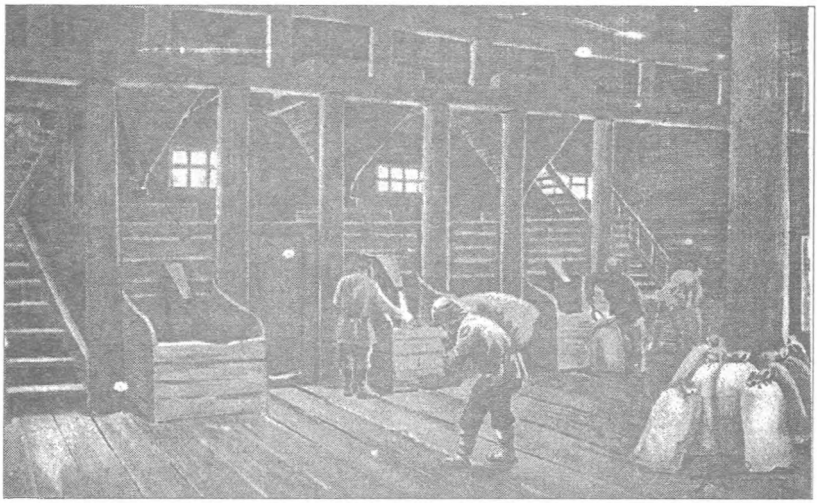
[1]Статистика Российской империи. Т.XIII: Проституция в Российской империи по обследованию 1-го августа 1889 г. / Ред. А. Дубровский. СПб., 1890. С.48-52.



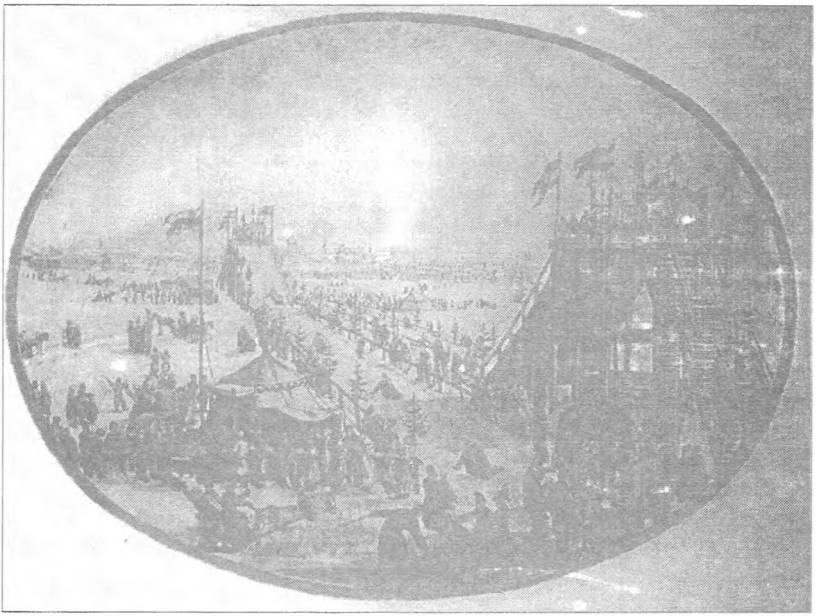
Обувная мастерская



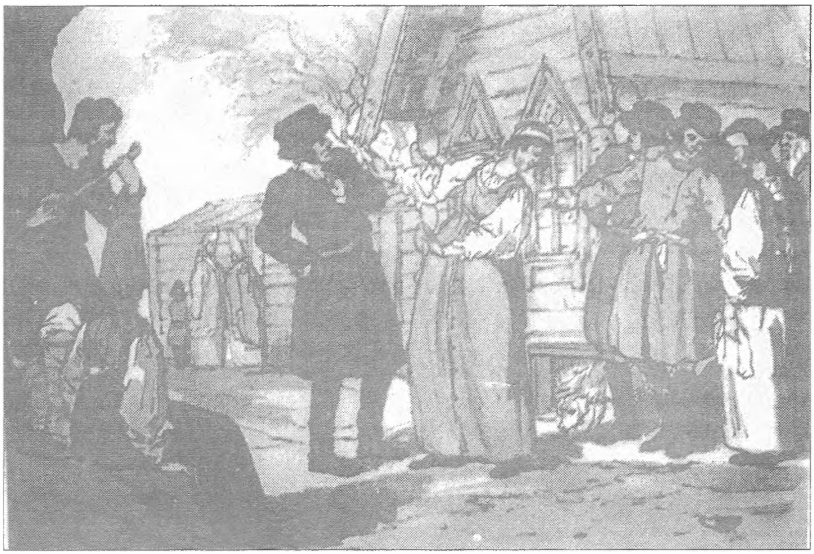
Разделка осетров



На мельнице



Катание на горах



Русский танец

древнейшей профессии обслуживали приблизительно 5 мужчин каждая. А по данным, полученным врачами Петербурга, Москвы и Киева, до 60% служительниц домов терпимости болели или переболели венерическими заболеваниями. При такой статистике легко предположить скорость и широту распространения болезней в городе. Их лечение велось с использованием ртутной мази, вызывавшей так называемое «сифилическое слабоумие». Поэтому путь от публичного дома к психиатрической больнице был не очень длинным.

Услугами публичных домов пользовались разные слои населения. Особенно частыми посетителями домов терпимости были расквартированные в городе воинские чины. Для них круглосуточно работали заведения, расположенные на знаменитой среди полицейских улице Пески в Суконной слободе. По свидетельству Н.Я.Агафонова, «старые чины казанской полиции называли ее не иначе, как «Калифорния», подразумевая обильную для них доходность этой улицы»[1].

Другой многочисленной категорией посетителей домов терпимости были студенты. Юноши, прибывавшие в Казань из

[1] **Агафонов Н.** Казань и казанцы. Вып.II. Казань, 1907. С.60.

Фельдъегерь

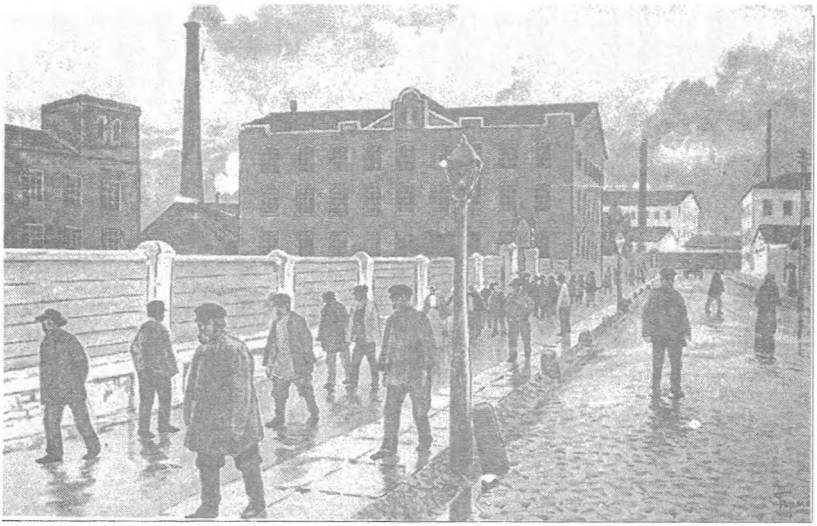
разных городов востока и юга России, проходили здесь не только школу знаний, но и «школу жизни». Один из современников в 1900 г. констатировал: «Еще в 70-х гг. наша казанская университетская молодежь, в том числе и будущие врачи, собирались гуртом, партиями в публичные дома»[1]. Веселое коллективное времяпрепровождение для многих оборачивалось необходимостью длительного лечения. Обличая пороки современной молодежи, приват-доцент университета А.И.Елистратов приводил медицинскую статистику, из которой следовало, что «современное культурное студенчество, по крайней мере, на четверть состоит из лиц, страдающих или болевших венерическими заболеваниями»[2]. Такая ситуация была характерна и для других университетских городов России, например, для Дерпта.

Менее постоянной, но не менее многочисленной категорией посетителей публичных домов были прибывавшие в Казань на заработки мигранты. Как правило, они пользовались услугами дешевых заведений на окраинах.

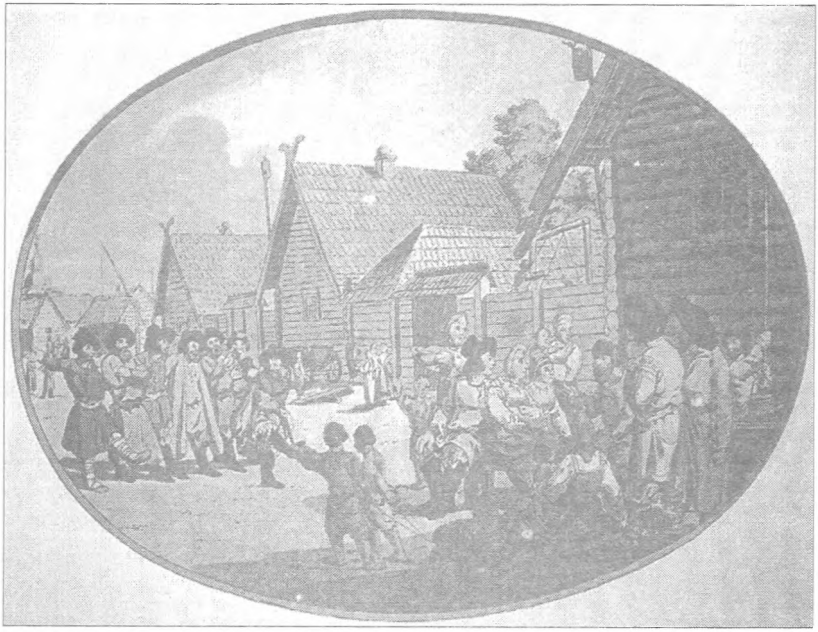
Женщины, зарабатывавшие проституцией вне этих заведений («одиночки»), подпадали под контроль врачебно-полицейской

[1]О проститутах и проститутках // Деятель. 1900. № 12. С.571.

[2]***Елистратов А.*** К вопросу о судьбе домов терпимости в г. Казани // Деятель. 1900. № 11. С.513.

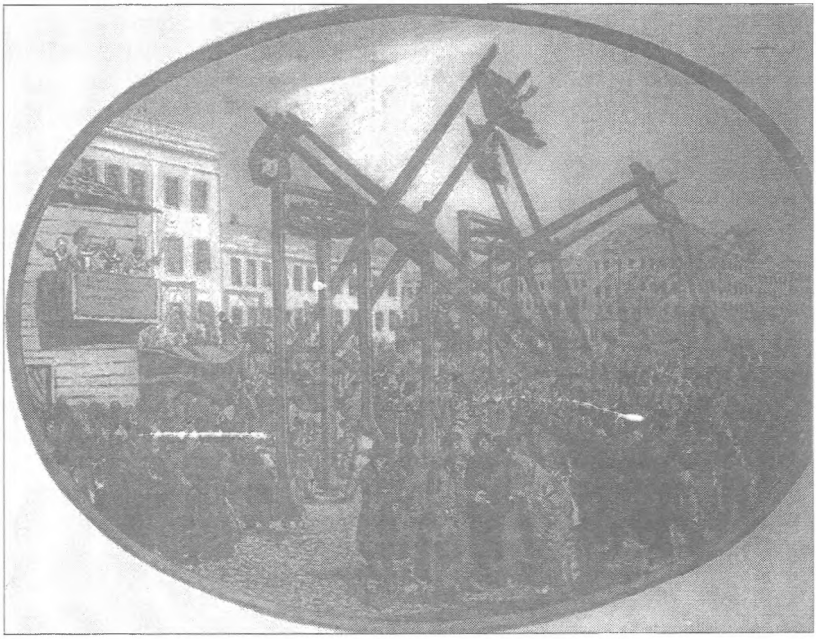


Завод. Конец смены

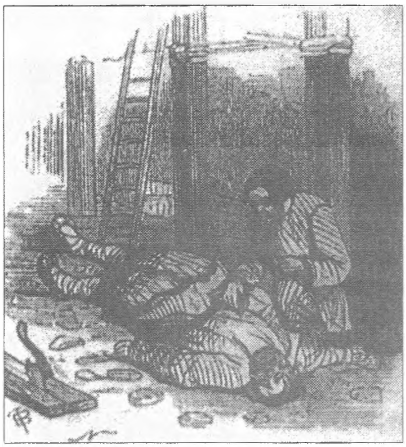


Деревенский праздник

Ярмарка



Качели



Мертвое тело

управы. Из ее отчета за 1852 г. явствует, что тогда в городе была зарегистрирована 1361 публичная женщина. Но по официальной статистике за 1889 г., «проститутками-одиночками» считались лишь 189 женщин Казанской губернии. Судя по всему, опубликованные данные отражают лишь видимую часть айсберга. По свидетельству современников, «проститутки притонов терпимости составляют не более, как ничтожную горсть в общем числе женщин, промышляющих в данной местности развратом»[1].

Все «одиночки» и служительницы публичных домов должны были 4 раза в месяц проходить медицинский контроль. Но, во-первых, это выполнялось далеко не всегда. А во-вторых, уровень медицины того времени не позволял выявить заражение в том случае, если не было кожных проявлений. В результате медицинское заключение использовалось как своего рода «патент» и, вместе с тем, гарантия безопасности. Услуги его обладательницы стоили дороже, чем той, у кого свидетельства не было.

Отношение современников к проституции было противоречивым и изменчивым. Судя по публикациям в газетах, в середине XIX столетия обыватели, да и местные власти считали публичных женщин естественным явлением городской жизни. Одинокие мужчины, особенно солдаты, студенты, нуждались в их услугах. А спрос рождал предложение. Да и для многих девушек из городских низов, а порой и для их семей, проституция была единственным источником доходов. Не без жалости журналист писал в 1867 г. о таких «горемычных созданиях»: «Стоит взглянуть на их бледные лица, впалые глаза, и сейчас узнаешь – кто они. Живут они в какой-нибудь темной грязной конурке, где-нибудь в глуши города, и притащились они оттуда на Черное озеро не музыку слушать... Вся жизнь их – одно безысходное горе, всю жизнь им приходится бороться с нуждой, с холодом да голодом. И утешатся они только тогда, когда попадут на Куртино... Но вот к ним подходит с сальною

[1] ***Елистратов А.*** К вопросу о судьбе домов терпимости в г. Казани // Деятель. 1900. № 11. С.507.

Гробовщик

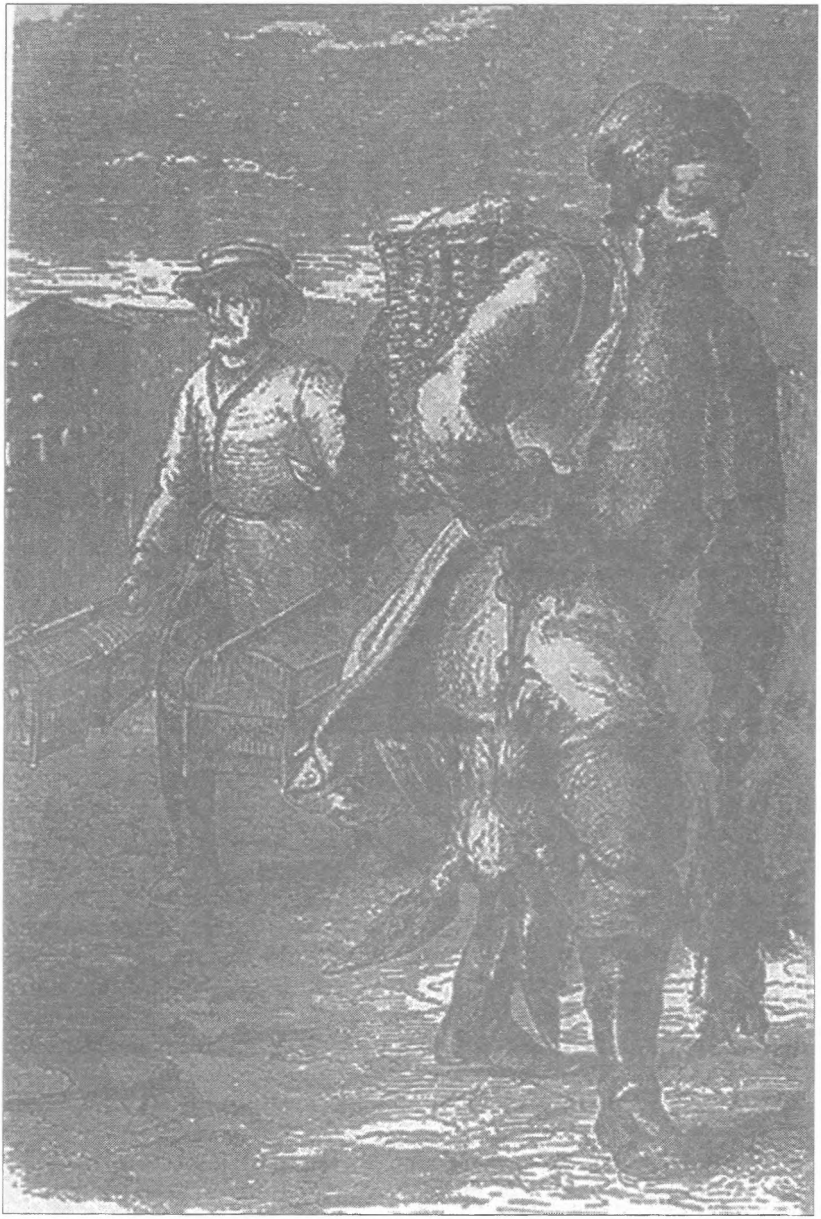
Знахарь

любезностью и развязными манерами какой-то франт, чуть ли не приказчик. Радостно вздохнули бедняжки. Да, завтра, может быть, им не придется голодать»[1].

В 1880-е гг., возмущаясь открытием в Казани «Варьете» при бане, журналист вздыхал: «Не в том, так в другом виде притон для гулящего народа в большом городе непременно будет существовать: это неизбежное зло»[2]. Но уже в конце этого десятилетия общественные настроения изменились. «Казанский биржевой листок» тогда писал: «Благодаря прекрасным вечерам по озеру Кабан катается на лодках очень много публики, но, к сожалению, катающимся приходится быть свидетелями довольно откровенных фигур и весьма развязной брани купальщиц с Песков... Циничные выходки этих кабанных наяд положительно возмущают»[3].

В то время местные благотворительные общества поднимали борьбу против алкоголизма, проституции и публичных домов. «Волжский Вестник» в этой связи предлагал: «Для деревенского люда дома вроде домов г.г. Шпактейна и Бутова (в Мокрой слободе – *авторы*), где имеются и постоялые дворы, и кабаки, и публичные дома – являются соблазном «Казанской цивилизации»... Не мешало бы принять энергичные меры к устранению безобразий, которыми так славятся Мокрые палестины»[4]. В 1900 г. на страницах местного

[1]Казань 1867 год / Сост. В.И. Шишкин. Казань, 1992. С.60.
[2]Казанские новости. 1885. 18 ноября.
[3]Казанский биржевой листок. 1888. 24 июня.
[4]Волжский Вестник. 1885. № 34.



Торговцы

журнала «Деятель» публиковались отчеты и доклады участников Казанского общества защиты несчастных женщин. «Дома терпимости» именовались в них источниками «нравственного разврата», «разложения», «нравственного яда». Общество требовало от местных властей их повсеместного закрытия.

Подобную же эволюцию испытало казанское общество в своем отношении к нищенству. С одной стороны, нищие были неизбежной частью городской повседневности, с другой, по мере роста Казани, нищенство превращалось в организованную разрастающуюся структуру. Горожан беспокоило вовлечение в это занятие детей. Каждый день на улицах, у входа в продуктовые лавки, на паперти церквей люди сталкивались с просящими подаяние полуголыми детьми. Жалостливые обыватели давали медные деньги мальчикам и девочкам, поющим под звуки шарманки осипшими от мороза голосами популярные скабрезные куплеты. Общественность возмущали использование детей для вымогательства денег у прохожих, жестокое обращение с ними, их появление в публичных домах для развлечения посетителей. Казанская полиция извещала горожан о «десяти–двенадцатилетних девочках, которые старались казаться такими «забубенными», что для них – «все трын-трава»[1]. В 1880-1890-е гг. казанские газеты постоянно поднимали вопрос о филантропической борьбе с детским нищенством.

Воровство было необычайно распространено среди представителей всех социальных слоев городов Среднего Поволжья. «Приказчики, – пишет А.Зорин, – воровали у хозяев, станционные служащие – с вверенных объектов, высокопоставленные чиновники занимались хищениями из казны. Считалось, что воруют все, и если кто-то не воровал, такой человек представлялся странным, подозрительным, политически неблагонадежным»[2].

В XIX веке среди казанских воров сложился определенный кодекс чести. Он включал понятие «своей» территории. Так, абсолютное большинство краж воры Суконной слободы совершали в «городе», то есть в посаде: воровали белье из сушилен, деньги из Коровинской часовни, калачи у калашников, залезали в карманы зазевавшихся прохожих или в кошелки домохозяек на базаре. У себя в слободе суконщики практически не воровали, за исключением случаев хищений с мануфактуры. «Когда суконщики воровали на стороне, – записал Н.Я. Агафонов свидетельство старожила-суконщика, – то есть в городе, то товарищи по фабрике и не думали укорять их за это;

[1] Судьба нищенствующих детей // Казанские новости. 1885. 18 ноября.
[2] *Зорин А.Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья. С.218.

Служивый

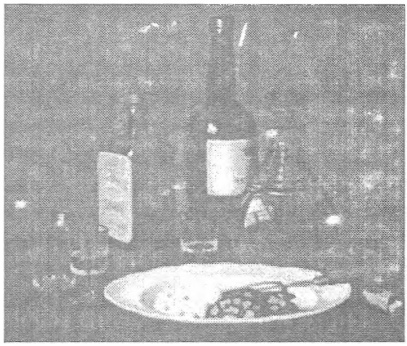
Купец

но если станут шалить у себя по Суконной, то несдобровать вору: такового своим судом «по закону Линча» – и концы в воду»[1].

В повседневной жизни губернской Казани XIX века очевидно одновременное сосуществование различных ритмов и стилей жизни горожан. Поэтому жители слобод (зачастую недавние сельчане), попадая в центральную часть города, оказывались в ином времени и культурном пространстве, где ощущали себя чужаками, терялись от быстрого движения, незнакомых вещей и непривычного обхождения. Их манеры, язык, костюм, запах, жесты – все выдавало пришельцев. Такая ситуация порождала социальные комплексы и, как следствие, девиантные формы поведения.

«Высокая» и «низкая» городские субкультуры Казани мало сообщались между собой. Конечно, обыватель любовался городскими особняками, великолепными экипажами и нарядами, но воспринимал их как мир уникального и не питал надежд обрести его, не стремился стать таким же, как аристократы. С одной стороны, в неразвитости «мещанской» культуры, культуры средних слоев был виноват снобизм казанской знати, «закрывшейся» от обывателей. С другой – это было следствием «сельскости» города. Из-за активных миграционных потоков «сельскость» буквально захлестывала

[1] ОРРК НБЛ КГУ. *Агафонов Н.Я.* «Горшок герани» // Ед. хр. 216. С.851.



городскую повседневность и проявляла себя в негативном, презрительном отношении неофитов к городскому укладу жизни. Прибывшие в Казань сельчане, в отличие от прибывавших в столицы, не стремились изживать свой провинциализм. Слабый культурный диалог возникал и между этническими культурами городского населения. Примечательно, что пограничная полоса взаимодействия между русской и татарской культурой находилась в среде городских низов (кулачные бои, катанис на «татарах», татарские офени, ямщики и т.д.), а полоса диалога между русской и немецкой культурами располагалась, в основном, в среде местных интеллектуалов.

Разреженное коммуникативное пространство города, слабый диалог культур, отсутствие властных стратегий, действующих в этом направлении, создавали ситуацию, при которой повседневность частного человека не была унифицирована. Она допускала сосуществование в одном времени разных повседневностей. Примечательно, что в XIX веке «разобщенность» переживалась современниками как негативная особенность общественной жизни Казани, а в XX веке она стала осознаваться как прекрасное «прошлое, которое мы потеряли».

Глава 6.

Советская власть и культурный ландшафт провинциального города

После 1917 г. российские города становятся объектами постоянных преобразований: предпринимаются попытки реконструкции «капиталистических» городов в города «социалистические». Эти процессы явственно прослеживаются на примере российских столиц, однако в не меньшей степени находят свое проявление и в российской провинции, хотя осуществляются здесь несколько замедленно и специфично.

Провинциальный город, в нашем случае Казань, был немаловажным местом формирования нового советского политического пространства. Это пространство было насквозь семиотично, причем маркировка окружающего и на макро-, и на микроуровне шла чрезвычайно энергично: дважды и трижды переименовывались одни и те же улицы, прежние памятники сносились и заменялись новыми, на смену старой губернской застройке приходила архитектурная эклектика, разрушалась и перекраивалась структура города, а вместе с ней – и частное жизненное пространство горожан... «Старые» и «новые» казанцы вынуждены были меняться вместе с меняющимся городом, адаптироваться, приспосабливаться к нему, причем результаты такого рода «приспособления» не всегда оказывались для властей желательными и предсказуемыми. На примере Казани можно отчетливо проследить, как мучительно трудно проходило обретение старым губернским центром статуса «подлинно советского» города.

***

К 1917 г. Казань с ее 185-тысячным населением могла служить типичным образцом провинциального губернского города со всеми присущими ему контрастами и противоречиями, с очевидно выраженной пространственной дифференциацией, как по социально-экономическому, так и по этническому признаку. И именно из такой Казани большевикам предстояло сделать

Дореволюционная Казань, пристань на Волге. Открытка

советский социалистический город. Но хаос гражданской войны и последующая реконструкция национальной экономики препятствовали практическим экспериментам в этой сфере. Долгое время единственным начинанием властей в данной области оставался лишь жилищный передел – объявленная в конце 1917 г. всеобщая муниципализация жилья (передача права собственности или пользования имуществом в ведение органов местного самоуправления) и начатое весной 1918 года перераспределение жилого фонда, породившее такое явление, как коммунальная квартира («коммуналка»).

Частное жилищное пространство горожан в 1920 -1930-е годы

Для проведения муниципализации жилья большевиками была подготовлена соответствующая законодательная основа. На заседании Совета Народных Комиссаров 23 ноября 1917 г. рассматривался проект декрета об отмене частной собственности на городскую недвижимость. 16 декабря 1917 г. был принят декрет о запрещении сделок с недвижимостью, а 20 августа 1918 г. – декрет «Об отмене частной собственности на недвижимости в городах», согласно которому отменялось «право частной собственности на все без исключения участки как застроенные, так и незастроенные», находящиеся в пределах городских поселений, а «бывшие собственники уравнивались во всех отношениях с прочими

нанимателями и обязаны были на одинаковых с ними основаниях вносить наемную плату за занимаемые ими помещения»[1]. Весь этот комплекс законодательных документов предоставлял местным советам возможность предпринимать практические шаги по перераспределению жилищного фонда.

Так называемый «революционный жилищный передел» имел под собой важные политико-идеологические задачи. Первоначально он происходил под лозунгом статусного выравнивания «буржуазного», «враждебного», «эксплуататорского» центра и «пролетарских» окраин. Осуществить эту акцию путем немедленного улучшения жилищных условий и благоустройства казанских рабочих слобод в силу тяжелейшей экономической ситуации в первые годы советской власти оказалось невозможно. Поэтому власти пошли другим путем – путем переселения трудящихся с рабочих окраин в находящиеся в центре квартиры «бывших». Нормативно статус «большой» квартиры зафиксирован не был, но таковой считалась, согласно замечанию В.И.Ленина (ноябрь 1917 г.), «всякая квартира, в которой число комнат равняется или превышает число душ населения, проживающих в этой квартире», что необходимо было учитывать при «реквизиции квартир богатых для облегчения нужд бедных»[2]. В соответствии с этим весь жилой фонд делился на равные отрезки из расчета 20 кв. аршин (10 кв. м) на взрослого с ребенком до двух лет и 10 кв. аршин (5 кв. м) на ребенка от двух до двенадцати лет. Таково было решение Наркомата здравоохранения, принятое в 1919 г. Впоследствии эти нормы были существенно сокращены: в 1924 г. они составили 16 кв. аршин (8 кв. м) на человека независимо от возраста[3].

Именно в этот период в русском языке появляются такие термины, как «коммуналка», «уплотнение», «самоуплотнение»[4].

Интересно, что наличие или отсутствие стенных перегородок при «уплотнении» значения не имело. Если человек жил в комнате размером более 8 кв. м, к нему обязательно следовало кого-нибудь подселить. Это приводило к трагикомическим ситуациям, когда

---

[1]Систематический сборник узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. М., 1919. С.111-114.

[2]*Ленин В.И.* Полн.собр.соч. Т.54. С.380-381.

[3]Об этом см.: *Паперный В.* Культура «Два». М., 1996. С.103.

[4]Термин «уплотнение» применялся в этот период не только в контексте пресловутого жилищного вопроса. Когда в 1919/1920 учебном году советская власть решила сократить число высших учебных заведений Казани, в официальных документах Наркомпроса речь постоянно шла об их «уплотнении».

в одну комнату заселялись совершенно чужие друг другу люди. В одном из советских журналов того времени сообщалось: «В комнате в 70 кв. аршин живут три посторонние друг другу женщины; излишки в 22 кв. аршина; по предложению домоуправления самоуплотниться каждая выставляет свою кандидатуру и прийти к соглашению не могут; домоуправлению представляется выбрать для вселения одну из намеченных жильцами кандидаток»[1].

В ноябре 1917 г. при Казанском губернском совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов создается жилищная комиссия, которой предстояло заниматься вопросами жилищной политики. Позднее, в апреле 1918 г., ее функции переходят к квартирному отделу при Совете городского хозяйства Казани. Деятельность этой структуры носила в целом весьма хаотичный, неупорядоченный характер. Так, в марте – апреле 1918 г. муниципализация домов в Казани шла посредством конфискации за неуплату оценочного сбора (налога на недвижимость). Этот сбор сознательно завышался, чтобы сделать владение домами невыгодным, а иногда и попросту невозможным. Распространенным средством муниципализации стало не столько вселение в особняки центральной части города рабочих, нуждавшихся в улучшении жилищных условий, сколько различных государственных учреждений (кстати, в таких случаях жилье в центре иногда отбиралось и у бедноты). К сентябрю 1918 г. в Казани было муниципализировано 38 домов, а к декабрю того же года – уже 65[2].

С конца 1918 года муниципализация жилья в Казани стала осуществляться на более планомерной основе (порайонно), причем ей предшествовало предварительное статистическое обследование домовладений. Начали муниципализацию с дворянского центра города, так называемого 3-го района, где проживала наиболее состоятельная часть населения (446 домов, или 2908 квартир)[3]. В целом первый этап изъятия домовладений в городе завершился к августу 1919 г.

Заметим, однако, что в первые годы после революции вопрос «самоуплотнения» не стоял в Казани особенно остро. На то был целый ряд причин. Прежде всего, в это время в городе имелась масса пустующих квартир. Особенно много «буржуазных» квартир в

[1] ***Алмазов С., Гайдамович А.*** Комментарий к постановлению Президиума Московского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов // Жилец. 1924. №8. С.6.

[2] ***Шамигулов А.Р.*** Муниципализация жилья в Казани в 1918-1919 годах // Казанский посад в прошлом и настоящем. Казань, 2002. С.103.

[3] Там же.

центре города опустело после ухода комучевцев из Казани в сентябре 1918 г. «Казань пуста, – телеграфировал наркому внутренних дел Г.Петровскому председатель фронтового ЧК М.Лацис, – ни одного попа, ни одного монаха, ни буржуя. Некого и расстрелять»[1]. Вместе с комучевцами из Казани ушла значительная часть профессоров, преподавателей и студентов Казанского университета: только из числа профессорско-преподавательского состава университет потерял около сотни человек[2].

Очень сильно сократилось общее число жителей города – перепись 1920 г. показала, что население Казани по сравнению с 1913 г. уменьшилось на 29%, т.е. на 60 тыс. человек[3]. Снижение людности происходило не только за счет прямых потерь, вызванных экстремальными условиями существования, не только за счет эмиграции и миграции «бывших», но и за счет широкого оттока населения в деревню в связи с нараставшим экономическим кризисом и закрытием промышленных предприятий. Рабочие слободы Адмиралтейская, Большая и Малая Игумнова, Кизическая, Гривка, Ягодная потеряли почти половину своего населения. Таким образом, контингент, подлежащий переселению, резко уменьшился. Помимо того, и сами рабочие не очень-то стремились к переселению в центр с городских окраин, хотя «пролетарскому населению» центра и был предоставлен ряд льгот (субсидии рабочим, освобождение от квартплаты красноармейцев). Как вспоминал один из современников событий, «в пустующие бывшие буржуазные квартиры в центре многие рабочие въезжать не хотели. В роскошных апартаментах они чувствовали себя неуютно, да и большие квартиры трудно было натопить»[4]. В новых жилищах было неудобно, непривычно, непонятно было, что делать с таким количеством пространств и таким количеством вещей. Согласно проведенному нами опросу старожилов Казани, среди рабочих – как потомственных горожан, так и недавних мигрантов из деревни – гораздо престижнее считалось иметь свой дом, пусть даже небольшой, чем переселяться в городскую квартиру, и уж тем более – в квартиру, расположенную

---

[1]Цит. по: *Литвин А.Л.* Казань: Время гражданской войны. Казань, 1991. С.73.

[2]*Корбут М.К.* Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/1805–1929/1930. Т.2. Казань, 1930. С.303. Списки ушедших профессоров, преподавателей и сотрудников см.: *Малышева С.Ю.* «Великий исход» казанских университариев в сентябре 1918 г. // Эхо веков+Гасырлар авазы. 2003. № 1-2. С. 87-92.

[3]Научный путеводитель по Казани и ее окрестностям. Казань, 1990. С.58.

[4]*Александров П.А.* На переломе // Неизведанными путями: Воспоминания участников социалистического строительства. Л., 1967. С.47.

в центре. Переезд в центр был чреват потерей традиционных жизненных устоев и стиля жизни, в частности, невозможностью вести приусадебное хозяйство, осуществлять традиционное внерабочее времяпрепровождение, посещать привычные места проведения досуга. Театры, музеи были для большинства трудящихся чем-то непривычным, чужим, а поэтому – и ненужным. В случае переезда в центр разрушались социальные контакты, изменялась структура семьи и весь уклад повседневности. Наконец, место жительства у рабочих традиционно было тесно привязано к месту работы. Несовершенство транспортной системы делало маятниковые поездки в черте города практически неосуществимыми. Все это в конечном итоге вело к тому, что заселение центра рабочими происходило в этот период довольно вяло. Документы свидетельствуют о том, что в реквизированные квартиры были вселены в основном советские учреждения, новые функционеры и красноармейцы.

Можно смело утверждать, что первые попытки превратить центр Казани в среду обитания рабочих путем их механического переселения попросту провалились. Дихотомия «центр – окраины» оставалась совершенно очевидной: в обиходе люди окраин называли центр «городом». Этот термин оказался необычайно устойчивым – он употребляется жителями Казани и по сей день («живу в городе», т.е. в центре, «поехали в город», «автобус в город идет» и т.п.).

В 1922-1923 гг., когда повседневная жизнь стала активно утрачивать военно-коммунистические черты, в области жилищной политики произошел некий «откат» назад – НЭП способствовал возрождению такой традиционной городской ценности, как индивидуальная квартира. Уже с осени 1921 года была восстановлена

Грузинская улица и здание Дворянского собрания. Дореволюционная открытка

частная собственность и разрешены сделки с недвижимостью. Начался процесс так называемой «демуниципализации» жилья: часть муниципализированных домов и квартир была возвращена владельцам, часть – сдана в аренду желающим или приобретена в личную собственность. В «Известиях ТатЦИКа» за 1922 г. одно за другим появляются постановления о демуниципализации в Казани (21 февраля), об аренде домов и о возврате домов (23 февраля), о порядке истребования имущества (предметов домашнего обихода) от фактических владельцев (29 марта), о воспрещении выселения и уплотнения (13 июля)[1]. С конца 1922 г. большевистские функционеры начинают постепенно освобождать приютившие их в годы гражданской войны Дома советов – дома-коммуны для высшего партийного и советского руководства, в которые были превращены ряд бывших гостиниц Казани – номера Братухина, «Купеческие», «Сибирские», «Барский двор» и др. (постановление ТатЦИКа от 6 августа 1922 г.). Нужно заметить, что эти дома – образцы нового социалистического общежития – даже в тех сложнейших экономических условия содержались в образцовом порядке. Так, из отчета о работах, проведенных с 1 января по 1 октября 1922 г. жилищным отделом Управления коммунального хозяйства при Наркомвнуделе ТАССР, следовало, что из 452115 руб., затраченных в этот период на ремонт 34 объектов города (общежития, бани, парикмахерские, столовые, клубы, гаражи и пр.), 215960 руб. было затрачено на ремонт 2-го Дома советов[2]. Несмотря на это, советская номенклатура стала переселяться в муниципализированные, как правило, весьма комфортабельные дома, состоявшие на учете в жилотделе Упркоммунхоза. При жилищном отделе была создана конфликтная комиссия, разбиравшая «спорные вопросы в деле распределения квартир и комнат между гражданами». Всего в 1922 г. в суды на предмет незаконного вселения было направлено 46 дел, выселено за самовольное вселение – 159 граждан. Уже на 19 мая 1922 г. в Казани из 7748 домов муниципализированных было 1645, а демуниципализированных – 6103. Однако далее в документах отмечалось, что «работа по демуниципализации домовладений протекает не так интенсивно, как бы это было желательно, вследствие технических задержек в получении справок от ГПУ о бежавших с белыми и за проверкой документов на право владения»[3].

[1]Известия ТЦИК за 1922 г. (декреты и постановления). Казань, 1922. С.4.

[2]Отчет о деятельности управления коммунального хозяйства при Наркомвнуделе АТССР за период времени с 1 января по 1 октября 1922 г. Казань, 1922. С.84-85.

[3]Там же.

Домкомы упразднялись и заменялись заведующими домами, вводилась прописка в домовых книгах. Эти акции позволяли новой власти контролировать контингент жильцов и отслеживать его изменение.

С мая 1922 г. были начаты проверки «наличности мебели, значащейся на учете по книгам 1918 года» – заводились так называемые «мебельные дела». «Бесхозная» мебель, прежде всего мебель «бежавших с белыми», распределялась, в первую очередь, «среди ответственных работников», а затем уже – «среди нуждающихся»[1]. Предусматривались сдача вещей и мебели из пустующих квартир на специальные склады, находящиеся в ведении отдела коммунального хозяйства, а оттуда уже – выдача их по некоторой норме. Однако постепенно такого рода нормирование стало сходить на нет, а 9 июня 1922 г. было принято специальное постановление ТатЦИКа «О расценке имущества, находящегося в пользовании граждан (мебель)», чтобы закрепить полученную мебель за новыми хозяевами и предотвратить требования бывших владельцев квартир о возврате их собственности в ходе демуниципализации.

Кстати говоря, мебель, как особая «буржуазная» ценность, подлежала реквизиции в первую очередь: вскоре после революции, по воспоминаниям современницы, «у всех, кто более-менее хорошо жил, стали все отбирать. На нас донес наш сосед Афонька – он жил напротив, был пьяница. Потом он сам во всем признался, пришел к отцу совсем пьяный, просил прощения. Афонька пошел в ЧК и сказал, что у нас есть много золота, которое нам оставила богатая тетка, когда убегала в Америку, а мы это золото зарыли в саду под яблоней. У нас дома был обыск. Забрали трюмо, этажерку, бархатный диван и два сундука с мануфактурой и все это увезли на подводе»[2].

Несмотря на «демуниципализацию», процесс уплотнения и создания коммунального жилья в Казани в 1920-е гг. неуклонно продолжался. Поскольку концепция приватности отсутствовала в новой жилищной идеологии, основным критерием оценки жилищной ситуации стала «жилобеспеченность». К середине 1920-х гг. большинство функционирующих жилых помещений Казани находилось в плохом состоянии и было перенаселено (средняя площадь на одного человека равнялась 5,6 кв.м), хотя в городе имелось множество пустующих, разрушающихся зданий. В 1925 г. при отделе благоустройства горсовета была

[1]Там же. С.45.

[2]Интервью с Екатериной Михайловной Савиной, 1910 г. рождения. Архив авторов.

Казанский рабочий. 1925 г. Фото из частного архива

даже создана особая комиссия для обследования развалин, грозящих падением: их решено было разобрать, а кирпич утилизовать на постройки и ремонт. Нужно было строить и восстанавливать, причем быстро и по возможности дешево. Самым подходящим средством для этого представлялась жилищная кооперация, которой и отводилась в 1920-е гг. особая роль в благоустройстве рабочих районов.

Еще 20 октября 1922 г. ВЦИК издает декрет «О возврате кооперации домов», а в 1923-1924 гг. в Казани создается комитет содействия кооперативному строительству рабочих жилищ ТССР, которому предоставляется льготное кредитование. Тогда же начались и частное строительство, и развитие жилищных товариществ. В 1923-1926 гг. в Казани было построено 40 государственных и кооперативных зданий с жилой площадью около 16 тыс. кв. м и 338 частных деревянных домов в рабочих районах на окраинах города. Возникают рабочие поселки «Красный мыловар», «Красный кожевенник», «Красный химик» и др. К 1 октября 1925 г. таковых насчитывалось 18. Жилищные товарищества занимались также восстановлением разрушенных домов, отданных в их ведение. Так, кооперативом «Красный химик» рабочих завода №40 и кожевенного завода им. Ленина в Адмиралтейской слободе было выстроено 6 деревянных двухэтажных домов на 4 квартиры каждый и восстановлено 3 каменных дома на 20 квартир. Кооперативом «Мыловар» при заводе им. Вахитова были восстановлены три каменных дома на Тукаевской улице и т.д. Квартиры обычно состояли из 2-3 жилых комнат размером 12-14 кв. м каждая и служебных помещений – кухни, кладовой, прихожей и уборной[1].

Хотя в документах и отмечалось, что каждая квартира рассчитана на семью из 5 человек, т.е. предполагалась как отдельная, далее шла фраза, сводившая на нет этот благой почин: «Распланировка комнат

[1]Сборник-отчет комитета содействия кооперативному строительству рабочих жилищ за 1924-1925 год. Казань, 1925. С.11.

вполне удачная и дает возможность, в случае надобности, заселения квартиры двумя-тремя небольшими семьями, т.к. комнаты имеют отдельный ход с прихожей». Именно таким образом эти дома в большинстве своем и заселялись, множа пресловутые «коммуналки» (впоследствии в обиходе дома такого типа, которых уже практически не сохранилось в сегодняшней Казани, стали называть «бараками»). Но люди были рады и этому. В 1923-1926 г. количество квартир в Казани увеличилось лишь на 1,6%, а жилой площади – на 1,4%. Решено было удовлетворять в первую очередь просьбы тех, «у кого квартира разваливается и грозит обвалом, у кого скопилась вода под полом (сырость стен во внимание не принимается), стены из досок, нет совершенно окон, живут в полной темноте (этот пункт распространялся только на семьи с детьми), скученность доходит до 1/3 кв. сажени на человека» (1 кв. сажень =4,5 кв. м – *авторы*)»[1], т.е. санитарная норма уменьшалась в 6 раз и составляла 1,5 кв. м на человека. 13 июня 1923 г., в связи с нехваткой жилой площади, в Татарии принимается специальное постановление «О порядке открытия и содержания ночлежных домов»[2]. Таким образом, рабочие на окраинах, даже после переселения их в новые кооперативные дома и в центр во время жилищного передела, продолжали сидеть на «голодной норме» жилплощади. В 1930-е гг. многие из них жили в бараках. Современник вспоминал: «В 30-е гг. мама работала на табачной фабрике, и мы жили в бараке от этого предприятия. Барак представлял собой длинное здание со сквозным коридором, по обеим сторонам которого располагались комнаты. Отопления, ванны, туалета, разумеется, в бараке не было. Обогревали и готовили пищу с помощью печек-буржуек. Туалет был на улице, а мыться ходили в баню»[3].

По «коммунальному» принципу заселялись и первые построенные в 1920-е гг. в Казани многоэтажные многоквартирные жилые дома. Настоящим событием в жизни города явилось строительство на Черноозерской улице (ныне ул. Дзержинского) первого в городе четырехэтажного многосекционного жилого дома с водопроводом и канализацией. Как писали газеты тех дней, «высокий уровень внутреннего благоустройства и удобства соответствует требованиям

[1] ***Победоносцев И.*** Городские владения и строительство в ТР // Труд и хозяйство. 1927. №11-12. С.1-23.

[2] Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства автономной Татарской советской социалистической республики. Казань, 1923. №1-15, 17-42, 46, 48, 51-74. П-303.

[3] Интервью с Ильгизаром Шаймулловичем Загидуллиным, 1938 г. рождения. Архив авторов.

социалистического жилища». Но этот замечательный дом также был предназначен для «коллективного» быта: к концу 1920-х гг. в Казани покомнатно заселялось более 60% жилплощади, а в 1930-х этот процент еще более возрос[1].

Атака на старый центр усилилась весной 1929 г., когда началась очередная кампания по выселению «нетрудовых элементов и бывших домовладельцев». А следующим шагом была «паспортизация» 1932 г. – введение системы внутренних паспортов в СССР. В тот же год паспортная система была дополнена институтом прописки. Для ее получения необходимо было обратиться в местное отделение милиции. В случае отказа человек обязан был покинуть город в течение 7 суток. Только получив прописку, можно было устроиться на работу и встать в очередь на жилье. Прописка стала великолепным средством наблюдения и контроля над населением.

Привязанность к месту жительства в советской России становилась, таким образом, неким аскриптивным качеством, поскольку проживание в данной местности отнюдь не являлось фактом индивидуального выбора. Все это позволило исследователям говорить о политике «локального шовинизма», проводимой советской властью в этой сфере жизни[2].

Не отказывались власти и от политики «уплотнения». Правда, у «бывших» были свои тактики сохранения если не физического, то хотя бы социального пространства – они «уплотнялись» за счет «своих», вселяя в квартиры друзей, родственников или просто социально близких «интеллигентных жильцов»: «В конце 20-х годов – мы только недавно поженились – пришли к нам наши друзья Валентин и Софья (с Валентином мой муж когда-то вместе учился в гимназии, а потом они вместе работали инженерами-строителями) и стали просить нас, буквально умолять переехать от моих родителей, с которыми мы жили в частном доме, к ним на квартиру. Квартира у них была огромная: комнат всего две, зато каждая – не менее 40 метров. Детей у них не было, жили вдвоем. Говорили, что если мы не согласимся занять одну комнату, то к ним подселят неизвестно кого, лучше уж жить с нами. Мы переехали и прожили в этой комнате несколько лет. Когда моего мужа послали работать в Таганрог в 1935 году, Софье удалось вселить в нашу бывшую комнату какую-то артистку»[3]. Процесс дробления квартир и комнат продолжался, и то, что в 1930-е гг. идеалом вновь стала квартира для одной семьи,

[1] ***Победоносцев И.*** Городские владения и строительство в ТР. С.20-21.

[2] ***Николаев В.Г.*** Советская очередь как среда обитания // Россия и современный мир. 2000. №3 (28). С.60.

[3] Интервью с Екатериной Михайловной Савиной.

Выпускники рабфака. 1932 год. Фото из частного архива

реально ситуацию не изменило. 2-х, 3-х, 4-комнатные квартиры заселялись по принципу «каждой семье – отдельную комнату», так что вновь образовывались коммуналки. В новом советском социокультурном пространстве идеалы и реалии жили рядом, но редко пересекались.

В 1920-1930-е гг. (как, впрочем, и позднее – фактически вплоть до 1960-х гг.) «коммуналка» оставалась в Казани основной формой человеческого общежития. В 1926 г. на 65899 комнат города приходилось 165464 жителя, т.е. приблизительно 2,5 человека на одну комнату[1]. Жизнь в коммунальной квартире стала неотъемлемым элементом судьбы советского человека и важным фактором социальной локальной идентификации.

Однако культ «одинаковости» распространялся далеко не на всех. Новая элита хотела жить по-новому, не так, как «все», а, если получится, лучше всех и отдельно от всех – недаром уже с начала 1930-х гг. такие понятия, как «обезличка» и «уравниловка», употреблялись в советском вокабулярии только в негативном смысле. Если в 1920-е гг., когда новая пространственная иерархия только складывалась, критерием ценности человека было его социальное происхождение,

[1] ***Победоносцев И.*** Городские владения и строительство в ТР. С 23

то теперь его ценностную характеристику должно было определять и пространственное положение. В стране начинает осуществляться постепенная территориальная сегрегация элиты – передача жилищ предприятиям и ведомствам и выселение из ведомственных домов лиц, не имеющих права в них проживать. Так возникает своеобразная ведомственная «черта оседлости». В 1930 г. это происходит с домами объединений «Уголь» и «Сталь», в 1931 г. – с домами органов транспорта, причем выселение производилось «независимо от того, будет ли предоставлена другая площадь или нет»[1]. Таким же образом освобождаются в 1931 г. от посторонних лиц дома Наркомата по военным и морским делам, управления шоссе и грунтовых дорог, оборонной промышленности, в 1933 г. – дома Главэнерго, мельниц и элеваторов, в 1935 – дома НКВД. 23 апреля 1934 г. выходит постановление СНК об улучшении жилищного строительства: высота потолков – 3-3,2 м (вместо 2,8, как прежде), толщина стен – не менее 2 кирпичей, квартиры в 2, 3 и 4 комнаты.

В 1930-е гг. система строительства престижного жилья в СССР существенно расширилась. Многие звания и награды за заслуги перед государством, учрежденные в этот период (Герой Советского Союза, Герой Социалистического труда, ученое звание профессора, членство в Союзе писателей или Союзе композиторов), давали право на дополнительную элитную государственную жилплощадь. Специальных номенклатурных кварталов в Казани в 1930-е гг. не было, но отдельные престижные дома появлялись. В 1934 г. на ул. К.Маркса по проекту архитектора Д.М.Федорова был возведен многоэтажный жилой дом для сотрудников МВД. Он имел конфигурацию буквы «П» с внутренним парадным двориком, выходящим на магистральную улицу. В1927-1940-е гг. по проекту архитектора В.А.Дубровина были выстроены жилой дом авиаинститута по ул. Комлева для профессорско-преподавательского состава, жилой дом по ул. К.Маркса для работников связи. Эти дома отличались удобной планировкой помещений, благоустроенностью квартир, приме-нением новых архитектурных форм, подчеркивавших функциональное назначение зданий, использованием высококачественных строительных материалов и конструкций. Проживать здесь было весьма престижно. Комфортные и престижные дома появляются в этот период также на улице Жданова и на улице Восстания. Но таких домов в Казани по-прежнему было очень мало: как сообщали источники, город в 1920-1930-е гг. продолжал обрастать маленькими домами, причем не только на окраинах, но и в его центральной части.

[1] *Паперный В.* Культура «Два». С 320-321.

Параллельно процессу вытеснения «бывших» из городского общества шло постепенное уничтожение и снижение значимости вещей, символизировавших их прежний образ жизни. Одним из таких символов стала мебель. На конец 1920-х гг. падает пик влияния рационалистических тенденций на повседневность, провозглашавших высшей целью простоту и прагматичность. Чтобы ориентировать население на «новые» ценности, власти использовали разного рода наглядные пропагандистские средства. Так, на районной конференции комсомола в Ленинграде в 1929 г. выставлялись два макета: «комната активиста» и «комната мещанина». В «комнате активиста» располагались простая железная кровать с одеялом и одной подушкой, стол с тремя простыми деревянными стульями. На столе лежала газета. На стене над столом висел портрет Ленина. Два окна были лишены каких-либо украшений. Над кроватью висело полотенце на крючке. Посуда и другие вещи хранились на трех полках. В комнате был еще узкий платяной шкаф и этажерка, на которой стоял патефон. Стены были голые. Полную противоположность представляла собой «комната мещанина». Стены здесь были оклеены обоями с узором. На одном окне стояли цветы в горшках. На стенах висели семейные портреты, в углу – иконы. В другом углу стояло трюмо. На большом письменном столе находились две фотографии; в этажерке – безделушки.

В рабочем кабинете. 1950-е годы. Фото из частного архива

Житель Казани в своей комнате. 1947 г. Фото из частного архива

Завершали интерьер три прочных стула, обитых тканью, и кровать с шишечками с двумя толстыми подушками. На видном месте стоял граммофон.

Макеты наглядно иллюстрировали, к каким «идеалам» в оформлении интерьера следует стремиться в соответствии с новыми идеологическими установками, а каких следует опасаться и избегать[1].

Однако уже в 1930-е гг., вместе с «обуржуазиванием» новой элиты, начинают цениться прежние «буржуазные» ценности, в частности, традиционные элементы буржуазного интерьера. Хорошо обставленная квартира должна была свидетельствовать о неуклонном повышении благосостояния советского народа. Другое дело, что эту обстановку негде было взять. С мебелью и в 1930-е, и в 1940-е, и в 1950-е гг. было очень плохо. Недаром практически все опрошенные нами респонденты утверждали, что мебели было мало, что она была либо самодельная (сделанная самими хозяевами квартир или купленная у кустарей на рынке), либо оставшаяся от прежних времен.

Вот перед нами два типа обстановки квартир 1930-х гг., описанные современниками (впрочем, и в 1950-е гг. в этом плане мало что изменилось): «Комнаты в коммуналках обставлены были однообразно: обеденный стол на круглых точеных ножках, три-четыре стула, обычно дубовых с высокими спинками, шифоньер, в большом отделении которого висела одежда, а в маленьком на полки клали белье и посуду; у тех, кто побогаче, в шифоньере еще и зеркало. Кровати – металлические с пружинами или пружинными матрацами. Если в семье было несколько детей, они обычно спали

[1] ***Обертрейс Ю.*** «Бывшее» и «излишнее»: Изменение социальных норм в жилищной сфере в 1920-1930-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы. СПб., 2000. С.90.

Домашний праздник. 7 ноября 1935 года. Фото из частного архива

на полу. В некоторых коммуналках в старинных домах, где потолки были очень высокие, жильцы делали «второй этаж» – сплошные полати, на которых устраивались спальни»[1]. Другой респондент так описывает свою комнату в коммуналке образца 1939 года: «У нас комната была небольшая, но уютная. Помогать некому было, все сами наживали, одну зарплату – на питание, а вторую на одежду и мебель. Так что у нас получилось обставить комнату по кругу вдоль стены – комодом, шкафом, кроватью. Я цветы везде расставила, получилось, что в середине большое пространство. Всем у нас нравилось, всегда свежо и чисто»[2]. На фотографии середины 1930-х гг. изображена группа людей, отмечающих годовщину Октябрьской революции. В центре – большой квадратный стол, покрытый клеенкой. На заднем плане – старинный тяжелый буфет с чайной посудой. Стены оклеены газетами. Все просто – до нищеты.

Возникают в Казани в 1930-е гг. и дома-коммуны. Один из них был создан в 1930 г. студентами Казанского университета.

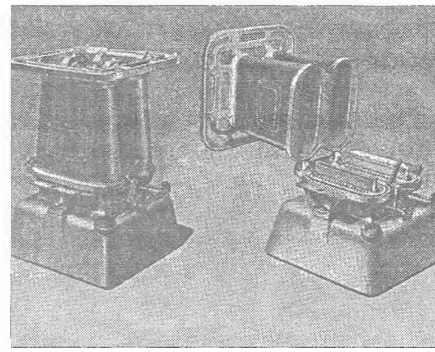
Для этой коммуны численностью около ста человек власти выделили специальное двухэтажное здание в центре города, по улице Кооперативной. Верхний этаж предназначался для спален и учебных кабинетов, нижний – для кухни, столовой, красного уголка и других

[1] ***Носов Н.*** Версты любви: Моя родословная // Казань. 1995. №1-2. С.56.
[2] Интервью с анонимом, 1920 г. рождения Архив авторов.

продовольственных и культурных служб. Вот что впоследствии рассказал бывший член коммуны, академик А.А.Трофимук: «В первые месяцы пребывания в коммуне каждый из нас – коммунаров – находился в состоянии высочайшего удовлетворения. Нам казалось, что мы уже олицетворяем собою будущих созидателей коммунизма, показываем хороший пример тем, кто еще не созрел до понимания идеалов нового общества. Каждый из нас, отдежурив на кухне или в прачечной, в остальные дни наслаждался радостью беззаботного потребления пищи, бытовых и культурных мероприятий. Правда, к концу третьего месяца возникли у некоторых коммунаров мелкие конфликты по поводу того, что им не нравилась или плохо подходила чужая одежда, некоторые коммунары избегали участия в культпоходах или других мероприятиях коммуны. Однако эти мелочи нас мало волновали. С недовольными или уклоняющимися проводились беседы. Никто из нас не подозревал, что, казалось бы, мелкое происшествие сумеет взорвать коммуну изнутри. А случилось непредвиденное. Один из дежурных по пищеблоку получил для коммуны около 10 литров сметаны и во время дежурства, когда все коммунары находились в университетских аудиториях, всю ее единолично съел. Коммунары не только остались без существенной части обеда, но и предметно уяснили, что они еще далеко не созрели для жизни в коммуне. Коммуна, стихийно возникшая, столь же стихийно и прекратила свое существование»[1].

Но в 1930-е и даже в 1950-е гг. в Казани рядом с новыми, «революционными», формами общежития, благополучно существовали и прежние, дореволюционные. Например, в центре города оставалось довольно много двухэтажных частных домов, которые обычно занимали профессура или известные врачи. Интерьер такого дома сохранял всю прелесть и уют «буржуазного» быта: «В зале обращала внимание на себя бронзовая электрическая люстра на пять лампочек с тюльпанчиками, в углу стоял на гнутых ножках роскошный диван, обтянутый красным бархатом, на небольшом столике – керосиновая лампа в стиле «ампир» с очень красивым абажуром в виде полуоткрывшегося бутона розового цвета. Громадное трюмо, светлое, отделанное орехом пианино и несколько картин завершали интерьер»[2]. Такая квартира, обставленная в дореволюционных традициях, казалась удивительной и вызывала некий дискомфорт даже у людей из интеллигентных

[1] ***Трофимук А.*** Моя альма матер // Казань. 1999. №7-8. С.82-83.
[2] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. №1-2. С.65.



Так выглядели керосинки

семей, о чем свидетельствуют их воспоминания. Гораздо более привычными были иные условия существования казанских профессоров – жизнь, полная бытовых трудностей и лишений. Дочь академика Е.К.Завойского Наталия (родилась в 1937 г.), вспоминая свои детские годы в квартире дома №33 по улице Чернышевского (ныне ул. Кремлевская), расположенного почти напротив главного здания Казанского университета, писала: «Жилье наше состояло из двух комнат. Оно располагалось на втором этаже, куда вела крутая чугунная лестница. Квартира начиналась с длинной, темной и холодной кухни, конечно, без газа (тогда его и не было) и действующего водопровода. Мама готовила еду на керосинке. Воду приносили в дом родители. Колонки с водой во дворе не существовало, там была только отвратительно пахнувшая помойка, на которую наша квартира выходила углом. Часто мы брали воду в нынешнем криогенном корпусе университета, в подвале, куда вели заледеневшие ступеньки. Получив драгоценную воду, мы возвращались к себе. При ходьбе вода плескалась в ведрах, и какое-то количество выливалось на дорогу. А так как все ходили по воду, улица Чернышевского представляла собой зимой мозаичный каток. Комнат было две: одна побольше – проходная, другая поменьше с двумя окнами. Мы жили только в первой. Дров для двух печек не хватало. Дрова были «предметом роскоши». Их хранили в сарае, который находился напротив дома. В воскресенье родители ходили их пилить и колоть. Печка хранить тепло не умела. К утру к ней примерзало белье, сушившееся тут же в комнате. Кроме печки, в комнате стоял огромный черный шкаф, обычно пустой, так как никаких продуктов в запасе не было. У печки помещалась моя кроватка, над которой висел коврик-аппликация, сделанный руками мамы. Справа от входа – кровать родителей. В пространстве между окном и кроватью помещался шкафчик с книжной полкой наверху. В середине комнаты стоял обеденный стол со стульями. На нем часто возвышалась керосинка. Самым красивым предметом в нашем жилище был письменный стол отца, резной, темно-

Семейный портрет в интерьере. Начало XX века. Фото из частного архива

коричневый, на фигурных ножках, доставшийся ему от его отца. Конечно, это была бедность»[1].

Несмотря на все идеологические установки и утопические проекты, многие люди, особенно те, кому довелось всю жизнь прожить на одном месте, оставались приверженцами старых интерьеров и упорно ничего не хотели менять. По воспоминаниям одного из авторов этой книги, дом ее прадеда и прабабушки в 1960-е гг. делился на две половины: в одной жили ее бабушка и дедушка, и обставлена эта половина была уже «по-новому» (здесь был румынский спальный гарнитур, немецкие кресла и торшер и т.д.); в другой располагались представители старшего поколения. Здесь стояли большой сундук, кровать с шишечками, красивыми накидками и подзорами, которые вязала прабабушка – большая мастерица в этом деле, массивный старинный круглый стол, окруженный венскими стульями, огромное трюмо, комод с китайскими безделушками, в углу – иконы, под которыми постоянно горела лампада, на стене – старинные часы с боем, а рядом – большая старая литография «Восшествие Михаила Романова на престол».

[1] ***Завойская Н.*** Родительский дом // Казань. 1999. №7-8. С.99-101.

Таким образом, в 1920-1930-е гг. в Казани, как и в других советских городах, с одной стороны, происходило постепенное становление и оформление «нового» частного жизненного пространства, построенного на принципиально иных основах, со всеми присущими ему «советскими» атрибутами, в том числе и особым вещно-предметным миром. Статус «доминантного» советского жилья обретает в этот период пресловутая «коммуналка». С другой стороны, наряду с доминантными, в исторической практике неизбежно присутствуют и субдоминантные, или альтернативные, способы организации жилища, которые отличаются с точки зрения своих основных социокультурных свойств. Субдоминантные культуры порождают три культурных типа жилища как локуса пространства повседневности: остаточный, подавляемый и возникающий. В качестве остаточного типа можно рассматривать, например, бараки или небольшие частные домики сельского типа, в качестве подавляемого (дискриминируемого) – жилищное пространство традиционной «буржуазной» квартиры, в качестве возникающего – дома-коммуны. Соотношение этих типов локуса пространства повседневности в провинциальной Казани существенно отличалось от столичных центров. Здесь коммуналки не обрели столь широкого

У серванта с посудой. Фото из частного архива

распространения, как в столицах, а жилища субдоминантного типа не только благополучно просуществовали, но даже и постоянно разрастались вплоть до конца 1950-х гг., когда в стране началась энергичная кампания по строительству массового дешевого жилья – пятиэтажных «хрущевок», воплотивших в себе мечту о «коммунистическом жилищном рае».

Смена семантико-семиотического кода города

Семантико-семиотический код города начал меняться уже в период Временного правительства. В начале марта 1917 г. с казанских улиц исчезли царские флаги, были сорваны или замазаны на вывесках двуглавые орлы и короны, пристроены леса к Спасской башне Кремля и башне Сююмбике и с их верхушек сняты огромные железные орлы. 16 сентября 1917 г. сняли изображение двуглавого орла с Ханской мечети.

Одной из первых акций новой власти была ликвидация поставленного в 1895 г. памятника Александру II на площади перед Спасской башней Кремля. Эта акция была осуществлена в соответствии с декретом СНК о памятниках искусства от 12 апреля 1918 г., предписывавшего уже к 1 мая 1918 г. убрать все основные памятники старого времени. Новой власти помешал и памятник Державину, стоявший в Державинском саду на Театральной площади (ныне пл. Свободы). Татары называли этот памятник «Бакыр бабай» – «Медный дед». В 1930-е гг. памятник был утрачен: естественно, не его это было место – на центральной площади советского города. Писатель Р.Кутуй приводит горько-саркастический рассказ очевидца о том, как сносили этот памятник: «Набросили канат-аркан на шею, пионеров построили. Горны запели, барабаны застучали: «Долой царского столоначальника!» Потянули ребятки дружно канат – рухнул пиит российский. Куда сволокли? Раздробили, поди, на куски. Пионеры к партам ушли, учить бессмертные строки: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил»[1]. Очевидец ошибался: памятник не просто раздробили на куски, но уничтожили без остатка. Вот как повествует об этом современник событий: «Как-то утром, придя на работу, я обратил внимание на грузовую трамвайную платформу, заполненную обломками цветного металла. «Что это?» – спросил я у дежурного. «Вот Державина привезли к нам на переплавку». У нас в трампарке стояла вагранка цветного литья. В ней-то и переплавили

[1] *Кутуй Р.* Белое пламя лунного тополя // Казань. 1993. № 1. С. 16.

разбитую прекрасную скульптуру на бронзовые вкладыши для букс»[1].

Кэтомувремениисамаплощадь Свободы сильно изменилась – ее расширили, замостили, установили здесь трибуну, ведь теперь эта площадь представляла собой новое советское сакральное пространство для проведения массовых демонстраций и революционных празднеств (хотя памятник Ленину, непременный атрибут такого рода площадей, появился здесь с очень большим опозданием – лишь в 1954 г.).

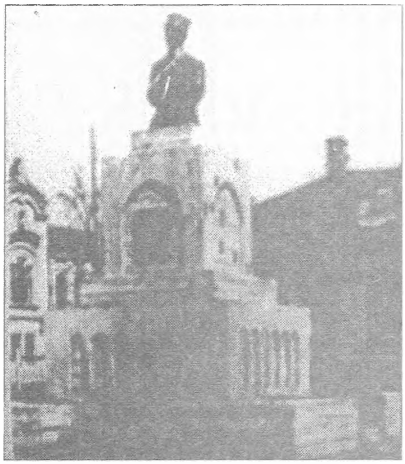
Памятник «Освобожденному Труду» на площади 1 Мая. Из книги С. Ю. Малышевой «Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы» (Казань, 2005)

Разрушать было довольно легко, а вот со становлением новой советской монументальной пропаганды в 1920-е гг. дела обстояли не столь успешно. В соответствии с уже упомянутым декретом от 12 апреля 1918 г. предполагалось немедленно установить «первые модели новых памятников», с тем чтобы «представить их на суд масс». 30 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров утвердил список тех лиц, которых предстояло увековечить. Такие памятники-времянки были установлены и в Казани. Это были не памятники-персоналии, но памятники-идеи. Современник сообщал, что 1 мая 1920 г. «на Первомайской площади состоялись парад и митинг. После этого был открыт монумент, славящий труд (на месте бывшего памятника Александру II – *авторы*). Сделан он был из гипса и вряд ли мог поэтому рассчитывать на долговечность. Но для того времени скульптура эта была большим событием»[2].

---

[1] ***Донской С.*** Любовь к электричеству // Казань. 1998. № 1. С.15.

[2] ***Рошаль М.Г.*** Записки из прошлого. М., 1969. С.122. Впоследствии практически на этом же самом месте был воздвигнут памятник М.Джалилю. С.Хаким писал по этому поводу: «У Кремля на площади крутой / Встанет он бессмертием чеканным, / Там, где раньше Александр II / Возвышался медным истуканом». (***Хаким С.*** Думы на площади Казанского Кремля // Казань в художественной литературе. Казань, 1977. С.281).



Памятник Муллануру Вахитову на Юнусовской площади. Из книги С.Ю.Малышевой «Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы» (Казань, 2005)

В 1921 г. в Казани состоялась выставка, на которой экспонировался ряд проектов казанской художественно-архитектурной школы. 32 проекта были предложены архитектором Ф.П.Гавриловым, среди них – проект памятника М.Вахитову. В рамках первомайских торжеств 1922 г. этот памятник был установлен на Юнусовской площади Казани.

Появлялись в это время и отдельные «культовые» комплексные постройки. Так, в 1924 г., в ознаменование памяти вождя мирового пролетариата бывший Николаевский сквер был переоборудован, расширен в верхней части в сторону университета и соединен с

Открытие бюста В.И.Ленина в Ленинском саду в 1924 году. Из альбома «Казань – город юности Ленина» (Казань, 1981)

университетским клиническим садом. Архитектурно оформленная лестница вела из нижней части сада в верхнюю, где 7 ноября 1924 г. был открыт один из первых в Казани стационарных «советских» памятников – памятник В.И.Ленину. Первоначально это был бронзовый бюст, замененный 25 июня 1925 г. бронзовой фигурой работы скульптора Н.И.Шильникова. Монумент был довольно необычным для скульптурной «ленинианы». Воплощенный в нем вождь пролетариата еще не имел канонических черт, поз, одежд, к тому же он был вдвое меньше человеческого роста. Газета «Известия ТатЦИКа» за 1924 г. отразила полемику, которая шла по поводу места установки памятника. В частности, предполагалось установить его на площади Свободы, на берегу Кабана, у вокзала, у пристани. Однако все эти места были признаны неудачными. Установка памятника на верхней террасе сада, получившего отныне название сада «им. товарища Ленина» (кстати, Ленинским этот сад называется и по сей день, хотя памятника здесь нет уже несколько десятилетий), была неслучайна: памятник довлел над окружающим пространством, символизировал устремленность к новым коммунистическим высотам, а кроме того, располагался совсем недалеко от того места, где молодой Володя Ульянов начинал свою революционную деятельность, что еще более усиливало знаковый смысл всей композиции.

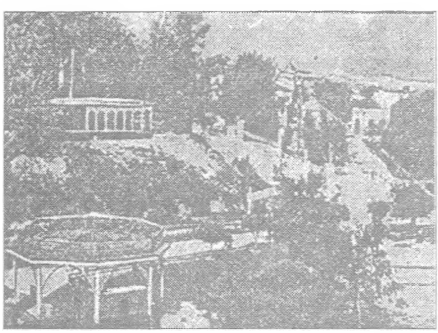
На лестнице Ленинского сада. 1936 год. Фото из частного архива

И в 1930-е гг. казанские «революционные» памятники были весьма малочисленны: назовем, в частности, установленный в сквере на Кольце в 1934 г. памятник Н.Э. Бауману и символизирующую новую тенденцию в монументальной пропаганде – отказ от персонификации в пользу обобщенных образов – скульптуру рабочих, несущих над головами земной шар, в сквере на месте прежнего Сенного базара (ныне – ул. Московская).

С некоторыми из этих памятников у многих казанцев прочно ассоциировался образ самого города и память о нем.

«За Булаком,
между бензоколонкой и автобусным парком,
в сквере, разбитом на месте Сенного базара,
три атланта с макетом земного шара
ходят днем и ночью по кругу...
Много в памяти годы
всего нанесли, намешали.
Но запомнилось все-таки:
три силача удержали
шар земной...
И это было прекрасно!
Остальное забылось
Иль брезжит
темно и неясно...» – такой образ «Казани в детстве» рисует поэт Н.Беляев в одноименном стихотворении[1].

Перед войной в Казани было решено возвести уменьшенный вариант московского Дворца Советов – монументального грандиозного здания, увенчанного огромной фигурой Ленина с простертой вперед рукой. Дворец Советов должен был стать идейно-смысловым и художественным фокусом Генерального плана Казани 1941 года. Однако ни до, ни после войны этот проект осуществлен не был. Нельзя не отметить также многочисленные «триумфальные арки», которые стали появляться в разных районах города, символизируя собой врата, распахнутые в вожделенное коммунистическое «завтра». Одна из таких арок, воздвигнутая в конце 1920-х годов в районе современной улицы Татарстан, представляла собой две решетчатые колонны, над которыми вознеслись перекрещенные серп и молот, а в кубики и рейки колонн были вплетены буквы нового, латинского алфавита, также



Общий вид Ленинского сада 1940 год. Из книги «Вся Казань. Справочная книга по городу Казани» (Казань, 1940)

[1] *Беляев Н.* Казань в детстве // Казань. 1993. №1. С.107.

символизировавшие разрыв со старой жизнью. «Советизация» проявлялась иногда в довольно неожиданных местах – например, она существенно затронула кладбищенский ландшафт. Среди памятников и могил старого типа отныне стали возвышаться красные столбики, отмеченные серпом и молотом. Осуществлялась она и во внутренних интерьерах. Так, по воспоминаниям писателя А.Еники, в нишах по обе стороны коридора школы-мастерской для молодых скульпторов на ул. Грузинской, порог которой он переступил в 1927 году, возвышались «фигуры двух великолепных львов», вскоре замененные «фигурами Ленина и Горького»[1].

Даже обои, наклеенные на стены казанских квартир, должны были выполнять отныне функции советского символа. В первые послереволюционные годы выпуск обоев как «буржуазного пережитка» был вообще прекращен. Однако вскоре выяснилось, что люди обойтись без них не могут, и национализированные предприятия вновь возобновили свою работу. Большевики смело экспериментировали с рисунками обоев. На наиболее «революционных» их образцах в первые годы советской власти печатали актуальные лозунги «текущего политического момента»: «Даешь Пролеткульт!», «Да здравствует электрификация России!», а также изображали орнаменты из молотов, плугов, заводских труб, буденновок, тачанок. Но «несознательная обывательская масса» упорно не желала оклеивать свои комнатушки подобными «шедеврами» «Бумтреста». Поэтому производство таких обоев было свернуто, и пришлось вернуться к традиционным, «аполитичным» обоям на манер прежних, дореволюционных. Однако на этом эксперименты с обоями не закончились. В начале 1930-х гг. было полностью прекращено изготовление глянцевых и тисненых обоев, являющихся, по мнению новой власти, «чересчур буржуазными»[2].

В 1928 году в Казани начался слом религиозного ландшафта: «Как-то после занятий одноклассники Вали все вместе решили пойти в Кремль. Подойдя к Спасской башне, увидели, что с часовни, стоящей перед башней, снесен купол, а люди в военной форме ломают стенку. На другой день в Кремле был взорван Спасо-Преображенский монастырь, он был закрыт еще в начале двадцатых и с тех пор пустовал. Через несколько месяцев там же взорвали уникальную круглую колокольню кафедрального Богоявленского собора, а потом взрывы гремели чуть не каждый день. Добрались и до главной казанской святыни православных, взорвали Казанский

[1] ***Еники А.*** Долгая жизнь // Казань. 1998. №3. С.67.

[2] ***Добровольский А.*** От обоев нет отбоя // Московский комсомолец. 2002. 30 мая – 6 июня. С. 26-27.

Улица Чернышевского (ныне Кремлевская). 1930-е годы. Открытка

Новодевичий монастырь. Заряд подложили настолько большой, что летний храм иконы Казанской Божьей Матери целиком приподнялся метра на полтора, потом рухнул и развалился. За два года в городе уничтожили больше половины храмов, монастырей, мечетей. Все взрывы производил полк латышских стрелков, расквартированный в Казани чуть ли не с начала двадцатых... Владимирский собор взорвали самым последним в городе, в апреле 1936 года». Так вспоминал об этих событиях со слов своей матери казанец Н.Носов[1].

Гораздо больших успехов достигла новая власть в области создания коммунистической топонимики – важнейшего средства самовыражения доминантной культуры в пространстве. Переименование улиц и переулков Казани началось сразу после установления советской власти, причем первыми переименовывались топонимы, носившие имена монархов или имевшие религиозный характер. Так, уже в 1917 г. одна из центральных улиц города – Воскресенская, названная так по имени церкви, стоявшей на месте нынешнего здания химического факультета Казанского государственного университета (впоследствии снесенной), – была переименована в улицу Чернышевского. Уже упоминавшимся Декретом СНК о памятниках предписывалось ко дню празднования

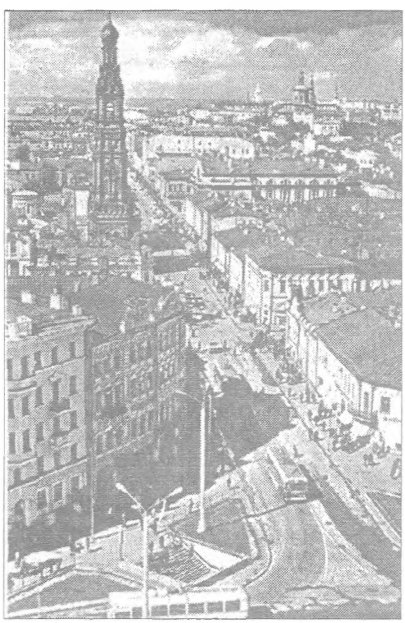
[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. №9-10. С.13.

1 Мая 1918 г. срочно заменить старые надписи, эмблемы, названия улиц, гербы новыми, отображающими чувства революционной, трудящейся России. Именно во исполнение этого декрета 30 апреля 1918 г. Исполком Казанского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов переименовал Ивановскую площадь в площадь 1 Мая. В том же году Офицерская улица получила название улицы Памяти 25 октября 1917 г., а Пороховая слобода была переименована в слободу Восстания. В 1920-е гг. улица Вознесенская стала улицей Островского, Грузинская – улицей К.Маркса, Поперечно-Покровская – улицей Городецкого, Первая гора – улицей Ленина, Театральная площадь – площадью Свободы и т.д. Помимо многочисленных улиц, названных именами революционеров, когда-либо живших, побывавших, а чаще – никогда и не бывших в Казани (Маркса, Энгельса, Либкнехта, Тельмана, Павлика Морозова, Володарского, Дзержинского, Куйбышева, Щорса и др.), многие географические пункты получили обобщенные названия – например, улицы Революции, Пятилетки, Строителей, Челюскинцев, Авиахима, Борьбы, улицы Колхозная, Стахановская, Социалистическая, Кооперативная, улица Смычка и др.[1] Для переименования улицы достаточно было простого коллективного ходатайства трудящихся. Так, в 1927 г. по просьбе эсперанто-ячейки при садово-огородном техникуме улица Поперечно-Большая была переименована в ул. Эсперанто. Заметим, что вместо конкретных, чувственно или визуально воспринимаемых названий давались названия чисто символические, наделенные, однако, высоким идейным смыслом. Например, 2-ая Огородная, названная так за многочисленные расположенные здесь огороды, стала ул. Бабушкина, Ново-Песочная – улицей Табейкина, Третья гора – ул. Калинина, улица Без Названия стала отныне улицей К.Заслонова. Естественно, исчезли с уличных указателей и табличек имена крупнейших казанских фабрикантов, предпринимателей и домовладельцев (ул. Алафузовская стала ул. Гладилова, Акчуринский переулок – ул. М.Джалиля, Б.Лецкая – Б.Галактионовской и т.д.). Переименованы были и многие казанские сады и парки: бывшее «Черное озеро» стало Детским парком культуры и отдыха, а бывшая «Русская Швейцария» в 1932 году превратилась в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького, хотя, по свидетельству современников, даже в 1950-е гг. ее по-прежнему называли «Парк

[1]Справочные сведения по топонимике Казани см.: Амиров К. Казань: где эта улица, где этот дом? Справочник улиц города Казани. Казань, 1995.

Швейцария». При этом нормальные, «человеческие» названия заменялись корявыми, труднопроизносимыми: не ул. Октябрьской Революции, не Революционная улица, например, а улица Памяти 25 Октября 1917 года; не Ленинская, не улица Ленина, а улица имени товарища Владимира Ильича Ленина и проч.

Показательно, что большинство новых названий приживались с трудом, а многие так и не прижились. До сих пор казанцы называют бывшую Рыбную, а позднее – Кооперативную площадь, переименованную в конце 1930-х гг. в пл. Куйбышева, «Кольцом» – от сооруженного здесь рельсового кольца, на котором разворачивались трамваи. Сохранился в Казани Петрушкин разъезд: здесь когда-то проложенная линия конки шла на крутой подъем, и каждый раз на помощь лошадям, везущим вагон, впрягали огромного сивого мерина по кличке Петрушка, приветствовавшего пассажиров громким раскатистым ржанием. «Черное озеро» так «Черным озером» и осталось. Подобных примеров можно привести немало.



Площадь Куйбышева (ныне - Тукая), именуемая горожанами «Кольцо». 1970-е годы. Открытка

Уже буквально с первых послеоктябрьских дней новая власть репрезентирует себя и через изменение вывесок – весьма интересного и своеобразного показателя городской культуры. Как известно, В.Маяковский называл их «железными книгами», и это действительно так. В революционной России 1917 г. имел место «лексический взрыв», когда словообразование носило лавинообразный характер, когда наблюдалась широкая волна аббревиации, что отразилось, в частности, и в языке городских вывесок. Как характерный признак языка революции современники отмечали возникновение различных, подчас удивительно изощренных, аббревиатур, по их словам, «как будто взятых из китайского языка»: «Затем как-то незаметно подошли большевики,

Сад «Черное озеро». 1930-е годы. Открытка

и тут уже появились всякие Продком, Совнарком и т.д.»[1]. Вместо красовавшихся на вывесках фамилий Крестовниковых, Алафузовых, Шабановых, Петцольдов появились губсовнархоз, Металлотрест, Селькредитпромсоюз, Татнаркомвнуторг и т.д.

Так советская власть маркировала городское пространство, наделяя его наглядными элементами и признаками этой самой «советскости». Однако было совершенно очевидно, что такой внешней маркировки явно недостаточно, что необходимо полностью изменить всю структуру губернского города, кардинально преобразовать его облик и в рамках этого нового социально-пространственного контекста воспитать «нового» горожанина – носителя социалистических ценностей, живое воплощение идей равенства и коллективизма. Решить эти задачи оказалось очень непросто – это потребовало немало времени и немало усилий.

Изменение облика города в первое послереволюционное двадцатилетие

Одной из задач, вставших перед новой властью после Октября 1917 г., стала задача реструктурирования и реорганизации городского пространства. Большевики грезили немедленными «революционными преобразованиями» города. Писатель Ш.Усманов записал в своем дневнике 14 октября 1924 года: «Любопытно, изменится ли хоть чуточку наша бедняцкая, обдуваемая семью ветрами Казань – если

[1]Дети русской эмиграции: Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. М., 1997. С.155, 163

не через годок, так хотя бы через пяток лет. Познакомятся ли когда-нибудь с асфальтом ее испещренные рытвинами булыжные мостовые, а на месте нынешних беспорядочно разбросанных развалюх будут ли воздвигнуты новые, революционного стиля дворцы?»[1]

Однако для проведения таких крупномасштабных преобразований у советской власти в первые послереволюционные годы не было ни сил, ни средств, ни времени – Казань была городом военным, что существенным образом отразилось на ее облике и характере городской жизни.

Город сильно пострадал в годы гражданской войны. Везде ощущались заброшенность и опустошенность. «Занятие неприятелем города и длительные военные действия, – говорилось в отчете о деятельности Управления коммунального хозяйства при Наркомвнуделе ТАССР за 1922 г., – не преминули отразиться губительно на городе и его хозяйстве, т.к. обстрелы и пожары сделали свое дело, уничтожив и повредив многие из зданий города. Мостовые, трамвай, водопровод пришли в полную негодность. Убыток от всего этого исчисляется в 29938237 р. 32 к. довоенного времени»[2]. Многие здания в центре города были переданы под военные нужды: здесь располагались различные военные учреждения и квартировали красноармейцы. М.Г.Рошаль в «Записках из прошлого» так описал военную Казань 1920 г.: «В то время Казань напоминала военный лагерь. Повсюду в лучших помещениях располагались воинские части, лазареты и многочисленные обслуживающие их канцелярии»[3]. Эксплуатация этих зданий зачастую была просто зверской. В вышеуказанном отчете Упркоммунхоза отмечалось, что дома, занятые красноармейцами, «оказались разрушенными до необитаемости», а таких домов в городе насчитывалось более 400. «Бывший дом духовной семинарии по ул. Чернышевского, занимающий целый квартал, принял невозможный вид, красуясь своими зияющими разбитыми стеклами и вырванными с корнем рамами»[4]. В великолепном двухэтажном особняке Апанаевых, где размещались воинские части, был выломан и сожжен весь паркет, разбит белый кафель, облиц ывавший огромные печи, вырублен

[1]Дневник комиссара // Казань. 1998. №2. С.10.

[2]Отчет о деятельности управления коммунального хозяйства при Наркомвнуделе АТССР за период времени с 1 января по 1 октября 1922 г. С.5.

[3]***Рошаль М.Г.*** Записки из прошлого. С.105.

[4]Отчет о деятельности управления коммунального хозяйства при Наркомвнуделе АТССР за период времени с 1 января по 1 октября 1922 г. С.47.

великолепный сад, и на его месте построены огромные, безобразные сараи и казармы[1]. Не меньше пострадали и аристократические особняки, переданные вскоре после Октября под детские дома и приюты. Так, в особняке Хусаиновых на набережной Кабана была разграблена или уничтожена вся мебель – к середине 1920-х гг., по свидетельству очевидцев, здесь сохранилось лишь «огромное трюмо, занимавшее всю переднюю стену, и люстра на потолке»[2].

Страшным бедствием военной Казани стали пожары. Из строя вышла вся система отопления, в административных зданиях и домах граждан стоял страшный холод. В университетских аудиториях, например, в связи с отсутствием дров отопление было сведено до минимума. Температура зимой 1921-1922 гг. здесь нередко опускалась до 1-6 градусов мороза. В марте 1921 г., заслушав и обсудив вопрос о невозможности чтения лекций в ледяных аудиториях, Совет университета все же решил чтения теоретических лекций не прекращать, а «чтение лекций экспериментального характера впредь до доведения температуры не ниже плюс 5 вести, насколько это представляется возможным для лекторов и студентов»[3]. В домах появились «буржуйки», «пчелки» и «лилипутки». Из 156 пожаров, происшедших в Казани в 1922 г., 58 произошли от временных печей. Учитывая, что жилищный фонд Казани был в основном деревянным, во время пожаров уничтожалось большое количество домов. «6 июня (по-новому), 24 мая (по-старому) 1920 г., в 5 часов пополудни возник большой пожар, – записывает в своем дневнике житель Казани Мухамедгали Бикчантаев. – Было два пожара: один – по улице Тагаржап, второй – по улице Технической. Сгорело две сотни домов... В 1920 году, первого августа по-старому, во время полуденной пятничной молитвы случился большой пожар. От ворот Забировых он дошел до берега озера. Сгорело полсотни домов. Мещанин Габдулла пропал»[4]. Да и казанским пожарным приходилось в ту пору нелегко: до апреля 1922 года они выезжали на пожары в лаптях и без брезентовой одежды.

В целом, к 1922 году практически весь жилой фонд Казани, насчитывавший свыше 10 тыс. домов, требовал капитального ремонта. Если в 1917 г. в Казани было 35 тыс. жилых квартир и

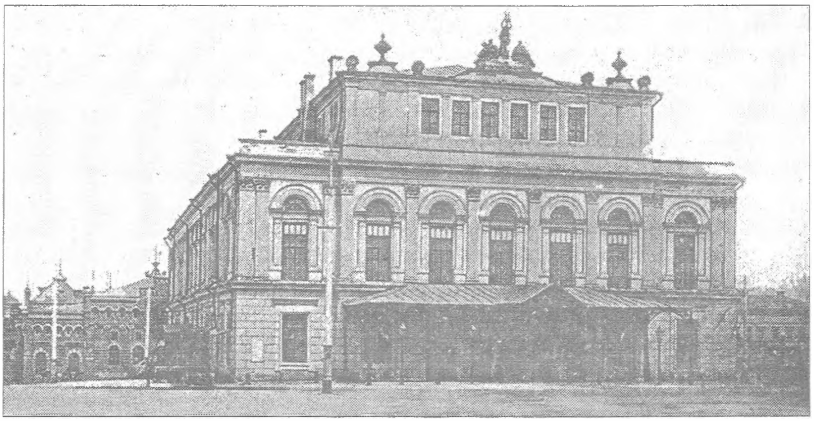
---

[1]Старая и новая Казань. Казань, 1928. С.195.

[2]Там же. С.197.

[3]Национальный архив Республики Татарстан (далее НАРТ). Ф.Р-1337. Оп.1. Д.42. Л.11-12.

[4]Долгая, долгая осень: Энциклопедия жизни простого человека из слободы, составленная им самим // Казань. 1993. №1. С.65.



Городской театр. 1916 год. Открытка из фондов НАРТ

комнат, то к 1922 г. их число уменьшилось до 28 тыс. На лучшей площади города возвышались мрачные развалины сгоревшего 5 июня 1919 г. городского театра. Сильно пострадали сады и парки Казани. Например, в знаменитом «Саду печали» на Юнусовской площади был разбит окоп; деревья вырубались на топливо[1]. Разрушены были и внутригородские транспортные коммуникации. В 1920 и 1921 гг. трамвай в Казани работал исключительно по перевозке грузов, а в начале января 1922 г. из-за снежных заносов это движение прекратилось совсем и так и не было восстановлено[2].

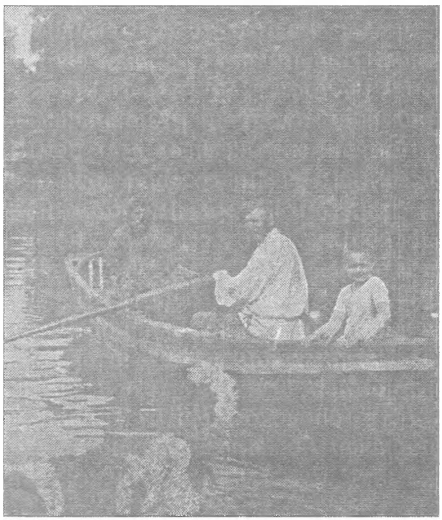
В 1926 г. на Казань обрушилось новое бедствие – во время весеннего разлива озеро Кабан и протока Булак вышли из берегов, затопленным оказался весь центр города, вода подошла к улице Баумана, площади Куйбышева, подмыла транспортные дамбы, снесла мосты[3]. В 1926 г. Мухамедгали Бикчантаев записал в своем дневнике: «13 апреля на Волге тронулся лед. 17-го полный ледоход, и в этот же день сильно поднялась вода. Вода залила обе прибрежные улицы Булака. Каменный мост остался на вершок от воды. Вода достигла ворот Бурнаевской мечети. Дорога на Новую слободу была отрезана, пешеходного пути до Рыбного базара

[1]Четыре сада Юнусовской площади // Казань. 1993. №1. С.70.

[2]О развитии транспортных коммуникаций в Казани см. воспоминания: ***Донской С.*** Любовь к электричеству. С.8-15.

[3]Об этом наводнении см.: ***Остроумов В.П.*** Казань: Очерки по истории города и его архитектуры. Казань, 1978.

не стало. Затопило ярмарку Ташаяк, даже столбы»[1]. По воспоминаниям Н.Носова, «трамваи не ходили. Жители затопленных улиц разобрали заборы, наскоро соорудив плоты, перебирались на них. Вода продержалась дней пять и стала потихоньку сходить, кое-где находили утопленников»[2]. От наводнения пострадало свыше 2600 домов. Многие жители остались без крова и были расселены по школам, клубам и частным квартирам за счет уплотнения.



На лодке. 1920-е годы. Фото из частного архива

После окончания гражданской войны стали заметны первые симптомы городского возрождения. Уже в 1918 г. взамен бывшего Строительного Отделения Губернского Правления, ведавшего вопросами архитектурно-строительной практики, в Казани создается Губкомгосоор – Губернский комитет по государственным сооружениям. Начиная с мая 1922 г., в городе стали комплектоваться артели для проведения восстановительных работ. Их укомплектовывали в основном из голодающих и безработных, зарегистрированных на бирже труда. Таковых в Казани в 1923 г. насчитывалось 7200 человек[3], на 90% эти артели состояли из женщин. За работу члены артели получали не денежное вознаграждение, а «мясной суп с 1/4 фунтов ржаного хлеба». Работы шли очень медленно, достаточно сказать, например, что остатки полуразрушенных стен городского театра были разобраны лишь к концу 1920-х годов.

Постепенно восстанавливались некоторые старые здания: здание бывшей первой мужской гимназии по улице К.Маркса, бывший гостиный двор по улице Чернышевского (ныне – Кремлевская), где располагался городской музей. Стали открываться промышленные

[1]Долгая, долгая осень С 66.

[2]***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994 №9-10. С 12.

[3]Безработица в то время была страшным бичом Казани. Популярной была прибаутка. «Ты куда? На Биржу труда. Ну и я туда». (***Носов Н.*** Версты любви // Казань 1994. №9-10 С.11.)

Субботник в Казани. 1920 год. Из книги С.Ю.Малышевой «Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы» (Казань, 2005)

предприятия, одними из первых – завод пишущих машинок на базе мастерских фирмы «Ундервуд», завод «Серп и молот», «Красный путь» (позднее – филиал вертолетного завода), кроватная фабрика. По воспоминаниям казанца Н.Носова, «нэп набирал силу, вызывал к жизни многое из того, что замерло после 1917-го. Повсюду открывались частные столовые, кафе, рестораны, в том числе ночные с цыганами, оживилась торговля. Цены резко поползли вниз. Бабушка, отправляя маму в школу, давала ей на завтрак пятак, его хватало на то, чтобы сходить в кино и еще купить пирожок за две копейки»[1]. На главных улицах города появилось множество магазинов и лавок, преимущественно частных. Если в 1921 г. в Казани было 210 торговых предприятий, то уже в первую половину 1922 г. их стало 2697. В 1926 г. на Сенном базаре было 285 лавок, на Б.Проломной – 225 магазинов, на Рыбнорядской – 160. «С рождением нэпа – этого замечательного ребенка, забегали по Проломной какие-то бойкие люди, выкрасили в яркие цвета маленькие магазинчики, быстро заставили большие окна всякими безделушками и лакомствами», – писала одна из казанских газет. Особой славой пользовались магазины Татторга, где «и дверь покупателю отворят, и займутся

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. №9-10. С.11.

с вами, как только к прилавку подойдете, и завернут «как следует» покупку и еще добавят классическое «пожалуйте-с»[1]. После долгого перерыва, наконец, пошел трамвай, правда, проезд стоил 75 тыс. рублей в советских дензнаках.

Наиболее наглядным показателем возрождения стал рост городского населения, связанный с постепенным оживлением экономики. В Казани к 1926 г. проживало уже 179023 человека. Точно так же, как и в XIX веке, город рос почти исключительно за счет миграции. Если в середине 1920-х гг., по свидетельству современников, «с жильем в Казани было довольно-таки свободно, притока людей в город почти не наблюдалось»[2], то со второй половины 1920-х гг. особенно заметной стала миграция из сел в города. В годы первой пятилетки в Казани развернулось гигантское промышленное строительство. На Кабане за железнодорожной насыпью начали строить Казгрэс; ТЭЦ-1 должна была обеспечить электроэнергией первые казанские новостройки. В 1932 году в селе Караваево, за Кизической слободой, началось строительство авиационного гиганта, весь район стали называть «Авиастрой», вскоре появился «Каучукстрой», а позднее – «Вагонстрой». Коллективизация также стимулировала сельско-городскую миграцию. Современник вспоминал: «В Казань потянулись толпы переселенцев, заселили буквально все: подвалы, бывшие конюшни, чуланы, чердаки, жили везде, где только можно поставить кровать или хотя бы сколотить нары. Люди эти согласны были на любую работу и на любую зарплату»[3]. По темпам роста населения Казань в 1926-1939 гг. занимала шестое место в стране, население выросло за этот период в 2,3 раза, хотя по числу жителей она стояла всего лишь на 12-м месте в СССР. В 1920-е гг. увеличился приток в Казань татарского населения. Если в 1920 г. татары составляли всего 21,9% жителей города, то в 1926 г. – уже 25,7% (44 тыс. человек).

В современной исследовательской литературе называются два типа миграции в зависимости от причин и мотивации – «выталкивание» и «притяжение» («push and pull»)[4]. Первая категория мигрантов – «бежавшие» – от бедности, тяжелых условий жизни

[1] ***Кузнецова Л.*** Кому «лимончики»? О рождении в Казани «замечательного ребенка», вознесении в толпе на Бирже труда и гарантиях советской конституции // Казань. 1995. №1-2.С.41.

[2] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. №9-10. С.13.

[3] Там же.

[4] См.: ***Витухновская М.*** «Старые» и «новые» горожане: Мигранты в Ленинграде 1930-х годов // Нормы и ценности повседневной жизни. С.106.

в деревне, голода, коллективизации, репрессий и т.д. Они с нежеланием оставляют комфортный для них деревенский мир, сложнее адаптируются и пытаются воссоздать свой прежний образ жизни в условиях города: «Я родилась в 1928 году в Актанышском районе, в селе Тавили. Когда в 1943 году стали из деревни забирать в ФЗО в Казань, я вцепилась маме в подол и реветь... Однако поехала»[1]. «Мой отец также пострадал в то время. В нашей семье было трое детей. Не всегда мы жили сытно. Отец же всегда старался где-то выгадать, чтобы накормить нас. Один раз решил принести с поля в сапогах немного зерна, но его поймал председатель колхоза. Отца посадили. Чтобы вызволить его из тюрьмы, мать продала только что с большим трудом отстроенный дом. Дав взятку каким-то начальникам, она все-таки спасла отца, но из деревни пришлось уехать»[2]. Однако и среди таких «вынужденных» мигрантов встречались карьерно ориентированные, одаренные личности, которым удавалось успешно адаптироваться к городским условиям: «Я жила в деревне Карашалы Бавлинского района Татарстана. Отец работал в колхозе. В семье было 5 детей – 3 девочки, два мальчика. Семья была раскулачена. У нас был дом – приличный для того времени, с двумя большими комнатами и одной летней комнатой, надворные постройки, две коровы, лошадь. Со слезами вспоминаю, как все отняли буквально, сняли последнее платье. После этого меня забрала к себе старшая сестра в Казань. Там я поступила в педагогический институт на физико-математический факультет»[3].

К этой же категории «вынужденных» мигрантов относились и выселенные из столиц «политические» и члены их семей, ограниченные в выборе места жительства. В языке сталинской России существовали всем тогда понятные формулы: «минус три» – право селиться во всех городах, кроме Москвы, Ленинграда и Харькова, «минус шесть», «минус двадцать», «минус сорок» – когда к трем главным городам добавлялись столицы союзных республик и областные центры. В Казани было немало таких переселенцев: «Неожиданно вызвали в НКВД. Там мне сказали, что мы должны в трехдневный срок выехать (-5) (из Ленинграда – *авторы*), чтобы выбрали город и сообщили. Выбрали Казань как университетский город», – сообщает мемуаристка[4].

---

[1]Интервью с анонимом, 1928 г. рождения.

[2]Интервью с Тамарой Александровной Грузовой, 1944 г. рождения. Архив авторов.

[3]Интервью с Галимой-апой Б., 1920 г. рождения. Архив авторов.

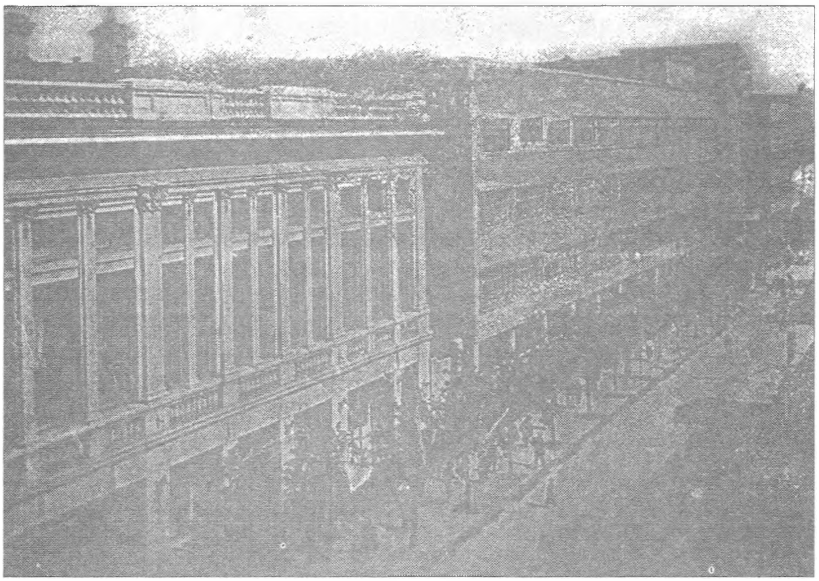
[4]***Шолпо В.*** Осколки зеркала // Казань. 1994. №9-10 .С.121-122.

Вторую, гораздо более многочисленную категорию мигрантов составляли так называемые «привлеченные» огнями большого города – одаренные молодые люди, надеявшиеся на возможность получения образования. Казань с ее крупными вузами была особенно притягательна для этой категории людей, обусловливая, кстати говоря, не только внешнюю, но и внутригородскую миграцию. Однако и для многих из этих карьерно ориентированных молодых людей приобщение к жизни большого города было настоящим потрясением: «После окончания авиационного техникума я поступил в Казанский авиационный институт. В соседней группе была девушка Минзифа, до этого она жила в деревне с населением в 100 человек, и районный центр казался ей огромным городом. Когда она приехала в Казань, то, как она сама говорила, у нее все время «кружилась голова от такого огромного количества людей, машин и всякой техники»[1].

Ускоренный рост городов спровоцировал развернувшиеся в 1920-е гг. в архитектурной среде острые дискуссии об «оптимальном» социалистическом городе, его размерах и форме – дискуссии между урбанистами и дезурбанистами. Они развернулись на страницах журналов «Революция и культура», «Советское строительство», «Вестник Коммунистической академии», «Коммунальное дело». Никто из теоретиков не сомневался, что оптимум социалистического города существует. Разногласия начинались при попытке определить, какие именно людность и структуру следует считать оптимальными. Вскоре оформились и две противостоящие друг другу школы – урбанистов и дезурбанистов. Отстаивая разные точки зрения, они, однако, опирались на два общих постулата – о необходимости преодоления фундаментального противоречия между городом и деревней и об отмирании нуклеарной семьи, которая неизбежно будет вытеснена «новыми формами социалистического общежития».

Урбанисты, в частности, известный социолог Л.Сабсович и архитектор Ю.Ларин, предлагали строить социалистические города в виде системы самодостаточных городских ядер, застроенных многоэтажными домами. Они считали, что на смену нуклеарной семье неизбежно придет коммунальный образ жизни. Поэтому за жильем следовало сохранить лишь функцию спальни. Все домашние виды деятельности должны были быть огосударствлены, и именно государству следовало в будущем заботиться обо всей социальной инфраструктуре – от общепита до яслей и детских садов.

[1]Интервью с Ильгизаром Шаймулловичем Загидуллиным.



Улица Баумана. 1940-е годы. Открытка

Дезурбанисты, конструктивистские архитекторы М.Охитович и М.Гинзбург, делали упор на безгородское общество, члены которого селились бы в жилых поселках, вытянувшихся вдоль транспортных магистралей. Их окружала бы первозданная природа, а доступ к коммунальным центрам обеспечивался бы благодаря всеобщей автомобилизации населения Сами дома должны были представлять собой разборные жилые ячейки, которые можно перевозить на автомобилях и устанавливать в любом месте. Этот новый тип поселений должен был устранить различия между городом и деревней, заменив их некими агрогородами, равномерно разбросанными по территории всей страны. Впрочем, и урбанисты, и их оппоненты были едины в одном: они настаивали на создании принципиально новой городской среды как бы на пустом месте, ab ovo[1].

Примером реализации архитектурных поисков 1920-1930-х гг. в Казани может служить построенный в 1933-1935 гг. по конкурсному проекту архитектора С.С.Пэна «Дом печати». Это здание является одним из

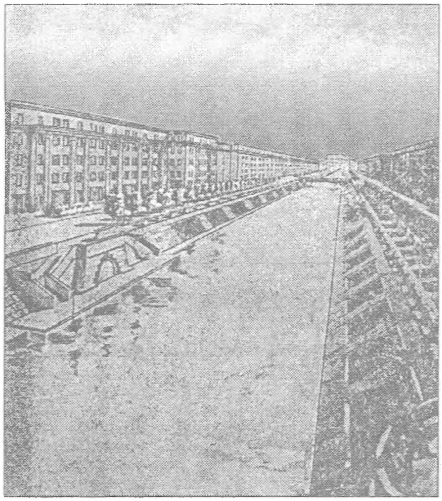
[1] О дискуссиях между урбанистами и дезурбанистами см., например: ***Паперный В.*** Культура «Два». С.60-72

лучших образцов архитектуры отечественного конструктивизма. К счастью, более смелые конструктивистские проекты, воплощавшие революционные идеи в абстрактно-геометрических формах зданий (здания в виде трактора, звезды, серпа и молота и т.д.), в Казани так и не были реализованы. Вообще здесь не было столь отчаянной теоретической полемики, как в столицах. Однако уже в 1924-1926 гг. архитектором строительного Управления инженеров ТАССР Ф.П.Гавриловым были сделаны некоторые наметки по застройке Казани, которые при успешной реализации придали бы ей характерные черты нового, социалистического города. В частности, предполагалось создать новый крупный городской район социалистического типа, заселенный преимущественно рабочими, с развитой инфраструктурой, ничем не уступающей центру, по правобережью реки Казанки, за Кизической слободой – там, где впоследствии был создан Ленинский район города. Разрабатывался проект по объединению всех слобод в единый городской организм вокруг новой центральной городской площади под Кремлем, на территории бывшей Ярмарки. Здесь же предусматривалось и размещение новых советских культовых зданий – «Дворца труда», «Дома татарской культуры». Однако кончина архитектора и тяжелые экономические условия не позволили осуществить этот проект.

Позднее, в 1933-1934 гг., появился второй грандиозный план строительства Казани фактически с нуля, на пустом месте. Архитектор В.Н.Дмитриев внес предложение о создании двух совершенно обособленных, независимых городских образований – старой и новой Казани. Предлагалось старую Казань – левобережье реки Казанки – оставить практически без изменений, территорию ее не увеличивать, нового строительства не вести. Новая Казань, с населением 300 тыс. человек, должна была расположиться в правобережье Казанки. Это должны были стать по существу два самостоятельных города, находящихся на довольно большом расстоянии друг от друга. Старый город, как носитель прошлого, был, таким образом, обречен на медленное умирание. В конце 1934 г. эта схема планировки и застройки Казани была обсуждена и отвергнута экспертной комиссией Наркомата коммунального хозяйства РСФСР в ВСНХ при ЦИК СССР.

Генеральный план реконструкции Казани был утвержден правительством лишь 19 июня 1941 года, за три дня до начала Великой Отечественной войны.

В реальности же вся осуществляемая в Казани во второй половине 1920-х –1930-е гг. практика градостроения была направлена на изменение тенденции моноцентричного развития города и



Проект реконструкции Булака. 1940 год. Из книги «Вся Казань. Справочная книга по городу Казани» (Казань 1940)

создание города с множеством «пролетарских» центров. Теперь, по сравнению с первыми послеоктябрьскими годами, власти располагали уже более широким кругом возможностей и стратегий в решении этого вопроса. Карта города постепенно преобразовывалась так, чтобы увеличить число районов, располагающих крупными промышленными предприятиями[1]. Жилищное строительство, начавшееся в середине 1920-х гг., также ориентировалось в этом направлении. В годы первой пятилетки в Казани вступил в строй крупнейший в то время в СССР меховой комбинат, дававший 50% всей меховой продукции страны. И одновременно с сооружением его корпусов на пустыре около Архангельской слободы в 1928-1931 гг. создается «социалистический городок» для меховщиков. Этот поселок, названный именем казанского революционера Лозовского, состоял из четырех-пятиэтажных домов. В квартирах (впервые в Казани в домах для рабочих) имелись вода, канализация, центральное отопление. Территория поселка была хорошо озеленена, благоустроена, для детей меховщиков было построено несколько детских садов и яслей, а для взрослых в 1935 году – красивый Дворец культуры по проекту архитектора И.Г.Гайнутдинова. За Казанкой, выше Кизической слободы, а также в окрестностях деревни Воскресенское, где в годы первой пятилетки развернулось строительство ТЭЦ-1, а позднее заводов синтетического каучука и искусственной кожи, также началось активное жилищное строительство.

Во второй пятилетке по объему строительства на первое место в городе выдвигается северо-восточное Заречье. Прежний пустырь около деревни Караваево превращается в огромную строительную площадку «Казмашстроя». Вблизи строящихся предприятий

[1]Более подробно о строительстве в Казани во второй половине 1920-х - 1930-е годы см.: ***Остроумов В.П.*** Казань. С.158.

немедленно размещаются жилые дома и культурно-бытовые объекты. Возникают поселки имени Свердлова, Орджоникидзе, Урицкого. К 1940 г. в состав города вошли новые поселки: Бутырки, Воскресенский, 1 Мая, Калининский, Поповка, Кокушкино. Население Казани составляло к 1940 г. более 400 тыс. человек.

Принимались меры и по развитию транспортных коммуникаций, связывавших, в первую очередь, рабочие районы с центром города и направленных, таким образом, на ликвидацию их изолированности. 1 сентября 1926 г. была открыта первая в Казани автобусная линия от начала Старой дамбы до слободы Восстания; ходило всего две машины, в год они перевозили до 180 тыс. человек. В том же году открылось автобусное движение в Козью и Ново-Татарскую слободы. Были построены земляные дамбы, соединившие ряд слобод между собой: Крыловку с Удельной, Козью с Гривкой и Савиновской. Возобновилось трамвайное сообщение по четырем маршрутам (к 1940 году их стало 9). Первый, самый протяженный маршрут, проходил от Суконной слободы по нынешним улицам Петербургской и Баумана и далее через старую Адмиралтейскую дамбу до «Дальнего устья». Только в середине 1930-х гг. трамвайную двухпутку перевели с Баумана на Булак. Второй маршрут шел от Кремля по нынешним Кремлевской, Университетской, Профсоюзной, Бутлерова – до Второй Горы, улицы Волкова. Третий – от Арского поля до комбината им. Вахитова по улицам К.Маркса, Куйбышева, Татарстан и Тукаевской. И, наконец, четвертый маршрут пролегал от железнодорожного вокзала до улицы Касаткина – по улице Кирова, через Кольцо и площадь Свободы. Тем не менее, трамваев было мало, и ходили они редко. Современник вспоминает, что в 1933-1937 гг. он жил в районе строящегося автозавода: «До центра ходил трамвай четыре раза в день». Вагоны, курсировавшие по городу, вплоть до конца 1920-х гг. были в основном дореволюционного бельгийского производства, причем основательно изношенные. По свидетельству казанского работника трамвайного депо того времени, «частенько, выйдя утром в рейс, вагон из-за поломки возвращался в депо «на буксире». Вагоновожатыми поначалу работали только мужчины. Условия их работы были исключительно тяжелыми: передняя площадка, место вожатого, – никак не отгороженная, продувалась со всех сторон, туда порой набивалось полно народу. Иногда ездили и на крышах. Тормоза были ручные, требовалась немалая сила, чтобы поворачивать их штурвал. Особенно трудно приходилось осенью и

зимой, когда смотровое стекло покрывалось ледяной коркой, а тряпочка с солью, которой вожатый то и дело протирал стекло, плохо помогала. К концу 20-х годов появились первые вагоны отечественного производства – Николаевского завода, потом стали поступать вагоны Мытищенского завода. Они оказались получше. Но пневматического управления дверями еще не было. Спереди перед вагоном имелась предохранительная сетка, которая при помощи тормозного крана могла мгновенно падать на рельсы, подхватывая случайно упавшего на трамвайный путь человека. После Великой Отечественной войны стали появляться новые вагоны Рижского завода. Однако еще долго в городе ходили старые трамваи, дребезжа и стуча на стыках рельсов, до головной боли у пассажиров»[1].

Тем не менее, в целом, как единогласно заявляют источники, Казань к концу 1920-х гг. «выглядела по-старому». По данным переписи 1926 г., 76% жилых строений Казани находились в частных руках, тогда как на долю муниципализированных приходилось лишь 23,4, а на долю кооперативов и жилищных товариществ – всего 0,6% строений. 3,7% домов оставались необитаемыми «вследствие их ветхости или полуразрушенного состояния». 86,9% домов не были присоединены к водопроводу, только 22,5% жилищ имели электрическое освещение. В Казани в 1926 г. было всего лишь 16,7% каменных домов; 63,6% составляли дома одноэтажные, 34,3% – двухэтажные и лишь 2% – дома в три и более этажей[2].

Некоторые черты подлинно «социалистического» облика Казань начинает обретать лишь с 1930-х гг. В этот период основное строительство по-прежнему велось не в центре, а на окраинах города, благоустройство которых оставалось важнейшей политической задачей. Постепенно благоустраиваемые окраины становились престижным местом проживания не только для их коренных жителей, но и для тех, кто жил в центре, а работал на промышленных предприятиях, находящихся за его пределами. По воспоминаниям современника, эта тенденция сохранялась и позднее, в 1950-60-е гг.: «Я жил в центре города, а работал на 16 заводе. В конце 50-х годов этот рабочий район начал только строиться, но строился он очень быстро, кругом вырастали не только жилые помещения, но и Дворцы культуры, парки. В центре дома были старые, без удобств и воды, каждое утро я ходил на

[1] ***Донской С.*** Любовь к электричеству. С.13.

[2] ***Победоносцев И.*** Городские владения и строительство в ТР. С.20.

колонку за водой. Поэтому я, да и многие, с кем я ездил на работу и кто жил в центре, испытывали чувство зависти к людям, которые вселялись в эти новые, благоустроенные пятиэтажки»[1]. И до войны, и после войны люди по-прежнему старались поселиться поближе к работе – большим плюсом считалось такое место работы, когда «обедать ходили домой»[2].

В 1930-е гг. отстраивается Ленинский район, ставший к 1940 г. самым большим районом Казани и выросший как альтернатива «капиталистическому» центру. Здесь должна была организовываться новая образцовая социалистическая городская среда: строились площади и разбивались скверы (организация публичного пространства), возводились помпезные дома культуры, знаковые скульптуры (концентрация культовых и культурных сооружений) и т.д. Монументальные «сталинские» 6-7-этажные дома, предназначенные, как правило, для высших слоев советского общества, создавали стиль района. Пышный декор и мощные колонны, нарядные фасады, обильно украшенные скульптурой, неоклассические формы казались тогда залогом светлого будущего. На месте прежних слободок и деревушки Караваево появились новые поселки: имени Орджоникидзе, имени Урицкого, имени Воровского, имени Парижской Коммуны. Этот район и сейчас может соперничать по престижности с историческим центром или, по крайней мере, претендовать на звание «второго центра» города. Заметим, что и в художественной литературе 1950-1960-х гг. Ленинский район неизменно олицетворял собой «Новую Казань» по сравнению с «Казанью Старой». «Кремль, а дальше – дамбы, асфальтированные дороги, ведущие в Новую Казань», – писал А.Абсалямов в романе «Орлята» в 1963 г.[3]

Произошла ликвидация этнической сегрегации внутри города. Документы свидетельствуют о постепенном размывании татарских слобод и равномерном расселении татарского населения внутри Казани.

Тем не менее, само понятие «окраина» не исчезло, содержательно оно осталось прежним, хотя топографически отдалилось от центра. Рабочие стали привилегированной группой, но медленные темпы реконструкции мест их обитания не позволяли изменить пространственную иерархию так же быстро, как и социальную. Даже в 1960-е гг., как сообщают современники, «все на улице Баумана

[1]Интервью с Ильгизаром Шаймулловичем Загидуллиным.
[2]Интервью с Галимой-апой Б.
[3]Казань в художественной литературе. С.242.
[4]Интервью с анонимом, 1928 г. рождения.

Телефонная станция на улице Баумана. 1930-е годы. Открытка

было, а у нас на Достоевского и дальше – глушь»[4], а уж «в 40-е годы окраины города, по сравнению с центром, выглядели, как настоящая деревня»[1]. Элементы сельского быта сохранялись даже в самом центре города. По воспоминаниям писателя Р.Кутуя, в 1930-е годы во дворах улицы К.Маркса, в самом центре города, «росли тыквы и огурцы»[2].

Возникает в этот период в Казани и ряд символически-показательных «советских» зданий, призванных подчеркнуть победы и достижения советского строя и выстроенных в русле советской монументальной архитектуры. Большинство их было связано с интенсивным развитием высшей и профессиональной школы в 1930-е г.: общежитие финансово-экономического института по ул. К.Маркса (1934), здание медицинского училища по ул. Жуковского (1934), здание института советского права на площади Свободы (1935), здание Суворовского училища по ул. Толстого (1936), комплекс учебных корпусов, клиник и общежитий ветеринарного института (1936-1940), новый корпус химико-технологического института по ул. К.Маркса (1936), учебный корпус финансово-экономического института по ул. Бутлерова (конец 1930-х гг.) и др.

Город производил большое впечатление на побывавших здесь

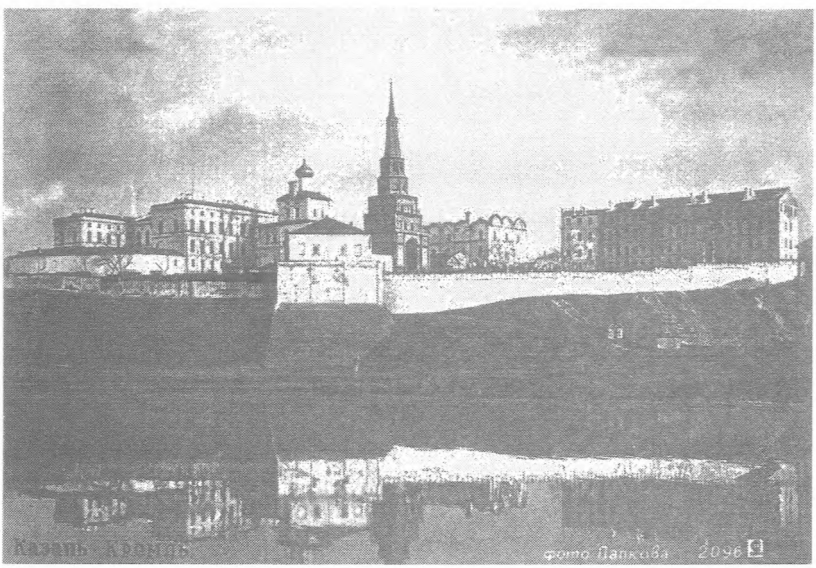
[1]Интервью с Раисой Васневой, 1922 г. рождения. Архив авторов.
[2]***Кутуй Р.*** Белое пламя лунного тополя. С. 15.

зарубежных гостей. Так, британские профсоюзные деятели, посетившие Казань летом 1932 года, писали: «Приблизительно 40% меховой торговли сосредоточено в этом городе, другая промышленность включает в себя производство обуви, кожаных товаров, свечей и мыла и автомобильных и самолетных двигателей. Казань гордится очень хорошим университетом с 15 специализациями, изучающими различные направления в культуре, юриспруденции, промышленности, инженерии, науке и искусстве. В этом городе 115 школ и дневных яслей, прикрепленных к заводам». Правда, не могли не сообщить они и о чудовищной жаре, и о неухоженности городских улиц: «Днем мы наблюдали 90 градусов по Фаренгейту в тени, и большие облака пыли образовывались на нечищеных дорогах»[1].

Новые строения, появившиеся в Казани в 1930-е гг., были разрозненны и буквально тонули в массе старых построек – социалистического облика в эти годы Казань по-прежнему еще не обрела, центральная часть города оставалась практически нетронутой. Вот как выглядела, по словам современника, довоенная Казань: «Казань довольно четко делилась на каменную и деревянную. Казань каменная начиналась от Кремля, а восточными ее границами были улицы Первая Гора (Ульяновых), Бутлерова и Достоевского. Наиболее привлекательно выглядели улицы Баумана, Чернышевского, Карла Маркса, Большая Галактионовская (Горького), Большая Красная и поперечные им улицы. Но мне милее была Казань деревянная. На Бутлеровой почти все дома были деревянными, как и в квартале домов напротив краснокирпичного больничного городка хирургической клиники Вишневского. Дома на нашей улице и дальше – на Волкова, Лихачевской (Айвазовского), Лесгафта, Достоевского, Первой Академической (Вишневского) были в большинстве двухэтажными и выстроенными по одному образцу – с внушительными парадными дверями с крыльцом и навесом, выходившими на улицу, и скромным «черным ходом» во двор. Они имели большие, часто расположенные окна, так что комнаты наполнялись светом. На окнах красовались горшки с цветами и ситцевые занавески. Окна обрамляли наличники с треугольными выступами, часто с затейливой резьбой. Под крышами шли широкие карнизы и подкарнизники, с фигурными выступами и также нередко украшенные резьбой. Над крышами иногда возвышались декоративные башенки-бельведеры. Между домами солидно громоздились ворота, вместе с высокими заборами надежно скрывавшие от любопытных взоров жизнь, проходившую во дворах.

[1]Soviet Russia, 1932: Reports of Two Groups of Cooperators on a Visit to USSR in the Summer of 1932. Manchester, 1933. P.16.

Казань, Кремль. 1930-е годы. Открытка



Казанский Кремль. 1935 год. Открытка

До чего же уютными и интересными были эти дворы! Почти центр города, и в то же время как в деревне. Сплошная лужайка, длинные веревки с вечно сушившимся бельем, дровяники, погреба, сараи. По вечерам в летнее время во двор из своих тесных квартир вылезало почти все население. Все здесь застыло в девятнадцатом веке, все так осталось и в двадцатом»[1]. Во многих дворах имелись погреба, в летнюю жару без них было просто не обойтись. О холодильниках тогда даже не знали. В начале весны в погреба завозили лед, который кололи на Казанке, и он хорошо держался все лето. Набивали их и снегом, поверх которого насыпали опилки или солому. Общей канализации в деревянных домах не было, под каждым из них находились так называемые поглощающие колодцы глубиной 15-20 метров, в которые стекали нечистоты из кухонь и туалетов.

Важнейшей проблемой официального ландшафта начиная с 1930-х гг. стало достижение идеологически корректного баланса между национальным и интернациональным. В этот период началось использование национальных декоративных схем и региональной специфики в республиканском строительстве и архитектуре. Так, архитектор П.Т.Сперанский применил татарский народный орнамент при проектировании малых архитектурных форм (беседок, киосков, павильонов, переходных мостиков в садах и парках). Удачное использование национальных мотивов можно проследить в произведениях архитектора И.Г.Гайнутдинова на фасадах зданий школы №27 (ул. Эсперанто, 47) и Дворца культуры мехового комбината (ул. Тукаевская, 91), выстроенных в 1935 году. При реконструкции в 1938 году кинотеатра «Унион» («Родина») архитектор П.С.Борисов также использовал в интерьерах и наружной отделке элементы национального татарского орнамента. Но широкого распространения в этот период подобные новаторские подходы еще не получили.

Таким образом, в 1920-1930-е гг. городское пространство Казани претерпевает существенные изменения. Оно достаточно динамично развивается и радикально реструктурируется. Территории, вовлеченные в процесс жизнедеятельности городского сообщества, постепенно расширяются. Появившиеся районы не ограничиваются ролью пространства повседневности: не меньшие надежды возлагаются на них как на новые властно-административные, сакральные и празднично-рекреативные центры, т.е. изначально они создаются как многофункциональные. Но мечты и реалии находятся в этот период еще слишком далеко друг от друга. Обретя отдельные черты

[1] ***Наумов В.*** Три Казани. С.9.

Кремлевская набережная. 1960-е годы Открытка

«социалистического» города, Казань к концу 1930-х гг. во многом остается еще типичным старым губернским центром со всеми присущими ему атрибутами и признаками. Сочетание «новой» и «старой» Казани с безусловным преобладанием последней становится определяющей чертой в облике и пространственной структуре города, сложившейся в 1920-1930-е гг.

Строительство «новой» Казани в 1950-1960-е годы

В годы Великой Отечественной войны в жизни города произошли большие изменения, связанные с перестройкой всего хозяйства и повседневности на военный лад. Вот как описывает современник Казань того времени: «Все боялись, что вот-вот немцы доберутся до Казани. К этому готовились, в садах рыли бомбоубежища, все окна были оклеены крест-накрест бумажными лентами. По вечерам окна «затемняли» – мне очень нравилось слово «светомаскировка». Город погрузился во тьму – были введены ограничения на пользование электричеством до пяти киловатт-часов в месяц на человека, потухли уличные фонари. В Казань потянулись эшелоны с беженцами и ранеными, началось «уплотнение». В город было эвакуировано много предприятий: из Воронежа – авиамоторный завод, его разместили на территории Авиастроя, из Ленинграда приехал оптический, ему

передали недостроенный вагоностроительный завод. Большинство школ переоборудовали под госпитали. Раненых доставляли прямо с прифронтовой полосы санитарными поездами, летом привозили по Волге на пароходах и баржах. Трамвайные вагоны приспособили для перевозки раненых, в прицепах сзади были сделаны двери для переноса носилок, которые на специальных кронштейнах подвешивались вместе с ранеными в два этажа»[1].

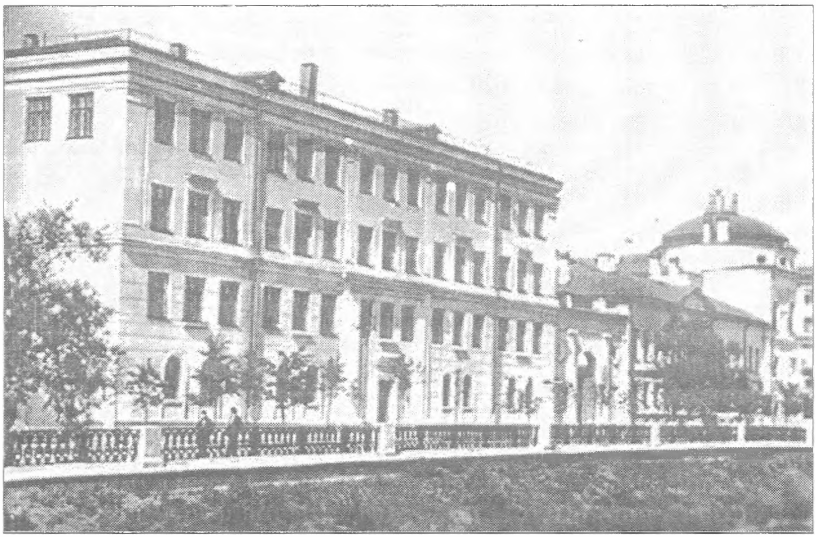
В связи с войной строительство приобретает другой характер. Главными задачами становятся возведение новых корпусов промышленных предприятий и создание временного облегченного жилья для размещения эвакуированного населения. В городе появилось множество наскоро сколоченных бараков. Домовые комитеты создавали спецкомиссии по размещению эвакуированных, на основании военного положения занимались уплотнением живущих. 13 ноября 1941 г. Казанский горком ВКП(б) принимает специальное постановление о перестройке промышленности на военный лад. В нем, в частности, предписывалось в кратчайший срок разместить всех рабочих и ИТР, прибывших с эвакуированными заводами, за счет «уплотнения» населения, а также решительного выселения всех лиц, не имеющих отношения по работе к предприятиям и учреждениям города[2]. Таким образом, была дана команда на начало очередного уплотнения. В Казани практически не было семей, где не жили бы эвакуированные. По воспоминаниям свидетельницы, в частном доме ее родителей общей площадью около 60 кв. м, где до войны жило 6 человек, теперь стали жить 20: сначала приехала родственница из Москвы с двумя детьми, потом трое ее знакомых-москвичей, потом родственница с Украины с тремя детьми, и, наконец, четверо – инженеры эвакуированной на льнокомбинат Кренгольмской мануфактуры с женами – были вселены за счет уплотнения: «все спали на кошме вповалку»[3]. В 1943 г. разрабатывается проект строительства одноэтажных коттеджей для рабочих и служащих в Ленинском районе. Такое малоэтажное строительство несложно было осуществить из дешевых местных строительных материалов с использованием минимальных средств механизации.

В первые послевоенные годы о широком размахе городского строительства говорить не приходилось – для этого не было ни сил, ни средств. «В Казани ничего не строилось, – вспоминает

[1] *Носов Н.* Версты любви // Казань. 1994. №9-10. С.17.

[2] См.: Кировский район в годы Великой Отечественной войны. Казань, 2000. С.7.

[3] Интервью с анонимом, 1915 г. рождения. Архив авторов.



Татарский педагогический институт. 1959 год. Открытка

современник, – обветшалые здания не ремонтировались. Лишь позднее начались новые стройки. Но они не были массовыми, возводили отдельные жилые здания в разных концах города, что не избавляло от жилищных трудностей. До «хрущевок» было еще далеко»[1]. Но именно в это время и начинается активное становление Казани как социалистического города. Вот как выглядела Казань в конце 1940-х годов с высоты башни Сююмбике, по воспоминаниям очевидца: «Вот колокольня с дырой в верхнем своде, это все, что осталось от церкви Московских Чудотворцев. Вдали черной змейкой вьется Новая дамба, по ней, как жучки, снуют в обе стороны автомобили. Вокзал, за ним железнодорожный совхоз, дальше заливные луга до самой Волги. В Адмиралтейской слободе высится главная водокачка города. Козья слобода, «Соцгород» и военный аэродром 22-го завода. Из окна напротив разглядели Кабан с торчащими вышками для ныряния и множеством лодок на воде. Чуть левее, где теперь «Детский мир», заброшенная стройка – здесь предполагалось воздвигнуть казанский Дворец Советов. Левее, на горе, недостроенное здание Финансового института, деревья сада «Эрмитаж» и красивые шпили дома Кекина. А из следующего окна отлично смотрелись старинное здание Дворянского собрания – Дом

[1] ***Наумов В.*** Три Казани // Казань. 1998. №9-10. С.45.

Красной Армии, завод «Пишмаш», переехавший еще в начале 30-х годов в здание первой казанской электростанции. И, наконец, Федоровский бугор, где на развалинах Федоровского монастыря возник «Еврейский базар» (теперь здесь – Национальный культурный центр «Казань»). Дальше огромная зеленая роща ЦПКО. За рощей – казанский «Белый дом», знаменитая, построенная еще в 1863 г., психушка. Внизу белым шнуром вьется Казанка, а вдали видны корпуса «Вагоностроя», которые в войну занял переехавший из Ленинграда оптико-механический завод»[1]. А вот как изменилась Казань уже к началу 1950-х: «Архитектурный облик Казани начал преображаться, строилось много новых «сталинских» зданий. Центральные улицы были разрыты, полностью заменялись сгнившие канализационные трубы, а после этого тротуары и мостовые асфальтировались»[2].

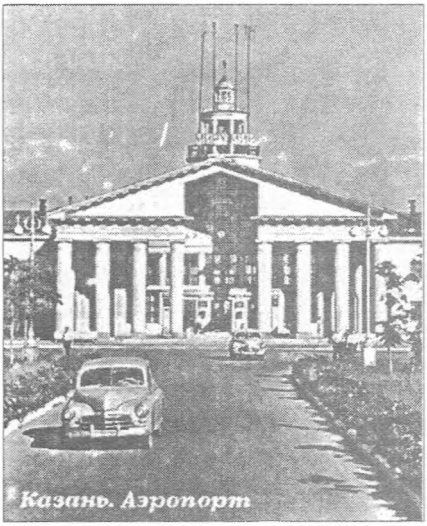
Градостроительство 1946-1956 гг. можно условно разделить на два периода. Первое пятилетие характеризуется небольшим объемом жилищного строительства, в основном малоэтажных, сборно-щитовых одноквартирных жилых домов или домов типа общежитий. Большой процент населения, по данным проведенного анкетирования, продолжал по-прежнему проживать в бараках. Немало сохранялось в городе и частного неблагоустроенного жилья, недаром одной из весьма популярных профессий в послевоенной Казани была, по словам современников, профессия печника. Настоящим бедствием для властей оставался «самострой», причем на месте ликвидированных строений такого типа немедленно появлялись новые. Так, согласно архивным данным, только в Свердловском районе Казани с 1948 по 1954 гг. было построено самовольно 896 домов. В 1954 г. построили 118, разобрали – 41, в 1955 – соответственно 135 и 47[3]. Таким образом, объем «самостроя» постоянно возрастал. Более того, «самострой» активно велся не только на окраинах, но и в центральных частях города, что мешало многоэтажному строительству и увеличивало его стоимость.

Второе пятилетие отличалось значительным увеличением объема жилищного строительства, снижением малоэтажной и возрастанием многоэтажной застройки. В Казани появилось множество так называемых «сталинских» зданий – жилых домов повышенной комфортности с

[1] *Носов Л.* Версты любви // Казань. 1995. №1-2. С.58.

[2] Там же. С.61.

[3] Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее – ЦГА ИПД РТ). Ф.1616. Оп.1. Д.688.



Казанский аэропорт. 1960-е годы. Открытка

Плакат «Отстроим на славу!». В.С.Иванов, О.К.Бурова. 1945 год

Работники одного из казанских заводов. 1946 год. Фото из частного архива

пышным архитектурным декором, башнями и шпилями, обильными лепными украшениями на фасадах, с полнометражными трех-, четырех- и пятикомнатными квартирами, высокими потолками, аристократическими ванными (жилые дома по ул. Правобулачной, 37, по ул. Пушкина, 22, Театральной, 5, Б.Красной, 29а, на пл. Куйбышева, целые кварталы по ул. Ленинградской в Соцгороде, ул. Декабристов, Восстания и многие другие). И в каждой комнате зачастую – по-прежнему по семье из четырех, пяти, а то и больше человек, жуткая скученность, короче говоря, все те же типичные коммуналки.

Вот какой запомнилась коммуналка 1950-х гг. современнице: «Родилась я на Кольце в бывших Музуровских номерах с их и поныне здравствующей коридорной системой, где в непроглядной дали мерещится, благоухая на 38 комнат, всего одна уборная. Бесконечный ряд функционирующих круглые сутки газовых плит, нагие лампочки под пятиметровым потолком, вечно обледенелая лестница черного хода, белый сундук помойки среди беспризорного проходного двора – вот незабвенные черты, приметы моей первоначальной жизни»[1]. Правда, были и квартиры малозаселенные – здесь жили представители творческой интеллигенции, директора крупных предприятий, университетские профессора. К домам с таким контингентом относился, например, вплотную примыкавший к знаменитому «Бегемоту» жилой дом по улице Ленина, 2а – еще в 1960-е гг. в народе его называли «Дворянским гнездом» с учетом особых условий проживающих здесь лиц. Но эти дома оставались домами для избранных. В 1959 г. население Казани насчитывало уже 647 тыс. человек, а средняя обеспеченность жильем в начале 1950-х гг. составляла всего 4,1 кв. м (по СССР – 4 кв. м). Это была самая низкая на душу населения жилплощадь за всю советскую историю. В районах города образовались огромные очереди на получение нового жилья, которые не только не рассасывались, но все более возрастали. Так, только в Свердловском райисполкоме очередь на получение жилья на октябрь 1955 г. составляла более 700 человек, а квартир в течение года были выделены всего две[2].

Необходимо было что-то кардинально менять, и такие перемены начались с середины 1950-х гг., когда в стране стартовала энергичная кампания по строительству массового дешевого жилья – пятиэтажных (чтобы не расходовать деньги на установку и обслуживание

[1] ***Бурундуковская Е.*** Путешествие из Суконки в Суконку // Казань. 1998. №3. С.8.

[2] ЦГА ИПД РТ. Ф.1616. Оп.1. Д.688.

Получение квартиры всегда ассоциировалось у советского человека с новой жизненной вехой. Открытка 1980 года

лифтов) «хрущоб», проведенная за счет некоторого сокращения ассигнований на производство неядерных вооружений. Первые шаги к изменению ситуации были сделаны Н.С.Хрущевым после Всесоюзного совещания строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов в декабре 1954 г., на котором он выступил с докладом «О широком внедрении индустриальных методов, улучшении качества и снижении стоимости работ в строительстве». Этот человек, склонный к проведению гораздо более эгалитарной политики, нежели Сталин, буквально настоял, на осуществлении программы массового строительства дешевого жилья. Благодаря его усилиям было построено более 85% из предполагаемых 15 миллионов новых квартир. Началось массовое переселение населения из бараков. В Казани ликвидированы были бараки по улицам Н.Ершова, Чехова, Восстания, в поселках Воровского, Калуга и др. Многие люди впервые узнали, что такое отдельный туалет и индивидуальная кухня. Но разовые кампании не могли переломить общую тенденцию к пренебрежению жилищным строительством. Причины этого крылись в бесплатности государственного жилья. Строительство не приносило никаких прибылей ведомствам-застройщикам и всегда расценивалось как задача третьестепенной важности.

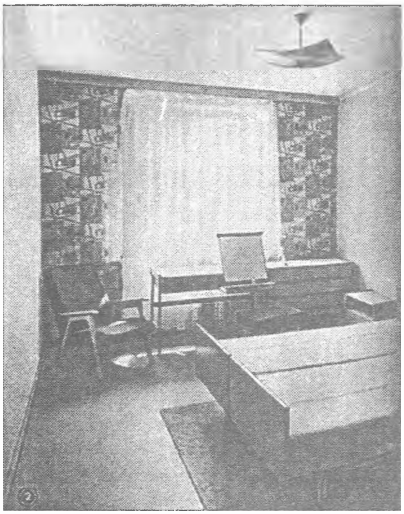
Массовость и стандартизация жилья были связаны с планировочной концепцией микрорайона. Микрорайоны с населением в 8-12 тыс. человек состояли из кварталов, а сами объединялись в жилые городские районы. Каждая из этих единиц (квартал – микрорайон – район) обеспечивала свой уровень потребительских, образовательных, медицинских и рекреационных услуг. Такое военное единообразие городского планирования и было, по представлениям идеологов того времени, верным шагом на пути формирования «подлинно социалистического», почти что даже коммунистического, города.

Микрорайон нес в себе и важные политико-социальные функции. Предполагалось, что он будет поддерживать у граждан чувства общности и коллективизма (одновременно, с начала 1960-х гг. в столицах и крупных городах было запрещено строительство частного жилья). В действительности их заменили чувства замкнутости и отчуждения: номенклатура не стремилась к дружбе с соседями, да и старалась обосноваться не в новых микрорайонах, застроенных хрущевками, а в гораздо более комфортабельных «сталинках». Рабочие же были более склонны, как показали исследования, общаться не с соседями, а с родственниками.

Массовая застройка микрорайонов осуществлялась при дефиците строительных материалов, низкой эффективности строительных технологий и эксплуатации зданий. Главной задачей было удешевление каждого квадратного метра жилья, что достигалось в том числе и за счет максимального однообразия и компактности застройки – уровень автомобилизации и развития транспортной инфраструктуры оставался крайне низким.

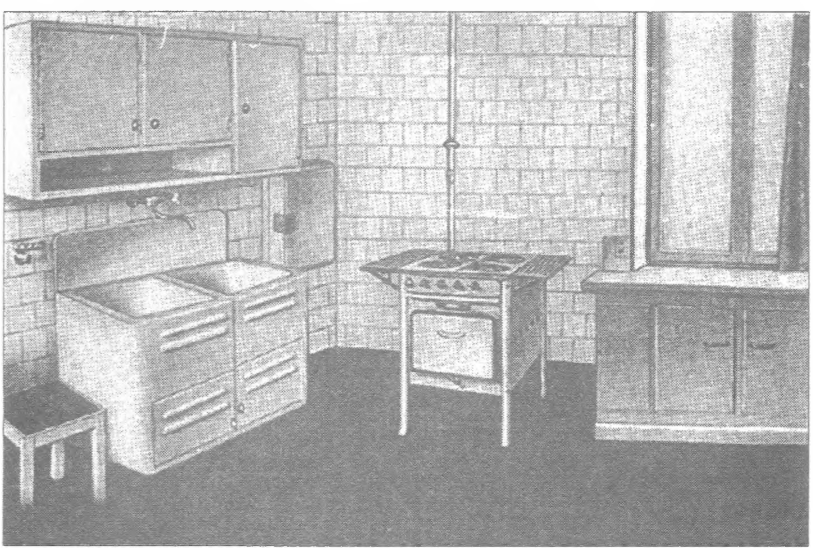
Социалистическая мечта сбылась: отныне большинство

Репродукция картины Ю.Пименова «Свадьба на завтрашней улице». 1962

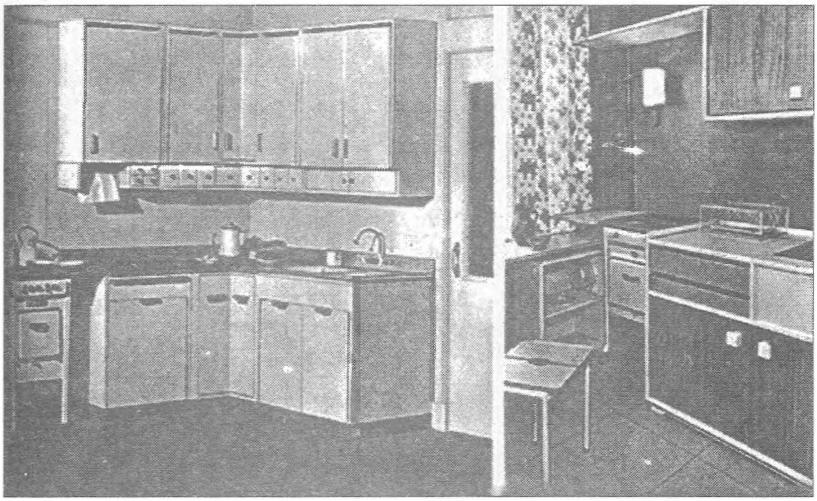


Образцовая спальня 1960-х годов. Из «Энциклопедии домашнего хозяйства» (Москва, 1969)

населения стало проживать в отдельных квартирах. Городской жилой фонд Казани возрос в период с 1955 по 1964 гг. на 80%. Свои жилищные условия улучшил каждый четвертый горожанин. Но проживали эти люди в уродливых тяжеловесных домах – «коробках» примитивной конструкции и дизайна, с 5-метровыми кухнями, 1,5-метровыми прихожими и совмещенными крошечными санузлами, с маленькими смежными комнатами и низкими потолками. Это строительство нанесло массовый ущерб старинному городскому ландшафту, ибо входе «реконструкции» старых городов варварски уничтожались дома, улицы и даже целые кварталы старинной



Образцовая кухня начала 1950-х годов. Из «Книги о вкусной и здоровой пище» (Москва, 1953)



Образцовая кухня 1960-х годов. Из «Энциклопедии домашнего хозяйства» (Москва, 1969)

городской застройки. Хрущевская жилищная кампания подняла невиданную прежде волну антиэстетизма, которую архитекторы уже нескольких поколений обвиняют в том, что она принизила роль и значение их профессии.

Произошло перемещение населения в новые районы. Это, безусловно, была общероссийская тенденция, но в Казани она приобрела невиданно высокие темпы и размах. Особенно активно по-прежнему развивался Ленинский район города – социалистическое детище, значительно превышающий по площади и количеству населения другие городские районы. Именно сюда, в Соцгород, от пл. Куйбышева в 1948 г. протянулась первая в Казани троллейбусная линия. Между тем транспортная проблема традиционно оставалась для Казани очень актуальной. Очевидец вспоминает: «А что насчет транспорта, я, когда поступил в 1956 году в КХТИ, то тогда существовал трамвай деревянный, все люди садились на него на ходу, остановок, как таковых, не было. Зимой, в морозы, водитель сидел в тулупе», – трамваи не обогревались. И далее: «Я тогда жил в Соцгороде, и, чтобы доехать до института, я выходил в 5 часов утра»[1]. И в 1960-е гг. транспортная проблема оставалась неразрешенной: «Транспорта в 1960-е годы было

[1]Интервью с Александром Михайловичем Спириным, 1936 г. рождения. Архив авторов.

Карикатура на плохую работу общественного транспорта в Казани. Журнал «Чаян», 1954 год

У грузовика. 1949 год. Фото из частного архива

так мало, что иногда спокойно можно было ходить по проезжей части, не опасаясь быть сбитым какой-нибудь машиной. Много на улицах было лошадей с тележками, велосипедистов»[1].

Несмотря на значительные объемы строительства, осуществляемые в новых районах, и в 1950-е, и даже в 1960-е гг. различия между центром и окраинами Казани, по свидетельству современников, были просто огромными: центром по-прежнему считались «Кольцо» и ул. Баумана, на окраинах же были «плохонькие домишки»[2]. «В начале 1960-х годов район компрессорного завода представлял из себя пустырь, а вместо нынешней Советской площади были мелкие овраги и непролазная грязь»[3]. Отличала окраины и сравнительная малочисленность магазинов: все крупные магазины в Казани традиционно располагались в центре[4].

Одновременно в конце 1940-х-1960-е гг. продолжалась и

[1]Интервью с Равилем Усмановичем Амирхановым, 1946 г. рождения. Архив авторов.

[2]Интервью с Клавдией Григорьевной Шадриной, 1923 г. рождения. Архив авторов.

[3]Интервью с Равилем Усмановичем Амирхановым.

[4]Интервью с Таисией Филипповной Слюняевой, 1935 г. рождения. Архив авторов.

Площадь Свободы. 1960-е годы. Фото из частного архива

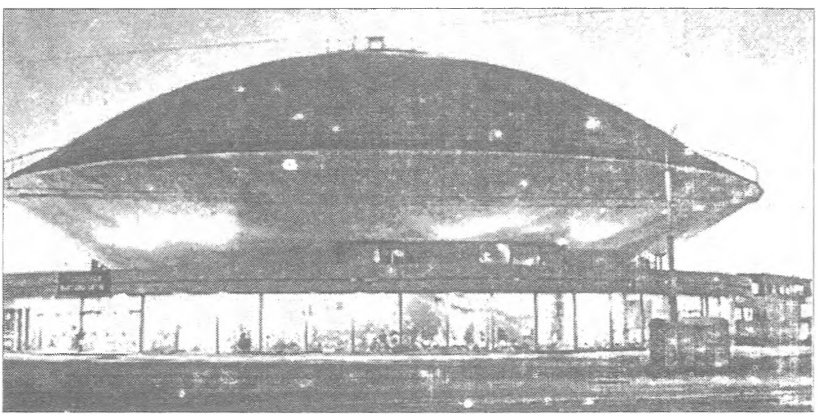
маркировка территории, находящейся под контролем коммунистической идеологии. Этой цели служили новые памятники, памятные доски, барельефы и панно, установленные на улицах, площадях и в скверах Казани.

Как важнейший элемент коммунистического ландшафта было обустроено советское политическое пространство с наиболее значимыми сакральными функциями. Таковым, безусловно, стала площадь Свободы. По словам современника, «до войны эта площадь была очень неказиста. С одной ее стороны – беспорядок стройки с кучами строительного материала и мусора. На противоположной стороне, там, где сейчас здание Госсовета, стояло невзрачное промышленное сооружение. Когда-то там была городская электростанция, а затем размещался завод «Пишмаш», первый отечественный завод, выпускавший пишущие машинки «Магариф». В сторону Кремля тянулось серое двухэтажное здание Юридического института, позже переданное авиационному. Впоследствии его надстроили и облагородили фасад. Единственное не только приличное, а даже красивое здание на площади в первые послевоенные годы – это Дом офицеров, бывшее Дворянское собрание»[4]. В 1954 г. на этой центральной площади города был установлен памятник Ленину и размещены трибуны, где находились высшие руководители

[4] ***Наумов В.*** Три Казани // Казань. 1998. №9-10 С 45

Площадь Свободы. 1970-е годы. Открытка

республики во время парадов и демонстраций. (До установки памятника на «Площади», как и сегодня ее называют в обиходе, всегда устраивалась большая елка, украшавшаяся деревянными игрушками и щедро иллюминированная). А в глубине площади был заложен 10-этажный Дом Советов, которому надлежало стать самым высоким зданием в Казани. Спланированный в стиле сталинской монументалистики, этот символ новой жизни должен был вознестись вместе со шпилем на высоту 85 метров. В конечном итоге здание было построено в стиле хрущевского минимализма

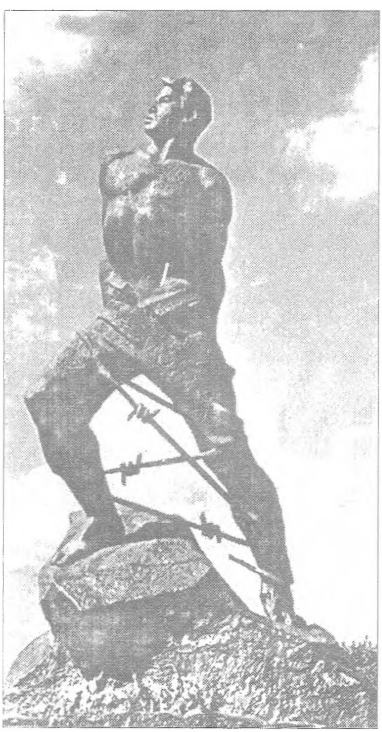


Казанский цирк. 1970-е годы. Открытка

и получилось только 6-этажным, но свои знаковые функции при этом не потеряло.

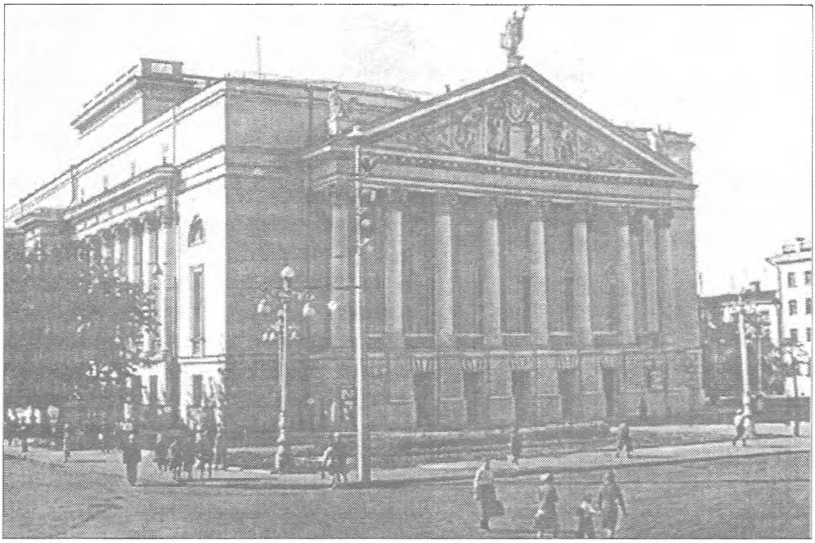
Ленинская символика приобрела в этот период особую популярность и значимость. Так, здание аэровокзала внутри было украшено многочисленными панно с изображением эпизодов из казанского периода жизни Ленина. В 1954 г. перед главным зданием Казанского университета появился памятник юному студенту В.Ульянову. У входа в университет располагалась памятная доска с текстом: «Здесь учился Владимир Ильич Ульянов-Ленин в 1887 году». Кварцитовый пьедестал памятника Ленину, установленного на площади Свободы, был украшен бронзовым барельефом с изображением университетской сходки 1887 г.

В 1949 г. на гранитных пьедесталах воздвигаются бронзовые бюсты К.Маркса (на ул. Свердлова), А. М. Горького (в Лецском саду), С.М.Кирова (перед главным корпусом химико-технологического института), в 1950 – в Адмиралтейской слободе в сквере по ул. К.Цеткин – уроженцу Казани, дважды Герою Советского Союза Н.Г.Столярову, в 1960-е гг. – памятник руководителю октябрьского вооруженного восстания в Казани Н.Ершову, памятник героям, погибшим за советскую власть, с вечным огнем, памятник поэту-герою М.Джалилю.



Памятник Мусе Джалилю на площади 1 Мая. Открытка

Структуру иерархии городской провинциальной культуры 1950-х гг. дополнял тот факт, что некоторые значительные сооружения этого периода были построены руками пленных – бывших врагов. Современница вспоминает: «Помню строительство оперного театра (площадь Свободы). Его строили пленные немцы после 1945 г. Это место было обнесено высоким забором. Пленных было очень много, плохо одетых и худых. И вот мы, дети, жившие рядом, очень часто ходили на эту стройку. Через проделанные дырки



Оперный театр в Казани. 1960-е годы. Открытка

в заборе общались с ними, по-своему понимая друг друга, давали им корочки хлеба, хоть и сами были полуголодные»[1]. Руками пленных немцев, по свидетельству другой современницы, был построен и «огромный серый дом на Павлюхина»[2]. Пленные ремонтировали также городские тротуары. Это было очередное разграничение сфер существования: идеальный мир и жалкий антимир, отданный, тем не менее, на службу высокой идее.

***

Подведем некоторые итоги.

Исследование показало, что становление Казани как социалистического города, начатое большевиками вскоре после Октября 1917 г., закончилось лишь к 1960-м гг.. Процесс этот носил неравномерный и непоследовательный характер. Известно, что историки подчас именуют первые десятилетия советской истории «обществом зыбучего песка», когда все приходило в движение, когда политика государства была противоречива и хаотична, когда постоянно менялись представления о нормах и ценностях повседневной жизни, когда резко возросла социальная

[1]Интервью с Таисией Филипповной Слюняевой.

[2]Интервью с Раисой Михайловной Цыбулиной, 1927 г. рождения. Архив авторов.

и политическая мобильность[1], когда советское политическое пространство обновлялось с потрясающей энергией. Нам кажется, что такая «неустойчивость» и «зыбучесть» в жизни российской провинции имела место и в последующем, по крайней мере, вплоть до середины 1960-х гг. Наступившая затем стагнация затормозила многие из предшествующих процессов, что, в общем-то, не стоит расценивать как благо: сотканная из противоречий созидательно-разрушительная культура предшествующего периода оказалась на поверку гораздо более плодотворной, и уж наверняка гораздо более интересной, нежели ее однообразно-скучное и бледное продолжение.

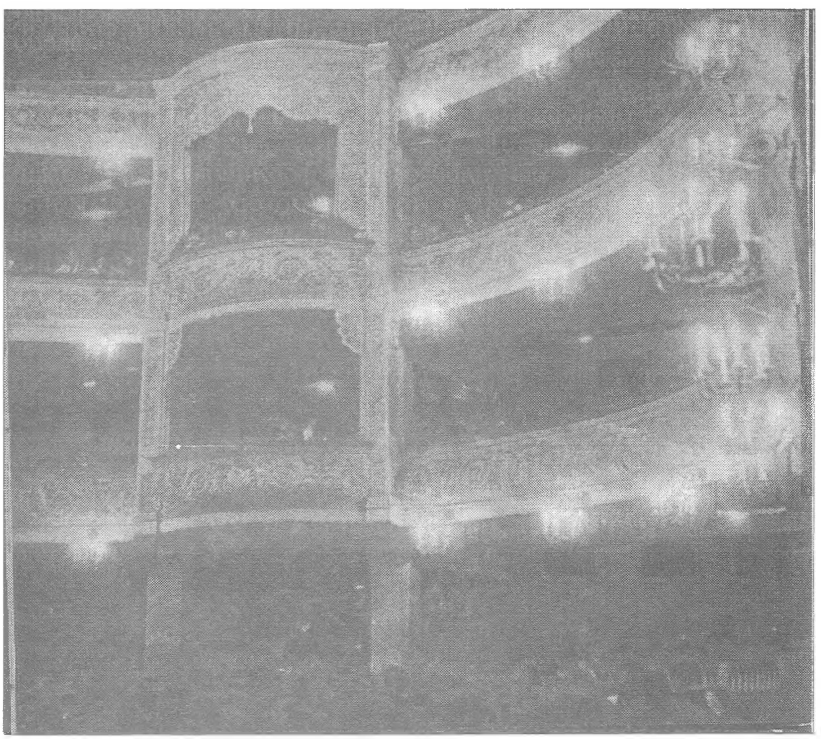
Провинция, географически и символически отстоящая от центра, вписываясь в общую тенденцию трансформаций 1920-1960-х гг., вносила в эти процессы много «своего», сугубо специфичного, что неизменно сказывалось на полученных результатах. Заметим, однако, что если примеры «запаздывания» в реализации команд, прозвучавших сверху, были довольно многочисленны, то образцы откровенного противоборства и противостояния этим решениям едва ли можно обнаружить. Все делалось по мановению могучей властвующей руки центра – торопливо, суетливо, поспешно. Пусть это были иногда лишь жалкие пародии на «великие проекты» Москвы (типа казанского Дворца Советов), но ведь они были!

На изменение социально-пространственной структуры и культурно-символического значения города в 1920-1960-е гг. влияли многие процессы: становление и распространение новых типов частного жилищного пространства, «коммунализация» жилья; попытки перестройки и реконструкции Казани в соответствии с новыми большевистскими идеалами, изменение ее архитектурного облика; реструктурирование городского ландшафта, попытки преодоления различий между центром и окраинами путем насаждения городской полицентричности; смена семантико-семиотического кода города и осуществление коммунистической маркировки городского пространства; попытки достижения идеологически корректного баланса между национальным и интернациональным. В политике развития Казани от губернской к социалистической отчетливо прослеживался отход от провозглашенных изначально принципов равенства в пространстве к принципу «иерархии пространств», связанному с новой «иерархией людей» (В.Паперный).

[1] ***Герасимова К., Чуйкина С.*** От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: Изменение социально-пространственной структуры города в 1930-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни.

Этот принцип нашел свое наиболее яркое проявление в проводимой в годы советской власти жилищной политике.

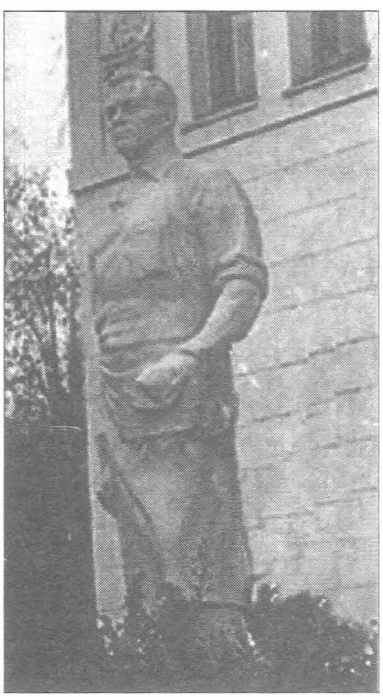
Пространственная городская символика также использовалась для подкрепления складывавшейся структуры общества. Пространство могло быть при этом организовано как по горизонтали, так и по вертикали, для обозначения лидеров (трибуна) или путем создания скульптур; пространство для торжественных манифестаций по случаю празднования новых памятных дат также трансформировалось соответствующим образом (транспаранты, портреты, знамена и т.д.), обретая сакральный характер. Немалую роль играло и лингвистическое освоение городского локуса, включавшее переименование наиболее значимых объектов и территорий – улиц, площадей, парков – и трансформацию архитектурной и скульптурной характеристики города.



В оперном театре. 1970-е годы. Из альбома «Казань в фотографиях» (Казань, 1970)

Во всей этой преобразующей градостроительной политике было много игры, но игры не в чистом ее виде, а так называемой «игры наоборот», которую Й.Хейзинга назвал опасным для культуры «пуерилизмом». Худшим видом такой официальной «порчи игры» являлся официальный пуерилизм, к которому как раз и прибегали большевики, – суррогат, сознательно маскирующий свою антиигровую сущность видимостью элементов игры (пример: попытки заново окрестить прежние топонимы именами святых нового коммунистического календаря или стремление заменить изображения прежних культовых фигур изображениями новых вождей и героев).

Несмотря на то, что политика развития городского локуса проводилась «сверху», полученные к концу 1960-х гг. результаты были следствием ее взаимодействия с исторически сложившимся местным культурным ландшафтом, а также с повседневными практиками горожан. В целом, социалистический проект реконструкции Казани так до конца осуществлен и не был, и она так и не стала тем идеальным городом социалистического «завтра», о котором так мечтали и



Знаковые советские скульптуры на Казанской ВДНХ. Середина 1970-х годов. Фото из частного архива

на создание которого так надеялись большевики. Предпринятые усилия, однако, принесли определенные результаты: например, некоторые вновь возникшие городские районы (Ленинский – ныне Московский и Ново-Савиновский районы) по своему благоустройству и качеству жилья вполне могли конкурировать с центром. Увеличилось количество татарского населения, в основном за счет выходцев из деревни. Оно существенно трансформировало городскую среду как за счет элементов сельского образа жизни, так и за счет «татарского» уклада. Однако, несмотря на все отличия и специфику, горожанин в новой политической ситуации вынужден был подчиняться поведенческим стереотипам, навязанным ему новым культурным пространством, он превращался в часть общей массы, охваченной единым ритуалом.

Образ старинной Казани – города аристократических особняков, классических учебных и присутственных зданий, тенистых садов и парков, шумных и людных татарских базаров – постепенно тускнел и размывался. На смену ему шла Казань социалистическая – город коммуналок и новых рабочих районов, крупных промышленных предприятий и вузов, студентов-рабфаковцев и молодых производственников. Ни той, ни другой Казани практически сегодня уже нет, лишь мимолетные отблески ее иногда промелькнут перед нами. Но пока эти уходящие образы живы в нашей памяти, мы можем повернуть время вспять...

Глава 7.

Культура потребления в XX веке

Культура потребления горожанина складывается из многих составляющих – структуры и качества питания, потребления алкоголя и культуры пития, обеспеченности промышленными товарами, представлений о моде и многого другого. Конец XIX – начало XX вв. характеризовались формированием в России потребительского общества. Все большему числу горожан самых разных слоев становились доступны услуги и товары, которые предлагали бурно развивавшаяся промышленность и торговля, предприятия сервиса.

Однако войны и драматические политические события ушедшего века негативно отразились на специфике формирования потребительского общества в России. Оно происходило неровно. Качество жизни горожанина отличалось неустойчивостью, напрямую сопрягалось с теми событиями, которые происходили в стране, с экспериментами центральной и местных властей в сфере производства и распределения.

Формирование потребительского общества в начале XX столетия

К началу XX века население Казани и ее пригородов составляло примерно 130 тысяч человек[1]. Большинству казанцев в начале века блага цивилизации были еще мало доступны. Хотя уже в 1874 г. в городе был построен первый водопровод, в 1888 г. заработала первая телефонная станция, с 1874 г. отдельные улицы Казани щеголяли газовым, а с 1897 г. – и электрическим освещением, а в 1899 г. по улицам города пошел первый трамвай[2]. Но все эти новшества были доступны только жителям центра города, в большинстве своем достаточно состоятельным людям. Даже в таком, казалось бы, демократичном виде

[1]Без жителей пригородов число казанцев составляло 110 тысяч человек. См.: Население города Казани. 1863-1923 гг. Казань, 1923. С. 1.

[2]Молодость древнего города. Казань, 1978. С. 35-36.

городского транспорта, как трамвай, существовало «ненавязчивое» разделение пассажиров по их «состоятельности»: маленькие вагоны с жесткими скамейками посередине разделяла перегородка – билет в передней части вагона стоил пять копеек, а в задней – три. Однако трамвайных линий было мало. Большую роль тогда в Казани играл конный транспорт – извозчики и барабусы[1]. Барабус представлял собой особый местный вид сезонного транспорта. Его название произошло от татарского слова «барабыз» – «поедем»: извозчики на дровнях – чаще всего татарские крестьяне из близлежащих деревень, приезжавшие на заработки, – так зазывали клиентов. Барабусы придавали губернскому городу – даже его центру – определенный «сельский» налет.

Питание горожанина в начале века выгодно отличалось от рациона сельского жителя. В рационе горожанина было намного больше мясных и молочных продуктов, масла, яиц, сахара[2]. Казанцы охотней всего раскупали говядину, дешевую мороженую, а также соленую, сушеную, копченую, куреную рыбу[3].

Однако существовали ощутимые различия в ежедневном «меню» различных социальных и национальных групп горожан. Так, в рационе городского рабочего начала века содержание полноценной белковой пищи – мяса, масла, молока, яиц – было намного ниже, чем в рационе средних городских слоев и «элиты». Зато в нем было излишне много углеводов – прежде всего, хлеба[4]. Средние же слои населения города, в частности, провинциальная интеллигенция, как правило, не испытывали недостатка в питании. Но это не касалось, например, студенчества. Так, в 1907 г. более 67% студентов Казанского университета питалось в столовой Общества вспомоществования недостаточным студентам менее чем на 15-25 копеек в день, а питание некоторых студентов вообще ограничивалось двухразовым чаепитием с хлебом и маслом или колбасой[5].

Питание национально-конфессиональных групп горожан отличала своя специфика. В традиционном рационе питания

---

[1] ***Адо В.И.*** Вспоминая о прошлом... Записки русского интеллигента XX века // Казань. 2000. № 7. С. 48.

[2] ***Биншток В.И., Каминский Л.С.*** Народное питание и народное здравие. М.-Л., 1929. С. 21.

[3] ***Свердлова Л.М.*** На перекрестке торговых путей. Казань, 1991. С. 96-98, 102-103.

[4] ***Биншток В.И., Каминский Л.С.*** Указ. соч. С. 18, 20; ***Победоносцев И.Ф.*** Питание населения ТР. По данным ТСУ за 1921-1927 гг. Казань, 1927. С. 7.

[5] ***Смыков Ю.И., Шишкин В.И.*** Последние годы под двуглавым орлом. 1901-1917 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 144-145.

татарского городского населения (так же, впрочем, как и сельского) значительное место занимали продукты из муки и крупы – пироги и другая разнообразная выпечка, особенно в сочетании с мясной начинкой, хлеб. Очень богат и разнообразен в традиционной кухне был выбор молочных продуктов, охотно употреблялись и яйца. Важное место в питании занимало вареное, соленое и вяленое мясо – баранина, говядина, конина, но не свинина, – и субпродукты. Весьма популярными продуктами в меню татарина был и мед, рис, сухофрукты. Как в селе, так и в городе из овощей в основном употребляли картофель, морковь, репу, редьку, хрен, лук, свеклу, тыкву и намного меньше, чем русские, – капусту и огурцы. Татарское население, в отличие от русского, практически не употребляло в пищу грибов, некоторые сорта рыб, например, налима, – рыбы татары вообще ели очень мало. На столе в татарской семье стояла в основном вареная или печеная пища. Самым популярным, излюбленным напитком был очень горячий, крепкий чай, который пили помногу. По свидетельству немецкого ученого XIX в., врача и этнографа, преподававшего в Казанском

Состоятельная татарская семья. Конец XIX века. Фото из частного архива

Состоятельная русская семья. Начало XX века. Фото из частного архива

университете, профессора К.Ф.Фукса, ему доводилось пить в гостях у татар до 25-ти чашек чая! «Десять чашек чая пьем, лошадке корм даем, потом как следует пьем», – шутили казанцы. К чаепитию на стол ставили каймак, густые сливки, мед, пастилу, лепешки, изюм, урюк, чернослив, орехи. Пили и айран – разбавленный водой катык, варили домашнее пиво (сыра)[1].

Так же, как и основная масса населения средней полосы России[2], казанцы, по мере возможности, питались три-четыре раза в день: утром – завтрак, обед между 13-15 часами, в 16-17 часов – чай, в 20-21 час – ужин. Но распорядок приема пищи и разнообразие кушаний определялись родом занятий казанца – работал ли он дома или вне дома, и насколько далеко, – и доходами семьи. В праздники – а большинство их составляли религиозные праздники – полагался

[1] ***Мухамедова Р.Г.*** Пища и домашняя утварь // Татары. М., 2001. С. 316-326.

[2] ***Анохина Л.А., Шмелева М.Н.*** Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем (на примере городов Калуга, Елец, Ефремов). М., 1977. С. 159.

особый стол К примеру, православные казанцы на Масленицу ели блины с самой разнообразной начинкой На Пасху полагалось есть куличи, творожную пасху, пироги, окорока, крашеные яйца[1].

Праздничный и повседневный стол казанца нередко «украшался» спиртными напитками, занимавшими значимое место в структуре потребления Казанские жители называли водку «вараксинской влагой» – по имени купцов Вараксиных, продававших эту самую влагу Другие говорящие прозвища, которыми казанцы награждали водку, свидетельствовали не только о ее качестве («пожиже воды», «французская 14-й класс»), но и о распространенности этой алкогольной продукции среди горожан, а также о сопряженных с пристрастием к ней семейных трагедиях – «сиротская слеза», «горемычная», «чем я тебя огорчила»[2] Пьянство было довольно распространено, например, среди фабрично-заводского населения Казани Нередки были случаи, когда рабочие пропивали всю получку, одежду, крали вещи у своей собственной семьи.

В 1894-1902 гг в России ввели государственную монополию на производство и продажу водки. Водочные лавки назывались «казенки». на них красовалась вывеска «Казенная винная лавка» с двуглавым орлом Они располагались в основном на тихих улицах, подальше от церквей и учебных заведений Бутылка водки с «белой головкой» (очищенная) стоила 60 копеек, с «красной головкой» – 40 копеек. В продаже были бутылки емкостью в четверть ведра, прозванные в народе «четверкой», полбутылки – сороковая часть ведра («сороковка»), сотая часть ведра («сотка») и двухсотая часть ведра («мерзавчик»)[3] В Казанской губернии потребление водки всегда было ниже, чем по России[4] Казанская губерния находилась по потреблению алкоголя на 51-м месте среди губерний империи Во многом это было связано с тем, что 32,6% населения губернии составляли мусульмане, среди которых пьянство, во многом в связи с религиозными запретами, было минимально – в восемь раз ниже, чем, например, среди русского населения Однако в городе алкоголя употребляли вдвое больше, чем в деревне[5] В городе алкоголь чаще

[1] *Адо В.* Вспоминая о прошлом (Записки русского интеллигента XX века) // Казань 2000 № 7 С 41, 43, 47

[2] *Свердлова Л.М.* Указ соч С 85

[3] *Бушков Р.* Казанская водка // Казань 1998 № 9-10 С 128

[4] Так, в 1913 г оно составило 0,48 ведра на душу в год, в то время как по России оно было 0,63 ведра См Год трезвости в Казанской губернии Казань, 1916 С 8-10

[5] Год трезвости в Казанской губернии С 10, 17-19, 24

употребляли и представители татарского населения, особенно фабрично-заводские рабочие и ремесленники. Хотя среди богатой татарской молодежи более популярным было пиво[1]

Купеческая семья Начало XX века
Фото из частного архива

Разнообразие ежедневного и праздничного стола казанца определялось его доходами А они были весьма различны. Средний годовой заработок рабочего в Казанской губернии составлял в 1913 г. 201 рубль – на 64 руб. меньше, чем по России. Заработки казанских рабочих во многом зависели от предприятия, а также от пола и возраста, квалификации рабочего К примеру, рабочий-мужчина на заводах Алафузова получал в 1913 г 58 коп , женщина-работница – 40 коп., подросток – 30 коп , ребенок – 20 коп в день В шубных мастерских Шабанова хороший рабочий мог получать до 2 руб. в день, но рабочий день там длился до 18 часов[2]. Разнились и зарплаты служащих. Так, в начале XX века учитель начальных классов в гимназии получал 150-240 руб в год, почтово-телеграфный служащий – 180-400 руб , служащий банка – 400-600 руб , врач – 1200 руб , инженер – 1900 руб , а профессор университета – 3-4 тысячи руб в год[3]

Соответственно, казанцы с разными доходами покупали продукты питания и товары в разных местах. Продукты и товары в крупных магазинах (каковым являлись, например, Александровский Пассаж – своеобразный «универмаг» того времени, Черноярovский пассаж) покупали в основном люди богатые. Их в Казани было немало, в том числе среди татарского населения Так, поэт Габдулла Тукай вспоминал, что в пору его раннего детства (конец XIX века) его приемная мать, шившая каляпуши (головные уборы) для баев – татарских богачей Ново-Татарской слободы, брала его с собой в байские дома, где будущий поэт «с любопытством рассматривал

[1] *Свердлова Л.М.* Указ соч С 86

[2] *Калинин Н.Ф.* Казань. Исторический очерк Изд-е 2-е Казань, 1955 С 167-168

[3] *Недорезов В.* Старое житье // Татарстан Казань, 1993 № 4 С 62-63

Молодожены. Начало XX века. Фото из частного архива

Семья чиновника. 1910-е годы. Фото из частного архива

красивую обстановку байского дома: бьющие, как церковные колокола, часы, огромные, от самого пола до потолка, зеркала и громадные, с сундук величиной, органы», а в одном байском доме по двору разгуливал павлин[1]. Люди состоятельные и были основными клиентами крупных магазинов. Редко – накануне праздников и в дни распродаж – здесь появлялась публика попроще.

Средний класс, в том числе интеллигенция, в основном покупал продукты питания и товары в гастрономических и специализированных магазинах городского центра. Их отличало изобилие самого различного товара. Например, в так называемом афанасьевском (по фамилии владельца) гастрономическом магазине на пересечении улиц Ново-Горшечной (ныне Бутлерова) и Ново-Комиссариатской (ныне – Муштари) воображение покупателя поражали «колбасы разных сортов, окорока, сыры круглые и квадратные в обертках разных расцветок, торты, пряники, конфеты в коробках и развесные, пирамиды колотого сахара, сахар пиленый, сахарный песок в мешках, всякие крупы, мука разных сортов, специи – все это лежало на прилавках, на полках, стояло на полу, свисало со стен», а также – «продавались детские шоколадные

[1] *Тукай Г.* Избранное. В 2-х т. Т. 2. Казань, 1961. С. 185.

плитки, упакованные в красивые обертки с рисунками, а иногда даже с фигурками из бумаги». Рядом находилась пекарня Гурьянова, в которой выпекали круглые караваи ситного и ржаного хлеба, аппетитный запах печеностей дразнил обоняние проходивших мимо прохожих. Мемуарист, историк В.И.Адо подчеркивал, что в их семье – семье провинциальных интеллигентов – к столу подавали ржаной хлеб и французские булки, которые покупались в булочной Кашеварова, а к ситному хлебу относились несколько пренебрежительно, свысока[1].

Небогатые горожане и жители городских окраин в основном делали покупки в мелочных лавках – специализированных (фруктовая, овощная, колбасная, мясная, крендельная, булочная и т.д.) и неспециализированных («торговля бакалейными[2] и хлебными товарами») – и небольших магазинах недалеко от своего дома. Кроме того, они широко пользовались услугами и расносчиков, продававших хлеб, молоко, воду и прочее.

Большую роль в снабжении населения, особенно малоимущего, продуктами и товарами играли рынки, торговые ряды. Здесь же отправившиеся за провизией или просто поглазеть горожане угощались пирожками и квасом в «обжорных» рядах. Какую только рыбу ни продавали на Рыбном базаре (нынешняя площадь Тукая и ул. Пушкина)! Здесь же находился и главный мясной торг города. На базаре на Николаевской площади (на месте нынешнего Ленинского садика) торговали дровами, летом и осенью – ягодами и фруктами, а к Рождеству – елками. В зеленных рядах Николаевского и Рыбного базаров продавали овощи. Хлеб и муку покупали на Старом Хлебном рынке (в районе сегодняшнего Дома печати) и на Мочальной площади (сегодня – ул. Ухтомского, в конце XIX – начале XX веков это был район городских ночлежек, «логовища Мокрых улиц», казанские трущобы со своим особым криминальным миром – профессиональными жуликами, мошенниками, нищими, проститутками и прочими обитателями городского дна). На Сенном базаре (перекресток современных улиц Московской и Парижской Коммуны), особенно популярном в среде горожан-татар, продавали тарантасы, лошадей и скот, посуду и предметы домашнего обихода, хлеб, муку, овес, сено и многое другое. Свой товар предлагали старьевщики. Спецификой Сенного базара было наличие татарских рядов. Здесь продавали и изделия татарских мастериц – тюбетейки,

[1] *Адо В.* Вспоминая о прошлом... (Записки русского интеллигента XX века) // Казань. 2000. № 7. С. 41, 43, 47.

[2] Бакалея — сухие съестные товары — чай, кофе, сахар, крупа, мука, перец и т.д.

ичиги, женские калфаки. Здесь торговали «настоящим казанским мылом», предлагался бакалейный, галантерейный, мануфактурный, кожевенный, меховой товар. Одним из самых запущенных городских рынков был базар в Суконной слободе, здесь же, в слободе, действовали большинство из нескольких десятков официально разрешенных публичных домов, легко узнававшиеся по красным фонарям у входа и красным занавескам на окнах. Очень популярен был вещевой рынок – «Сорочка», располагавшийся тогда рядом с сегодняшним Театром кукол[1].

В структуре питания казанцев начала века были популярны и домашние заготовки продуктов. Впрочем, их делали в основном семьи с достатком не ниже среднего, семьям с низкими доходами заготовки на зиму были чаще всего недоступны. Во время дачного сезона, а дачу снимали, как правило, на целое лето, – хозяйки занимались варкой варенья из ягод, которые собирали сами, а также покупали у «ягодниц» (сборщиц ягод) и у деревенских садоводов. Сваренное варенье в высоких стеклянных банках перевозили в город, и зимой с вареньем пили чай из самовара. Из ягод заготавливали также самодельные наливки. Когда наступала грибная страда, семьи дачников собирали грибы, их обрабатывали, жарили, сушили, солили, мариновали.

Дачники в те годы не испытывали трудностей со снабжением. Часть продуктов – молоко, масло, сметану и творог, яйца – они покупали у деревенских жителей (правда, иногда дачники сами заводили кур и петуха, чтобы они все лето обеспечивали их яйцами). Большую роль в обеспечении дачников продуктами играла «подвижная торговая обслуга» – булочник, появлявшийся каждое утро с большой корзиной за спиной, заполненной свежими французскими булками и другой выпечкой, зеленщик, приносивший укроп, цветную капусту, зеленый лук, щавель, перец, а иногда даже привозивший на телегах арбузы и дыни. Дачникам доставляли не только продукты, но даже промтовары: мемуарист вспоминал, что китайцы привозили чесучу – чрезвычайно популярную тогда костюмную ткань[2].

Бытовое обслуживание того времени вообще строилось на частной основе. К примеру, до 1917 г. только три процента швейных изделий изготавливались в сфере промышленного производства[3]. Мемуарист вспоминал, что одежда в начале века заказывалась частным портным, стриглись в частных парикмахерских и так далее.

---

[1] *Свердлова Л.М.* Указ.соч. С. 82-83, 88-92, 106-113, 115, 120-121, 127-128.

[2] *Адо В.* Указ. соч. С. 49-53.

[3] *Стриженова Т.К.* Из истории советского костюма. М., 1972. С. 10.

Только обувь покупали в магазинах, но ремонтировали ее опять-таки у частников. Весьма популярна в городе была «бродячая» форма обслуживания, очень облегчавшая жизнь хозяек: по улицам ходили стекольщики, лудильщики, точильщики, угольщики, старьевщики и предлагали свои услуги. Белье в состоятельных семьях стирали приходящие прачки, квартиру убирали горничные, натирали полы и топили печи швейцары. Канализации в городе как таковой не было, поэтому выгребные ямы вычищались ассенизаторами вручную.

В одежде и внешнем виде провинциалы подражали столичным жителям, а низшие городские слои – высшим. В первые годы XX века в женской моде все еще царил корсет: талию утягивали до 43 сантиментов! Дамы-модницы подкладывали сзади под юбки специальные подушечки, увеличивающие формы. Эту тяжесть уравновешивали огромные сдвинутые вперед шляпы. Появились такие нововведения, как специальное дамское белье из батиста и шелка, шелковые с вышивкой ажурные чулки. «Приличная» дама начала века не выходила на летнюю прогулку без зонтика: даже легкий загар считался недопустимым. В борьбе за белую «аристократическую» кожу модницы широко использовали отбеливающие кремы на основе мышьяка и свинца, белую рисовую пудру, некоторые даже подрисовывали синим карандашом голубые жилки на висках и шее! Красивыми в те годы считались кудрявые волосы, поэтому дамы вооружались щипцами для завивки и металлическими бигуди, зато крашеные волосы осуждались. В начале века популярными и в столице, и в провинции были духи с цветочными запахами – лаванды, фиалки, сирени. Местные торговцы, например, казанский торговый дом «Кешнер и К°», учитывая наличие татарского мусульманского потребителя, рекламировал духи с «подходящими» названиями –

Дореволюционная карикатура на «злобную модницу». Открытка

Татарская семья. 1910-е годы. Фото из частного архива

Татарская семья в своем доме. 1912 год. Фото из частного архива

Татарская княгиня. Конец XIX века. Фото из частного архива

«Букет персидского шаха» и «Букет пророка»[1]. Разумеется, многие нововведения были скорее характерны для столиц, но заинтересованные провинциалки старательно пытались перенимать их, поэтому отдельные отголоски «писков» моды докатывались и до провинции.

Если «революция» в мужском костюме свершилась в конце XIX века, то 1910-е гг. ознаменовались «революцией» в дамской моде – зародились ее новые стилевые особенности. Одежда становится более функциональной, демократичной и практичной. Искусственные формы (корсет) исчезают, юбки укорачиваются, появляются свободные блузы. В среде интеллигенции приобретает популярность так называемый «народный» стиль: холщовые блузы свободного покроя – «толстовки» (в подражание Л.Н.Толстому), рабочие косоворотки и так далее. Курсистки и учительницы облачаются в строгие темные платья с белым воротничком. Характерная одежда рабочих того времени – черные сатиновые косоворотки, пиджак, картузы с маленьким козырьком, заправленные в сапоги брюки. Городские русские работницы сохраняли в одежде узнаваемые приметы деревенского облика – носили яркие платки и шали с бахромой, пестрые ситцевые кофточки с баской, плотно обтягивавшие фигуру, гладко зачесывали волосы, стягивая их в узел на затылке. Наиболее популярный выходной костюм городских средних слоев тех лет – костюм-тройка. Интересно, что если многие интеллигенты практиковали в одежде «народный» стиль, то рабочие старательно подражали в костюме средним слоям – обзаводились костюмом-тройкой с галстуком, рубашкой-«фантазией» с крахмальной манишкой и манжетами, котелком или шляпой, штиблетами, в которые облачались в праздники и выходные дни. Своеобразием отличалась и одежда русского купечества, соединявшая элементы традиционного народного костюма с элементами нового пролетарского: поддевка, кафтан – и сапоги, фуражка, косоворотка. Зимой мужчины носили пальто, шубы, шапки «пирожком» из смушки, женщины – жакеты, шубки, меховые шапочки[2]. Татарское население Казани во многом также сохраняло приверженность традиционному национальному костюму. Мужчины носили штаны и рубахи, а сверху – камзолы, подпоясанные поясом, казакины и бишметы (род демисезонной одежды), на голове – тюбетейки-каляпуш. Женщины одевали

[1] ***Благов Ю.А.*** Кешнер и К°. Казань, 2001. С. 13.

[2] ***Стриженова Т.К.*** Указ. соч. С. 11, 12; ***Анохина Л.А., Шмелева М.Н.*** Указ. соч. С. 178-180.

длинную рубаху и нагрудник (кукрэкче), штаны, узорчатые передники, камзолы, а в холодное время года также – бишметы и шубы, на голове городские татарки носили маленькие калфаки, часто – платок. Обувалось татарское население преимущественно в сапоги (женщины носили красивые узорчатые сапоги из кожи разных цветов), галоши, зимой – в валенки[1]. К началу первой мировой войны мужской и женский русский городской костюм, а в немалой степени – и татарский уже приближались по типу к современным. И война особенно ускорила формирование этого нового стиля[2].

В целом, к началу первой мировой войны потребление среднестатистического горожанина в провинции достигло довольно высокого уровня. Его заработок не только обеспечивал минимальные потребности его и его семьи, но и позволял ему многое из того предложения товаров и услуг, которое создавал формировавшийся широкий рынок потребления.

Повседневные тяготы первой мировой войны

Уровень жизни горожанина изменяется в связи с началом мировой войны. В первую очередь, меняется его рацион. Сократилось потребление молока, мяса, сала, хлеба, круп и овощей. Мясо в рационе горожанина начинают заменять соленой и сушеной рыбой: например, все большее значение приобретает рыба – в основном селедка – в питании рабочего. Позже недостаток мясной пищи компенсировали также яичным порошком, бобами, горохом, чечевицей, мясными сухарями, кровяной колбасой, гороховой колбасой с салом, копченой рыбой. Недостаток хлеба возмещали крупами и картофелем, сливочным маслом, сыром, салом, растительными маслами[3].

Казанские средние слои, в том числе интеллигенция, которая к тому же часто подписывалась на большие суммы внутренних займов, вынуждены были ограничивать семейные расходы, перерасчитывать бюджет семьи, менять режим питания. Реже стали появляться на их столе мясные блюда, все большее место стали занимать каши, вареная или жареная картошка с луком. Но речь еще не шла о недоедании, в основном менялся рацион. Еще до осени 1917 г. домашний быт и даже обслуга оставались практически неизменными. Однако летом 1917 г. дачники обнаружили исчезновение булочников и зеленщиков с их традиционным товаром, не всегда удавалось купить

[1] ***Суслова С.В.*** Одежда // Татары. М., 2001. С. 267-315.
[2] ***Стриженова Т.К.*** Указ. соч. С. 12.
[3] ***Бинштоk В.И., Каминский Л.С.*** Указ. соч. С. 22.

Офицер. 1916 год.
Фото из частного архива

все необходимое и в деревне, приходилось возить продукты из города[1].

В связи с войной в России появилось огромное количество суррогатов продуктов и консервов. Суррогаты изготавливало не только население, но и военное ведомство России. Суррогаты и консервы должны были обеспечить достаточное питание армии и длительное хранение продуктов. Однако рационы питания «военных» (особенно тыловиков – в Казанском гарнизоне к 1917 г. было около 50 тысяч военнослужащих, это при общей численности населения города в 206 тысяч человек) и «гражданских» оказались тесно связанными. Так, многие суррогаты и консервы, предлагавшиеся военным ведомством для армии, признавались негодными и «выбрасывались» на «гражданский» рынок. Среди них можно назвать суррогаты жиров – салолин, молока – сухое и сгущеное молоко, яичные консервы «Эгго», консервы амурской лососины, солонина, говяжье топленое сало, мясо-растительные консервы. В питании солдат на фронте и в тыловых гарнизонах появились импортные консервы плохого качества – японские, шведские, датские, сушеное мясо, рыбные консервы, соленая рыба, консервы супов – горохового, рисового, перлового, картофельного, гречневого с добавлением жира. Солдатский рацион питания постоянно испытывал «замены» одних продуктов другими: овощи заменяли квашеной капустой, приправы – уксусом, лимонной кислотой, клюквенным экстрактом, чай – фруктовой водой, коровье масло – кокосовым маслом и салом, растительным маслом, маргарином. Для выпечки хлеба в армии нередко употреблялась мука «дзамба» – из поджаренного ячменя[2]. Разумеется, указанные непривычные продукты и суррогаты проникали и на городской рынок.

[1] ***Адо В.*** Вспоминая о прошлом... (Записки русского интеллигента XX века) // Казань. 2000. № 7. С. 59; № 8. С. 41-42.

[2] ***Биништок В.И., Каминский Л.С.*** Указ. соч. С. 37-42.

Плакат неизвестного художника «Согласие». 1914 год

Плакат неизвестного художника «Мировой пожар – вторая Отечественная война». 1914 год

Летом 1916 г. в России были введены карточки на продовольствие. Вследствие недостатка и дороговизны продуктов усиливается их фальсификация: на рынках появляются хлеб, масло, молоко дурного качества, с примесями посторонних веществ. По воспоминаниям казанца, к концу 1916 г. продовольственный кризис принял катастрофические размеры. В Казани, как и в других российских городах, выстроились «хвосты» (так называли очереди) за хлебом и мясом. Росли цены на продукты[1]. Например, к концу 1916 г. цена на сливочное масло возросла по сравнению с июнем 1914 г. на 845%, на телятину – на 700%, на битую птицу – до 349%, на свежую рыбу – на 200%, на молоко – на 254%. Неуклонно снижалась калорийность питания горожанина. Резкое ухудшение питания произошло в 1917 году[2].

Возмущение «маленького человека» ухудшением качества жизни порой выливалось в погромы. В марте 1917 г. в Арске толпа крестьян и женщин-беженок, возмущенная высокими ценами и нехваткой муки, разгромила на базаре лавку с бакалейными,

[1] ***Адо В.*** Вспоминая о прошлом... (Записки русского интеллигента XX века) // Казань. 2000. № 7. С. 59.

[2] ***Бинштok В.И., Каминский Л.С.*** Указ. соч. С. 25-28, 30-31, 44.

Плакат Б.М. Кустодиева «Заем Свободы». 1917 год

железными, москательными[1] и другими товарами[2]. Усиливалась социальная напряженность, учащались случаи грабежей. Вокруг Казани горожанами были организованы огороды, но огородники жаловались губернскому комиссару Временного правительства В.А.Чернышеву на солдат запасных полков, разорявших и грабивших посадки. Участились и грабежи в лесу и дачных поселках. «Притесняли» горожан и крестьяне окрестных деревень: в июне они не позволили заготовить дрова для Казани в районе бывшей удельной дачи, тогда же крестьяне Кощаковской волости потребовали у управляющего Казанского общества водоснабжения в ущерб снабжению водой Казани пустить воду в реку у их сел для полива сельских огородов[3].

Введение «сухого закона» в самом начале войны должно было способствовать перераспределению семейных бюджетов, предотвратить криминализацию обстановки в стране. В первый же день мобилизации последовало распоряжение о запрещении продажи алкогольных напитков. Правительственным постановлением от 2 августа 1914 г. прекращалась продажа водки[4]. Вначале это вызвало положительный эффект.

Казанское губернское земство в 1915 г. обследовало влияние запрещения продажи спиртных напитков на сельское и городское население губернии. В Казани было опрошено 1333 человека,

[1]Москательные товары — химические вещества: краски, клей, непищевое масло и пр.

[2]Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34. Л. 1-6, 102.

[3]НАРТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34. Л. 179, 215; Ф. 1356. Оп. 1. Д. 180. Л. 192; Д. 35. Л. 21, 81

[4]***Такала И.*** «Веселье Руси»: из истории алкогольной проблемы в России (1900-1930-е гг.) // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы. СПб., 2000. С. 260.

из них 665 фабрично-заводских рабочих и 341 работница, 315 ремесленников и 12 ремесленниц. Среди рабочих обнаружилось 95% пьющих (из них 82% – регулярно), среди работниц пьющими были 54%, среди ремесленников – 73% пьющих (69% – регулярно) и 25% пьющих – среди ремесленниц. Причем, две трети мужчин и половина женщин начинали пить в возрасте до 20 лет. Пристрастие к спиртному разделяли рабочие и ремесленники вне зависимости от национальности и вероисповедания: пили 96% русских и 89% татарских рабочих, 81% русских и 52% татарских ремесленников[1]. «После получки пьем обязательно, – сообщал русский рабочий-сапожник с завода Алафузова, – а если удается где занять деньги, то и в другое время; всегда прилагалось много старания занять денег перед праздниками, где только было возможно, иногда даже под проценты»[2]. Мужчины-рабочие и ремесленники пропивали 14-16% своего заработка, женщины-работницы – 3%.

41-43% респондентов отметили, что после прекращения продажи спиртного смогли приобрести одежду себе и членам своей семьи на те деньги, что раньше уходили на водку, 26-31% отметили улучшение своего питания, 9-16% – улучшение жилищных условий, 7% заявили, что смогли купить дом, скот, предметы домашнего обихода, 3-6% – что отдали долги. В прежние годы рабочие и ремесленники покупали крупчатку (сорта муки высокого качества) только перед большими праздниками. После запрета алкоголя ее потребление резко увеличилось: праздничный пирог стал обычным явлением. Булочники делали огромные обороты. Увеличилось потребление чая. Малообеспеченные прежде казанцы чаевничали теперь нередко по четыре раза в день с сахаром и сладостями[3].

Казанские заводские рабочие отмечали повышение своего благосостояния в результате отказа от алкоголя. «Все то, что шло прежде на спиртное, – заявлял сторож одного казанского предприятия, – ныне идет в дом. Купили одежды... на 140 р.; заплатили за швейную машину 30 р. А питание улучшилось так, что не верится даже и теперь: пьем чай с сахаром, часто все внакладку, а прежде сахар покупался на 4 коп. для всех... Хлеб был черный, редко белый, а ныне пудовичков сколько перетаскали от Оконишникова. Теперь разбираем, из какой крупчатки – самарской или оконишниковской – пироги испечены». «Пища стала лучше, – вторил ему закройщик, – раньше – хлеб да вода с луком;

[1]Год трезвости в Казанской губернии. Казань, 1916. С. 84-86.
[2]Год трезвости в Казанской губернии. С. 86.
[3]Год трезвости в Казанской губернии. С. 90, 104-106, 109, 130-134.

теперь – постоянно яйца, молоко, колбаса...». Чернорабочий свидетельствовал: «Прежде не хватало на картошку, теперь без мяса не садимся за стол». Рабочий-шапочник рассказывал: «Купил в Козьей Слободе «выморочный» дом за 50 руб. ... завел одежды на 15 руб. и гармонику за 45 руб. ... теперь всегда и сам, и семья сыты; завел свиней и куриц, приобрел часы в 17 руб.». Некоторые рабочие отмечали, что стали ходить в кинематограф и даже в театр, читать книги и газеты. Несмотря на удорожание товаров, у 18% мужчин и 26% женщин появились сбережения. Рабочий с завода Алафузова с гордостью сообщал, что зарплата у него теперь 35-40 рублей, к тому же он «скопил около 100 р. сбережений; в первый раз в жизни имею и горжусь сберегательной книжкой»[1].

Однако у запрещения алкоголя была и оборотная сторона: часть фабрично-заводского населения, не в силах отказаться от него, обратилась к вредным и опасным суррогатам спиртного. Казанские пьяницы и алкоголики, например, пили денатурированный спирт, одеколон, бражку, политуру, гофманские капли, киндербальзам, дрожжи, гарный и можжевеловый спирт, лак. В 1914 г. в Казанской губернской земской больнице от 66 до 90% поступивших с отравлениями различными видами суррогатов не удавалось спасти[2].

В конце лета 1917 г. казанцам довелось пережить страшное испытание, вошедшее в историю под названием «Казанская катастрофа». Казанские обыватели и десятилетия спустя вспоминали, как страшный сон, 14 августа 1917 г.: в этот день в городе загорелись пороховые и артиллерийские склады, взорвалось около миллиона снарядов. Взрывы были такой силы, что в дачном поселке Красная Горка (ныне Юдино) их поначалу приняли за раскаты грома. В городе началась паника, люди метались по улицам, многие запрягали лошадей и мчались из Казани куда глаза глядят[3]. Многие уходили и уезжали к родным в деревни и другие города. Так, 22 августа жительница Казани в панике писала отцу: «Тятя, прими меня обратно домой. Мильены убивает народу. Я пока жива. Горит Пороховое десятый день, убивает снарядами. К свекру ехать мне нельзя: мост взорвало, не пропускают в ту сторону. Все из Казани убежали и растерялись...»[1]. Дачники из

[1]Год трезвости в Казанской губернии. С. 90, 104-106, 109, 110-111, 130-134.

[2]Год трезвости в Казанской губернии. С. 111-113; См. также: ***Биншток В.И., Каминский Л.С.*** Указ. соч. С. 48-49, 51.

[3]***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 9.

поселков вокруг Казани – целый караван беженцев бежали в Раифский монастырь, откуда вернулись только через два дня[2]. В Казани и слободах было объявлено военное положение. По губернии и в соседних губерниях прошли слухи о гибели в казанском пожаре 500 человек, о разрушении Кремля и башни Сююмбике, Пассажа, Кизического монастыря, Пороховой слободы, о том, что «провалились» Казанский монастырь, Богоявленская колокольня на Большой Проломной. Эти слухи распространяли в основном солдаты запасных полков, бежавшие из города первыми. Чуть успокоившись после первых взрывов, обыватели и любопытные подростки подбирали на улицах неразорвавшиеся снаряды, уносили их домой, множа число жертв. Власти неоднократно обращались к населению с просьбой не трогать опасные находки. Остатки казанского пожара тушили до 24 августа. Всего от него пострадало 172 человека (из них 13 погибли), среди пострадавших было около 30 детей в возрасте от года до 16 лет[3].

Таким образом, война ухудшила качество жизни горожанина в провинции. Нормирование продовольствия и распространение суррогатов значительно ограничили потребление и качество потребляемых продуктов питания и товаров. Введение «сухого закона» в годы войны имело противоречивые последствия для провинциального горожанина (особенно из низших городских слоев). С одной стороны, наблюдался резкий рост его благосостояния в результате перераспределения семейного бюджета, с другой стороны, в его повседневном потреблении получили распространение опасные для жизни и здоровья суррогаты спиртных напитков.

«Распад повседневности» в годы революции 1917 года и гражданской войны

Осень – зима 1917 г. остались в коллективной памяти жителей многих городов России так называемыми «пьяными революциями»[4]. 700 складов со спиртом, водкой и вином, сохранявшиеся в разных городах страны, согласно законопроекту лета 1916 г. «Об утверждении на вечные времена в Российском государстве трезвости», должны

---

[1] ***Малышева С.Ю.*** Пожар на Пороховом, или «Казанская катастрофа» // Гасырлар авазы=Эхо веков. Казань, 1998. № 3-4. С. 293.

[2] ***Адо В.*** Вспоминая о прошлом... (Записки русского интеллигента XX века) // Казань. 2000. № 8. С. 42-43.

[3] ***Малышева С.Ю.*** Пожар на Пороховом, или «Казанская катастрофа». С. 288-289.

[4] ***Нарский И.В.*** Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С. 206.

были быть открыты через год после окончания мировой войны[1]. После Октябрьского переворота местные советские власти, стремясь избавиться от опасных вино-водочных складов, пытались спускать их в водоемы, канализацию. Около этих винных озер, а также около разгромленных толпами складов разыгрывались дикие сцены. В ходе попоек, драк в городах гибли десятки и даже сотни обезумевших, упившихся людей. Не миновало это несчастье и наш край. 24 ноября 1917 г. из Елабуги сообщали: «... в городе идет погром; винный склад разгромлен и горит; солдаты не оказывают помощи; власти нет»[2]. В декабре 1917 г. пьяный погром грозил и Казани. 19 декабря 1917 г. в газете «Знамя революции» было помещено сообщение о том, что, согласно постановлению Исполнительного бюро Казанского губернского совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, отпуск винного спирта из склада и денатурированного из лавок будет производиться не иначе, как с разрешения только Казанского губернского комиссара[3]. А уже 21 декабря в газете грозно сообщалось, что Военная коллегия Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов объявляет: «все винные склады, заводы, погреба и так далее в Казанском гарнизоне объявлены на военном положении, всякие попытки к разгрому и разграблению, как злодейские факты контрреволюции, будут подавляться силою оружия без предупреждения»[4].

В декабре 1917 г. советское правительство продлило запрет на торговлю водкой на время войны и революции. В июле 1918 г. вышло постановление о запрете производства самогона и торговли водкой на период гражданской войны и иностранной интервенции. В армии позже даже была введена высшая мера наказания за пьянство[5]. Однако в годы гражданской войны, несмотря на все запреты, самогоноварение – варение кумышки, браги, и пр. – процветало на территориях всех правительств[6].

Советская власть сулила новые испытания казанскому обывателю.

---

[1] ***Такала И.*** «Веселье Руси»: из истории алкогольной проблемы в России (1900-1930-е гг.). С. 264-265.

[2] ***Нарский И.В.*** Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. С. 204.

[3] Знамя революции. 1917. 19 декабря.

[4] Знамя революции. 1917. 21 декабря.

[5] ***Такала И.*** «Веселье Руси»... С. 265.

[6] Так, в сентябре 1918 г. уездный уполномоченный Комитета членов Учредительного Собрания (Комуч) по Бугульминскому уезду (граничившему с Казанской губернией) сообщал в Самару, что ежедневно на производство кумышки в уезде расходуется 25 тысяч пудов зерна. См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 681. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

Прежде всего, нападению подверглись сбережения горожан. 13 января 1918 г. Исполком Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов издал постановление, запрещавшее частным лицам хранить их собственные сбережения, более 1 тысячи рублей, где-либо, кроме отделения Госбанка, бывших частных банков, казначейства и сберегательных касс. Те, кто занимался торговлей, могли держать в кассе торгового заведения от 2 до 6 тысяч рублей – в зависимости от заведения. За несдачу денег сверх разрешенной нормы в сберкассы к 17 января казанцам грозили судом. 7 марта 1918 г. Казанский Совет обложил «буржуазию и кулачество города» контрибуцией в 1 миллион рублей[1]. Страшным ударом для семей казанской интеллигенции стала позже и ликвидация займов, особенно военных, Советским правительством: у многих значительная часть сбережений была вложена в эти займы[2].

Горожанка. 1918 год.
Фото из частного архива

В результате закрылись многие частные предприятия и заведения. К апрелю 1918 г. Казань охватила безработица: на городской бирже труда ежедневно на учет становилось 400-500 безработных[3]. Спасали положение многочисленные трудовые артели, в которые объединялись безработные горожане.

В мае 1918 г. цена на хлеб в Казанской губернии поднялась с 4 руб. 75 коп. за пуд до 12 рублей[4]. Однако даже в июне продовольственное положение в Казани оценивалось приезжими из столицы как

[1] ***Андрианов Н.А., Толстяков К.А.*** Становление и упрочение власти Советов в Татарии. Казань, 1967. С. 91,93.

[2] ***Адо В.*** Вспоминая о прошлом... (Записки русского интеллигента XX века) // Казань. 2000. № 8. С. 45.

[3] ***Андрианов Н.А., Толстяков К.А.*** Указ. соч. С. 89.

[4] ***Андрианов Н.А., Толстяков К.А.*** Указ. соч. С. 135.

Большевистский плакат В.Н.Дени «Каждый удар молота – удар по врагу». 1920 год

неплохое: хлеба много, по 1 руб. 80 коп. за фунт черного и по 3 руб. за фунт белого, яйца по 2 руб. 20 коп. десяток, колбаса вареная от 3 руб. 60 коп. за фунт, правда, почти не было крупы, сахар продавался у спекулянтов по 15 руб. за фунт, сливочное масло – по 12 руб. фунт. Приезжие отмечали, что трамваи в Казани ходят плохо, извозчиков почти нет, носильщиков мало, гостиницы в городе заняты, но меблированные комнаты доступны[1].

Значимую роль в снабжении казанцев в годы гражданской войны и голода 1921-1922 гг. играло такое распространенное явление, как «мешочничество». Спектр понятия «мешочник» был очень широк. Среди них были люди, которые, стремясь выжить, добывали пропитание для себя и своей семьи. Но были среди них и спекулянты-профессионалы – чаще всего из числа крестьян, молодых рабочих и интеллигентов, жителей городских предместий – слободских мещан, уклонившихся от службы матросов, учащихся духовных училищ. Мешочники-профессионалы нередко организовывались в группы, иногда вступали в столкновение с продотрядами и даже сами маски-

[1] *Литвин А.Л.* Казань: время гражданской войны. Казань, 1991. С. 66.

ровались под продотрядников. Несмотря на то, что с мая 1918 г. по постановлению ВЦИК мешочники и продававшие им продовольствие крестьяне преследовались по закону, мешочники продолжали снабжать до 70% населения крупных городов. В 1918 г. они использовали в торговле «царские» деньги и «керенки», в 1919 г. появились сразу же обесценившиеся «совзнаки», но в основном господствовал натуральный обмен. Мешочники ухитрялись провозить продукты в ящиках, чемоданах, лодках, в гробах с двойным дном, даже на себе – в пришитых изнутри к одежде многочисленных карманах и мешках умудрялись провозить до двух пудов муки[1]. Мешочниками кишели Московско-Казанская железная дорога и казанские пристани. В июне 1918 года на казанских пристанях число мешочников достигло огромного количества – до 70 тысяч, они ожидали случая пробраться на Каму за хлебом. Тогда же на станции Кукмор мешочники скупили около 1 тысячи пудов хлеба для вывоза за пределы Казанской губернии, а при попытке милиции конфисковать хлеб оказали вооруженное сопротивление. Спекуляция способствовала взвинчиванию цен на хлеб – к концу июля 1918 г. цена на хлеб в Казани поднялась до 80 руб. за пуд[2].

6 августа 1918 г. части Народной Армии Комуча взяли Казань. В ходе боев снаряды падали в центре города, мирные жители прятались в домах и в подвалах. Значительная часть населения города, в том числе и интеллигенция, встречали комучевцев с радостью. При Комуче несколько снизились цены: так, ржаной хлеб в Казани стал стоить 90 коп. за фунт, белый – 2 руб. 30 коп.[3], подешевели и другие продукты[4]. Обыватель оценил эти перемены.

Однако власть Комуча в Казани продержалась всего месяц – 10 сентября город был взят Красной Армией. В ночь накануне взятия немалая часть казанцев покинула город. Черная лента беженцев тянулась от Казани до Лаишева, откуда на баржах люди уплывали в Уфу. По разным оценкам, Казань покинуло от 30 до 78 тысяч человек. Так как в 1917 г. население Казани составляло 206 тысяч человек (с пригородами и слободами, без них – 138 тысяч), то Казань

[1] *Давыдов А.Ю.* Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918-1922 гг. // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 43, 44, 45; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. С. 481.

[2] *Андрианов Н.А., Толстяков К.А.* Указ. соч. С. 129, 135.

[3] ГАРФ. Ф. 4370. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

[4] ГАРФ Ф. 681. Оп. 1. Д. 45. Л. 15

Антибольшевистский плакат периода гражданской войны «Ваши родные и близкие стонут под игом большевистских комиссаров...» 1918 год

Антибольшевистский плакат неизвестного художника «За единую Россию: плотным змеиным кольцом охватил большевизм сердце России». 1918 год

оставили от 15 до 38% и даже до 57% ее жителей[1]. Многие семьи, не покинувшие город, предпочли первые дни после вступления «красных» прятаться в домах своих знакомых[2].

После взятия Казани красными частями 10 сентября 1918 г. Временный гражданский ревком приказал с 12 сентября возобновить работу всем торговым заведениям Казани и пригородов, всем закусочным, трактирам и ресторанам. Начать работу было приказано всем хлебопекарням, кооперативам и торговцам, снабжавшим город продовольствием. К 23 ноября 1918 г. в Казани открылись 22 лавки, 37 мясных и 42 керосиновых распределителя, 175 пекарен, 11 частных столовых на 2500 обедов в день, 14 городских столовых на 5000 обедов[3].

[1] ***Малышева С.Ю.*** Комучевская Казань // Татарстан. Казань, 2001. № 9. С. 54.

[2] ***Адо В.*** Вспоминая о прошлом... (Записки русского интеллигента XX века) // Казань. 2000. № 8. С. 46.

[3] ***Андрианов Н.А., Толстяков К.А.*** Указ. соч. С. 168.

Антибольшевистский плакат А. Кучерова «Что несет народу большевизм». 1918 год

Находившимся теперь в привилегированном положении рабочим и членам их семей власти отпускали по 1 фунту хлеба в день на едока[1]. Такая ежедневная порция хлеба может показаться вполне достаточной современному читателю. Но здесь следует учитывать два обстоятельства: прежде всего, отсутствие других продуктов, кроме того, хлеб всегда занимал особое, преимущественное место в рационе жителя России, особенно русского, который мог съесть на завтрак полкило, а то и килограмм хлеба[2]. Пайки хлеба остальным категориям населения если и отпускались, то были ничтожны. Многие семьи интеллигенции жили в основном продажей своих вещей – музыкальных инструментов, картин, мебели, одежды, ювелирных украшений. Жили, как вспоминал мемуарист, впроголодь, питаясь главным образом овсяным киселем[3].

[1] ***Андрианов Н.А., Толстяков К.А.*** Указ. соч. С. 161-162.

[2] ***Осокина Е.А.*** За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927-1941. М., 1998. С. 60.

[3] ***Адо В.*** Вспоминая о прошлом... (Записки русского интеллигента XX века) // Казань. 2000. № 8. С. 48.

В марте 1919 г. декретом СНК были созданы потребительские коммуны. К ним приписывалось все население местности. К осени городские кооперативы были объединены в единые потребительские коммуны, руководимые горпродкомами. Так зарождалась советская карточная система распределения[1]. Уже в то время ощущался надвигавшийся голод. Участились кражи из продовольственных складов, магазинов и распределителей Казани, ввиду этого губернию в декабре 1919 г. объявили на чрезвычайном положении, а воров передавали в ЧК, которая имела право расстрелять их в течение 24 часов. Нередкими способами выживания становились проституция, взяткодательство[2]. В начале 1920 г. из пайка по рациону первой рабочей категории казанский рабочий, советский или партийный работник мог приготовить себе дневную трапезу, состоящую из полфунта овсяного хлеба, жидкой каши из проса, похлебки из мерзлого картофеля с воблой[3]. В мае 1920 г. каждый член семьи казанского рабочего получал, в фунтах на день: хлеба печеного – 1,14, крупы – 0,05, картофеля – 0,8, масла растительного – 0,007, сахара – 0,004, мяса – 0,01, молока – 0,23, масла животного – 0,002. Пищевая ценность этого набора не дотягивала до нормы, но значительная часть населения не получала и этого. В июле 1920 г. население Казани власти поделили на три группы и выдавали до фунта хлеба по дешевой цене 85 коп. за фунт[4]. Несколько облегчало положение населения получение посылок Американской организации помощи – АРА, в которых обычно содержались мука, сахар, черепаховый яичный порошок, шпиг. Каждая такая посылка становилась праздником в казанских семьях[5]. Кроме того, по воспоминаниям многих мемуаристов, осенью 1920 г. в центре России выдался необыкновенный урожай яблок. Эти яблоки стали значимым подспорьем, их раздавали по учреждениям. Горожане шутили, что живут как в раю: ходят голые и босые и едят яблоки[6].

В то же время зарождались и элементы «спецснабжения» новых элит. 25 декабря 1920 г. секретным постановлением комиссии по снабжению рабочих при Наркомпроде с 15 января

---

[1] *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. С. 289.

[2] *Литвин А.Л.* Казань: время гражданской войны. Казань, 1991. С. 145-148.

[3] *Рошаль М.Г.* Записки из прошлого. М., 1969. С. 112.

[4] *Баруди, аль Г.* Памятная книжка // Казань. 1997. № 12. С. 134, 145, 149.

[5] *Адо В.* Вспоминая о прошлом... (Записки русского интеллигента XX века) // Казань. 2000. № 8. С. 48.

[6] *Бруцкус Э.О.* «Ну, полно мне загадывать о ходе истории...» (Из «Дневника матери-хозяйки в годы революции в России») // Отечественная история. 1997. № 3. С. 93.

1921 г. устанавливался продпаек ответственных политических и профработников, ответственных сотрудников областных, губернских, уездных и районных советских учреждений. Он включал 45 фунтов хлеба, 7,5 фунта мяса или рыбы, 0,5 фунта сахара, 0,75 фунта жиров, 20 фунтов овощей, 1 фунт соли, 1/4 фунта мыла, чая или кофе, 2 коробки спичек в месяц. Пайки выдавались также неработающим членам их семей при норме в 25 фунтов хлеба и при условии получения на семью не более четырех пайков. Кроме того, руководящие работники пользовались системой общественного питания[1]. В феврале 1920 г. был введен так называемый академический паек – для 8 тысяч ученых и деятелей искусства страны. В течение трех лет немногие избранные ученые и деятели культуры получали по 15 фунтов крупы, 45 фунтов хлеба, 15 фунтов селедок или мяса, 4 фунта жиров, немного мыла в месяц, которые были восприняты, по словам жены одного из петроградских ученых, как «необыкновенное счастье»[2]. Академический паек был отменен в 1923 г.

В целом же продовольственное положение населения стремительно ухудшалось. Росла инфляция. Немалую роль в снабжении играл вольный рынок – хоть его удельный вес в 1920 г. сократился по стране в два раза по сравнению с 1918-1919 гг., но все же еще составлял около 30% в структуре потребления населения[3]. Летом 1920 г. большая кастрюля супа обходилась казанской семье в 10-15 тысяч рублей – почти столько же (13-18 тысяч рублей) стоили тогда серебряные часы. Фунт масла стоил 165 рублей, фунт меда – 1800 руб., фунт сахара – 2000 руб., буханка хлеба – 1 тысячу рублей, или 300-400 руб. за фунт[4]. Это при том, что установленный весной 1920 г. советским правительством официальный прожиточный минимум составлял 840 рублей в месяц[5], а зарплата, к примеру, казанского чернорабочего – 1 тыс. рублей.

В 1919 г. в Казани и губернии свирепствовали тиф и испанка (разновидность гриппа), смертность от этих болезней была высокой, во многом потому, что отсутствовали медикаменты, течение болезней осложнялось ослабленностью организма, недоеданием. В городе не работал водопровод (а в рабочих слободах он вообще отсутствовал), что усугубляло и без того сложную санитарную ситуацию. Не

[1] ***Нарский И.В.*** Указ. соч. С. 527-528.
[2] ***Бруцкус Э.О.*** Указ. соч. С. 91.
[3] ***Нарский И.В.*** Указ. соч. С. 294.
[4] ***Баруди, аль Г.*** Указ. соч. С. 134, 145, 149.
[5] ***Нарский И.В.*** Указ. соч. С. 294.

Большевистский плакат А.П. Апсита «Вперед, на защиту Урала!». 1919 год

ходил трамвай, и обессиленные люди пускались в путь пешком. Работник губсовнархоза М.Г.Рошаль так описывал Казань зимой 1919/20 гг.: «Вечером на улицах Казани пусто. Лишь изредка промелькнет запоздалый прохожий. В темных полузамерзших окнах мерцает огонек коптилки, и только в каменных домах едва виднеется тусклое электрическое освещение. Население в городе уплотнилось, эксплуатировали лишь небольшую часть помещений. С улицы видно, как из форточек валит густой дым, загрязняя и без того неприглядные фасады зданий. Это дым железных печек-«буржуек». Дров не хватало, и тепло поддерживали домашней утварью, мебелью и даже книгами. В многочисленных канцеляриях советских учреждений тоже холодно. Чернила замерзали в приборах. Сотрудники сидели, съежившись, в теплой одежде и валенках. Топливный паек жестко нормировался. ... К немногочисленным продуктовым распределителям ... тянутся в томительном ожидании бесконечные очереди. У всех одно стремление – добыть немного хлеба и дров... Жизнь в городе замирает рано»[1]. Примерно в то же время, в январе 1920 г. историк В.В.Адоратский писал В.И.Ленину из Казани: «Долго лежал в испанке и после нее от скверного питания нарывы по телу пошли (...) приходится не только лекции читать и к ним готовиться, но и бегать за водой через улицу, и дрова колоть, и за 8 верст сбегать за пудом желудей и притащить его на спине (...). Электричества в квартире нет, освещаемся керосином, а его удалось достать всего фунтов 20 на всю зиму (...). Жить скверно. Людей абсолютно нет. Кругом спекулянты, мелкие буржуа, кадеты – тертые калачи (...). Казань – скверная дыра, а в Москве невозможно жить (...). Здесь все же дешевле и есть кой-какой хлам, который распродается (...)»[2]. Не

[1] ***Рошаль М.Г.*** Записки из прошлого. С. 110.
[2] Цит. по: ***Литвин А.Л.*** Указ. соч. С. 149-150.

отапливались и школы, когда же изредка поступали дрова, школьники сами пилили и кололи их. Школьные горячие завтраки тем не менее поддерживали многих детей. Спустя много лет мемуарист-казанец с благодарностью вспоминал овсяную и ячменную кашу, а изредка – и котлеты или гуляш с картофельным пюре, которыми ухитрялись кормить детей в голодные 1920-1922 гг. в школьной столовой[1].

В годы революции и гражданской войны практически не работала легкая промышленность. Люди донашивали старую одежду, перешивали ее своими руками, шили, если удавалось достать кусок материи[2]. В Казани промтовары и мануфактура распределялись среди рабочих по карточкам или ордерам. Члены индустриальных профсоюзов – химики, металлисты, пищевики – получали по первой категории по 12,5 метра в год, а члены других профсоюзов (вторая категория) – 9,5 метра в год[3]. В большом ходу было военное обмундирование. Знаковыми для своего времени становились такие предметы одежды, как кожанка, военный френч, толстовка, платье из солдатского сукна, красные косынки работниц. К одежде предъявлялось практически единственное требование – функциональность и удобство. Появилось такое понятие, как «прозодежда» – производственная одежда.

В годы революции и гражданской войны произошел, по меткому выражению челябинского историка И.В.Нарского, «распад повседневности»[4]. Действительно, эти годы характеризовались разрушением традиционного городского уклада жителя столичных и провинциальных городов. Это касалось практически каждого горожанина. Но особенно катастрофически падало благосостояние представителей средних городских слоев в провинции (в ряде случаев речь шла даже об обнищании). Это происходило прежде всего вследствие лишения их традиционных источников пропитания: многие учреждения были закрыты, а служащие уволены, были аннулированы займы и вклады в банках, в которых хранили свои сбережения горожане из средних слоев и даже из фабрично-заводского населения, кроме того, средние и состоятельные слои города постоянно подвергались разного рода реквизициям. Благосостояние средних слоев падало также вследствие нормирования продовольствия по классовому принципу,

[1] ***Адо В.*** Вспоминая о прошлом... (Записки русского интеллигента XX века) // Казань. 2000. № 8. С. 52, 55-56.

[2] См. напр.: ***Адо В.*** Вспоминая о прошлом... (Записки русского интеллигента XX века) // Казань. 2000. № 8. С. 48.

[3] ***Рошаль М.Г.*** Записки из прошлого. С. 194.

[4] ***Нарский И.В.*** Жизнь в катастрофе. С. 506.

лишавшего их поддержки государства, а также вследствие острого дефицита промышленных товаров в результате развала промышленности и остановки множества предприятий.

Голод 1921-1922 годов

Гражданская война и связанные с ней военные действия в ряде хлебопроизводящих губерний резко ограничили размеры засеянных площадей, нарушили традиционные коммуникации и пути подвоза продовольствия. Опустошительные реквизиции хлеба и скота у крестьянского населения подорвали доверие к советской власти и ее продовольственной политике. Эти и другие причины вкупе с неурожаем вызвали страшный голод 1921-1922 гг., унесший, по оценкам историков, 5-6 миллионов жизней жителей России[1].

Голод стал страшным и даже смертельным ударом прежде всего для жителей деревни. Но и жители городов, хотя и в меньшей степени, почувствовали дыхание грозившей голодной смерти. Уже в годы гражданской войны питание обычного горожанина все больше «окрестьянивалось»: основу рациона составляли растительные продукты (злаки), содержащие большое количество углеводов, а калорийные растительные и животные продукты – фрукты, орехи, мед, мясо, масло, рыба – оставались на периферии питания. В годы гражданской войны и голода широкое распространение среди населения получил – за неимением настоящего – морковный чай (морковь тонко резали, сушили, заваривали, как чай), который пили с суррогатами сахара или без них. Чая – если он был – пили помногу, чаевничали по несколько раз в день: чай уменьшал чувство голода. Сахара население не видело вообще: например, в Казани вместо него выдавали небольшие порции повидла или патоки. Рафинад можно было купить лишь на рынке за огромные деньги. Праздничный стол горожанина тех лет мог включать: пельмени из конины, настоящий чай с сахарином, спиртовку. Настоящим лакомством для казанца 1922 г. было печенье-соломка из кондитерского магазина Кашеварова. Культура потребления алкогольной продукции резко снизилась – не только из-за широкого предложения суррогатов, но и за счет частого употребления: алкоголь заглушал постоянное чувство голода[2].

---

[1] ***Нарский И.В.*** Указ. соч. С. 123.

[2] ***Адо В.*** Вспоминая о прошлом... (Записки русского интеллигента XX века) // Казань. 2000. № 8. С. 48; ***Нарский И.В.*** Указ. соч. С. 531-532, 537-538, 545-546.

Голод 1921-1922 гг. привел к широкому распространению суррогатов хлеба – с примесью гороха, бобов, кукурузной, овсяной, соломенной, манной муки, кормовых трав. В хлеб добавляли муку из пырея, высушенных желудей, люцерны, крапивы, травы, жмыхи, корни репейника, ягоды, ботву картофеля, свеклы, листья капусты, корни бубенчика, дикую репку, костяную муку (порой из старых костей, выброшенных в свое время на помойки). В ход при приготовлении хлеба шли и нежелательные суррогаты – лебеда, кора альмовая, березовая, липовая, березовые почки и сережки, солома, листья липы и березы, и даже вредные и опасные суррогаты – свербига, сорняки, древесина. В хлеб добавляли даже землю. Ели хлеб из лебеды с лошадиной кровью и даже лошадиный кал. Использовался гнилой картофель – население выработало специальные рецепты его приготовления. Изготавливались также затирухи из муки. Советские органы власти и печать пропагандировали употребление ряда суррогатов: кофе из корней одуванчика, каша из желудей, суррогат сахара из корней однолетнего лопуха[1]. Так, в Казани выпускали листовки «Чем заменить мясо». В «Известиях ТатЦИКа» в июле пропагандировался хлеб из сушеных овощей[2], а в сентябре 1921 г. рекомендовалось изготовлять муку из болотного растения «сусак» (хлебник), которая якобы по питательности не уступала ржаной муке[3]. Отчасти утоляли голод семечки подсолнуха, которые голодные горожане грызли не переставая. По свидетельству современников, шелухой подсолнечника были засыпаны все улицы города[4]. В сельской местности в ряде губерний наблюдались многочисленные случаи каннибализма на почве голода. Летом 1921 г. потоки голодающих тянулись из Уфимской и Казанской губерний в поисках пищи.

Улицы Казани в голодные 1921-1922 гг. заполнили толпы голодающих из районов республики, из других областей, тысячи и тысячи брошенных детей, нередко больных холерой, скитались по городу. Детприемники не справлялись с наплывом истощенных детей. В Казань из Москвы и Петрограда осенью-зимой 1921/1922 гг. были направлены врачебно-питательные поезда № 12, № 5, им. Петросовета, а также Банно-прачечный поезд № 3 им. Л.Троцкого.

---

[1]Во имя спасения детворы. В объятиях Царя-Голода. К освобождению из цепких лап!!! Очерк. Казань, 1922. С. 23-24; ***Нарский И.В.*** Указ. соч. С. 548-550.

[2]Известия ТатЦИК. 1921. 2 июля.

[3]Известия ТатЦИК. 1921. 3 сентября.

[4]***Батькова Л.*** Сад над Волгой // Казань. 1997. № 7. С. 21.

К этим поездам в день приходило до 4500 детей. Только поезд № 12 накормил по сокращенной норме более 60 тыс. детей. В выдававшийся им дневной паек входило 48 золотников хлеба, 1,6 золотника сахара, 2,1 золотника соли, 19,2 золотника крупы или фасоли, 24 золотника мяса, 1,5 золотника какао (1 золотник равнялся 4,26 грамма). Работники Банно-прачечного поезда выдавали каждому вымывшемуся ребенку кружку какао и белую булку (из американской помощи). Помощь голодающим в Казани оказывали такие организации, как Американская организация Помощи – АРА (США), Помгол, Международный рабочий комитет, Шведская организация[1]. В Казани действовали 20 благотворительных столовых АРА, в которых питалось 25 тысяч детей[2]. Центральная столовая АРА располагалась на Проломной улице (ныне улица Баумана) на месте сегодняшнего Дома татарской кулинарии. Выстояв длинную очередь, казанец получал маленькую булочку, кружку какао и омлет из яичного порошка[3].

Наркомат продовольствия Татарской республики не справлялся со снабжением горожан. К тому же снабжалась лишь часть населения: в условиях голода в Татарстане, как и в целом по стране, система распределения базировалась на подразделении населения на группы – «по степени полезности их для государства»[4]. Так, была организована выдача продовольственных пайков безработным коммунистам: за май-октябрь 1922 г. им выдали 145 пайков, каждый из которых включал 10-15 фунтов муки, полфунта масла, 3 фунта крупы, 3 фунта рыбы (набор, впрочем, весьма скромный)[5]. Татнаркомпрод снабжал продовольствием условные категории граждан: «рабочие» (сюда входили промышленные рабочие и «рабочие Наркоматов», а также партийные работники, учащиеся, чекисты, милиционеры и т.д.), «совслужащие» (сотрудники Наркоматов), «социально опекаемые» («дети Наркомздрава» и «дети Наркомпроса» – то есть дети учебных, дошкольных и лечебных

[1]Во имя спасения детворы. С. 31, 34-35, 42-43.

[2]***Кузнецова Л.*** Кому «лимончики»? О рождении в Казани «замечательного ребенка», вознесении в толпе на Бирже труда и гарантиях советской Конституции // Казань. 1995. № 1-2. С. 40.

[3]***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 11.

[4]Полгода работы продаппарата в условиях голода. Сборник отчетных данных о работе Татнаркомпрода за время с 1 июля 1921 г. по 1 января 1922 г. Казань, 1922. С. 36.

[5]***Кузнецова Л. О.*** Социальная политика в отношении рабочих и служащих в годы нэпа (по материалам Республики Татарстан). Дис. ... канд. истор. наук. Казань, 1996. Л.103-104.

учреждений, находящиеся в ведомстве этих Наркоматов; больные, призреваемые, заключенные, эвакуированные). В ноябре 1921 г., например, Татнаркомпрод выдал 25831 паек казанским «рабочим» и членам их семей (в том числе 1041 паек сотрудникам ЧК и 857 членам их семей, 300 пайков – милиции, 12 – охране ТатЦИКа и т.д.) и 3022 пайка казанским «совслужащим» – всего 29853 пайка[1]. В январе – июне 1922 г., когда положение стало чуть лучше, ежемесячно по республике (в основном в Казани) снабжались от 71105 до 84778 промышленных рабочих, «рабочих» Наркоматов, совслужащих и социально опекаемых – напомним, население Казани составляло тогда порядка 140 тысяч человек! То есть снабжалась лишь примерно половина населения. Да и ей пайки выдавали нерегулярно: в 1922 г. в Казани прошли стихийные выступления рабочих в связи с невыдачей зарплаты и пайков (в 1920-е гг. часть зарплаты выдавали продуктами)[2].

В январе 1922 г. работникам обрабатывающей и добывающей промышленности, совпартшкол полагался паек из 80 фунтов хлеба в месяц, 11,5 фунта мяса и рыбы, 2,5 – жиров, 1,5 – сахара, 4 – соли, 1/4 фунта кофе, 1/2 фунта мыла, 3 коробки спичек, 3,75 литра керосина. Работники Наркоматов получали 60 фунтов хлеба, 7 фунтов мяса и рыбы, 1,5 фунта жиров, 1 фунт сахара (остальных продуктов и товаров – столько же, сколько предыдущая группа). Совслужащие получали чуть меньше, чем наркоматчики: хлеба – 50 фунтов, жира – 1 фунт и сахара – 0,5 фунта (остальных продуктов – как и работники Наркоматов). Учащиеся Профобра и рабфаковцы получали по 36 фунтов хлеба, 4 фунта мяса или рыбы, 3/4 фунта жиров, полфунта сахара, 2 фунта соли, восьмушке кофе, четверти фунта мыла и 2,5 – керосина, спичек им не полагалось. На каждого из членов группы «детей Наркомпроса и Наркомздрава», призреваемых, больных и заключенных полагалось по 25 фунтов муки, 6 – крупы, от 5 до 10 фунтов мяса и рыбы, 1-1,5 фунта жиров, восьмушке кофе, от 0,5 до 3/4 фунта сластей, 1,5 фунта соли, 1 коробку спичек. Однако уже в феврале эти нормы сократились: например, норма хлеба рабочим была уменьшена до 60 фунтов хлеба, совслужащим – до 40, учащимся – до 30, детям, больным, призреваемым, заключенным – до 20 и так далее. Причем, в феврале-апреле только промышленные рабочие, учащиеся и социально опекаемые получили эти пайки полностью, из остальных групп получили свои пайки лишь четверть-половина едоков, части едоков

[1] Полгода работы продаппарата... С. 42-45, 50-51.
[2] ***Кузнецова Л.О.*** Социальная политика... Л. 110.

мука была заменена на крупу, а рыба – на капусту! Только с мая стали выдавать норму муки, но половину нормы все же заменяли сушеным картофелем. К июню уже не выдавались вовсе спички, мыло, керосин, табак, почти не выдавали сладости – только рабфаковцы и дети Наркомздрава и Наркомпроса получили, соответственно, по 2,5 и 0,5 фунта. Без замен снабжались только социально опекаемые группы. Сильнее всего сокращалось снабжение совслужащих – в марте и апреле 1922 г. хлеба они не получали совсем[1].

Цены на базаре были не по карману подавляющему большинству горожан, ведь средняя зарплата в декабре 1921 г. в Казани составляла 900 тысяч рублей в месяц. Ржаной хлеб с примесью суррогатов продавался по 3 тыс. руб. за фунт, хлеб ржаной чистый – по 4 тыс. руб. за фунт, а пшеничный белый хлеб – по 6 тыс. руб. за фунт[2]. Настроение горожан, с тоской обозревавших неподъемные цены на продукты на городском рынке, выразил казанец, чье стихотворение за подписью «К.С.» 5 сентября 1921 г. опубликовали «Известия ТатЦИКа»: «...На базаре хлеб – четыре, / А в кармане пусто... / Ну, хоть вешайся в квартире, / Над ведром с капустой!»[3].

Голод 1921-1922 гг. стал реальной угрозой физическому существованию «маленького человека» в российской провинции. Его потребление было сведено к минимуму, необходимому для поддержания жизни. В наиболее тяжелом положении оказались городские слои, не признанные «полезными» в классовом отношении и лишенные продовольственной поддержки властей. В то же время центральная и местные советские власти (даже при поддержке советских и иностранных благотворительных организаций) оказались не в состоянии обеспечить даже минимизированное питание «классово-ценных», а также незащищенных (дети, старики, инвалиды) слоев населения провинциального города. В этих условиях горожане были вынуждены мобилизовывать традиционные техники выживания и создавать новые. К этим техникам и способам выживания относились, например, изготовление (и «изобретение») суррогатов продовольствия, изготовление самодельных «отопительных приборов» – печек-буржуек, формирование специфических поведенческих стереотипов (спекуляция, как частный случай выживания за счет других, или,

[1]Вторые полгода работы Наркомпрода АТССР в услових голода. Сборник отчетных данных о работе Наркомпрода АТССР на время с 1 января по 1 июля 1922 г. Казань, 1922. С. 56-57, 58, 64.

[2]Известия ТатЦИК. 1921. 31 августа.

[3]Известия ТатЦИК. 1921. 5 сентября.

наоборот, «кооперация» с этими другими ради выживания) и многие другие. Этот опыт выживания в условиях голода сказался на самих ментальных характеристиках жителя провинциального города, вновь легко воспроизводился впоследствии при возникновении аналогичной угрозы, передавался из поколения в поколение, закрепляясь чуть ли не на генетическом уровне.

НЭП и «новый быт»

НЭП – новая экономическая политика советского государства – развязала руки частной инициативе и способствовала созданию рынка продовольствия, товаров и услуг. «Военный коммунизм» с его суровыми тяготами оставлял российские города, ликвидировались признаки военного быта – нормирование потребления, «сухой закон».

Голод 1921-1922 гг. закончился «пьяным праздником» 1922 г. в деревне. Урожай 1922 г. вновь инициировал самогоноварение, оно процветало в течение 1920-х гг., несмотря на все карательные меры. Уже 9 августа 1921 г. Декретом СНК РСФСР была разрешена продажа населению вин крепостью не более 14 градусов[1]. С 1922-1923 гг. государство и само возрождает винодельческую и пивоваренную промышленность. В Казани пиво варил пивоваренный и квасной завод «Красный Восток», «унаследовавший» корпуса пивоваренного завода «Петцольд и К°»[2]. Декретом СНК от 30 января 1923 г. и постановлением ЦИК и СНК от 3 декабря 1924 г. было разрешено изготовление наливок и настоек сначала крепостью до 20 градусов, затем до 30-ти[3]. В июне 1923 г. в Казани заработал дрожже-винокуренный завод[4]. В октябре 1924 г. решением пленума ЦК партии, а в августе 1925 г.– декретом ЦИК и СНК СССР была официально разрешена продажа водки и установлена монополия на ее изготовление Госспиртом ВСНХ. Тогда председателем СНК был А.И.Рыков, и население ласково называло эту первую «официальную» советскую водку «рыковкой»[5], в народе существовали даже специальные политизированные названия для водки в различной расфасовке: бутылку 0,1 литра называли «пионером», 0,25 л – «комсомольцем»,

[1] Известия ТатЦИК. 1921. 31 августа.

[2] ***Саначин С.*** «Божий гнев» на Старую Татарскую // Казань. 2001. № 6. С. 88.

[3] ***Такала И.*** «Веселье Руси»... С. 268.

[4] ***Бушков Р.*** Казанская водка. С. 128.

[5] ***Такала И.*** «Веселье Руси»... С. 269-270.

Плакат В.Маяковского и А.Родченко. 1925 год

0,5 л – «партийцем»[1]. За два года – с 1925 до 1927 г. – потребление алкоголя на душу населения увеличилось с 1,6 литра до 4 литров. С 1927 г. вводится принудительное лечение алкоголиков[2]. Но государство не ведет активной борьбы с алкоголизмом и пьянством, так как водка – важнейшая статья государственного дохода. В Татарстане и Казани в 1927-1930-х гг. неоднократно принимались постановления об ограничении продажи и запрещении изготовления пьянящих напитков. В декабре 1927 г. было запрещено продавать спиртное малолетним и нетрезвым, а также продавать его в буфетах театров и кинематографов, клубов и т.д. В январе 1928 г. были запрещены изготовление и сбыт самогона и самогонных аппаратов, а также запрещено распивать спиртное на улицах. В феврале 1928 г. была разрешена только государственная торговля спиртным (или по разрешению), отпуск спиртных напитков – не более 1 бутылки на человека (запрет не касался вина, пива, алкогольного меда)[3]. В июне 1929 г. запрещено было открывать новые места продажи водки. Продажа водки запрещалась также в дни революционных праздников и в дни траура по Ленину, а также вблизи фабрик и заводов – а потом и в рабочих районах вообще – в дни получки[4].

---

[1] ***Архипов И.*** История в поисках человека // Звезда. 2002. № 3. С. 209.

[2] ***Такала И.*** «Веселье Руси»... С. 271, 273.

[3] Постановление ЦИК и СНК ТССР «О мерах ограничения продажи спиртных напитков». 14 декабря 1927 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1928. № 2. С. 20-21; Обязательное постановление НКВД ТССР «О борьбе с самогоноварением». 4 января 1928 г. // Там же. С. 32; Обязательное постановление Президиума Казанского городского совета «О воспрещении распития водки, вина, пива и других алкогольных напитков на улицах, площадях и в проездах домовладений г. Казани». 12 января 1928 г. // Там же. № 13. С. 206; Постановление ЦИК и СНК ТССР «О мерах усиления борьбы с самогоноварением». 25 января 1928 г. // Там же. № 5. С. 72-73; Обязательное постановление НКВД ТССР «Об охране революционного порядка и безопасности». 29 февраля 1928 г. // Там же. № 8. С. 113-132 («Правила о торговле спиртными напитками и спиртосодержащими веществами»).

[4] Обязательное постановление президиума Казгорсовета «О воспрещении 21-го и 22-го января с.г. продажи вина, водки, водочных изделий и пива». 19 января 1927 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1927. № 4. С. 55-56; Постановление ЦИК и СНК ТССР «О воспрещении продажи хлебного вина и крепких напитков в рабочих районах Казани в дни получек зарплаты». 10 октября 1928 г. // Там же. 1928. № 41-42. С. 661-662; Постановление ЦИК и СНК ТССР «О запрещении работы в зрелищных предприятиях и продажи спиртных напитков и пива в день 21-го января 1929 г.». 11 января 1929 г. // Там же. 1929. № 2. С. 31; Постановление ЦИК и СНК ТССР «О мерах ограничения торговли спиртными напитками». 19 июня 1929 г. // Там же. № 21. С. 332-334.

Наращивали объемы и советские табачные фабрики. В конце 1920-х гг. вкусы курильщиков тешили разнообразные папиросы сортов «Ира», «Таис», «Леда», «Герцеговина Флор», «Посольские» и другие.

Продовольственная ситуация в Казани относительно нормализовалась уже в 1922 г. Забитые, ранее пустующие магазины, лавки, склады открывались, ремонтировались, на полках появились товары. Если в 1921 г. в Казани было 210 торговых заведений, то в 1922 г. их стало уже 2697[1]. К 1923 г. около 86% всех торговых заведений Казани были частными. Появились продукты в казанских магазинах, в том числе и в упоминавшемся бывшем магазине Афанасьева, ставшем позже магазином «Горняк»[2]. Открывались также кафе, рестораны со свободной продажей запрещенного дотоле вина, увеселительные заведения – например, кабаре[3]. Мемуарист описывал изобилие гастрономического магазина нэпмана Никанорова в здании бывшего дома Кекина: «Цены были высокими, но все же мы могли позволить себе полакомиться иногда ветчиной, колбасой, сыром разных сортов, даже навагой, которую продавали в плетенных из древесной стружки коробках. И домашний наш стол улучшился, вместо овсяного киселя за обедом снова появились котлеты с картофельным пюре..., гуляш, бефстроганов и рыба разных сортов». Однако отец мемуариста возглавлял Пробирное управление, и при зарплате в 51 195 рублей в месяц мог себе позволить даже приходящую домработницу. Зарплата рабочего-клеймильщика того же управления была в два с половиной раза меньше, и рацион его был, разумеется, во столько же раз беднее[4]. Рабочая семья в среднем тратила тогда на питание 43,8% своего бюджета (даже без алкоголя)[5]. Большинство казанцев в основном ходили посмотреть на роскошные витрины магазинов и поделиться увиденным с домашними и друзьями.

Из-за бешеных темпов инфляции рубль стремительно обесценивался. К моменту денежной реформы 1924 г., когда в обращение был введен червонец, цены и зарплаты уже исчислялись в миллионах обесцененных рублей. Так, средняя заработная плата рабочего была 90-120 миллионов рублей, обед в столовой на фабрике валяной обуви им. Галактионова стоил 900 тыс. рублей,

---

[1] ***Кузнецова Л.*** Кому «лимончики»?... С. 37.

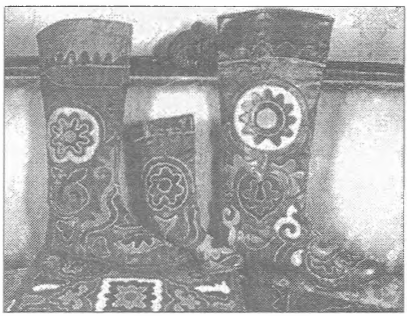
[2] ***Адо В.*** Вспоминая о прошлом... (Записки русского интеллигента XX века) // Казань. 2000. № 9. С. 42.

[3] ***Рошаль М.Г.*** Указ. соч. С. 189.

[4] ***Адо В.*** Вспоминая о прошлом... (Записки русского интеллигента XX века) // Казань. 2000. № 9. С. 42.

[5] ***Зайченко А.*** И пришла нужда как тать... // Погружение в трясину: (Анатомия застоя) / Сост. и общ. ред. Т.А.Ноткиной. М., 1991. С. 136.

поездка на трамвае – 75 тысяч рублей, а номер газеты «Известия ТатЦИК» – 25 тысяч[1]. В 1924 г. 500 млрд. старых рублей меняли на 1 золотой червонец. В 1924 г. средняя гарантированная ставка низшего, первого, разряда в учреждениях и предприятиях составила 11 руб. 14 коп. – 15 руб. 64 коп., среднемесячная зарплата рабочего трестированной промышленности – 28 руб. 87 коп., а пенсия инвалида труда – от 8 до 16 руб.[2] Минимум заработной платы по Татарстану в 1924-1925 гг. был установлен в размере 8 рублей[3]. В 1924-1925 гг. пособие по безработице составляло в Казани 5 руб. 83 коп., в 1925 г. его увеличили до 9-13 руб.[4] Ведь в 1923 г. в Казани было более 7 тысяч безработных[5], и за пять лет их число увеличилось до 16 тыс. человек, а это означало, что безработным был почти каждый десятый горожанин. Биржи труда просуществовали все 1920-е годы. Безработным предоставлялось также льготное питание в столовых «Нарпита». Первая такая столовая паевого товарищества «Нарпит» на 1500 мест была открыта в Казани в июле 1925 г. Столовые «Нарпита» предоставляли льготное питание не только безработным и их детям, но также пенсионерам и детям из многодетных семей[6].



Татарская национальная обувь. 1920-е годы. Из книги: Валеева-Сулейманова Г.Ф., Шагеева Р.У. «Декоративно-прикладное искусство казанских татар» (Москва, 1990)

Отрасли государственной промышленности, работавшие на потребительский рынок, находились в 1920-е гг. в плачевном состоянии[7]. Во многом питание горожанина обеспечивалось негосударственным производством и торговлей продовольствием.

---

[1] ***Кузнецова Л.О.*** Кому «лимончики»?... С. 37.

[2] ***Кузнецова Л.О.*** Социальная политика... Л. 146, 156, 179.

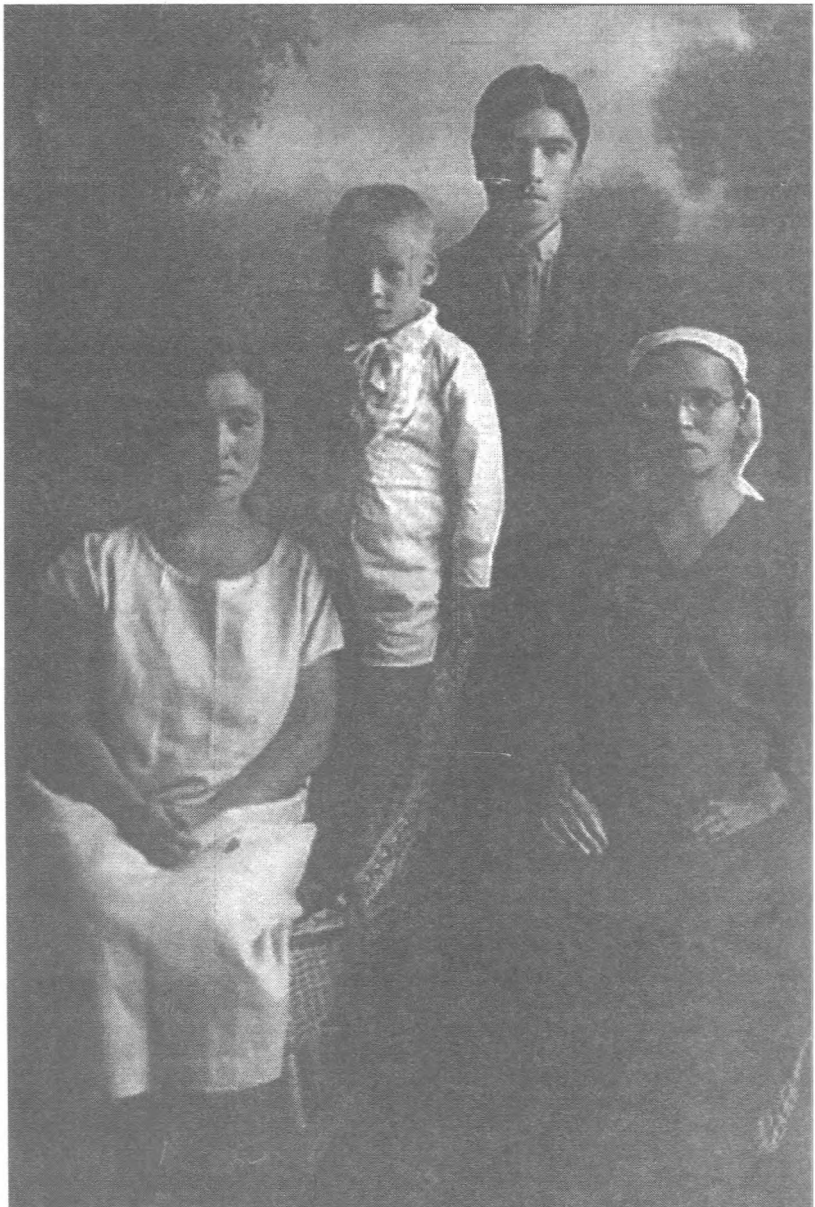
[3] Постановление Наркомата труда ТССР «О минимуме заработной платы на декабрь месяц 1924 г.». 2 января 1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1925. № 1. С. 16; Постановление Наркомата труда ТССР «О минимуме заработной платы на октябрь-декабрь 1925 г.». 5 ноября 1925 г. // Там же. № 45. С. 514

[4] ***Кузнецова Л.О.*** Социальная политика... Л. 214.

[5] ***Калинин Н.Ф.*** Казань. Исторический очерк. Изд-е 2-е. Казань, 1955. С. 255.

[6] ***Кузнецова Л.О.*** Социальная политика... Л. 202, 163.

[7] ***Зайченко А.*** Указ. соч. С. 149.



Семья татарской учительницы. 1925 год. Фото из частного архива

Рыночная торговля играла большую роль в снабжении населения, хотя цены на городском рынке были много выше государственных и кооперативных. Так, на рынке в Казани в 1926 г. фунт мяса стоил 50 коп., а в Казанском Центральном рабочем кооперативе (КЦРК) – 30 коп.[1] В 1926-1928 гг. государственная торговля осуществлялась только в 11% всех торговых заведений Казани, кооперативная – в 6-9%. В основном торговал «частник». Большую роль в снабжении населения играли продуктовые базары – Рыбнорядский, Пушкинский, именовавшийся горожанами Еврейским (на пересечении Пушкинской и Бассейной улиц), Сорочий базар (на месте нынешнего Чеховского рынка), Сенной, Мочальный базары, Казанская ярмарка, Старый Толчок (у Гостиного двора)[2]. Цены постоянно росли. Государство вынуждено было прибегать к их регулированию[3]. Кроме того, правительство пыталось бороться и с фальсификацией продтоваров – например, было запрещено в торговле называть «чаем» суррогатные напитки – морковный, фруктовый и другой «чай», чаем предписано было называть только черный байховый чай иностранного производства и кавказские чаи[4].

Неважно обстояли дела со снабжением казанцев промышленными товарами. Наиболее развитая до революции текстильная промышленность производила в конце 1920-х гг. всего 12 метров тканей в год на душу населения. Причем в основном производились недорогие гладкокрашеные ткани – полотно, холст, парусина, солдатское сукно, байка, гарус, бязь, ситец, дешевая шерсть[5]. К концу нэпа на душу населения в год промышленность СССР производила всего 80 см шерстяных тканей, 0,4 пары кожаной обуви (полботинка на человека), 1 носок или чулок, а также на 20

[1] ***Кузнецова Л.О.*** Социальная политика... Л. 162.

[2] История Казани. Кн. 2. Казань, 1991. С. 98; Справочник-путеводитель по гор. Казани. С приложением плана города с слободами. Казань, 1926. С. 84.

[3] *См., например:* Постановление Наркомата внутренней торговли ТССР «Об установлении твердых розничных цен на сахар-рафинад и сахарный песок». 5 января 1927 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1927. № 3. С. 41-42; Постановление Наркомата торговли ТССР «Об установлении предельно-максимальных розничных цен на масло». 6 июля 1928 г. // Там же. № 30. С. 288; Постановление Наркомата торговли ТССР «Об установлении предельно-максимальных розничных цен на масло». 29 августа 1928 г. // Там же. № 37. С. 586-587.

[4] Постановление СНК ТССР «О запрещении наименования «чай» для суррогатных напитков». 10 ноября 1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1925. № 46. С. 521.

[5] ***Стриженова Т.К.*** Указ. соч. С. 15, 72.

человек населения производилась 1 пара белья[1]. В 1927 г. на 100 мужчин в стране приходилось 28 летних мужских костюмов и 31 зимний костюм, 117 шерстяных брюк; на 100 женщин приходилось 34 женских костюма, 74 шерстяных платья, 88 шерстяных юбок. Одежды и обуви не хватало катастрофически. Хотя в принципе стоимость этих товаров была вполне доступна. Так, каменщик или штукатур мог теоретически заработать на пару мужской обуви за шесть дней труда, а на шерстяной мужской костюм – за 20 дней, просто этих товаров не хватало[2].

Люди перешивали на одежду одеяла, скатерти, драпировки, шторы, донашивали старые вещи. Ассортимент гражданской одежды этих лет был небогат и состоял из некоторых вещей, которые появились в предреволюционные годы и теперь обрели иные функции и смыслы: например, кожанка, бывшая до революции униформой шоферов, стала неотъемлемой частью облика комиссара, советского руководителя вообще[3]. Население по привычке использовало военное обмундирование – его носили, перешивали и переделывали. Однако в феврале 1925 г. вышло совместное постановление наркомвнудела, начальника гарнизона и Татвоенкомата о запрещении ношения военной одежды невоенными гражданами[4]. Вероятно, этот шаг призван был не только повысить «престиж мундира» реформируемой армии, но и прекратить хищения со складов обмундирования. Но на протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. военный костюм продолжает оказывать сильное влияние на массовую моду того времени. В городской толпе привычно смотрелись френчи, кители, гимнастерки, брюки-галифе, военные фуражки[5]. Кожанки, красные косынки, шинели были своеобразной пролетарской «модой» того времени, своеобразным знаком принадлежности к победившим социальным группам.

Хотя само понятие «моды» и «модной одежды» вызывало у представителей этих слоев весьма негативные чувства: мода стала обозначать буржуазный предрассудок, излишество. Так, «излишними» в одежде считались галстуки, яркие мужские костюмы и рубашки, отделки женских платьев (рюшки, кружева),

[1] ***Осокина Е.А.*** Частное предпринимательство... С. 223.

[2] ***Зайченко А.*** Указ. соч. С. 149.

[3] ***Стриженова Т.К.*** Указ. соч. С. 20.

[4] Обязательное постановление НКВД, начальника гарнизона и Татвоенкомата «О воспрещении ношения военной одежды невоенными». 17 февраля 1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1925. № 9. С. 113.

[5] ***Анохина Л.А., Шмелева М.Н.*** Указ. соч. С. 240.

Модное платье 1924 года. Из книги: «Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution» (Bloomington, 1985)

даже шляпы и портфели! Между тем в пору нэпа «возвращаются» модные наряды: модные женские силуэты тех лет – так называемые «птичьи» – шелковые, парчовые узкие платья удлиненных пропорций, шапочка или косынка, плотно облегающие голову (модницы стриглись тогда коротко), закрывающие лоб и порой даже один глаз, узкая остроконечная обувь с застежками-перепонками. Эти вкусы высмеивались, они вызывали «классовую неприязнь» простых работниц, носивших хлопчатобумажные платья, полосатые майки, короткие прямые или слегка расклешенные юбки, спортивные тапочки, сапоги[1].

Городская инфраструктура в Казани в те годы была развита слабо. Так, хотя коммунальные услуги рабочим предоставлялись бесплатно[2], в рабочих слободах не было водопровода (или он бездействовал), из-за отсутствия электроэнергии квартиры освещались «коптилками». Даже в 1928 г. только треть казанских квартир освещалась электричеством. Строительство канализации в городе было начато только в 1928 г.[3] Зато в 1920-е гг. развивался городской транспорт. В 1922 г. заработала одна линия казанского трамвая – ходившая на Устье[4]. А в течение последующих четырех лет – еще две. В 1926 г. к трем линиям казанского трамвая добавился новый вид транспорта: открыли первую автобусную линию – от старой дамбы до слободы Восстания, вслед за ней – две другие линии: в Козью слободу и в Ново-Татарскую слободу[5]. В правилах пользования автобусами пассажирам предписывалось осуществлять посадку в порядке живой очереди, брать билеты, не становиться ногами на сиденья и не влезать через борт кузова автобуса. К проезду не допускались: пьяные, милиционеры и красноармейцы с оружием, лица, «одержимые явно заразными болезнями», «лица женского пола в шляпах с длинными острыми шпильками без наконечников», лица с громоздким или дурно пахнущим багажом, с режущими орудиями, живой птицей и животными, огнеопасными предметами[6]. Продолжавший бытовать в Казани барабусный извоз в 1920-е гг. тоже регламентировался: возчик должен был получить

[1] ***Стриженова Т.К.*** Указ. соч. С. 20-21, 29, 32.

[2] ***Рошаль М.Г.*** Указ. соч. С. 194.

[3] История Казани. Кн. 2. Казань, 1991. С. 71, 118-119.

[4] ***Калинин Н.Ф.*** Казань. Исторический очерк. Изд-е 2-е. Казань, 1955. С. 255.

[5] ***Калинин Н.Ф.*** Казань. С. 256.

[6] Обязательное постановление президиума Казгорсовета «О правилах пользования автобусами». 20 января 1927 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1927. № 5. С. 70-71; Обязательное постановление президиума Казгорсовета «О правилах пользования автобусами». 12 января 1928 г. // Там же. 1928. № 6. С. 84-85.

номерной знак, лошадь должна была быть подкована и взнуздана, на дровнях должны были лежать чистая рогожа или брезент[1]. Вплоть до начала 1930-х гг. гужевой транспорт оставался самым распространенным в Казани.

1920-е гг. ознаменовались открытием авиационного сообщения Казани с другими городами. В июне 1924 г. в Казани был официально открыт авиадром, на котором приземлился первым самолет «Добролета» «Юнкерс-13». А месяц спустя, в июле, начало действовать воздушное сообщение со столицей – одна из первых авиалиний в стране Казань – Москва (с посадкой в Нижнем Новгороде). Самолет вылетал из Казани по вторникам и четвергам в 8 часов 05 минут утра, а прилетал в Москву в 15 часов. Перед каждым полетом летчик самолично звонил в город, куда пролегал его маршрут, – на местный телеграф или в отделение милиции – и интересовался погодой в пункте назначения. Билет от Казани до Москвы обходился пассажиру в 160 рублей. В конце 1920-х гг. эта воздушная линия была продолжена, и казанцы могли летать до Свердловска и даже до Новосибирска[2].

Частная инициатива и частное предпринимательство периода нэпа обеспечили создание в 1920-е гг. рынка продовольствия, товаров и услуг, сделали возможным отмену нормированного распределения продовольствия, стабилизировали денежную систему. В результате – хоть и не в полном объеме – было восстановлено более или менее нормальное потребление горожанина. В условиях преодоления угрозы голода горожанин частично восстанавливал прежние формы быта. Параллельно в жизнь казанца входили формы «нового быта», некоторые из них стали на долгие годы и даже десятилетия неотъемлемыми элементами его советской повседневности (например, общепит, коммунальные квартиры), другие остались лишь неприжившимся в этой повседневности экспериментом (например, проживание коммунами[3]).

---

[1]Обязательное постановление президиума Казгорсовета «О барабусном извозе в г. Казани». 20 января 1927 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1927. № 5. С. 71-72; Обязательное постановление президиума Казгорсовета «О барабусном извозе в г. Казани». 12 января 1928 г. // Там же. 1928. № 6. С. 84.

[2]***Ибрагимов Р.*** Воздушный порт Казани // Казань. 1999. № 3-4. С. 90-91.

[3]См.: ***Трофимук А.*** Моя альма матер // Казань. 1999. № 7-8. С. 82-83. Автор рассказал о печальном опыте казанской студенческой коммуны, образованной в 1930 г. и протянувшей всего несколько месяцев. Студенты коммуны (получившей двухэтажное здание по ул. Кооперативной) обобществили все свое нехитрое имущество, вплоть до личной одежды, и деньги. Питание, стирка, починка одежды, культпоходы — все было коллективным делом. Однако конфликты между «коммунарами» разрушили коммуну.

Карточная система распределения 1928-1935 годов

Сворачивание частного производства и торговли и, как следствие, нехватка продовольствия, дефицит промтоваров привели к созданию в стране карточной системы распределения. Она существовала в СССР в 1928/29 – 1935 гг.

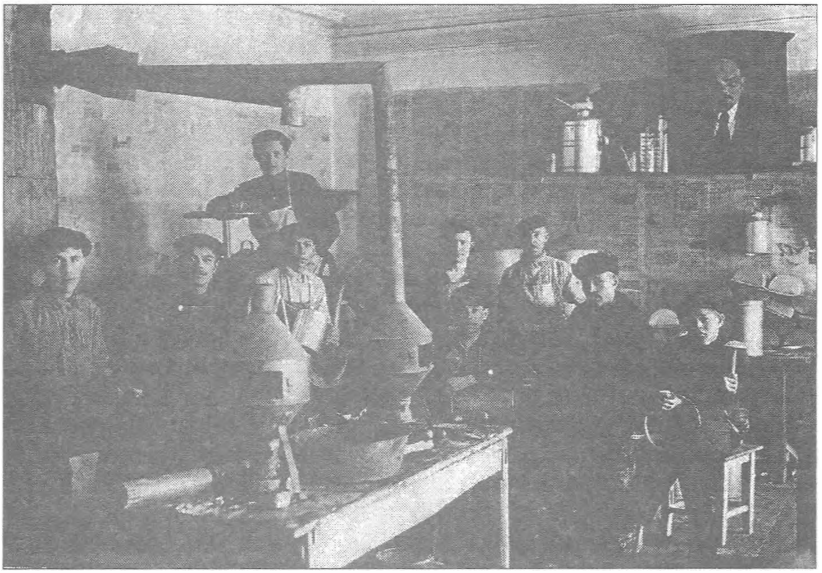
В 1928 г. начался отпуск хлеба по карточкам на Украине. Зимой 1928/29 гг. в стране стояли длинные очереди за хлебом, порой дело доходило до разгрома хлебных будок, драк и давки в очередях. Люди, наученные горьким опытом голодных лет, запасали хлеб впрок: сушили сухари. Карточная система вводилась стихийно – «снизу» и санкциями местных властей. К началу 1929 г. она была введена во всех городах СССР. Вначале был нормирован хлеб, а потом и другие дефицитные продукты – сахар, мясо, масло, чай и прочее. В 1932-1933 гг. карточки ввели даже на картофель. На спиртные напитки карточки не вводились. Место торговли заняло отоваривание по «заборным документам» и ордерам через закрытые распределители, закрытые рабочие кооперативы, отделы рабочего снабжения. «Заборные документы» не полагались тем, кто был лишен избирательных прав. Каждая область имела свою форму и порядок выдачи карточек. Сначала карточки выдавала потребкооперация, с 1931 г. – исполкомы советов[1].

В конце 1920-х гг. в Казани выстроились огромные очереди в продовольственные магазины. Продуктов в городе не хватало. К тому же вследствие коллективизации и бегства от нее крестьян в города, население Казани резко возросло[2]. Увеличивалось оно в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и из-за развернувшегося в городе огромного строительства: на стройки Казани – Авиастрой, Машиностроя, Грэсстрой и другие – прибывали и прибывали строители. 15 февраля 1929 г. вышло постановление наркомата торговли ТССР, по которому в Казани и в рабочих районах республики вводилась карточная система – «заборные книжки» на хлеб[3]. Но хлеб выдавался не бесплатно: так, в 1932 г. ржаной хлеб по

[1] ***Осокина Е.А.*** Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928-1935 гг. М., 1993. С. 15; ***Осокина Е.А.*** За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1998. С. 60-70.

[2] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 13.

[3] Постановление Наркомата торговли ТССР «Об урегулировании снабжения хлебом трудового населения Казани и рабочих районов ТР». 15 февраля // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1929. № 9. С. 122-124 (Опубликовано также в «Красной Татарии». 1929. 16 февраля); Обязательное постановление президиума Казанского городского совета «О порядке выдачи заборных хлебных книжек» // Там же. № 9. С. 124-126.



В рабочий полдень. 1930 год. Фото из частного архива

карточкам стоил 9 коп. за килограмм, а пшеничный – 20 копеек[1]. Заборные карточки выдавались на семью. Хлебом обеспечивались рабочие, служащие, учащиеся, безработные, кустари, инвалиды, пенсионеры. «Нетрудовые элементы» – торговцы, служители религиозных культов, лишенные избирательных прав, – снабжению не подлежали.

Согласно постановлению Казгорсовета от 4 апреля 1929 г. вводились заборные книжки трех категорий и, соответственно, трех цветов. К первой категории относились рабочие фабрично-заводских предприятий, на их заборную книжку (розового цвета) полагалось по 800 г хлеба владельцу – самому рабочему – и по 400 г «иждивенцам» – членам семьи. Причем, если и другие члены семьи были рабочими, они могли выписаться из семейной книжки и получать свои законные 800 г. Служащие всех учреждений и предприятий, в том числе и уборщики, кучера и т.д., относившиеся ко второй категории снабжения (обладатели синих заборных книжек), а также отнесенные к третьей категории остальные снабжаемые

[1] ***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан. 1993. № 6. С. 35.

казанцы (обладатели зеленых заборных книжек) получали по 300 г хлеба на владельца книжки и по 300 г на иждивенцев[1]. Выдача хлеба по заборным книжкам Казанским центральным рабочим кооперативом (КЦРК) началась в Казани 21 марта 1929 г.[2] Первые дни образовывались огромные очереди за хлебом – люди боялись, что хлеба не хватит[3]. Пайки постепенно уменьшались. Уже с 14 мая того же 1929 г. постановлением Горсовета норма отпуска хлеба по розовым книжкам была снижена до 300 г. При этом в 1-ю категорию из 2-й были переведены слесари, плотники, столяры, рабочие учреждений, шоферы, кучера, полотеры, судомойки, рабочие, находящиеся на выборных должностях, оперативный состав работников ОГПУ, работники милиции, угро и другие[4].

Нормирование продовольствия было сопряжено с криминализацией ситуации в этой сфере: карточки подделывали, воровали, ими спекулировали и так далее. Газеты пестрели заметками о злоупотреблениях с хлебными карточками, как и с другими дефицитными продуктами. Так, в марте-апреле вся Казань бурно обсуждала растрату 40 тысяч рублей в казанских магазинах[5]. Нередки были случаи подделки врачебных рецептов, по которым отдельным категориям населения выдавали дефицитные продукты, – например, манная крупа выдавалась только больным детям по рецепту врача[6].

В конце 1930 – начале 1931 гг. карточная система распределения получила дальнейшее развитие. Решениями ЦК ВКП(б) установили два, а затем четыре списка городов, подлежащих централизованному снабжению. В марте 1931 г. в Казани, а в мае – в других городах Татарской Республики был проведен учет городского населения в связи с выдачей новых заборных книжек[7]. В 1931 г. все трудящееся население городов было разделено на группы по «классово-производственному» признаку. В первую группу наряду с

[1] Постановление президиума Казгорсовета «О заборных книжках». 4 апреля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1929. № 16. С. 249-252; Красная Татария. 1929. 22 марта.

[2] Красная Татария. 1929. 17 марта.

[3] Красная Татария. 1929. 29 марта.

[4] Красная Татария. 1929. 16 мая, 18 мая.

[5] См.: Красная Татария. 1929. Март-апрель.

[6] Красная Татария. 1929. 17 апреля.

[7] Постановление СНК АТССР «О проведении учета городского населения в связи с выдачей заборных книжек». 18 марта 1931 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства АТССР. Казань, 1931. № 7. С. 104-105.

рабочими входили военнослужащие, работники ОГПУ, милиции, оперработники УГРО, учащиеся и преподаватели ФЗУ. Ко второй группе были отнесены служащие, а также члены семей рабочих и служащих и «лица свободных профессий». Третью группу составляли дети до 14 лет. На не занятое «общественно-полезным» трудом население (арендаторы, владельцы контор и бюро, торговцы и др.) карточное снабжение по-прежнему не распространялось. Они должны были выживать как умели. В начале 1932 г. карточек были лишены все домохозяйки моложе 56 лет: чтобы получить карточки, они должны были устроиться на работу[1].

Особенно тяжелым на всем протяжении карточного снабжения было положение с мясом, жирами, молочными продуктами. С весны 1929 г. в Казани также стали ощущаться перебои с мясом и жирами[2]. В июле 1930 г. в стране были введены карточки на мясо, но получили их только 14 миллионов жителей России. Норма отпуска мяса индустриальному рабочему в 1930 г. официально была установлена в 4,4 кг в месяц, но она неуклонно снижалась – в 1932 г. она составила 2 кг. К тому же мясо часто заменяли воблой, рыбой, консервами. В стране хронически наблюдались очереди за керосином – он был топливом для примусов, на которых готовила еду вся страна, спичек выдавали лишь по 2 коробка в руки.

Даже по карточкам весьма недостаточно и нерегулярно снабжались служащие и учащиеся – учителя, врачи, студенты и др. В Казани интеллигенция в массе своей получала в начале 1930-х гг. по 100 г хлеба. Даже хлебный паек не гарантировался. А крупа, сахар выдавались врачам и учителям нерегулярно – 2-3 раза в год по 400-500 г. Осенью 1932 г. казанское студенчество вообще было снято с централизованного снабжения, и университету пришлось организовать собственную столовую, овощи для нее выращивали на земельных участках Галактионовского совхоза. В ноябре 1932 г. при Казанском университете был организован продуктово-промтоварный магазин, где студенты получали хлеб[3].

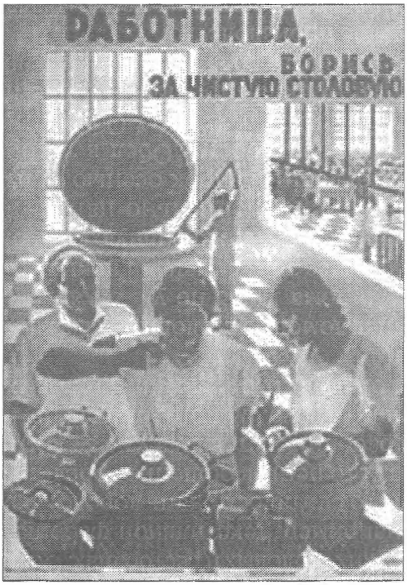
В 1932 г. большая часть населения страны вела полуголодную жизнь. А с зимы 1932/33 гг. начался массовый голод, основной жертвой которого стало крестьянство, но страдало и население городов[4]. В Казани образовались большие очереди за хлебом, и он

[1] ***Осокина Е.А.*** Иерархия потребления. С. 16, 19, 20-24, 27; ***Осокина Е.А.*** За фасадом «сталинского изобилия». С. 94, 102-105.

[2] Красная Татария. 1929. 30 мая.

[3] ***Сидорова И.Б.*** От «Великого перелома» к началу стабилизации: 1930-1940 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 192-193.

[4] ***Осокина Е.А.*** Иерархия потребления. С. 27, 53, 101.



М.Ф.Бри-Бейн. Плакат 1931 года

Плакат Г.М.Шегаля. 1931 год

был в продаже не всегда. Гороховые и чечевичные каши и супы казались верхом роскоши. Мемуарист, работавший в 1930-е гг. в одном из казанских вузов, вспоминал, что, несмотря на это, его семья не голодала: основное место в домашнем питании занял картофель. Даже в праздники главным блюдом тогда был «вареный картофель с капустой провансаль». Завтракали обычно вареной картошкой со сливочным или растительным маслом или варили кашу, обед был обычно из двух блюд, а по праздникам – даже с киселем или компотом, спиртное было только по праздникам. Кроме того, продукты мемуаристу иногда выделялись в вузе, он мог питаться в вузовской столовой. На улицах Казани появились голодающие, прибывшие из самых бедственных районов, многие из них умирали прямо на станциях, на улицах города[1].

Государство не справлялось со снабжением. Оно призвало предприятия и организации искать источники самообеспечения: вести самозаготовки в глубинке, заключать договоры с колхозами, заводить собственные огороды, свинарники, молочные фермы,

[1] ***Адо В.*** Вспоминая о прошлом... (Записки русского интеллигента XX века) // Казань. 2000. № 10. С. 101-102.

фабрики-кухни, столовые. Создавались «огородные кольца вокруг городов», заводы выращивали капусту и заводили свои инкубаторы. Однако прямой обмен промышленной продукции предприятий на продукты был запрещен. Свой огородик старалась завести и каждая городская семья[1].

Всячески развивались и пропагандировались формы общественного питания. В стране существовала целая иерархия столовых: на одном и том же предприятии и в учреждении разные столовые обслуживали рабочих, служащих, инженеров; свои столовые (и спецмагазины) полагались ударникам; существовали закрытые столовые для местных советских и партийных работников, военных, учителей, врачей, милиции, ученых и т.д. Так, в Казани на Университетской улице существовала закрытая столовая Комиссии содействия ученым при ТатЦИКе[2]. Крестьяне и лишенцы могли питаться только в дорогих коммерческих столовых и ресторанах. Обед из двух блюд в рабочей столовой, например, текстильной фабрики им. Ленина, стоил в 1929 г. 36 коп. (что считалось очень дорого), а в столовой Рабочего дворца – 25 коп.[3] Но цены в общепите росли. В мае 1933 г. средняя цена обеда для рабочих составляла уже 84 коп., инженерно-технических работников – 2 руб. 08 коп., студентов – 87 коп., школьников – 57 коп. Цена обеда в коммерческих столовых для всех граждан была 5 руб. 84 коп.

Поощрялись и пропагандировались домовые столовые. В Казани еще в мае 1927 г. домашние хозяйки дома № 38 по ул. Захарьевской (ныне ул. К.Насыри) по инициативе трех семей – Галкиных, Бахтиаровых и Биркенгофов – организовали коллективную кухню. В 1929 г. она уже обслуживала 14 семей, специально нанятый ими повар готовил из овощей, заготовленных впрок осенью, и из продуктов, получавшихся семьями по карточкам. Обед в такой коллективной домовой столовой обходился в 35 коп.[4] Общепит, пищевые комбинаты в 1920-30-х гг. «рекламировались» еще и потому, что упрощение домашнего хозяйства должно было вовлечь вчерашних домохозяек в общественное производство.

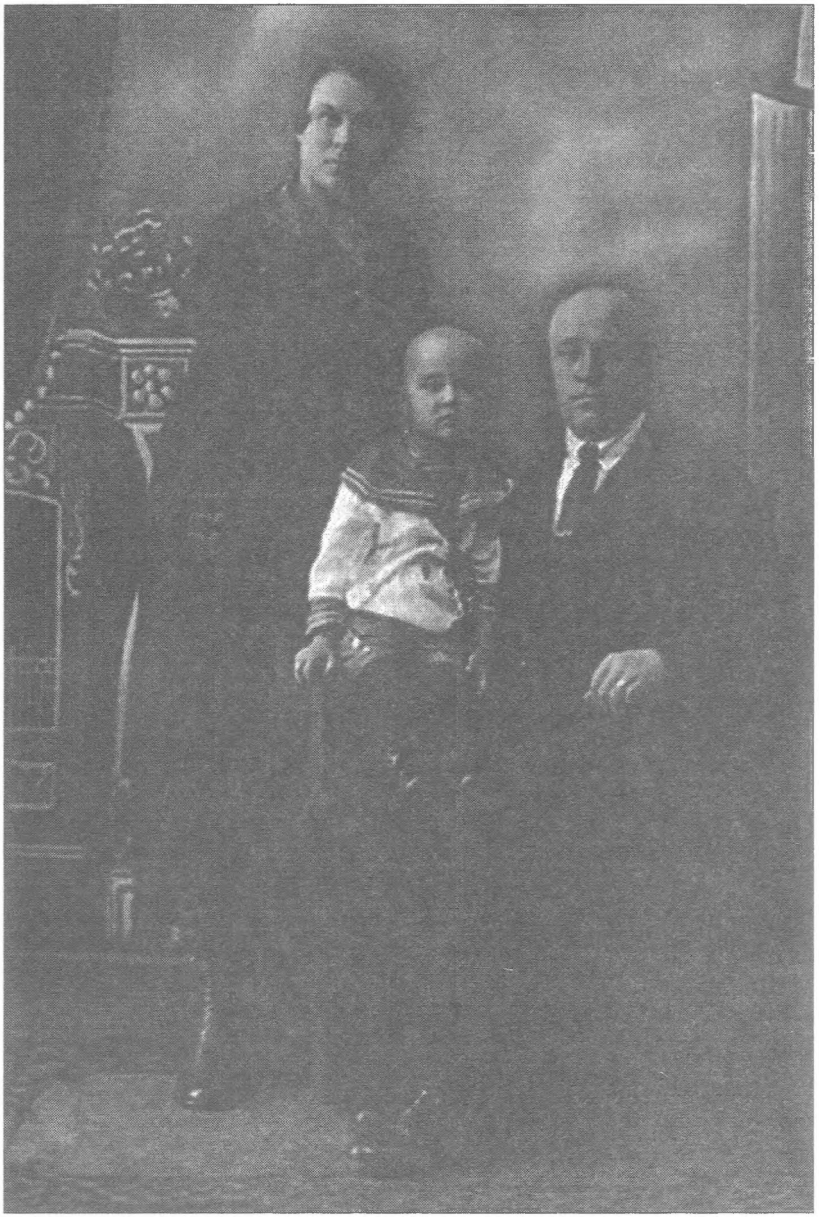
В то время как основная масса населения страны испытывала значительные трудности с питанием, в начале 1930-х гг. в стране формируется система спецснабжения. Ею охватывались, в первую очередь, работники партийно-советского аппарата, но также

[1] ***Осокина Е.А.*** Иерархия потребления. С. 33; ***Осокина Е.А.*** За фасадом «сталинского изобилия». С. 147-153.

[2] НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1875. Л. 43.

[3] Красная Татария. 1929. 1 июня.

[4] Красная Татария. 1929. 2 марта.



Семья советского инженера. 1930-е годы. Фото из частного архива

красноармейцы, научная элита и некоторые другие категории специалистов. В 1931 г. появился ряд постановлений, определивший снабжение ответственных работников центрального аппарата. В конце 1932 г. персональные пенсионеры, краснознаменцы и бывшие политкаторжане были приравнены в снабжении к руководящим работникам. В конце 1931 г. районные руководящие работники и члены их семей также были приняты на централизованное снабжение по нормам рабочих первого списка. Им полагалось 800 г хлеба в день, в месяц – 2,5 кг крупы, 2 кг рыбы, 1,5 кг сахара, 400 г растительного масла, 3 банки консервов, 25 г чая. Кроме того, они могли купить в месяц на 10 рублей обуви, одежды, ткани, трикотажа, ниток, папирос и других товаров по низким городским кооперативным ценам. Для районного актива организовывались медицинская помощь, сеть домов отдыха, давались путевки в санатории и на курорты. Причем средства для всего этого извлекались из местного бюджета! Хорошим было также снабжение красноармейцев, что не в последнюю очередь определяло привлекательность военной службы в те годы. Весной 1931 г. научная элита страны – 10 тысяч человек (примерно 40% научных работников страны – академики, профессора, доценты вузов, старшие научные сотрудники НИИ) – стала снабжаться по нормам индустриальных рабочих особого и первого списков. В 1932 г. интеллектуальная элита страны получила снабжение, нормы которого были даже выше норм снабжения индустриальных рабочих. К этим «счастливцам» было отнесено по всей стране лишь примерно 13 тысяч человек – 3 тысячи из них проходили по 1-й группе, остальные – по 2-й[1].

В связи с нормированным распределением продовольствия и товаров слово «магазин» вскоре почти исчезло из употребления: его заменили слова «закрытый распределитель» (ЗР), «закрытый рабочий кооператив» (ЗРК), «отдел рабочего снабжения» (ОРС). Исчезло и слово «продавец» – его заменило слово «резчик», так как главной обязанностью продавца стало нарезать пайки[2]. Привилегированные категории снабжаемого населения «отоваривались» в «спецраспределителях». Так, были организованы специальные районные распределители для «двадцатки» районных руководящих работников и членов их семей. В Казани появилось большое количество ведомственных магазинов и

[1] ***Осокина Е.А.*** Иерархия потребления. С. 63, 71, 77, 16, 19, 20-24, 27; ***Осокина Е.А.*** За фасадом «сталинского изобилия». С. 89-113.

[2] ***Осокина Е.А.*** Иерархия потребления. С. 15; ***Осокина Е.А.*** За фасадом «сталинского изобилия». С. 110.

спецраспределителей – железнодорожные магазины в районе вокзала, на углу сегодняшних улиц Чернышевского и Московской – магазин швейников, на улице Лобачевского – милицейский магазин, на Бутлерова – «Горняк», для геологов, на улице Островского (там до недавнего времени находилась ГИБДД) – комсоставский магазин НКВД[1], на улице Мирославского – закрытый профессорский распределитель[2] и другие.

В магазинах в начале 1930-х гг. практически ничего не было: ненормированные продукты – сыр, колбаса, творог, конфеты, сметана – появлялись в них крайне редко, а когда появлялись, также продавались по нормам. Овощные магазины отсутствовали[3]. В 30-е гг. в СССР появилась так называемая «авоська» – вязаная сумка с дырочками, с которой советский человек шел в магазин в надежде «авось, что-то «выбросят»[4].

Нормирование в эти годы коснулось не только продовольствия. Еще до официального введения карточек на промтовары в марте 1929 г. в порядке эксперимента в Казани «для удобства рабочих и служащих» ввели товарные абонементы на мануфактуру[5]. А в апреле дефицитные товары было решено отпускать только членам Центральной рабочей кооперации, инвалидам и пенсионерам. К этим товарам, помимо некоторых ненормируемых продуктов, а также хлопчатобумажной мануфактуры, суконно-шерстяных тканей, кожаных изделий, галош, были отнесены кровельное и сортовое железо, гвозди, хозяйственное мыло[6]. Промтовары теперь нельзя было купить просто так, необходимо было получить и соответствующий документ для покупки – ордер. Так, в ноябре 1930 г. студентам Казанского университета было выдано 300 ордеров на покупку валяной обуви, 250 – на ватные пиджаки, 75 – на пальто и 800 – на «мелкие вещи» (всего в университете тогда обучалось более 2 тысяч студентов)[7]. К середине 1931 г. нормирование промышленных товаров было введено официально по всей стране.

Одежды и обуви не хватало катастрофически. Иностранцы, приезжавшие в СССР, отмечали, что люди одеты кое-как – ни одного целого костюма, все подобрано по случаю, одежда в основном

---

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 15-16.

[2] НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2381. Л. 18.

[3] ***Осокина Е.А.*** Иерархия потребления. С. 17, 19.

[4] ***Сарнов Б.*** Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2002. С. 61-62.

[5] Красная Татария. 1929. 15 марта.

[6] Красная Татария. 1929. 3 апреля.

[7] ***Сидорова И.Б.*** От «Великого перелома» к началу стабилизации. С. 193.

Модницы. 1932 год. Фото из частного архива

коричневого или черного цветов, почти не встретить нарядную женщину[1]. Люди имели по 1-2 платья, 1-2 рубахи, 4-5 смен белья. Тем не менее, мода совершала свое «победное шествие» и среди простого рабочего населения. Один из авторов обследования в 1928 г. быта ленинградской рабочей молодежи – доктор А.Г.Каган – возмущался «венским шиком», бытовавшим среди рабочей молодежи. Некоторые молодые рабочие и работницы носили тогда костюмы «под Гарри Пиля» (зарубежный киноактер), галифе, клеш, ботинки «джимм», узкие юбки, крепдешиновые платья, платья с декольте, как в фильме «Чары любви», «французские» каблуки на лакированных туфлях. Культовым предметом в гардеробе юных работниц были шелковые чулки. Почти половина рабочих девушек пользовалась косметикой, некоторые делали маникюр, сооружали модную прическу «а ля Липковская» – для того, чтобы уложить волосы на щеки, бесхитростные работницы мазали их клеем. Значимым мотивом неприятия указанной моды были «идейные мотивы»: косметика и шелковые чулки считались в те годы символом мещанства. «Косметика – первая ступень вниз: вслед за ней, чаще – рядом, идут «флирт», вечерушки, ранняя половая жизнь, неразбериха в личном быту вообще и плавный, но прогрессирующий отход не

[1]См.: ***Осокина Е.А.*** За фасадом «сталинского изобилия». С. 125.

только от общественной работы, но от всякой общественной жизни вообще»[1]. Доктор Каган, правда, мотивировал свое неприятие этой моды в основном ее негигиеничностью, а также тем, что молодежь в погоне за этим «шиком» жертвует необходимым: покупая дорогие шелковые чулки, экономит на питании, остается без смены белья. К тому же часто из-за «венского шика» «...выглядывало нестираное, замусоленное белье и немытое, почерневшее от грязи и пыли лицо»[2]. Упрек был справедлив: положение с гигиеной в среде рабочей молодежи, действительно, было неважным. Согласно обследованиям 1928 г. московских рабочих, 3,5% мужчин и 8% женщин не умывались по утрам, около 52% мужчин и более 33% женщин не умывалась по вечерам. А баню чаще одного раза в неделю посещали только 3% мужчин и 5% женщин – и то в основном работники тех предприятий, при которых имелись бани и души[3]! Причина такого положения крылась не только в отсутствии необходимых условий в общежитиях и частных домах, но и в недостатке культуры гигиены среди широких масс.

Недостаток санитарно-гигиенической культуры населения способствовал распространению инфекционных заболеваний. В 1920-е годы в Казани свирепствовали страшные болезни – трахома, туберкулез, натуральная оспа, венерические заболевания[4]. Газеты фиксировали число заболевших: так, только за неделю февраля-марта 1929 г. в городе 9 человек заболело корью, 1 – краснухой, 17 – скарлатиной, 2 – дифтеритом, 1 – натуральной

---

[1] ***Каган А.Г.*** Как молодежь расходует и как надо расходовать получку. Л., 1928. С. 38.

[2] ***Каган А.Г.*** Как молодежь расходует и как надо расходовать получку. С. 5-6, 36, 39, 72-73.

[3] ***Коган Б.Б., Лебединский М.С.*** Быт рабочей молодежи (по материалам анкетного обследования). М., 1929. С. 39-40.

[4] 22-24 мая 1925 г. в Казани проходил «туберкулезный трехдневник», а с декабря 1928 по май 1929 гг. проводилось массовое оспопрививание. См. также: Постановление ЦИК и СНК ТССР «О бесплатном лечении венерических болезней». 13 января 1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1925. № 1. С. 3; Постановление СНК ТССР «Об обязательном оспопрививании». 24 апреля 1925 г. // Там же. № 20. С. 252-253; Постановление ЦИК ТССР «О туберкулезном трехдневнике». 12 мая 1925 г. // Там же. № 22. С. 276-277; Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с трахомой». 15 февраля 1928 г. // Там же. 1928. № 10. С. 156-157; Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с венерическими болезнями». 15 февраля 1928 г. // Там же. С. 162-163; Обязательное постановление президиума Казгорсовета «О проведении обязательного оспопрививания по г. Казани». 21 ноября 1928 г. // Там же. 1929. № 1. С. 15-16.

оспой, 10 – ветряной оспой, 2 – коклюшем, 2 – сыпным тифом, 1 – менингитом, 12 – свинкой, 10 – рожей[1]. Население Казани же в конце 1920-х – начале 1930-х гг. помимо 20 больниц обслуживали всего две станции скорой помощи: № 2 – для заречных слобод, № 1– для остальной части города[2]. Как правило, на станции дежурили один врач, один фельдшер, один санитар, станция обслуживала в сутки 35-40 вызовов[3].

Наряду с господствовавшими в 30-е гг. нормированным распределением существовали также коммерческая торговля, Торгсин, колхозный рынок. Коммерческая торговля и Торгсин были формами госторговли, то есть они находились в сфере планового централизованного распределения товаров и назначения цен. Рыночной была только колхозная торговля.

Коммерческая торговля развернулась согласно правительственному решению лета 1929 г. – как дополнение к закрытым формам распределения. Коммерческая торговля осуществлялась через государственные магазины, по повышенным ценам. Продукты в коммерческой торговле стоили в 2-8 раз, а промтовары – в 2-4 раза дороже, чем по карточкам. Как и карточные, коммерческие цены периодически повышались, и разрыв между ними варьировался, но сохранялся[4].

Несмотря на высокие цены, из-за товарного дефицита в коммерческих магазинах всегда стояли очереди. Процветала практика «нагрузок»: чтобы получить муку, крупу, надо было купить что-то дополнительно. Хорошо, если это было мыло, галоши или селедка, а нередко в нагрузку можно было получить за свои же деньги пионерский горн или бюст Калинина. Процветала спекуляция коммерческими товарами – они перекочевывали на рынок. Поэтому в коммерческих магазинах иногда вводились временные нормы ограничения отпуска товаров. Особенно нуждались в коммерческой торговле те категории населения, которым не давали (или давали с ограничением) карточки, – лишенцы, крестьяне, интеллигенция.

Другая форма торговли – через магазины Торгсина (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами). В магазинах Торгсина, или, как говорили тогда, – в Торгсине, – товары продавались

[1]Красная Татария. 1929. 6 марта.

[2]Постановление президиума Казгорсовета «О порядке вызова скорой медицинской помощи». 16 февраля 1928 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1928. № 13. С. 205-206.

[3]Красная Татария. 1929. 16 марта.

[4]***Осокина Е.А.*** Иерархия потребления. С. 108-110.

за валюту, а также при условии сдачи драгоценных металлов, предметов роскоши и искусства. Товары, продававшиеся в Торгсине, производили предприятия и специальные цеха, работавшие на Торгсин. В магазинах Торгсина также реализовывались таможенные конфискаты, дворцовая мебель, ковры. Советские граждане имели право покупать товары в магазинах Торгсина так же, как и иностранцы. Продажа велась по товарным ордерам или бонам (деньги Торгсина), а в 1933 г. – по специальным именным «заборным книжкам», которые выдавались после сдачи ценностей. В 1934 г. порядок изменился: сдатчики ценностей прикреплялись к определенным магазинам. При сдаче ценностей на сумму до 1 рубля им выдавали квитанцию, купить товар по которой можно было только в тот же день и в том же магазине. А при сдаче ценностей на сумму более 1 рубля выдавали именные расчетные книжки. Если покупатель имел валюту, он мог платить сразу в кассу. Для держателей иностранной валюты книжки были особой формы[1].

Несмотря на сложности с продовольствием, подобные плакаты украшали советские магазины. А.А.Миллер. Плакат 1938 года

Основными покупателями магазинов Торгсина были вовсе не иностранцы, а советские граждане – они осуществляли 2/3 продаж. Причем платили в основном не валютой, а собственными ценными сбережениями – золотом старой чеканки, золотым ломом, в период голода – и серебром. Покупали в основном продукты: выбор товаров здесь был лучше, а цены порой до 50 раз ниже, чем рыночные. Но на Торгсине наживались и спекулянты, перепродавая затем товар на рынке. В 1934 г., после голода, следствием нормализации продовольственной обстановки в стране стало падение товарооборота Торгсина. Продажа Торгсином продукции своим гражданам стала невыгодной, и постановлениями СНК СССР в 1934 и 1935 гг. все

[1] *Осокина Е.А.* Иерархия потребления. С. 111-112.

операции в магазинах Торгсина были прекращены с 1 января 1936 г., одновременно было запрещено хождение иностранной валюты на территории СССР[1].

В 1932-1934 гг. государство активно стимулировало развитие колхозного рынка, хотя он не был формально запрещен и до этого. В мае 1930 г. были отменены все постановления и распоряжения об ограничении продажи колхозами и единоличными трудовыми хозяйствами своих продуктов на рынках, базарах, станциях и пристанях[2]. Но продажу хлеба на городском рынке крестьяне могли начать только в апреле (после окончания хлебозаготовок) и должны были прекратить с июля (с началом поставок хлеба государству).

В Казани колхозный рынок – правда, говорили не «рынок», а «базар», – находился у железнодорожного вокзала и был важным элементом системы снабжения жителей города[3]. Рынок предлагал горожанину продукты, которые практически не выдавались по карточкам: мясо, молоко, масло, яйца, овощи. Но цены рынка были в 2-5 раз выше дороже пайковых цен. В голодном 1933 г. они подскочили еще больше. Так, в 1929 г. мясо на рынке в Казани стоило 10-18 руб. 50 коп. за 16 кг[4] (или 63 коп. – 1 руб. 16 коп. за кг), молоко – 55-60 коп. за четверть, творог – 63 коп. за 1 кг, сливочное масло – 1 руб. 30 коп. – 1 руб. 40 коп. за 400 г (3 руб. 25 коп. – 3 руб. 50 коп. за 1 кг), яйца – 45 коп. десяток[5]. В 1932 г. цена мяса на казанском рынке поднялась до 6-7 рублей за 1 кг (в государственной и кооперативной торговле она составляла 1-2 руб.), масло сливочное стоило уже 10 руб. за 1 кг (в гос- и коопторговле – 3 рубля), десяток яиц стоил на рынке от 1 до 3,5 рублей (90 коп. в кооперативной и госторговле), четверть молока стоила 3 рубля, фунт творога – 3,5

[1] ***Осокина Е.А.*** Иерархия потребления. С. 112-115.

[2] Постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке производства торговли колхозов. колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами». 20 мая 1932 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1932. № 12. С. 153-155.

[3] ***Завойская Н.*** Родительский дом // Казань. 1999. № 7-8. С. 100.

[4] Красная Татария. 1929. 12 июня. Такие странные меры веса, как 16 кг (пуд), 400 г (фунт) были остатками прежней системы мер, бытовавшей еще несколько лет после введения в июле 1925 г. метрической системы. В Казани метрическая система мер вводилась с 1 октября 1925 года (см.: Постановление Междуведомственной Метрической Комиссии ТССР «О введении метрической системы в промышленности и торговле ТССР». 16 июля 1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1925. № 29. С. 337-339).

[5] Красная Татария. 1929. 27 февраля.

рубля, мешок ржи – 20-30 рублей[1]. Однако цены в Казани были много ниже московских[2].

Уже в 1934 г. в связи с относительной нормализацией продовольственной ситуации в стране цены в госсекторе выросли, а на рынке снизились. То есть соотношение цен в государственной и колхозной торговле выравнивалось. Но разница государственных и рыночных цен все же сохранялась. Когда во второй половине 1930-х гг. в СССР вместе с карточной системой были ликвидированы коммерческая торговля и Торгсин, колхозный рынок был сохранен и в предвоенные годы отчасти покрывал недостаток продовольствия[3].

Однако цены коммерческой торговли и даже цены колхозного рынка все же были доступны далеко не всем категориям казанцев. В 1932 г., согласно установленным окладам в учреждениях и предприятиях различного подчинения, зарплаты казанцев были примерно следующими: 40-55 руб. получали прачка, дворник, уборщица, 65-95 руб. – машинистка, 90-110 руб. – слесарь, 125-150 руб. – шофер, 175-200 руб. – бухгалтер, 150-250 руб. – экономист, инженер получал 275-400 руб., управляющий трестом – 185-400 руб.[4] Зарплата учителя начальной школы в Казани составляла в 1932 г. 75-105 руб., средней школы – 118-151 руб.[5] Ассистент в Казанском университете получал 210 руб., доцент – 250, профессор – 300 руб.[6] Реально доходы казанцев нередко бывали ниже, ведь подчас до половины ее население вынуждено было отдавать на подписку на ежегодные займы.

Таким образом, свертывание частного предпринимательства и торговли в конце 1920-х-начале 1930-х гг. (наряду с коллективизацией сельского хозяйства) имело роковые последствия для населения страны. Оно повлекло за собой возникновение дефицита продовольствия и промышленных товаров, страшный голод 1932/33 гг., захвативший и Среднюю Волгу, особенно сельские районы, и, наконец, введение карточной системы распределения продовольствия.

---

[1] ***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан. 1993. № 6. С. 35-37.

[2] ***Осокина Е.А.*** Иерархия потребления. С. 41.

[3] ***Осокина Е.А.*** Иерархия потребления. С. 41, 117-118, 120.

[4] Постановление Наркомата труда ТССР «О системах заработной платы работников учреждений, предприятий, кооперативных и общественных организаций, в которых введено или подлежит введению государственное нормирование зарплаты». 31 декабря 1931 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1932. № 1. С. 6-12 («Схема должностных окладов»).

[5] Постановление СНК АТССР «Об установлении дифференцированной заработной платы для учителей начальной и средней школы». 17 апреля 1932 г. // Там же. № 12. С. 165-169.

[6] ***Сидорова И.Б.*** От «Великого перелома» к началу стабилизации. С. 189.

Мифы и реалии «предвоенного изобилия»

Октябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1934 г. вынес решение отменить карточную систему. 7 декабря 1934 г. появилось постановление СНК СССР, отменявшее карточки на хлеб, крупы и макароны с 1 января 1935 г. В сентябре 1935 г. вышло постановление, отменившее с 1 октября 1935 г. карточки на мясо, сахар, жиры, картофель. Но в конце 1935 г., после отмены карточек на мясо, рыбу, жиры, их потребление снизилось: люди привыкали к новым ценам. Некоторые даже, не веря в продолжительность отмены карточек, покупали много хлеба и заготавливали впрок сухари. Однако скоро люди вошли во вкус. Устав от черного хлеба по карточкам, они охотно покупали дорогой белый хлеб, так, что кое-где это вызвало затоваривание черствым черным хлебом. В витринах магазинов появились продукты и товары. Вместо закрытых распределителей вновь появились магазины. А в них появились вечерние платья и красивые костюмы. Открывались парфюмерные и цветочные магазины (хотя магазинные букеты стоили двухнедельной зарплаты рабочего)[1]. Прививался вкус к хорошим вещам. Так, в 1938 г. казанские меховые фабрики № 3 и 4 привезли в Москву на Всесоюзную выставку меховых изделий «меховые пиджаки, манто из кошки тигровой, дымчатой, суслика-песчаника, жакеты из натурального морского зверя и из лямки, (...) меховые шапки»[2].

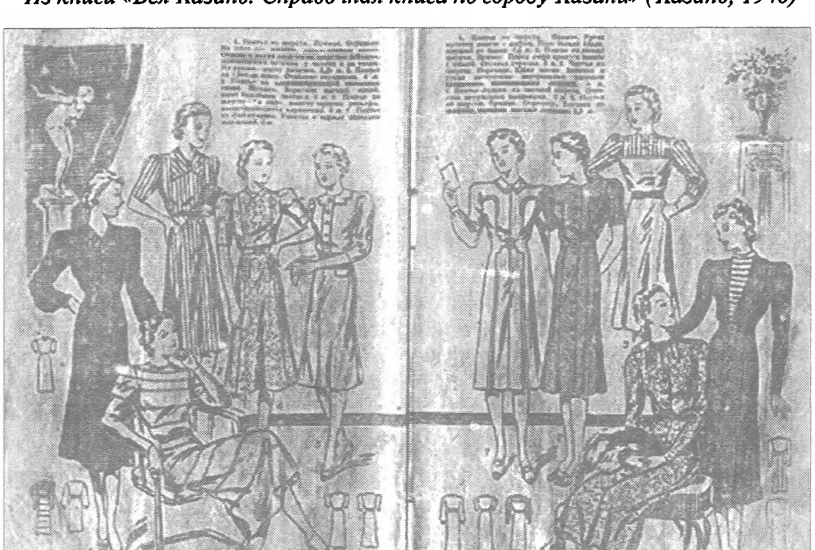
Жительница Казани. 1938 год. Фото из частного архива

Однако сохранялся товарный дефицит – казанские газеты в феврале 1938 г. сообщали о «перебоях» с хлебом, топливом, спичками. Особенно это касалось промышленных товаров. Карточки на промышленные товары были отменены только в 1936 г. Но продолжали процветать черные рынки и спекуляция. Например, в Казани 14 февраля 1938 г. в газете «Красная Татария»

[1] ***Осокина Е.А.*** Иерархия потребления. С. 28, 39; ***Осокина Е.А.*** За фасадом «сталинского изобилия». С. 173-174, 179-181.

[2] Красная Татария. 1938. 24 февраля.

Казанская реклама 1940 года.
Из книги «Вся Казань. Справочная книга по городу Казани» (Казань, 1940)



Из советского журнала мод 1930-х годов

сообщалось о раскрытии нескольких «крупных шаек спекулянтов», базой которых, по свидетельству газеты, был крупнейший магазин «ТУМ»[1]. Спекулировали они, в частности, и галошами.

Галоши в предвоенной Казани были обувью весьма распространенной и остро необходимой. Об их распространенности и популярности красноречиво свидетельствует перечисление в одном из документов Наркомторга Татарии более трех десятков различных разновидностей этой обуви – включая «азиатские фасоны» с узорами на красной шерстяной подкладке[2]. Острая же потребность казанцев в этой обуви объяснялась тем, что немощеные городские улицы осенью и весной утопали в грязи. В театры, например, без галош в это время вообще не пускали[3]. В 1938 г. в казанские магазины завезли галоши. Но спекулянты оттеснили от прилавков обычных покупателей. Через пару дней газета сообщила, что спекулянты воспользовались отсутствием в магазине спичек[4]. В том же номере газеты, в котором говорилось о «перебоях» в торговле хлебом, топливом, сообщалось, что 25 февраля 1938 г. в Казани вновь прошел показательный процесс над «группой спекулянтов»[5]. Таким образом, вина за отсутствие товаров возлагалась исключительно на «происки» спекулянтов.

Однако проблемы во многом были связаны с работой легкой промышленности. В 1940 г. текстильная промышленность страны производила в год на душу населения 16 м хлопчатобумажных тканей, 90 см шерстяных, 40 см шелковых, а трикотажная промышленность – 3 пары носок и чулок, меньше 1 пары белья на душу населения, обувная промышленность – 1 пару кожаной обуви в год на человека[6]. Накануне войны жители других городов стремились в Москву (часто в свой отпуск), чтобы, отстояв огромные очереди (часто не только многочасовые, но и многодневные, так как, отстояв очередь, можно было остаться без покупки), купить нужный промтовар – брюки, платье, обувь, которые не могли купить дома.

---

[1]Красная Татария. 1938. 14 февраля.

[2]Постановление Наркомата торговли ТССР «О наценках и ценах на резиновые галоши». 5 августа 1927 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1927. № 41. С. 486-488.

[3]***Наумов В.*** Три Казани // Казань. 1998. № 7-8. С. 16.

[4]Красная Татария. 1938. 16 февраля.

[5]Красная Татария. 1938. 26 февраля.

[6]***Осокина Е.*** Частное предпринимательство в период наступления экономики дефицита (на примере потребительского рынка предвоенных пятилеток) // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы. СПб., 2000. С. 223.

Длинные очереди портили внешний вид главного города страны, и тогда власти запретили очереди! Очередь могла стоять внутри магазина, за стояние снаружи штрафовали, «переворачивали» очередь (первых ставили последними и наоборот). Очереди не уменьшались, просто люди прятались в подворотнях, высылая «разведчиков», а когда запретили стоять и во дворах, стали «гулять» перед магазином или стоять на остановках, а очередь поддерживали вопросами «За кем Вы гуляете?»[1].

«Мода» тех лет некоторое время сохраняла явные предпочтения военизированного стиля (юнгштурмовки), но с середины 1930-х гг. все большую популярность приобретает одежда спортивного стиля: майки, куртки, спортивная обувь[2]. В условиях товарного дефицита простота и скудость довоенного костюма была вполне объяснима.

Промышленных товаров не хватало. Из-за товарного дефицита расцветали «сампошив», переделка одежды. Большой популярностью пользовались частные портные и сапожники. В татарских слободах Казани население с удовольствием покупало красивую национальную одежду и обувь: еще с нэпа здесь вновь расцвели ремесла, мастера шили тюбетейки, вышивали калфаки, тачали прекрасные сафьяновые сапоги[3]. Однако государство продолжало всячески ограничивать даже мелкого частного производителя. Декретом СНК СССР от 17 декабря 1935 г. некооперированным кустарям и ремесленникам было запрещено производить одежду, белье, головные уборы, кожгалантерею, другие товары. Кустарям было разрешено работать только на заказ, только на материале заказчика и только в свободное от основной работы время. В марте 1936 г. частным производителям было запрещено перерабатывать пищевые и другие сельскохозяйственные продукты для продажи. Эти ограничения касались и частной торговли: в 30-е гг. была разрешена лишь частная мелочная торговля промтоварами с рук и лотков. Причем, ее ассортимент строго регламентировался: инструкция Наркомфина СССР от 10 июня 1934 г. разрешала выдавать лицензии лишь на частную торговлю мелкой галантереей, замазкой, содой, синькой, ваксой, мелкими железно-скобяными изделиями, щепой для хозяйственных нужд, игрушками, фруктами, ягодами, орехами, семечками и прохладительными напитками, сладостями, сырками и варенцом. Одежду и обувь позволялось

[1] *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». С. 227-234.
[2] *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Указ. соч. С. 240.
[3] *Тарджеманов Дж.* Свет желтых акаций // Казань. 1995. № 9-10. С. 76.

продавать только бывшую в употреблении[1]. Мелкие торговцы и ремесленники были неотъемлемой частью довоенной городской картины: по дворам Казани ходили точильщики с ножными точилами, выкликая «Точить ножи, ножницы!». Свои услуги предлагали жестянщики – «Ведра, тазы, кастрюли чинить!». Углевозы на лошади или на тачке привозили уголь, который горожане использовали для самоваров и паровых утюгов. В жару на базарах мальчишки с чайником и кружкой в руках за пятак продавали холодную воду из колонки[2].

В 30-е гг. существовал еще один вид частной торговли – так называемые барахолки, толкучки, «блошиные рынки», где продавали в основном свое имущество – одежду и обувь, старые вещи, утварь, мебель[3]. Казанская барахолка до войны находилась на месте сегодняшнего Чеховского рынка, во время войны она переместилась на берег Кабана, к мечети, а после войны – за компрессорный завод. Особо важную роль эти рынки до отмены карточек играли в судьбах «лишенцев», которые не получали пайков.

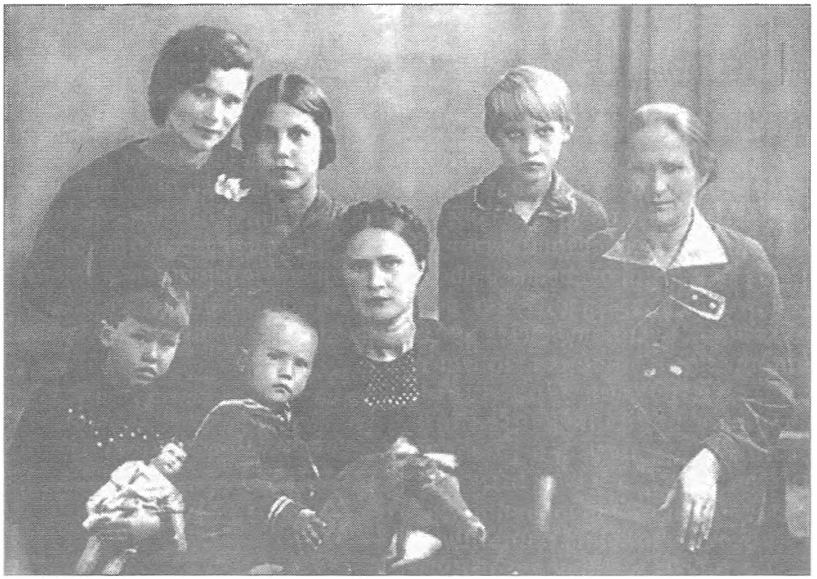
После отмены карточек в Казани появились «предметы роскоши». Мемуаристы указывают на такой вожделенный предмет роскоши, как радиоприемники – детекторные и ламповые: ламповые СИ-235, батареечные БИ-234, всеволновые приемники с короткими волнами СВД-1, СВД-М, СВД-9, шестиламповые 6 Н-1. Перед самой войной, когда к СССР были присоединены Прибалтика и часть польской территории, появились приемники производства бывших заводов фирмы «Филиппс» – «КИМ», «Пионер», «шикарный» приемник «Маршал». Кроме того, появились патефоны, наручные часы, велосипеды[4]. Они были редки. Так, казанец вспоминал, что патефон впервые услышал в семилетнем возрасте, в 1935 г. Деревенский родственник его соседей – знатный тракторист – был премирован патефоном, но так как в деревне не было к нему пластинок, то патефон он «на время» отдал своей городской родне. Первая пластинка с записью, услышанная мемуаристом, была «У самовара я и моя Маша». Этот патефон был единственным на весь дом и даже двор. Родители казанца – учительница и советский работник – могли себе позволить такую вещь, однако это все же был «предмет роскоши»,

[2] ***Осокина Е.*** Частное предпринимательство... С. 220-221.

[3] ***Наумов В.*** Три Казани // Казань. 1998. № 7-8. С. 10-11.

[3] ***Осокина Е.*** Частное предпринимательство... С. 221.

[4] Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 22 ноября 2001 г.; ***Наумов В.*** Три Казани // Казань. 1998. № 7-8. С. 15.



Татарская семья. 1939 год. Фото из частного архива

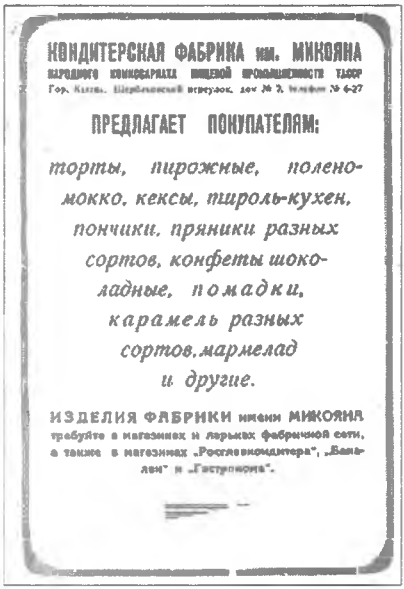
или «буржуазная вещь», как считал отец мемуариста. Он отругал жену даже за покупку кровати с металлическими шишечками на спинке, поскольку в кругах убежденных советских работников они считались признаком буржуазного разложения. До войны на первой казанской «барахолке» можно было за 400 рублей купить еще один «предмет роскоши» – велосипед харьковского или пензенского производства. Уже позже, во время войны на некоторых казанских продавщицах (а продавщицы в то время считались богатыми женщинами) красовались наручные часы «ЗИФ» (пензенского завода им. Фрунзе) – из белого металла или даже золотые[1].

Этих товаров производилось тогда чрезвычайно мало – почему они и рассматривались как «предметы роскоши». В 1937 г. в СССР производилось всего 2 наручных часов на каждые 100 человек населения. На 1000 человек выпускалось всего 4 патефона, 3 швейные машинки, 3 велосипеда, 2 фотоаппарата, 1 радиоприемник. На каждые 100 000 человек населения производилось лишь 6 мотоциклов[2]. Домашние холодильники были недосягаемой мечтой. Их и в магазинах-то было

[1] Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 22 ноября 2001 г.

[2] ***Осокина Е.*** Частное предпринимательство... С. 223.

мало, только в 1960-е годы многие продовольственные магазины в Казани будут оборудованы холодильным оборудованием. Население хранило продукты зимой в авоське за окном, летом сохраняло их известными народными способами, например, масло держали в холодной воде. Во многих домах «деревянной» части Казани существовали погреба. В начале весны кололи лед на Казанке и наполняли им погреб. Лед или даже снег, поверх которого насыпали опилки или солому, сохранял продукты все лето[1].


КОНДИТЕРСКАЯ ФАБРИКА им. МИКОЯНА
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТАССР
Гор. Казань, Щербаковский переулок, дом № 7, телефон № 6-27

ПРЕДЛАГАЕТ ПОКУПАТЕЛЯМ:

торты, пирожные, поленомокко, кексы, тироль-кухен, пончики, пряники разных сортов, конфеты шоколадные, помадки, карамель разных сортов, мармелад и другие.

ИЗДЕЛИЯ ФАБРИКИ имени МИКОЯНА требуйте в магазинах и ларьках фабричной сети, а также в магазинах „Росглавкондитера", „Бакалеи" и „Гастронома".

Казанская реклама 1940 года. Из книги «Вся Казань. Справочная книга по городу Казани» (Казань, 1940)

Некоторое время после отмены карточек положение с питанием казалось нормализовавшимся. Правда, в 1935 г. в ряде регионов страны, в том числе и в Татарии, случался рецидив карточной системы: люди запасались продуктами, дневная норма в магазинах распродавалась за пару часов[2]. Казанский мемуарист вспоминал 1935-1936 гг. как время «некоторого просветления». В 1936 г. в Казани открылись продовольственные овощные и мясные магазины, что облегчило жизнь горожан[3]. Правда, качество некоторых мясных продуктов и их ассортимент в магазинах страны оставляли желать лучшего. Так, одна дама написала в письме родственнику, что в магазинах всего два сорта колбас, которые население называет «Первая Конная Армия» и «За что боролись». В рационе питания казанца сохраняли свои твердые позиции суп и каша. Как известно, этот рацион питания не только отражает традиции национальной кухни, но и свидетельствует о низком уровне жизни населения[4].

---

[1] ***Наумов В.*** Три Казани // Казань. 1998. № 7-8. С. 11.

[2] ***Осокина Е.А.*** За фасадом «сталинского изобилия». С. 182.

[3] ***Адо В.*** Указ. соч. № 10. С. 102.

[4] Историки культуры еды и пития утверждают, что во всем мире во все времена еда бедных — почти всегда каша и похлебка: ***Paszensky G., Duennebier A.*** Leere Toepfe, volle Toepfe: Die Kulturgeschichte des Essens und Trinkens. Muenchen, 1994. S. 30.

В эти предвоенные годы в Казани появились и изысканные кондитерские изделия и сладкие напитки, с вожделением вспоминаемые мемуаристами спустя десятилетия: пирожные кондитерской фабрики им. Микояна в коробочках по 4-6 штук – «наполеон», заварные и другие, дорогие треугольные вафли «Микадо» с вкусной начинкой, черносмородиновое ситро[1]. Действительно, две кондитерские фабрики города выпускали в те предвоенные годы много разных сладостей. Так, кондитерская фабрика им. Микояна рекламировала свои «торты, пирожные, полено-мокко, кексы, тироль-кухен, пончики, пряники разных сортов, конфеты шоколадные, помадки, карамель разных сортов, мармелад и другие»[2]. В 30-е годы в Казани продавалось и мороженое – кругляшок мороженого между двумя вафлями. Порции мороженого выдавливались из специального аппарата мороженщицами. Как до сих пор считают мемуаристы, последние всегда норовили оставить между вафлями побольше пустот[3].

Праздничный стол казанца конца 1930-х годов был незатейлив. Он включал непременный пирог, винегрет, селедку, рыбные консервы, водку, кагор, домашнее вино, чай, а иногда – привезенные родственниками из татарской деревни мед, сушеные ягоды, корт (жареный творог)[4].

По свидетельству современников, водку в Казани тогда потребляли умеренно. Во всяком случае, пьяный на улице был редкостью. Зато много пили пива – почти на каждом бойком месте стояли киоски «Пиво-воды», в которых в основном торговали пивом. Много было и пивных-«американок» – пивных со стойкой-баром. Самой популярной пивной в Казани была пивная в центре города, в начале улицы Пушкина (в недавнем прошлом магазин «Торис»), прозванная «Львицей». Там собирались рабочие, интеллигенты, студенты, а также бродяги и другие «сомнительные личности», в воздухе стояли гул голосов, густой табачный дым[5].

В 1936-1937 и 1939-1940 гг. в стране вновь разразились острые продовольственные кризисы[6]. Отдельные регионы, в том числе

---

[1]Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 22 ноября 2001 г.

[2]Вся Казань. Справочная книга по городу Казани. Казань, 1940. Рекламные приложения.

[3]Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 22 ноября 2001 г.

[4]***Гараева Н.*** Зарубки детства // Казань. 2001. № 6. С. 9; Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г.

[5]***Наумов В.*** Три Казани // Казань. 1998. № 7-8. С. 17.

[6]***Осокина Е.*** Частное предпринимательство... С. 224; См.: ***Осокина Е.А.*** За фасадом «сталинского изобилия». С. 195-218.

Казанская реклама 1940 года. Из книги «Вся Казань. Справочная книга по городу Казани» (Казань, 1940)

Поволжье – Саратовская область, республика Немцев Поволжья, пережили голод. Стихийно возрождалась карточная система и в Татарии. В 1939 г., накануне и во время советско-финской войны из магазинов исчезли хлеб и мука, взлетели цены на продукты. Из-за дороговизны стали неактуальными такие меры веса, как килограмм и литр: молоко продавали стаканами, картофель – поштучно или «консервными банками», муку – блюдечками[1]. В 1936-1939 гг. в открытой торговле в городах сохранилось нормирование. Устанавливались нормы отпуска товара в одни руки – не больше 2 кг мяса, колбасы, хлеба, макарон, крупы, сахара, не больше 3 кг рыбы, 500 г масла и маргарина, 100 г чая, 200 штук папирос, 2 кусков хозяйственного мыла, поллитра керосина. В Казани в руки давали не более 1 кг сахара, 2 литров керосина[2]. В 1940 г. эти нормы снизились. Существовали и неофициальные нормы, которые вводили продавцы и сама очередь: люди из нее кричали «Больше килограмма в одни руки не давать!». Однако существовала масса способов обойти установленные нормы: покупать продукты в нескольких магазинах,

[1] ***Осокина Е.А.*** За фасадом «сталинского изобилия». С. 204.
[2] ***Наумов В.*** Три Казани // Казань. 1998. № 7-8 С. 15.

КАЗАНСКИЙ ЖИРОВОЙ КОМБИНАТ
ИМЕНИ ВАХИТОВА
Улица Тукаевская, дом № 152
ВЫРАБАТЫВАЕТ
МЫЛО ХОЗЯЙСТВЕННОЕ
высшего качества, первого и второго сорта, с содержанием жиров в 72, 60, 47 и 40 проц.
МЫЛО БАННОЕ, „Казанское", МЯТНОЕ, МИНДАЛЬНОЕ „Эконом" и другие виды
Выпускается кусками от 75 до 200 грамм с содержанием 78 проц. жиров.
СВЕЧИ ЕЛОЧНЫЕ
стеариновые, разноцветные по 25 свечей в коробке. Продолжительность горения до 1 часа 40 минут.
СВЕЧИ ПАРАФИНОВЫЕ
гражданские, продолжительность горения 11 часов.
Вся продукция реализуется только через Казанскую торговую базу Главрасжирмасло. Телефон № 28-98.

Казанская реклама 1940 года. Из книги «Вся Казань. Справочная книга по городу Казани» (Казань, 1940)

отстаивая длинные очереди, ездить за продуктами в другие города. В июне 1940 г. в частных письмах из Казани сообщалось, что в магазинах буквально ничего нет. Когда что-то появлялось в магазинах, городское население фактически «брало под контроль» близлежащие магазины: наводили порядок в очередях, составляли списки, устанавливали нормы отпуска. В очередь не допускались «чужаки» – крестьяне и жители других городов и даже районов данного города, причем не только с применением силы, но и с помощью различных уловок. Например, составляли списки живущих в данном районе, и люди получали товары по номерам или оставляли сумки с фамилиями и адресами, куда раскладывались продукты с положенной нормой. Фактически жители вводили карточную систему явочным порядком. За продуктами также ездили в другие города и даже в Москву. Чтобы избежать милицейских патрулей, «добытчики продуктов» посылали кого-нибудь покупать билеты домой, а сами вскакивали в поезда с багажом в последнюю минуту. Сразу после покупки «портили» товар: хлеб резали на мелкие куски, а муку смешивали с крупой, чтобы милиция не отобрала «излишки»[1].

Несмотря на официальные заявления властей и преследования тех, кто распространял слухи о надвигающейся войне с Германией, накануне ее в Казани циркулировали слухи о том, что фашисты подтянули войска к границе и вот-вот война начнется. Некоторые казанцы ходили по магазинам и закупали спички, мыло и другие товары[2].

К началу Великой Отечественной войны большинство жителей города были еще не приобщены к благам цивилизации. Хотя электрическое освещение было уже в 90% домов казанцев, всего 51%

[1] ***Осокина Е.А.*** За фасадом «сталинского изобилия». С. 210, 214-215, 233.
[2] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 16.

домов имели водопровод и только 12% – центральное отопление. Канализация была проведена только в 23% жилищ казанцев[1], так что в городе продолжала работу ассенизаторская служба. Население Казани росло, транспорта не хватало, несмотря на то, что линий казанского трамвая было уже десять, а автобуса – четыре[2]. По утрам на улицах Казани разыгрывались сцены яростного штурма трамваев рабочими и служащими, спешащими на работу, ведь опоздание даже на десять минут грозило тогда увольнением[3].

Одним из самых устойчивых мифов коллективной памяти советских людей остался миф об улучшении качества жизни накануне войны, выраженный крылатой фразой И.В.Сталина: «жить стало лучше, жить стало веселее». Американская исследовательница Ш.Фицпатрик отмечает такую характерную черту этих лет, как «новая ориентация» властей в отношении стремления людей к материальным благам – «переход от пуританского аскетизма» «к терпимости в отношении людей, наслаждающихся жизнью». Эта новая ориентация вылилась в «потребительскую вакханалию» в рекламе, смаковавшей нередко товары и продукты, которые отсутствовали в магазинах, и создававшей иллюзию изобилия[4]. Но дело, разумеется, было далеко не только в рекламной кампании 1930-х гг., впечатывавшей образы иллюзорного изобилия в сознание советских людей. В сравнении с тяготами последующего периода – периода Великой Отечественной войны – нелегкое предвоенное пятилетие со всеми его проблемами казалось относительно безоблачным. Ощущение всеобщего праздника и единения создавали и многочисленные праздничные мероприятия, приуроченные ко всевозможным событиям и датам (чествование папанинцев, челюскинцев и т.д.), призванные отвлечь население от насущных острых проблем и вопросов. Однако реальная повседневность горожанина этих лет была далеко не беспроблемной и весьма отличалась от той жизни, которую он видел в столь любимых и сегодня советских кинофильмах тех лет. «Киношная» повседневность была неким проектом той повседневности, в которой должен был жить, а не реально жил советский человек. Отмена карточной системы в предвоенные годы не была обеспечена необходимым количеством производимых продовольствия и товаров, стабильностью их производства промышленностью

[1] Историия Казани. С. 207.

[2] Вся Казань. Справочная книга по городу Казани. С. 225-227.

[3] *Шолпо В.* Осколки зеркала // Казань. 1994. № 9-10. С. 126.

[4] *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 111-113.

и сельским хозяйством. Это показали и вновь разразившиеся в 1936-37 и 1939-40 гг. тяжелые продовольственные кризисы, ставшие причиной голодной смерти многих граждан СССР. Продовольственные кризисы привели к стихийным рецидивам нормирования продуктов питания на местах, которое вводилось местными властями и поддерживалось горожанами.

Жизнь тылового города в годы Великой Отечественной войны

Начало войны запомнилось «маленькому человеку» Казани появлением в продаже в июле-августе 1941 г. весового киевского мороженого: в Казань эвакуировали киевские холодильники[1]. Вслед за этим в городе стали появляться эвакуированные советские граждане. С началом Великой Отечественной войны уже в октябре 1941 г. в Казань прибыли десятки тысяч эвакуированных с запада страны. В Казань было эвакуировано около 70 предприятий с их работниками. Население Казани, составлявшее к началу 1941 г. более 409 тысяч[2], уже к середине следующего года выросло за счет эвакуированных на 115 тысяч человек[3]. Эвакуированных размещали в кинотеатрах, зданиях вузов, школ, клубов, «уплотняли» жильцов квартир. Люди не жаловались: беда была общей. Они помогали эвакуированным, делились с ними нехитрой обстановкой, утварью. Помещения 44-х из 102-х казанских школ были заняты под госпитали и эвакуированные предприятия и учреждения. В некоторых школах ввиду нехватки помещений и увеличения числа учащихся занятия шли в три смены, уроки сократили до 40 минут, сократили и перемены[4]. В Казани было создано 45 госпиталей, куда уже на десятый день войны стали прибывать раненые[5]. Раненых в Казань привозили поездами, а летом – на пароходах и баржах, в городе же их перевозили на трамваях: трамвайные вагоны были переделаны специально для этого[6].

В Казань была эвакуирована Академия наук СССР – 33 академических института, 93 академика и члена-корреспондента,

---

[1]Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 22 ноября 2001 г.

[2]Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Казань, 2000. С. 121.

[3]История Казани. С. 266.

[4]***Наумов В.*** Три Казани // Казань. 1998. № 9-10. С. 40.

[5]Молодость древнего города. С. 172, 177.

[6]***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 17.

более 1650 научных сотрудников и их семьи[1]. В июле приехал О.Ю.Шмидт, вице-президент АН СССР, который тут же закупил для эвакуируемых все имевшиеся в казанских магазинах и на складах кровати, матрасы, подушки[2]. 23 июля стали приезжать ученые из Москвы. Ученых и их семьи разместили в актовом зале и бывшей университетской церкви Казанского университета. Из студенческого общежития перевезли тумбочки и кровати, перегородили простынями и одеялами помещения – в этих «шалашах» жили семьи ученых, на примусах готовили еду, когда гасло электричество, зажигали свечи и керосиновые лампы[3]. Сотрудники академических институтов из Ленинграда, приехавшие позже, в первые дни размещались в гостинице «Татарстан», потом в коммунальных квартирах. По воспоминаниям одной эвакуированной ленинградки, в их квартире на ул. Баумана было 7-8 комнат, в которых проживало 35-40 человек, при этом водопровод и канализация не работали. В 1942 г. многих ученых с семьями разместили в здании Дворца Труда (Дома профсоюзов)[4].

Плакат Ф.В.Антонова. 1942 год

В городе рыли бомбоубежища, на улицах и чердаках устанавливали ночные дежурства, окна оклеивали крест-накрест бумажными лентами, ввели светомаскировку – это были меры в связи с возможностью бомбардировок[5]. С наступлением осени улицы Казани погрузились в кромешную тьму: уличные фонари потухли, на окнах – светомаскировка, при нарушении которой дружинники налагали штраф. В Казани ввели комендантский час, проверяли

[1] История Казани. С. 261.

[2] ***Арбузов Б.*** С внуками Марковникова. Из воспоминаний о Казанском университете // Казань. 1999. № 7-8. С. 53-54.

[3] ***Вульфсон Г.Н., Муньков Н.П.*** Страницы памяти // Во имя Отчизны. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны. Казань, 1975. С. 50.

[4] ***Шехтер А.*** «Грелки» душевной теплоты // Казань. 1999. № 7-8. С. 60-61.

[5] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 17.

документы[1]. По вечерам на темных улицах хулиганы-подростки нападали на людей, несших какую-либо поклажу, – срезали груз бритвой и исчезали[2].

Сокращалась подача топлива, воды, электричества[3]. На электричество был установлен строгий лимит, его часто отключали. Горожане освещали свои жилища самодельными лампами-«коптилками»: в большой пузырек наливали керосин, вставляли в него согнутую жестяную трубочку с фитилем. Но и керосин был большим дефицитом[4]. Зимы периода войны выдались в Казани очень морозными и многоснежными: например, зимой 1941/42 гг. грянули морозы в 40 градусов, замерзли водопроводные колонки, воробьи замерзали на лету, капли воды замерзали в воздухе[5]. Зима 1942/43 гг. описывалась очевидцем, директором Центрального музея, так: «Улицы Казани утопают в снежных сугробах – из-за них не видно противоположного тротуара. Длинные очереди в столовые, бани, парикмахерские и кино. Трамваи ходят скверно. Позамерзли колонки. Перебои с электроэнергией. Опаздывают с выходом газеты. Перебои с хлебом. Холодно. Люди в учреждениях, как и в музее, сидят в пальто, шапках»[6]. В Казанском университете лекторы читали лекции в пальто и шубах, шапках, валенках, рукавицах. У студентов замерзали чернила в чернильницах, не хватало тетрадей – писали на старых плакатах, между строк газет[7]. Дров не хватало, и люди вернулись к опыту выживания гражданской войны: в городе вновь появились «буржуйки» – маленькие самодельные металлические печки, они согревали жильцов, на них готовили еду[8]. На дрова разобрали лестницы, скамейки в городских садах, сараи, заборы[9]. Все военные годы студенты и преподаватели университета, нередко во главе с ректором, занимались выгрузкой дров на железнодорожном вокзале и на пристани – это топливо шло на нужды университета, детских учреждений и госпиталей, а выполнивший норму (4 кубометра леса) получал к тому же 200 г хлеба[10].

---

[1] ***Наумов В.*** Три Казани // Казань. 1998. № 9-10. С. 39.

[2] ***Лихачев Д.*** Незамерзающие чернила // Казань. 1999. № 7-8. С. 59.

[3] ***Дьяконов В.М.*** В годы Великой Отечественной // Казань. 2001. № 6. С. 51.

[4] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 17.

[5] ***Дьяконов В.М.*** Указ. соч. С. 52; ***Носов Н.*** Указ. соч. // Казань. 1994. № 9-10. С. 18.

[6] ***Дьяконов В.М.*** Указ. соч. С. 55.

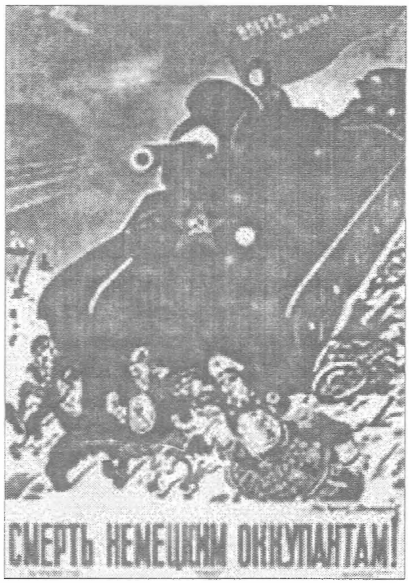
[7] ***Вульфсон Г.Н., Муньков Н.П.*** Страницы памяти. С. 54-55.

[8] ***Наумов В.*** Три Казани. № 9-10. С. 39.

[9] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 18.

[10] ***Телишев В.Ф.*** Военное лихолетье: 1941-1945 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 247.

С началом войны были отменены отпуска. Уже с 26 июля 1941 г. правительство ввело новый режим работы, согласно которому разрешались сверхурочные работы до трех часов в сутки[1]. Фактически люди работали еще больше. На оборонных заводах даже подростки работали по 14 часов, постоянно недоедая[2]. По свидетельству казанца, подростком работавшего на оборонном заводе, обед там длился 15 минут. К обеду варили суп, и у каждого рабочего за голенищем была своя ложка, причем, с дыркой посередине – чтобы загребать из общего котла гущу, а не воду[3].



Плакат Н.А.Долгорукова и Б.Е.Ефимова (Фридлянда). 1942 год

Казанцы, эвакуированные, колхозники в 1941 г. строили защитные рубежи за Волгой (так называемый «Казанский обвод»). На строительство защитных рубежей отправились и студенты и сотрудники Казанского университета во главе с ректором. Люди, тяжело работавшие на морозе на строительстве рубежей, преодолевавшие по 16 км в день до них и обратно, получали по рабочей норме килограмм хлеба[4], позже эта норма была сокращена до 800 г, заболевшие получали только половину[5]. Крестьяне деревень, в которых они жили, как могли, подкармливали студентов картошкой, чечевицей, супом[6].

Не хватало информации. Новости Совинформбюро казанцы узнавали по «радиоточкам» в квартирах и на улицах. С началом

[1]Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. С 132.

[2]***Корчагин В.*** Творение добра и красоты // Казань. 2000. № 9. С. 9.

[3]Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 12 мая 2002 г.

[4]***Тихвинская Е.И.*** Сквозь годы войны // Во имя Отчизны. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны. Казань, 1975. С. 78.

[5]***Вовченко (Кузнецова) Г.Л.*** Из дневниковых записей (июнь — декабрь 1941 г.) // Во имя Отчизны. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны. С. 295.

[6]***Вульфсон Г.Н., Муньков Н.П.*** Страницы памяти. С. 52.

войны всем казанцам было приказано сдать приемники. За несданные приемники можно было угодить в тюрьму. Большинство приемников казанцев всю войну хранилось на складе в Пассаже. После войны их возвращали, но забрали их не все: кто-то из владельцев умер, кто-то уехал, кто-то потерял квитанции. Не забранные владельцами приемники продавались в комиссионных магазинах[1].

Нехватка информации рождала страшные слухи, ходившие в Казани и в ее окрестностях, на строительстве оборонительных сооружений, где работали казанцы. После того, как 13 октября 1941 г. в Казани ввели светомаскировку, казанцы со дня на день со страхом ожидали бомбардировок города. Зимой 1941 г. на строительстве рубежей под Казанью при виде зарева в стороне города люди рыдали, так как решили, что Казань бомбят и пылают заводы, предприятия, дома (на самом деле горело сено)[2]. Осенью 1943 г. один немецкий самолет (вероятно, разведчик) долетел до Казани, но как только захлопали зенитки, он развернулся и улетел. В городе же несколько дней ходили слухи, что самолеты летели тучами, и Казань могла взлететь на воздух, если бы они разбомбили пороховой завод[3]. Война, страх, недостаток информации стали питательной почвой для всевозможных суеверий. Так, в начале декабря 1943 г. в сумерках казанцы и жители сел вдоль Волги увидели в небе над городом видение – «огромный светящийся алым цветом человек» с «раскаленным гвоздем» в руке (жители сел утверждали, что это была подкова), который плыл вместе с облаками на восток. Несколько дней в городе только и говорили об этом «знамении»[4]. Кстати, слухи продолжали циркулировать всю войну и сразу после войны. Так, в 1944 г. по городу пронесся слух, что на площади Свободы будут вешать не то бандитов, не то евреев (бытовой антисемитизм сыграл свою роль в рождении слуха). Народ даже собрался на площади и чего-то ждал полтора часа. Говорили даже, что якобы видели студебеккеры с уже готовыми виселицами. Мемуарист, мальчишкой стоявший в этой толпе на площади, много позже, став историком, нашел упоминание об этом циркулировавшем в Казани слухе даже в «Особой папке Сталина». Он высказал предположение, что слухи были рождены тем, что в ряде городов страны тогда прошли судебные процессы

[1] Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 22 ноября 2001 г.

[2] ***Вовченко (Кузнецова) Г.Л.*** Из дневниковых записей (июнь-декабрь 1941 г.). С. 290, 299.

[3] ***Наумов В.*** Три Казани. № 9-10. С. 40.

[4] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 20-21.

над пособниками фашистов, и их действительно казнили через повешение[1]. Вскоре после дня Победы в Казани вновь ходили слухи, что во время парада Победы в Москве будут вешать предателей, полицаев, власовцев[2].

С началом войны стало трудно с продовольствием. На продукты в августе-ноябре 1941 г. во всех городах были введены карточки. Все население делилось на четыре группы: рабочие и приравненные к ним; служащие и приравненные к ним; иждивенцы; дети до 12 лет. Для рабочих и служащих карточная норма хлеба имела две категории снабжения: 1-я – рабочие и инженеры промышленных предприятий оборонного значения, 2-я – рабочие и ИТР остальных отраслей промышленности, транспорта, связи. Рабочие 1-й и 2-й категории снабжения соответственно получали в день по 800 и 600 г хлеба, в месяц – по 500 и 400 г сахара и кондитерских изделий. Служащие 1-й и 2-й категорий снабжались по норме, соответственно, в 500 и 400 г хлеба в день и в 300 г сахара и кондитерских изделий в месяц. Иждивенцы и дети до 12 лет получали по 400 г хлеба в день, иждивенцы – по 200 г сахара и кондитерских изделий в месяц, а дети – по 300 г. В Казани продажа хлеба, сахара и кондитерских изделий по карточкам была введена с 1 сентября 1941 г. постановлением СНК ТАССР от 25 августа. В городах Татарстана – с 5 октября и 10 ноября. С 1 ноября были введены карточки на мясо, рыбу, жиры, крупы, макароны, картофель, овощи. Рабочие по 1-й и 2-й категориям получали, соответственно, 2200 и 1800 г мяса и рыбы, 600 и 400 г жиров, 1500 и 1200 г крупы. Служащим полагалось по 1200 г мяса и рыбы, по 300 г жиров и 800 г круп и макарон. Иждивенцы снабжались по норме 500 г мяса и рыбы, 200 г жиров, 600 г круп; дети – 400 г мяса и рыбы, 300 г жиров, 800 г круп и макарон. Нередко продукты по карточкам были плохого качества. Получили широкое распространение и суррогаты: например, макароны делали из гороховой муки. За продукты по карточкам тоже надо было платить: так, булка пшеничного хлеба стоила 80 копеек[3]. Даже по карточкам люди отстаивали очереди за продовольствием по несколько часов[4]. Однако, выстояв очередь, продукты можно было получить не всегда. Скажем, в конце октября 1944 г. хлеба не хватало даже по карточкам, в связи с чем хлеб перестал поступать

[1]Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 22 ноября 2001 г.

[2]***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 25.

[3]***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан. 1993. № 7. С. 50.

[4]***Наумов В.*** Три Казани. № 9-10. С. 41.

в Чистополь, Зеленодольск, во все районные города и рабочие поселки республики[1]. Нередки были случаи подделки карточек, которые сурово карались по законам военного времени.

И в годы войны были категории горожан, снабжавшиеся по особым нормам, – например, беременные и кормящие женщины, дети детдомов и ... руководящие работники. С сентября 1944 г. были установлены особые нормы снабжения для беременных (с шестого месяца беременности), кормящих женщин, кормилиц, сдающих свое молоко. Даже в годы войны рожали много: кроме всего прочего, с 1936 по 1955 гг. в стране были запрещены аборты. Беременные и кормящие женщины должны были получать в месяц по талонам в специальных магазинах и секциях 800 г сливочного масла, 600 г сахара, 1 кг 200 г крупы, 12 литров молока. Казанским молодым матерям полагались также по ордерам комплекты белья для новорожденных[2]. Сентябрьским 1943 г. постановлением правительства были установлены и пайки для детей детских домов и интернатов[3]. Но эти нормы не выполнялись[4]. Пайки местных руководящих работников были установлены февральским 1943 г. постановлением и по многим позициям совпадали с нормами, установленными для детей-сирот[5]!

Иерархичность распределения была чертой не только карточной системы, но всех иных раздач нехитрых «благ» военного времени. Так, зимой 1941/1942 г. на двери университетской библиотеки красовалось объявление: «Скоро центральный местком начнет распределять ромовые бабы и тапочки (только среди членов профсоюза, не имеющих задолженностей по профвзносам). Нуждающимся

[1]Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. С. 134, 150.

[2]Приказ Народного комиссариата торговли Союза ССР и Народного комиссариата здравоохранения СССР «Об отпуске продовольственных пайков для беременных женщин, кормящих матерей и кормилиц и комплектов белья для новорожденных». 7 сентября 1944 г. // Сборник приказов Наркомторга Союза ССР и Татарской АССР. Казань, 1944. С. 3-7.

[3]Приказ Народного комиссариата торговли Союза ССР «О порядке и нормах снабжения детских домов и интернатов». 16 сентября 1943 г. // Сборник приказов Наркомторга Союза ССР и Татарской АССР. С. 10.

[4]Приказ Народного комиссариата торговли Татарской АССР «Об улучшении снабжения детских учреждений». 13 сентября 1944 г. // Сборник приказов Наркомторга Союза ССР и Татарской АССР. С. 13-14.

[5]Приказ Народного комиссариата торговли Союза ССР и Центросоюза СССР и РСФСР «О порядке снабжения продовольственными и некоторыми промышленными товарами руководящих работников районных советских, хозяйственных и партийных организаций». 9 февраля 1943 г. // Сборник приказов Наркомторга Союза ССР и Татарской АССР. С. 32.

подать заявление председателю цехкома А.Д.Александрову. Доктора приравниваются к членам-корреспондентам (1/2 пая), а жены кандидатов – к тещам докторов (1/3 пая). Членские взносы принимает Ю.И.Львин ежедневно». Как с юмором вспоминал переписавший это объявление ученый: «У объявления шла оживленная дискуссия на тему о том, сколько паев причиталось бы дочери членкора, имеющей степень кандидата и являющейся одновременно женой доктора»[1].

Если при довоенной карточной системе горожан нередко выручал колхозный рынок, то с началом войны крестьяне перестали возить продукты в Казань. Поэтому в первый год войны горожане массами ходили в деревни в выходные добывать продукты. Мать одного из авторов этой книги 15-летней девочкой ездила в чувашские деревни выменивать одежду на картошку. Однако в годы войны рынок в Казани продолжал работать. В 1941-1944 гг. буханка хлеба (с добавлением вареной картошки вместе с кожурой, напоминающая по вкусу глину) стоила на рынке 100-200 рублей (государственная цена ее была 1 руб. 50 коп. – по 75 коп. за кг), картофель – 25-28 рублей за 1 кг (80 руб. за ведро, или 800 руб. мешок[2]), капуста – 40 рублей за 1 кг, сливочное масло – 250 рублей за 1 кг, четверть молока – 100 рублей, пуд муки – 1250 рублей. Разумеется, цены были непосильны, учитывая зарплаты основной массы казанцев. Например, сторож и уборщица могли получать по 80-100 рублей[3], пособие на нетрудоспособного члена семьи (ребенка) военнослужащего составляло в городе 100 рублей[4], среднемесячная зарплата рабочего жиркомбината им. Вахитова составляла 375 руб.[5], учительница получала 400 руб., директор Центрального музея – 500 рублей[6]. Не забудем, что казанцы, как и все советские люди, подписывались на займы, вынужденно или добровольно отдавая своей стране часть заработка.

Однако на рынке было много соблазнов. Казанцы-дети войны много лет спустя вспоминали лакомства военных лет, продававшиеся на рынке, – кыстыбый (татарское кушанье – картофельное пюре с

---

[1]Из Казанского дневника // Казань. 1999. № 7-8. С. 65.

[2]Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.; ***Дьяконов В.М.*** Указ. соч. С. 55; ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 19.

[3]***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан. 1993. № 7. С. 51.

[4]Указ Президиума Верховного Совета СССР о порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время. 26 июня 1941 г. // Собрание постановлений и узаконений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1941. № 9. С. 88-90.

[5]Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. С. 133.

[6]***Дьяконов В.М.*** Указ. соч. С. 55.

луком и маслом, завернутое в сложенный пополам блин из пресного теста), гороховый кисель, который резали на куски, подсолнечный жмых[1].

Кроме того, на базаре можно было купить спички, табак, водку. Коробка спичек стоила 15 рублей. Когда спички в первые дни войны исчезли из магазинов, на базаре появились самодельные драночные гребешки, обмазанные фосфором, – их называли «сначала вонь, потом огонь». Здесь можно было купить также огниво, сделанное из осколков булыжника, обломков напильника и т.д. Позже в обиход вошли бензиновые зажигалки из патронных гильз[2]. В годы войны вырос спрос на водку, табак и табачные изделия – папиросы и только что появившиеся сигареты. На водку карточки не вводились – ее выдавали по ордерам. В июне 1942 г. И.В.Сталин даже подписал постановление ГКО «О порядке выдачи водки войскам действующей армии», согласно которым в армии вводились ежедневные «наркомовские сто грамм» перед ужином (хотя еще в советско-финскую войну нарком обороны К.Е.Ворошилов распорядился выдавать бойцам и командирам действующей армии по 100 г водки, а летчикам – 100 г коньяка, не пившие водку бойцы получали по 200 г вина)[3]. Табачные изделия стали одной из значимых бытовых радостей периода войны, в том числе в тыловых городах, – активно дымили даже женщины и подростки: табак не давал уснуть за станком, заглушал голод. Советские фабрики увеличили выпуск папирос почти вдвое. В Казань были эвакуированы табачная фабрика «Дукат» и Выборгская табачная фабрика[4], табачная фабрика из Киева[5].

В условиях нормирования продовольствия большую роль играла и система общепита (правда, в большинстве «взрослых» столовых при выдаче блюда отрезали дневные карточки). В Казани было открыто 6 детских столовых, где питались 8 тыс. учащихся. В 70 школах города детей кормили горячими завтраками[6]. По воспоминаниям писателя В.Аксенова, казанского школьника военных лет, они представляли собой «липкие булочки из пеклеванной муки», изредка смазанные слоем сала-лярда и посыпанные яичным порошком[7].

---

[1]Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 22 ноября 2001 г.

[2]***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 17.

[3]Комсомольская правда. 2002. 6 июня. С. 11.

[4]Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. С. 131.

[5]Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

[6]Молодость древнего города. С. 176.

[7]***Аксенов В.П.*** Завтраки 43-го года // ***Аксенов В.П.*** Право на остров: повести, пьесы, рассказы. М., 1991. С. 504.

На улице Баумана была столовая, где выдавали одно мясное блюдо командированным – по командировочным удостоверениям[1]. Непросто обстояло дело с общепитом в университете: столовая университета могла обслужить только сотрудников эвакуированных учреждений Академии наук, а сотрудников и студентов университета прикрепили к столовой инвалидной артели «Пищевик». Меню столовой состояло из одного блюда. Только после реэвакуации Академии наук улучшилось питание университариев: в 1944 г. университетская столовая кормила два раза в день по 400-450 человек[2].

Война необычайно расширила спектр продуктов, признаваемых годными в пищу. В еду теперь шли суррогаты и даже то, что до войны вряд ли могли употреблять в пищу. Дочь ученого с содроганием вспоминала один весенний обед накануне Победы: полусгнившие капустные листья, жаренные на касторовом масле. Ученых и их семьи выручала охота: котлеты готовились даже из мяса грачей[3]. Ученые Казанского университета и эвакуированные сотрудники академических учреждений пропагандировали непривычные источники питания, приглашая горожан на выставки и лекции об этом. Так, по инициативе академика Л.А.Орбели, на Волге был организован сбор двустворчатых моллюсков, заменявших полноценную белковую пищу. Как вспоминала эвакуированная А.Шехтер: «несколько раз во двор Дворца Труда въезжал грузовик с живыми двустворчатыми моллюсками с Волги. Их вываливали на землю, и тут же начинался «пир»: на примитивных очажках из двух кирпичей все усердно жарили на сковородах без масла беззубок и жемчужниц»[4].

С 1943 г. в Казани появилась американская «гуманитарная помощь»: кукурузная мука, яичный порошок, свиное сало-лярд, колбаса в консервных банках, крабы и т.д. Все это распределяли по карточкам и дополнительным пайкам[5]. Так, яичный порошок в парафиновых коробочках с изображением американского орла и флага (ехидно называвшийся казанцами «яйца Рузвельта»[6]) входил в паек научного работника в конце войны[7], а железнодорожники получали доппаек в виде консервированной свиной колбасы

---

[1] *Лихачев Д.* Незамерзающие чернила // Казань. 1999. № 7-8. С. 59.

[2] ***Телишев В.Ф.*** Указ. соч. С. 246-247.

[3] ***Завойская Н.*** Родительский дом // Казань. 1999. № 7-8. С. 101.

[4] ***Шехтер А.*** Указ. соч. С. 60-61.

[5] ***Наумов В.*** Три Казани. № 9-10. С. 42.

[6] Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 12 мая 2002 г.

[7] **Завойская Н.** Указ. соч. С. 101.

Горожанка. 1942 год. Фото из частного архива

в банках, открывавшихся ключиком (что приводило в восторг детей), яичного порошка, брикетированной мороженой трески, бобов в больших пачках[1]. Мемуаристы утверждают, что в это время по карточкам и в счет зарплаты иногда стали давать и водку, которую меняли на съестное на базаре[2].

С начала 1942 г. горожанам выделяли землю под огороды. Собственное «хозяйство» стало важным подспорьем в борьбе с голодом. Казанцы заводили коллективные и индивидуальные огороды за городом и в его черте – на танкодроме в районе кирпичных заводов, на Казанке, на Дальнем Устье[3]. Все свободные места в городе были заняты под картошку. Университет завел подсобное хозяйство в деревне Лесные Моркваши[4]. Ученым выделяли огороды и на Казанке под Кремлем – там выращивали не только картошку, но и помидоры, огурцы, тыкву, кабачки, морковь, капусту, турнепс, свеклу, из которой некоторые даже пытались делать сахар[5]. С «военными огородами» город не расставался еще некоторое время после окончания войны. Некоторые казанцы в годы войны обзавелись даже коровой, козой или бараном: еще и в первый послевоенный год можно было увидеть стадо, шествующее по улице Кирова или по другой улице центра города[6].

По свидетельству современников, самым тяжелым военным годом в Казани, с точки зрения снабжения, был 1944 год[7]. В конце 1944 – начале 1945 гг. жизнь в городе налаживалась: сняли светомаскировку, кое-

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 24.

[2] ***Наумов В.*** Три Казани. № 9-10. С. 42; ***Завойская Н.*** Родительский дом. С. 101.

[3] Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 12 мая 2002 г.

[4] ***Тихвинская Е.И.*** Сквозь годы войны. С. 80.

[5] ***Завойская Н.*** Указ. соч. С. 101; ***Козырева Е.*** Жажда прекрасного. Соприкосновение с духовным миром Б.М.Козырева // Казань. 1999. № 7-8. С. 102.

[6] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 50.

[7] Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 12 мая 2002 г.

где загорелись фонари, заработал трамвай, ходивший с фанерами вместо стекол[1]. В 1944 г. в городе появился первый коммерческий магазин – напротив теперешнего Дома татарской кулинарии (потом там долгие годы был гастроном). Все товары в нем стоили в 3-4 раза дороже, чем по государственных ценам[2]. Горожане ходили смотреть на полки с товарами – а было там «все»: икра, колбаса, другие продукты, казавшиеся немыслимыми деликатесами[3]. Потом появлялись и другие коммерческие магазины и рестораны. Правда, они были недоступны большинству горожан из-за очень высоких цен.

Одежду и обувь в годы войны выдавали строго по ордерам (купонам). Их получали на 6-9 месяцев из расчета: 125 купонов рабочему, 100 – служащему, по 80 купонов иждивенцу и ребенку. И за товары тоже надо было платить. Так, пару обуви можно было получить за 12-20 рублей и 50 купонов, женское платье из кашемира или шерстянки – за 3-5 рублей и 30-40 купонов, метр ситца – за 35 копеек и 15 купонов[4]. Однако, и такое счастье было крайне редко – один из мемуаристов вспоминал, какой радостью было для него получить кирзовые ботинки на деревянной подошве[5]. Предприимчивые казанские женщины, работавшие на заводах военного обмундирования, шили себе платья из кусочков парашютного шелка[6]. В конце войны стали поступать предметы одежды и обуви от американцев – в качестве гуманитарной помощи. Их распределяли тоже по ордерам. Писатель В. Аксенов, проведший военное отрочество в Казани, вспоминал, что «ходил в телогрейке, огромных сапогах и темно-синих штанах, которые мне выделили по ордеру из американских подарков. Штаны были жесткие, из чертовой кожи, но к тому времени я их уже износил, и на заду у меня красовались две круглые, как очки, заплаты из другой материи. Все же я продолжал гордиться своими штанами – тогда не стыдились заплат»[7]. Мемуарист Н.Носов вспоминал, что получил тогда «несколько великолепных вещей: ботинки с высокими голенищами и крючками для шнурков из толстой кожи желтого цвета, куртку со множеством молний, свитер с рисунком и вельветовые шорты с молнией на ширинке, эта молния в школе произвела настоящий фурор. Раньше никто таких вещей не видывал,

[1] ***Наумов В.*** Три Казани. № 9-10. С. 44.

[2] ***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан. 1993. № 7. С. 51.

[3] Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 12 мая 2002 г.

[4] ***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан. 1993. № 7. С. 50-51.

[5] ***Наумов В.*** Три Казани. № 9-10. С. 44.

[6] Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

[7] ***Аксенов В.П.*** Завтраки 43-го года. С. 504.

и когда я, выряженный во все американское, появлялся на улице, прохожие останавливались, пораженные моим видом»[1].

Таким образом, в годы войны Казань разделила судьбу многих тыловых городов страны. Прибытие в город огромного числа эвакуированных граждан из западных районов страны усложнил бытовые условия горожан. Не хватало жилья, казанцев «уплотняли», чтобы разместить приезжих. Люди жили в условиях страшной скученности, часто без канализации и водопровода. В связи с эвакуацией в город десятков промышленных предприятий был введен жесткий режим экономии электроэнергии, коснувшийся и городских квартир. В условиях войны в стране было введено жесткое нормирование продовольствия и промтоваров, ужесточена трудовая дисциплина.

Первое послевоенное десятилетие

Через год после окончания войны, в 1946 г. на предприятиях был восстановлен 8-часовой рабочий день, ежегодный оплачиваемый отпуск[2]. Как вспоминают казанцы, 1947 год был самым тяжелым послевоенным годом с точки зрения снабжения продовольствием[3]. Однако 14 декабря 1947 г. постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) были отменены карточки на продовольственные и промышленные товары. К этому времени карточная система была уже не такая строгая. В 1947 г. – еще до отмены карточной системы – к Новому году и на майские праздники в Казани без карточек продавали муку. Предприимчивые казанцы посещали сразу несколько магазинов и выстаивали несколько очередей за этой мукой[4].

Отмена карточек же вызвала у горожан беспокойство. Мемуарист вспоминал, как в два часа ночи накануне отмены карточек они с товарищами по студенческому общежитию, сменяя друг друга, отстояли огромную очередь за хлебом и в 7-8 часов утра накупили хлеба, сколько смогли. Но опасения казанцев оказались напрасны: и к вечеру в магазине было много хлеба и булок, а очередей не было[5].

На следующий день после отмены карточек объявили денежную реформу. Деньги, оставшиеся у граждан на руках, меняли в

---

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 24.

[2] История Казани. С. 308.

[3] Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 12 мая 2002 г.; ***Наумов В.*** Три Казани. № 9-10. С. 44.

[4] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 54.

[5] Интервью с С.Х.Алишевым. 19 декабря 2001 г.

Чистка картошки. 1946 год. Фото из частного архива

соотношении «новый рубль за 10 старых рублей». Выиграли те, кто держал деньги в сберкассе – вклады меняли «рубль за рубль». Но проиграли состоятельные вкладчики: вклад свыше трех тысяч меняли в пропорции «новый рубль за пять старых»[1]. После войны в течение восьми лет постоянно снижались розничные цены на продовольствие и промтовары[2]. Как вспоминал казанец, «все ждали первого апреля, обычно в этот день Левитан торжественным голосом объявлял по радио: «Снижение государственных розничных цен на следующие товары...». Хотя цены снижали буквально на копейки, радость была неописуемой...»[3].

Однако, как свидетельствуют горожане, после отмены карточек и до середины 1950-х гг. везде стояли очереди за продуктами – в том числе за хлебом и молоком, устанавливалась норма отпуска в одни руки. Мясо и масло население покупало в основном на рынках, так как в магазинах их не было[4]. Все первое послевоенное десятилетие

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 54.
[2] История Казани. С. 308.
[3] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 61.
[4] Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

Рисунок И. Семенова «Эволюция «авоськи». 1947-1953 гг.». Из журнала «Крокодил». 1953 год

было трудно с сахаром. Его возили даже из Москвы, выстаивая в нескольких очередях и получая в каждой по 2 кг сахара «в одни руки»[1]. Из Москвы возили также мясо, колбасу, кур. И так продолжалось до введения талонов на мясные продукты в середине 1980-х гг.

Продовольственные магазины в те годы делились на коммерческие и «обыкновенные». В последних продукты в первые годы после войны еще продавались по карточкам. В коммерческих магазинах глаз поражало изобилие[2]. В Казани после отмены карточек и денежной реформы в коммерческих магазинах появились деликатесные продукты – красная икра по 42 рубля за килограмм, черная икра по 68 рублей, деликатесная рыба, консервированные

[1] ***Наумов В.*** Три Казани. № 9-10. С. 49.

[2] См., например: ***Стейнбек Дж.*** Русский дневник / Пер. с англ. М., 1990. С. 37.

Рисунок Х.Бидструпа. 1950-е годы. Из альбома Х.Бидструпа (Москва, 1963)

крабы, шоколадные конфеты в коробках и весовые. В начале 1950-х в казанских магазинах появилось сравнительно новое лакомство – какао «Золотой ярлык» и «Серебряный ярлык»[1].

Яйца, молоко и сметану казанцы покупали у частных торговцев. В городе, как в период нэпа, появилась торговля вразнос, а также частные услуги: по дворам ходили стекольщики и точильщики. Казанец вспоминал: «Спозаранок приходили разносчики и громко предлагали: «Каймак, сюзьма, катык!». А яйцами всегда торговал один и тот же татарин, он нес на голове огромный таз с ними и кричал: «Яица-а-а, яица-а-а!! яица-а-а!!!». Во двор выбегали жильцы, торговались и покупали отличный товар. Молоко – в стеклянных четвертях, сметана и катык в глиняных крынках; сметана была настолько густой, что ложка в ней держалась стоймя»[2].

Послевоенный праздничный стол казанца постепенно улучшался. В 50-х гг. он мог включать суп, пельмени, картошку, соленые и свежие нарезанные овощи (помидоры и огурцы), винегрет, плавленый сыр, консервы и селедку, пироги с яблоками, курагой, губадию (пирог с рисом, изюмом, кортом), бэлиш (пирог с мясом, птицей, картошкой в бульоне), слойки, ватрушки, бизе (у

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 52, 69.
[2] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 54-55.

Праздничный стол начала 1950-х годов. Из «Книги о вкусной и здоровой пищи» (Москва, 1953)

татар – кубек). На праздничный стол ставили и водку с сургучной печатью (по 21 руб. 20 коп.), коньяк «три звездочки» за 31 руб., кагор, портвейн «Три семерки», домашнее вино или настойку. Из безалкогольных напитков пили лимонад и обязательно – чай, к которому подавались леденцы и подушечки с повидлом. В конце 1950-х на праздничном столе появилась колбаса «Любительская», «Чайная», «Отдельная», торты («Сказка»), заварные пирожные, конфеты «Пилот» и «Ромашка», шампанское, дешевый импортный ром по 1 руб. 50 коп. А также в конце 50-х на столах казанцев появляются разные салаты – до этого на нем безраздельно господствовал винегрет[1].

В городе открывались столовые, ателье, парикмахерские, пункты ремонта бытовых товаров. Но население в те годы охотно прибегало и к услугам «частника». В первые два года после войны в городах существовали два типа ресторанов: те, где можно было поесть по карточкам, по относительно низким ценам, и коммерческие рестораны, где кормили почти тем же, но по более высоким ценам. В Казани новые рестораны стали открываться в конце 50-х, но простые жители туда ходили редко, очень немногие посещали изредка немногочисленные кафе (на улице Баумана и другие)[2]. Большинство опрошенных нами казанцев в те годы никогда не бывали ни в кафе, ни в ресторанах[3]. Лишь одна из них только раз посетила ресторан «Казань»[4].

[1]Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.; Интервью с С.Х.Алишевым. 19 декабря 2001 г.; Интервью с Е.В.Каюковой. 13 декабря 2001 г.; Интервью с Е.И.Минибаевой. 20 декабря 2001 г.

[2]Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.; Интервью с С.Х.Алишевым. 19 декабря 2001 г.

[3]Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г.

[4]Интервью с Е.И.Минибаевой. 20 декабря 2001 г.

В рабочей столовой. Казань, 1950-е годы. Фото из частного архива

Средняя зарплата составляла тогда в Казани 650 рублей в месяц. Например, ученица продавца получала в месяц 150-170 руб., участковая медсестра – 375 руб., работник МВД – 425 руб., студент – 500 руб., штукатур – 500-700 руб., служащая в управлении железной дороги – 800 руб., молодой инженер – 1100 руб., рабочий-станочник – 1700 руб. Для сравнения: в начале 1950-х гг. килограмм мяса на рынке стоил 7-9 рублей, а за ребенка в детском саду плата была 200 руб.[1]

В первые послевоенные годы часть населения Казани резко усилила «деловую активность», пополняя свой семейный бюджет. Мемуарист вспоминал: «кто пек пирожки и продавал их на «обжоровке» напротив пригородного вокзала, кто предлагал вареную картошку, жареную рыбу, даже суп, его наливали из большого бидона, закутанного в теплое одеяло, в алюминиевую миску, давали деревянную ложку, но есть приходилось стоя. Для пассажиров поездов дальнего следования это вполне заменяло рестораны. Такая же бойкая торговля шла на Булаке, где «толкучка» занимала целых два квартала... На берегу Булака стояли столы, на которых раскладывали табак, пирожки и вообще что угодно. Рекламируя свой товар рифмованными прибаутками, продавцы уговаривали публику обязательно купить что-нибудь. Там же крутилось много

[1]Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.; ***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан. 1993. № 7. С. 51; ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 52; Интервью с Каюковой Е.В. 13 декабря 2001 г.

Горожанка. 1950-е годы. Фото из частного архива

Девушки, одетые по моде начала 1950-х годов. Фото из частного архива

инвалидов на костылях, зазывая играть в «американку», «три листика», «наперсток»[1].

Внешний вид казанской послевоенной публики был весьма пестр. Сразу после войны большинство казанцев одевалось бедно. Одежду носили долго, многократно ее переделывали и перелицовывали. Именно это обстоятельство сделало возможным появление в городе старьевщиков. По воспоминаниям казанца, они ходили по дворам с криками «Старья бирим! Старья бирим!!!» – «Им тащили старую одежду, тряпье, сношенную обувь, а они давали школьные тетрадки, надувные шарики, мячики на резинках, пищалки «уйди-уйди». Все это продавал китаец на Баумана против Дома печати, видимо, старьевщики брали обменный фонд у него»[2].

Большинство мужчин, в основном демобилизованные вчерашние участники войны, носили военную форму без знаков различия и погон. Штатские одевались весьма разношерстно – зимой казанцы

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 51.
[2] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 55.

Девушки, одетые по моде начала 1950-х годов. Фото из частного архива

нередко носили телогрейки («состоятельные» отделывали их кожей) и валенки, кто побогаче – носили «москвички» (полупальто из драпа или сукна с высоким воротником) и фетры с кожаными задниками[1]. Казанец вспоминал свой послевоенный гардероб: бишмэт (стеганое татарское домашнее пальто), подержанная шинель, телогрейка, старая гимнастерка, ботинки[2]. Школьники, учащиеся носили форму, дома переодевались в лыжные фланелевые костюмы. По праздникам мальчишки облачались в шерстяные брюки-клеш и «вельветки», а девочки – в платья. Брюки девочкам и женщинам тогда носить было не принято. Женщины в большинстве своем тоже одевались очень скромно, даже бедно, косметикой не пользовались. Но вскоре на улицах Казани появилась и хорошо одетая публика. В основном это были те, кто привез с фронта трофейную одежду себе и своим близким. Кроме них хорошо одеться могла позволить себе «элитарная прослойка: научные работники, артисты, известные адвокаты, знаменитые врачи, руководители предприятий да зарождающиеся «теневики» – директора баз, ресторанов, магазинов», которые могли купить одежду и обувь в дорогих магазинах. И, конечно, необычно и роскошно (с точки зрения рядового советского человека) выглядели прибывшие в конце 1940-х гг. в Казань «шанхайцы» – репатрианты из Шанхая, Харбина. Мужчины в узких брюках-дудочках, в коротких пиджаках и галстуках, женщины в коротких юбках и ярких клетчатых полупальто с высокими плечами смотрелись «белыми воронами» на казанских улицах[3].

В казанских магазинах, например, в магазине «Люкс» на улице Баумана (потом на этом месте был построен магазин «Подарки»), в первые послевоенные годы появились хорошие, дорогие вещи – обувь фабрики «Индпошив» и чехословацкой фирмы «Батя» за 770 руб.[4], бостоновые костюмы по 3200 рублей, меха. Мать вспоминавшего это

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 51, 56.
[2] Интервью с С.Х.Алишевым. 19 декабря 2001 г.
[3] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 51, 56, 66.
[4] Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

казанца купила там себе «шикарную горжетку из чернобурки за 3400 рублей, которую она носила чуть ли не до самой смерти»[1]. На улицах Казани появились красиво одетые женщины. В моду вошла завивка волос на бигуди[2]. Платья жительницы Казани могли заказывать в ателье – пошив стоил около 300 рублей. Шили также у частных портных, шили и сами. После войны модными были праздничные платья из ажурного панбархата, крепдешина. Праздничное платье нередко было единственным, и жительницы Казани спустя десятилетия в деталях без запинки описывали его. Одна из жительниц Казани вспоминала свое выпускное послевоенное платье: рукава фонариком, юбка-полусолнце собрана на поясе[3]. Другая горожанка рассказала о единственном крепдешиновом платье своей бабушки, за которым приходили все родственницы, когда намечался «торжественный выход» в театр или в гости[4]. Модницы носили шерстяные платья с отделкой ришелье, вышивкой на груди и на подоле[5]. На танцы девушки бегали в платьицах попроще – из ситца по 30 руб. за метр. Женщины носили тогда высокие жесткие береты, шапки-кубанки. Женская часть населения Казани стремилась обзавестись кожаными полусапожками на небольшом каблучке, с меховыми манжетами, со шнуровкой. Позже сапожки стали делать выше, затем появилась застежка-молния. В эти годы женщины носили модные туфли-лодочки, лаковые или из цветной кожи. Казанские дамы покупали к ним (чаще всего с рук) бежевые фильдеперсовые чулки со швом[6]. Из верхней одежды в те годы модными считались плащи-пыльники из светлых материалов, полуприталенные пальто из коверкота и габардина, двубортные пальто из бостона с каракулевым воротником, длиной до середины икр, носили также драповые пальто с воротником из енота, бобра, кролика[7]. Мутона почти не было. Жительница Казани вспоминала, какой фурор производила ее родственница, носившая шубу, шапку и муфту из белого кролика. Шиком считалось носить лису с мордочкой на пальто[8]. Мужчины в 50-е гг. щеголяли в белых фетрах (валенки

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 61.

[2] Интервью с Галимой N.

[3] Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

[4] Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г.

[5] Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

[6] Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г.; Интервью с Е.В.Каюковой. 13 декабря 2001 г.

[7] Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

[8] Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г.; Интервью с Е.В.Каюковой. 13 декабря 2001 г.

из чистой тонкой шерсти) на кожаной подошве с рантом, высокие голенища которых заворачивали в 3-4 раза[1].

После окончания войны ежедневно в Казань прибывали эшелоны с демобилизованными. Как вспоминал казанец, «они везли с собой аккордеоны, велосипеды, радиоприемники, костюмы, брюки, рубашки, а кто рангом повыше – мебель, картины, пианино. Как правило, все были навеселе, и за поллитровку спирта-сырца, а уж тем более настоящей водки у фронтовиков выменивали что угодно, от нижнего белья до мотоцикла «Цендап»[2].

В годы войны и сразу после нее советский человек впервые довольно тесно соприкоснулся с материальным миром и масс-культурой Запада: в его жизнь вошли трофейные кинофильмы, трофейные вещи, вещи, полученные от США по ленд-лизу и по линии гуманитарной помощи, наконец, американский джаз, ловившийся после войны по западным радиостанциям, которые тогда еще не глушились. В конце 1940-х – начале 1950-х годов в стране во многом под влиянием соприкосновения с этим миром возникает особая молодежная субкультура, выражавшая тоску советской молодежи по абстрактной свободе и ее потребность самовыразиться вне рамок официальной культуры. Она получила название «стиляжничество». Этой субкультуре был присущ и весьма определенный имидж: клетчатые пиджаки с огромными плечами, узкие брюки-дудочки, ботинки на микропоре, галстук «пожар в джунглях», разделенные на пробор или взбитые коком волосы, особый сленг[3]. Стиляги появились и в Казани в начале 50-х гг. и усиленно подражали манерам и внешнему виду столичных собратьев. Как вспоминал В.Аксенов: «Наша компания в Казани тоже изо всех сил тянулась к этой моде. Девушки вязали нам свитера с оленями и вышивали галстуки с ковбоями и кактусами...»[4].

В 1947-1950 гг. в Казани открылись 199 новых магазинов, в следующее десятилетие их число возросло в два раза. Помимо продовольственных и магазинов одежды открывались и специализированные магазины – универмаг «Детский мир», «Подарки», фирменные магазины, продававшие художественную и музыкальную литературу[5]. После войны товаров в казанских

[1]Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

[2]Так в тексте. См.: ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 49. Речь идет о мотоцикле «Zundap».

[3]Об этом см.: ***Брусиловская Л.Б.*** Культура повседневности в эпоху «Оттепели»: метаморфозы стиля. М., 2001. С. 33-57.

[4]***Аксенов В.П.*** В поисках грустного бэби. М., 1991. С. 13.

[5]История Казани. С. 314.

В 1950-е годы фотоаппарат для многих был предметом гордости. Фото из частного архива

магазинах было еще мало, зато «ломились» ювелирные магазины. По воспоминаниям казанца, в ювелирном магазине на улице Баумана (где теперь детское кафе «Экият»/«Сказка») появились золотые и серебряные изделия с бриллиантами, сапфирами, изумрудами. Они продавались по смешным ценам: большой золотой портсигар, например, за 10 тысяч рублей[1]. Но у людей не было тогда таких денег. Предметами роскоши в послевоенные годы все еще оставались наручные часы[2] – они продавались в магазинах (на рынках – даже импортные), но были дороги. Жительница Казани вспоминала, что первые часы – «Звезда» – появились у нее лишь в конце 50-х гг.[3] Другая горожанка вспоминала, что муж «поднакопил денег» и подарил ей на день рождения золотые часы[4].

Некоторые казанцы в эти годы обзавелись «техникой». «С рук» (у перекупщиков) продавались фотоаппараты – «Контакс», «Лейка», «Роллейфлекс». Они были по тем временам весьма недешевы: в начале 1950-х годов фотоаппарат «Киев» стоил 2,5-3 тысячи рублей, «Зоркий» и «ФЭД» – по 800 рублей, «Любитель» – 156 рублей[5]. После войны возвращали реквизированные приемники. По ним можно было слушать даже зарубежные радиостанции – «Би-Би-Си», позже – и «Голос Америки», глушить их стали только в 1947-1948 гг. Продавались и новые послевоенные приемники – «Рекорд», «Урал», рижские «ВЭФ», потом – приемники «высшего класса» – «Рига-103», «Латвия»[6]. Где-то в 1947-1948 гг в домах некоторых казанцев стали появляться радиолы «Рекорд», позже – «Урал». Радиола представляла собой «гибрид» радиоприемника и проигрывателя. После войны, в конце 1940-х гг. в некоторых советских квартирах

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 51.
[2] Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г.
[3] Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.
[4] Интервью с Е.В.Каюковой. 13 декабря 2001 г.
[5] ***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан. 1993. № 7. С. 51.
[6] Интервью с Б Ф.Султанбековым. 12 мая 2002 г.

На мотоцикле. 1950 год. Фото из частного архива

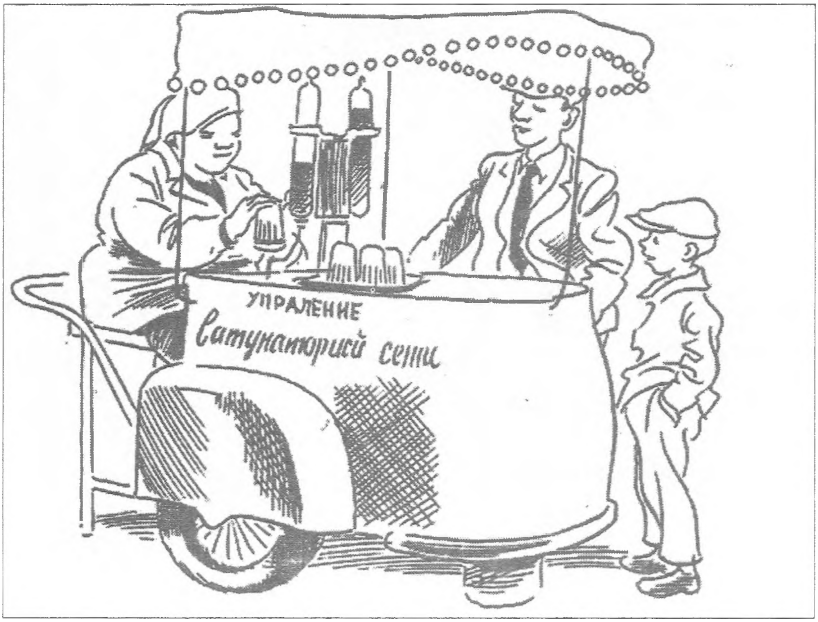
появились телевизоры – лучший тогда назывался «Ленинград» В 50-е гг. немногие казанцы приобретали первые телевизоры казанского завода «Радиоприбор» – «Звезда». Они были огромные, с маленьким экраном, возле этих первых телевизоров собирались целые подъезды, соседи, друзья, знакомые. Как вспоминал казанец: «бывало даже такое, что хозяева уже спали, а гости все смотрели и смотрели все передачи подряд»[1]. Холодильников у казанцев в те годы еще не было, скоропортящуюся еду старались покупать на день-два, продукты хранили в чуланах, в погребах со льдом, в колодцах в ведре, в кастрюлях с холодной водой, за окном[2].

Очень немногие горожане в те годы обзавелись собственным транспортом. После войны населению по талонам продавались (например, в ТУМе) полученные в годы войны по лендлизу американские мотоциклы «Харлей Дэвидсон». Стоили они тогда 10 тысяч рублей[3]. Правда, счастливых владельцев постоянно тревожили

[1]Интервью с С.И.Махониным

[2]Интервью с Н.Б Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г., Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г., Интервью с Г.И.Нарманской, Интервью с Е.В.Каюковой. 13 декабря 2001 г.; Интервью с Е.И.Минибаевой. 20 декабря 2001 г.

[3]***Носов Н.*** Версты любви // Казань 1995 № 1-2 С 51.



В жаркий летний день горожане утоляли жажду газированной водой. Рисунок Х.Бидструпа. 1950-е годы. Из альбома Х.Бидструпа (Москва, 1963)

бродившие по Казани слухи, что, якобы, их будут отбирать, так как они должны быть возвращены американцам[1]. Городские улицы заполонили автомобили – транспорт пополнился трофейными машинами и американскими «студебеккерами» (трофейные катера и самоходки появились и на Волге)[2]. Как вспоминал горожанин, «в Казани, где прежде легковые машины можно было по пальцам пересчитать, появились «мерседесы», «опели», «БМВ». А грузовикам стало тесно на улицах, причем, преобладали американские «студебеккеры» и «шевроле», которые мы, ребята, называли «Шурале»[3]. Правда, автомобили были в основном служебными. Отечественные послевоенные автомобили стоили в начале 1950-х гг. от 9 до 17 тысяч рублей[4] и были не по карману большинству казанцев.

[1]Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 12 мая 2002 г.

[2]***Наумов В.*** Три Казани. № 9-10. С. 45.

[3]***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 49.

[4]***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан. 1993. № 7. С. 51.

Жизнь в Казани в первые послевоенные годы была неспокойной: процветала преступность, орудовали банды – например, банда Кормакова «Черная кошка», было много квартирных краж, разбоев, в трамваях орудовали карманники, грабили грузовики. Люди боялись вечерами выходить на улицу. Только летом 1947 г., когда вышли специальные указы о борьбе с преступностью и были даны большие полномочия милиции, преступность на улицах Казани удалось обуздать, и люди вздохнули спокойнее[1].

Город постепенно «отходил» после войны. В Казани тогда почти ничего не строилось – только пленные немцы достраивали здание оперного театра на площади Свободы, ремонтировали мостовые. В автобусы и трамваи выстраивались очереди. В 1947 г. в Казани была пущена первая линия троллейбуса. В 1946 г. водопровод пришел в дома казанцев в Ленинском и Советском районах. В 50-е годы увеличивается канализационная сеть, хотя в городе и после войны работали ассенизационные обозы[2].

Таким образом, первое послевоенное десятилетие ознаменовалось для провинциального горожанина отменой карточек на продовольствие и промтовары, отменой ряда ограничений, связанных с военным временем, снижением цен. Постепенно повседневная жизнь входила в нормальное мирное русло. Однако в то же время оставались значительные трудности со снабжением населения продовольствием – что показал и продовольственный кризис 1946-1947 гг., и промышленными товарами. В первые послевоенные годы, благодаря ленд-лизу и появлению трофейных вещей, казанец впервые за несколько десятков лет соприкоснулся с элементами быта людей «с той стороны» границ СССР, «заочно» познакомился с частицей «заграничного быта», с некоторыми элементами западной масс-культуры (кинофильмы, джаз). Эти открытия «другой повседневности», прежде всего молодыми советскими людьми, инициировали острый интерес к ней, противопоставление ее идеализированного образа рутине собственной повседневности с ее несвободой. Из этого протеста родилась весьма своеобразная молодежная субкультура – «стиляжничество», привнесшая в повседневную жизнь провинциального города элементы новой эстетики и новых ценностей, бросившая вызов официально поощряемым и одобряемым нормам повседневной жизни.

---

[1] *Носов Н.* Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 54.

[2] История Казани. С. 312-313.

Качество жизни горожанина в последнее советское тридцатилетие

Последние тридцать лет советской власти были весьма противоречивым периодом в жизни провинциального горожанина. С точки зрения качества жизни «маленького человека» и в сравнении с предыдущими периодами эти годы в общем и целом можно охарактеризовать как время постепенного улучшения быта. Однако реально все было не столь однозначно.

1 января 1961 г. вступила в действие денежная реформа, в 10 раз укрупнившая рубль. Народ уверяли, что рубль стал полновеснее. Но на деле масло по 27 руб. 50 коп. за килограмм стало стоить 3 руб. 50 коп., а в телефон-автомат вместо 15 копеек следовало теперь опускать 2 коп. Спички же как стоили копейку, так и стоили после реформы.

Начало 1960-х гг. ознаменовалось появившимися очередями за белым хлебом. Это обстоятельство в народе связывали с поставками хлеба Кубе («ладушки, ладушки, Куба ест оладушки»)[1]. Перебои с хлебом затронули и Казань, но хлеб был довольно дешев: буханка белого стоила 16 копеек, ржаного – 13 копеек, батон – 15-22 копеек. Не хватало и молочных изделий – в Казани стояли очереди за разливным молоком[2]. В Казани начались перебои с мясом. Стоило оно тогда, как кажется, относительно недорого: говядина – 1 руб. 10 коп. – 1 руб. 80 коп., свинина – 1 руб. 86 коп. – 2 руб. 05 копеек, куры – от 1 руб. 60 коп. до 2 руб. 40 коп. за килограмм. При этом среднемесячная зарплата казанца была 75-80 руб., но многие тогда получали 40-50 рублей – уборщицы, библиотекари и др., а размер пенсии колебался от нескольких рублей до 30 руб. Хотя, конечно, были и более высокооплачиваемые категории казанцев: рабочий-станочник мог получать, как и инженер, 120 руб., а зарплаты научных работников, военных доходили до 400 рублей. Дефицит товаров, как обычно, «компенсировался» ужесточением мер против спекулянтов. Начало 60-х гг. было отмечено громкими процессами спекулянтов, валютчиков, фарцовщиков, за экономические преступления стали расстреливать.

Положение с продовольствием в начале 1970-х гг. еще оставалось в Казани неплохим. Цены на хлебные и молочные изделия не повышались, вареная колбаса стоила 2-2,50 руб., правда, трудно было

[1] *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М., 1996. С. 15, 113, 232-233.
[2] *Недорезов В.*А. Старое житье // Татарстан. 1993. № 9. С. 46-47.

Кукуруза, по замыслу Н.С.Хрущева, должна была во многом решить «кормовую» проблему. «Чудесница полей - кукуруза». Открытка 1961 года

«достать» копченые колбасы, продолжались перебои с мясом, но все же на рынке можно было купить хорошее мясо по 4-6 руб. за килограмм[1]. Питание населения улучшилось, хотя в нем наблюдалось весьма нездоровое преобладание относительно дешевых продуктов, содержащих в изобилии углеводы. Традиционно значительное место в структуре питания советского человека продолжали занимать хлеб и картофель – 46% дневной нормы калорий, а мяса и рыбы – всего 8%[2].

Праздничный стол казанца 70-80-х гг. также был весьма небеден, хотя и довольно традиционен. Он изобиловал множеством видов салатов – «Оливье», «Мимоза», сельдь «под шубой», маринадами, соленьями, на стол ставили пельмени, курицу, колбасу, сыр и многое другое. Присутствовало на нем и спиртное – водка, коньяк, вина, шампанское. Если в 50-х гг. казанцы крайне редко ходили

[1] ***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан 1993 № 9. С. 48.

[2] Для сравнения в США в те же годы потребление хлеба-картофеля и мяса-рыбы составляло, соответственно, 22% и 20% дневной нормы См.. ***Зайченко А.*** И пришла нужда как тать... // Погружение в трясину: (Анатомия застоя) / Сост. и общ. ред. Т.А.Ноткиной. М., 1991. С. 145.

Татарская национальная кухня. 1970-е годы.
Из альбома «Казань в фотографиях» (Казань, 1970)

в рестораны, то в 70-е годы казанские рестораны – например, «Казань», «Акчарлак», – стали не только доступными, но и довольно посещаемыми. Так, в «Казани» можно было всего на 10 рублей поужинать со спиртным и мясными блюдами[1].

Однако с середины – конца 1970-х продовольственные магазины страны выглядели довольно уныло. Наступила эпоха тотального дефицита товаров. В годы так называемого брежневского «застоя» покупателя в магазине встречали полупустые витрины, скудный ассортимент товаров не всегда высокого качества. На прилавках сиротливо лежали серая ливерная колбаса, овощные консервы, супы в стеклянных банках, рыбные консервы, которые никто не брал, «растительное сало», помадка, пастила и сахар, водка и «бормотуха»[2]. Товар часто нельзя было купить: его надо было добыть.

[1] Интервью с С.И.Махониным.

[2] ***Нагибин Ю.М.*** Дневник. М., 1996. С. 377. Цит. по: ***Осокина Е.А.*** За фасадом «сталинского изобилия». С. 237.

товары – мебель, посуда, одежда – и в начале XXI века сохраняются в семьях казанцев, напоминая о недавнем прошлом – эпохе дефицита.

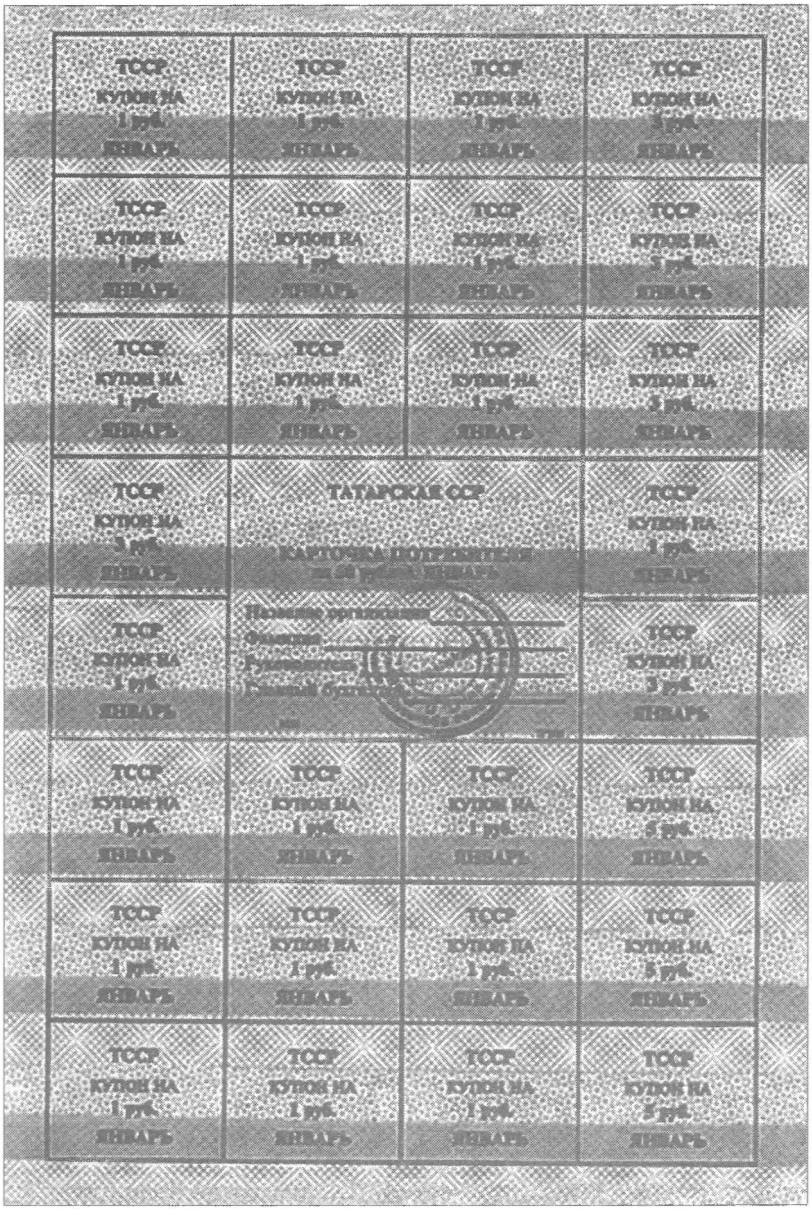
Иностранцев поражал парадокс снабжения населения СССР: пустые полки странным образом сочетались с набитыми холодильниками. Дело в том, что в стране существовал обширный легальный и «черный» рынок товаров и услуг[1]. Товары покупали и продавали «из-под прилавка», с баз, несмотря на то, что в 1981 г. за это было установлено «уголовное наказание» – штраф до 100 рублей[2].

Плакат А.Лазаренко обвинял недобросовестных торговых работников в искусственном создании дефицита

Население совершенствовало свои традиционные стратегии выживания. Так, вплоть до введения карточек на мясопродукты в середине 1980-х гг. казанцы традиционно возили мясо, колбасу, кур, масло из Москвы. В столицу отправлялись специально либо совмещали добычу продуктов с командировкой, отпуском. Приезжие отстаивали за каждым товаром множество очередей, в каждой из которых давали по определенной норме в одни руки. Огромный спрос на билеты на фирменный поезд «Татарстан» сообщением Казань – Москва и Москва – Казань привел к тому, что власти пустили второй поезд. Поезд «Татарстан» в эпоху дефицита стал объектом городского фольклора. Каждый юный казанец, к примеру, прекрасно знал ответ на детские загадки: «Мчится, как бешеный, мясом обвешанный» или «Длинный, зеленый, мясом пахнет» – ответ: «Поезд «Татарстан»». Мясопродукты и, в частности, колбаса, стали неким мерилом уровня жизни. Встречая иногороднего, советский горожанин интересовался – «А как у вас в городе с колбасой, с мясом?»[1].

[1] ***Осокина Е.А.*** За фасадом «сталинского изобилия». С. 5-6.

[2] ***Киселев В.П.*** День вчерашний – день нынешний. Н.Новгород, 1991. С. 80.



Талоны на продукты питания. Начало 1990-х годов. Из частного архива

Уже с середины 1970-х годов в стране заговорили о необходимости урегулирования распределения продуктов. В конце 70-х и середине 80-х гг. в ряде городов страны вводились карточки – продуктовые «заказы». В Казани талоны на масло и колбасу были введены в 1978-1979 гг.[2] В месяц по ним полагались 1-1,5 кг колбасы или мяса, 400 г сливочного масла. В магазинах они лежали свободно, создавая иллюзию свободной торговли ими, однако в соответствующих отделах, как правило, красовалась скромная надпись: «По заказам». В середине 80-х гг. карточки ввели также на сахар – по 1,5 кг на человека в месяц[3].

В эти годы на фоне всеобщего дефицита продуктов питания и товаров широко развилась система «спецснабжения» партийно-советской элиты на всех уровнях – московские привилегии в виде спецлечения, специальных жилых домов, спецстоловых, даже так называемой «сотой» секции московского ГУМа тут же воспроизводились в провинции[4]. «Спецснабжение» также было дифференцированным – в зависимости от статуса в иерархии элиты: кому-то «продуктовые заказы» привозили на квартиру, кому-то – в рабочий кабинет, а кто -то ходил за ними сам. Соответственно, дифференцированным был и ассортимент получаемых «благ». «Элита» отдыхала в престижных санаториях, оплачивая лишь небольшую часть стоимости путевок. 26 дней отдыха и лечения в санатории могли обойтись, скажем, в 40 рублей, составлявших лишь 20 процентов от стоимости путевки. Иногда и «простые» граждане могли составить себе некоторое представление о снабжении элиты – например, если им случалось поучаствовать в партийных, советских, профсоюзных совещаниях, конференциях, съездах. Так, в 1987 г. на всесоюзном съезде профсоюзов делегатам выдавали суточные по 30 рублей в день. Обычные командировочные суточные тогда составляли 2 рубля 60 копеек в сутки, а одна из авторов этой книги в бытность студенткой побывала в командировке и обеспечивалась командировочными в размере 55 копеек в сутки. Многие делегаты впервые в жизни на таких форумах пробовали деликатесы – икру, дорогую рыбу, крабы, экзотические фрукты и прочее. На время

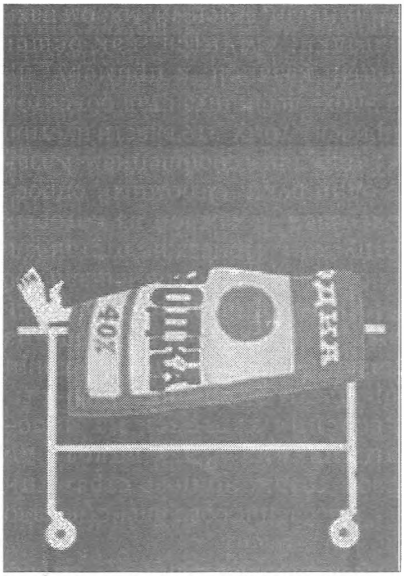
[1] ***Наумов В.*** Три Казани. № 9-10. С. 50.

[2] ***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан. 1993. № 9. С. 48.

[3] ***Киселев В.П.*** Указ. соч. С. 92, 88.

[4] ***Арбатов Г.А.*** Затянувшееся выздоровление (1953-1985 гг.). Свидетельство современника. М., 1991. С. 291.

Антиалкогольный плакат А.Мосина. 1958 год



Антиалкогольный плакат Бухеевых, С.Н.Булкина, Е.А.Михеевой. 1985 год

работы совещаний для них открывали доступ к дефицитным промтоварам[1].

Если до конца 1940-х годов уровень потребления спиртных напитков в СССР едва достигал уровня начала 1914 г., то с середины 1950-х гг. историки отмечают в нем резкий скачок. А за время с 50-х до 80-х гг. потребление водки удвоилось (по другим данным – даже утроилось), выросло и употребление легких алкогольных напитков, особенно пива. В эти годы наблюдался расцвет массового пьянства, особенно среди городского индустриального населения. Приметой этого явления стало, например, распитие бутылки водки «на троих» – не только в кафе, забегаловках, у киосков, но и в подворотнях и подъездах, причем «третьим» нередко приглашался случайный прохожий[2]. В 1980 г. в среднем в СССР покупного алкоголя на человека потреблялось в 5 раз больше, чем в 1913 г., – 8,7 литра. Причем, эта цифра не учитывала потребления самогона.

Государство пыталось ограничить массовое пьянство. В результате

[1] ***Киселев В.П.*** Указ. соч. С. 78, 80-81.

[2] ***Байрау Д.*** Бахус в России // ***П.А.Зайончковский*** (1904-1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 355-356, 370-371.

различных мер по ограничению потребления алкоголя с 1984 по 1987 гг. оно сократилось в 2,3 раза. Но одновременно резко выросло потребление самогона. В 1987 г. население пустило на самогон 2 миллиона тонн сахара – 16 процентов всего его годового потребления, произведя самогона в 1,7 раз больше, чем государство – водки и ликеро-водочных изделий. К тому же это тут же привело к дефициту сахара[1]. 16 мая 1985 г. вышел так называемый «антиалкогольный указ» – Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством»[2], призванный вести борьбу с пьянством и алкоголизмом. Этим указом, в частности, были установлены штрафы за распитие спиртных напитков в общественных местах, на производстве, за покупку самогона и других крепких напитков домашнего производства. А за изготовление и хранение – даже без цели сбыта! – самогонщикам грозила уголовная ответственность.

Дешевая водка-поллитровка, стоившая в 60-е годы 2 руб. 52 коп. или 2 руб. 87 коп., а потом 3 руб. 62 коп., в 1982 г. стоила уже 5 руб. 30 коп. В начале 80-х годов народ отреагировал на повышение ее цены следующими строками фольклора:

Спасибо партии родной,
Что водка стала дорогой,
Если будет восемь,
Все равно не бросим.
Передайте Ильичу:
Нам и десять по плечу.
Если будет больше,
Сделаем, как в Польше,
Ну, а станет двадцать пять –
Будем «Зимний» брать опять![3]

Стихотворение оказалось пророческим – после «антиалкогольного указа» цена водки поднялась до 8 и 10, а то и 12 рублей[4]. Тут же был подкорректирован и «фольклор»:

Водка стоит восемь –
Все равно не бросим.
Если будет двадцать пять –
Будем снова Зимний брать.

---

[1] ***Зайченко А.*** Указ. соч. С. 150.

[2] Сборник нормативных актов по борьбе с пьянством и алкоголизмом / Под ред. Г.А.Данкова, А.В.Соболева. Куйбышев, 1987. С. 15-19.

[3] ***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан. 1993. № 9. С. 48.

[4] ***Киселев В.П.*** Указ. соч. С. 101, 96-97.

Была ограничена продажа водки и вина – она разрешалась не раньше 14-ти часов и не позже 20-ти часов. В Казани и других городах страны за водкой и вином выстраивались гигантские очереди, тут же поименованные народом «Петлей Горбачева» или «Змеем Горынычем»[1]. Это стало поводом для множества анекдотов. Циркулировавший в Казани анекдот воспроизводил объявление водителя троллейбуса: «Остановка «Винный магазин», следующая остановка – конец очереди».

Запреты породили водочный дефицит и спекуляцию водкой и вином. Борьба с пьянством и алкоголизмом административными мерами, так же, как и в годы первой мировой войны и после нее, привела лишь к увеличению потребления суррогатов. Казанские пьяницы пили одеколон (особенно популярен у них был дешевый «Тройной»), денатурат (прозванный ими «зиночкой», «голубыми глазками» – из-за его цвета и «зензибером»), различные технические жидкости. Запреты спровоцировали и всплеск токсикомании – за неимением водки алкоголики дышали хлорофосом[2]. «Антиалкогольный» указ не привел к желаемым результатам.

В конце 1950-х-1980-х гг. внешний вид казанской публики значительно улучшился, хотя городская толпа выглядела несколько единообразно. Казанцы стали хорошо одеваться. Товары им предлагали многочисленные промтоварные магазины, в том числе открытый в 1977 г. Центральный универмаг – ЦУМ[3].

В конце 1950-х-1960-е гг. казанцы щеголяли в модных габардиновых китайских макинтошах высокого качества (как и все китайские товары, которые тогда поступали в казанские магазины), женщины – в гофрированных юбках[4]. 60-е гг. принесли два стиля в моде, новую эстетику. Молодые «стиляги» 60-х гг. носили яркие галстуки, башмаки на рифленой микропоре, брюки-дудочки и канареечного цвета носки, пышный кок волос дополнял имидж. Но тон задавали уже не они. Интеллигенты-шестидесятники выступали носителями «хемингуэевской» моды: грубый свитер, трубка, борода. Этот внешний тип шестидесятника характеризовало подчеркнутое безразличие к одежде, галстук для них был неприемлем. Врагом шестидесятника было «мещанство» – понятия уюта и красоты, присущие среднему слою. Если в предыдущие десятилетия, начиная

[1] ***Киселев В.П.*** Указ. соч. С. 89, 100.

[2] ***Киселев В.П.*** Указ. соч. С. 98-99.

[3] История Казани. С. 334.

[4] Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.; Интервью с Е.В.Каюковой. 13 декабря 2001 г.

с 1920-х годов, боролись с мещанством в самых различных обликах (абажуры и слоники на комодах), то теперь обвинения в мещанстве предъявлялись обладателям мягкой мебели – плюшевого кресла, кроватей с шарами, тахты «Лира». Быт, в представлении шестидесятника – законодателя новой моды, должен был быть несложным, «походным» – треногие табуретки-лепестки, легкие торшеры, узкие «вдовьи» ложа, низкие журнальные столики[1].

В эти годы бурно обсуждалось представление о красоте и уместности той или иной одежды. «Вульгарно выглядят в рабочей обстановке огромные серьги, блестящие броши и пряжки в волосах, крикливые, яркие, несочетающиеся цвета в ансамбле, большие декольте и прозрачные блузки, сквозь которые видны предметы белья, слишком узкие и короткие юбки, слишком широкие брюки и так далее, – поучала читателей «Энциклопедия домашнего хозяйства». – Нарядное платье с декольте и вышивкой в рабочей обстановке не просто неудобно и нелепо, оно говорит о желании женщины выделиться, обратить на себя внимание..»[2]. А это, разумеется, осуждалось «приличным» обществом.

Женщины начинают активно пользоваться духами, косметикой[3]. Фаворитами советских женщин 60-70-х гг. были духи «Белая сирень», «Рижская сирень», «Красная Москва», «Серебристый ландыш», «Дзинтарс» и другие[4].

В 1970-е гг. в казанских магазинах появляются относительно недорогие и качественные импортные товары производства «братских социалистических стран». Например, продавались мужские костюмы производства ГДР по 120 рублей, польские куртки за 50 рублей, югославская зимняя обувь по 40-60 рублей, импортные туфли по 42 рубля. Появляются и модные болоньевые плащи, английские шерстяные пальто-джерси и кримпленовые пальто. Казанская молодежь 70-х годов не осталась равнодушной к распространившемуся тогда стилю «хиппи». Парни стали носить длинные волосы, усы, бороды, облачились в вельветовые брюки-клеш, рубашки с широкими воротниками. В начале 80-х в молодежную моду вновь возвращаются брюки-дудочки. Модную одежду покупали не только в магазинах, но и на «Сорочке»– вещевом рынке в Дербышках[5].

К 1970-м гг. почти во всех казанских квартирах появились

---

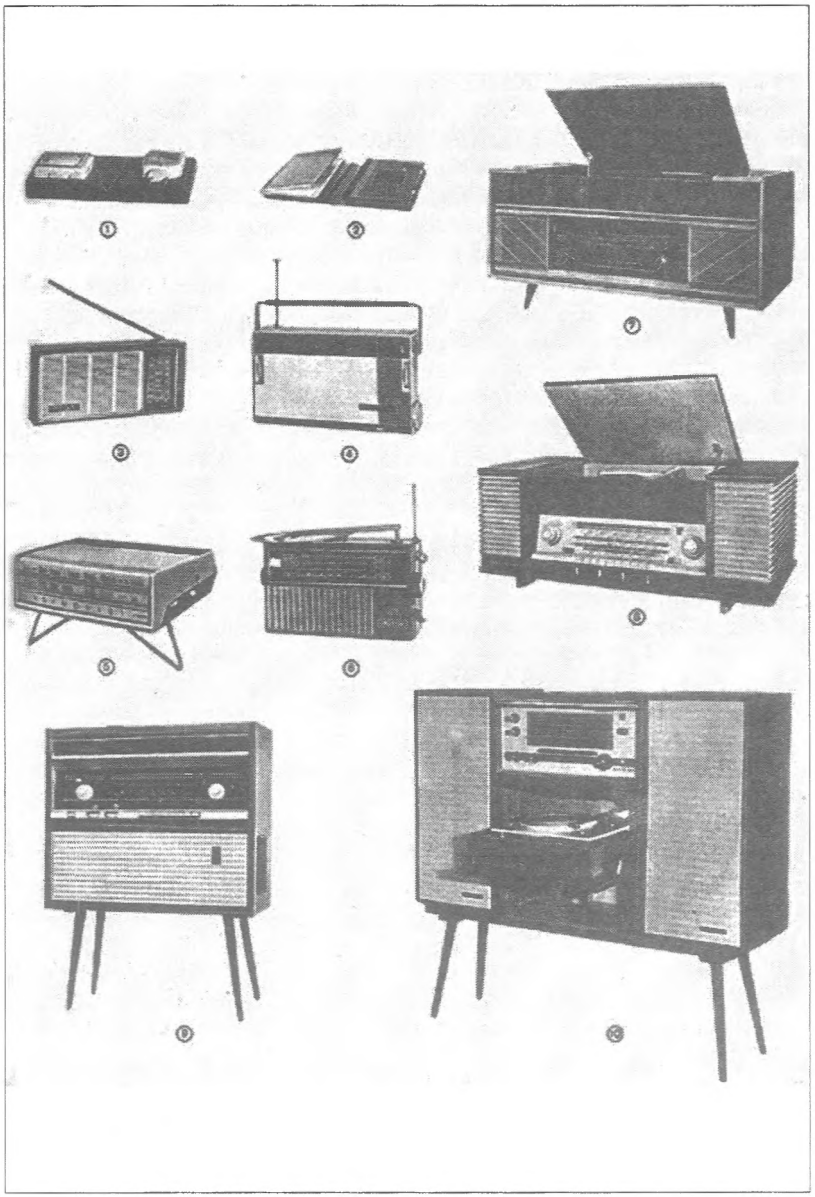
[1] ***Вайль П., Генис А.*** Указ. соч. С. 43, 59, 64-66, 130.

[2] Краткая энциклопедия домашнего хозяйства. Изд-е 4-е. М., 1969. Стб. 778.

[3] ***Вайль П., Генис А.*** Указ. соч. С. 145.

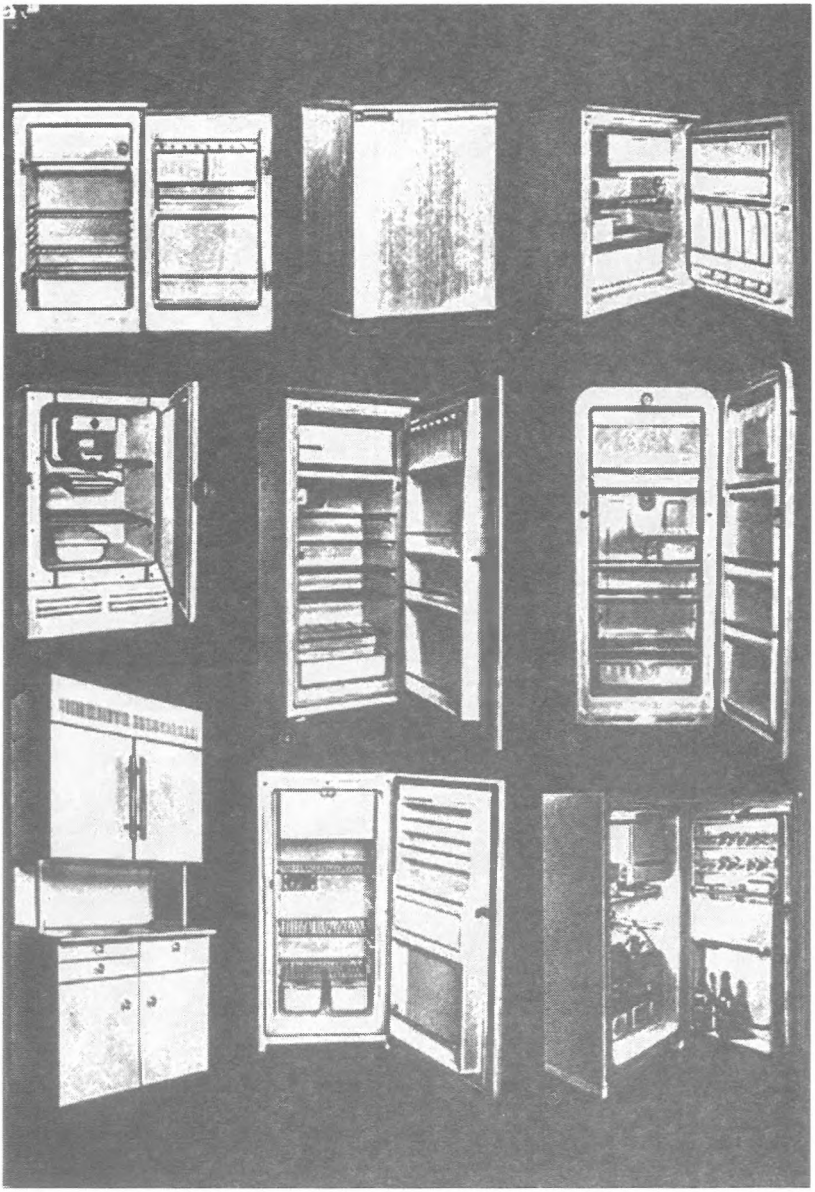
[4] Краткая энциклопедия домашнего хозяйства. Стб. 385.

[5] Интервью с С.И.Махониным; Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

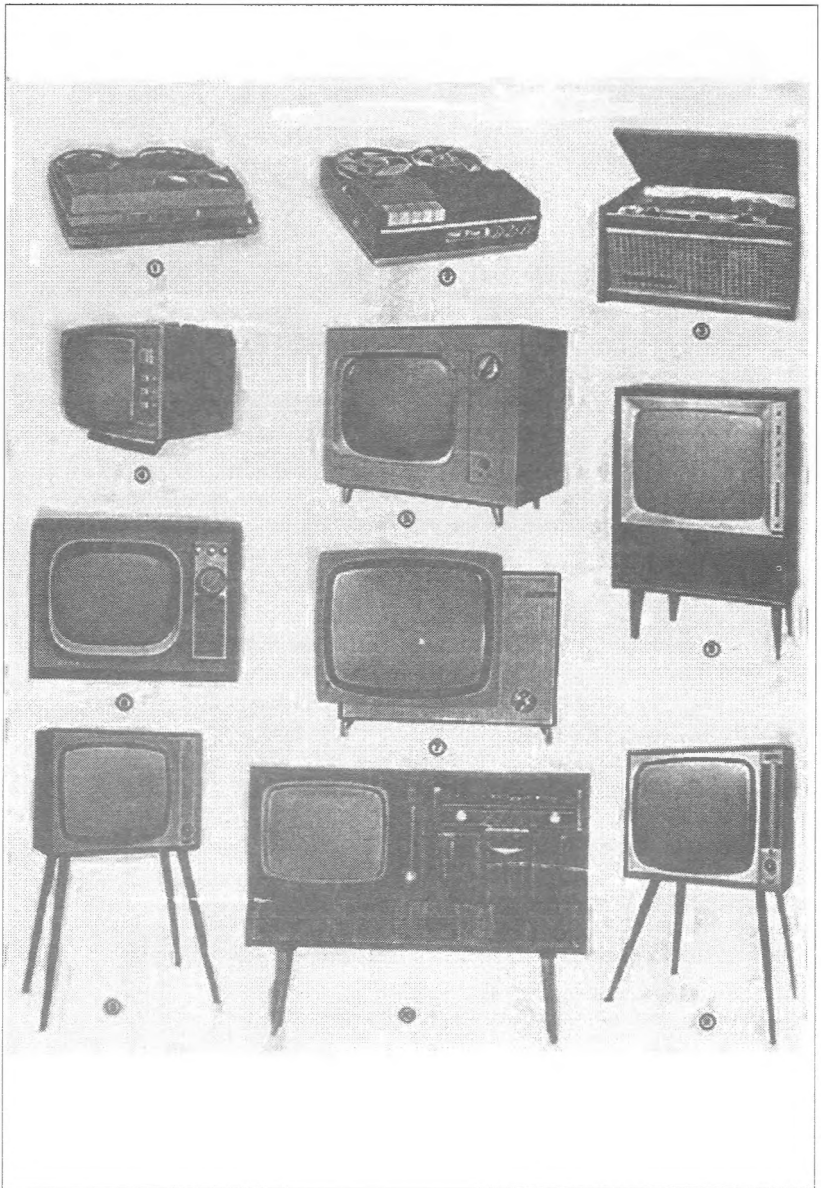


Радиоприемники 1960-х годов.
Из «Краткой энциклопедии домашнего хозяйства» (Москва, 1969)

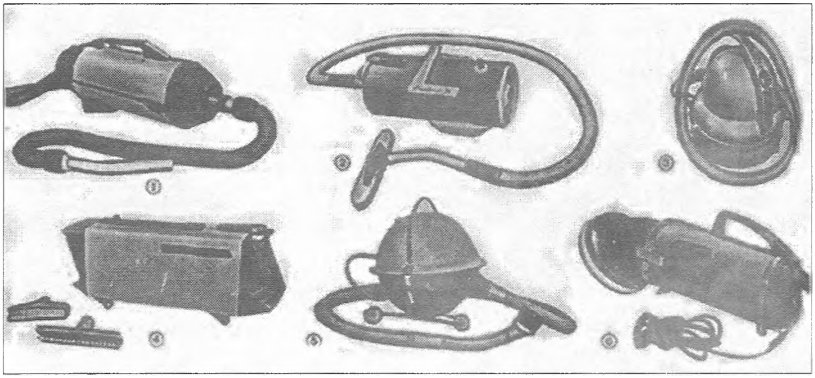
Советские фотоаппараты 1960-х годов.
Из «Краткой энциклопедии домашнего хозяйства» (Москва, 1969)



Советские холодильники 1960-х годов.
Из «Краткой энциклопедии домашнего хозяйства» (Москва, 1969)



Магнитофоны и телевизоры 1960-х годов.
Из «Краткой энциклопедии домашнего хозяйства» (Москва, 1969)



Пылесосы 1960-х годов. Из «Краткой энциклопедии домашнего хозяйства» (Москва, 1969)

телевизоры, швейные машинки, пылесосы, холодильники отечественного производства. Хотя эта техника все еще продолжала оставаться дефицитной, казанцы «доставали» ее всеми правдами и неправдами. Уже в 1960 г. у казанцев стали появляться первые холодильники ручной сборки, изготовленные в Зеленодольске. Покупали их по записи – люди подолгу стояли в реальной и «виртуальной» очереди, ходили в магазин отмечаться, чтобы не пропустить очередь[1]. Позже появились холодильники «Нистру», «Снайге», «Саратов-2», «Бирюса», «ЗИЛ», «Лига», «Оазис», «Север-6»[2], которые еще доживают свой век в наших квартирах. Казанцы активно раскупали также появившиеся диваны, серванты, шифоньеры[3]. Стиральные машины были в 60-е гг. в Казани большим дефицитом. (Стиральная машина «Волга» стоила 135 рублей.) В дома многих казанцев в 60-е пришли телевизоры. Телевизор «Рекорд» в те годы стоил 157 рублей[4]. В домах стали появляться магнитофоны – мощная стационарная «Яуза», «Днепр», литовские «Спалис», «Гинтарас», «Аидас». Первые магнитофоны часто рвали пленку, и настоящего любителя магнитофонной музыки узнавали по сожженным уксусной эссенцией пальцам. Помимо магнитофонов, радиоприемников, телевизоров советская промышленность в 50 е-70-е гг. выпускала их причудливые и громоздкие комбинации. Кроме радиол (радиоприемник и проигрыватель), появившихся

[1]Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

[2]Краткая энциклопедия домашнего хозяйства. Изд-е 4-е. М., 1969. Стб. 1210-1211.

[3]Интервью с Е.В.Каюковой 13 декабря 2001 г.

[4]***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан. 1993. № 9. С. 47.

раньше, выпускались магнитолы (радиоприемник и магнитофон) – например, «Миния», телерадиолы (радиоприемник, проигрыватель, телевизор) – например, «Ленинград», магниторадиолы (радиоприемник, проигрыватель, магнитофон) – например, «Харьков»[1]. На улицах Казани появилось много мотоциклов – М-105, «Восход», «Иж-Планета-2» и «Иж-Юпитер-2», М-63, К-650, и мотороллеров («Вятка В-150 М»), мотовелосипедов («Рига-5», МВ-042 М) и мопедов («Рига-3»)[2]. У некоторых казанцев появились и личные автомобили. Однако владение личными машинами – «Запорожцами», «Москвичами», тем более «Волгами» – было еще не так распространено. Хотя, например, «Запорожец» стоил в 60-е гг. не так уж дорого – 1600 рублей[3].

Советская стиральная машина 1960-х годов. Из «Энциклопедии домашнего хозяйства» (Москва, 1969)

Средняя месячная зарплата казанца составляла в 1970-х гг. 120 рублей, а в начале 1980-х гг. – 180 руб. Рабочий на оборонном заводе получал в 70-х-80-х гг. от 120 до 300 руб. в месяц, библиотекарь и музработник – 100-115 руб., студенческая стипендия составляла 40 рублей, а пенсия – 30-70 рублей, персональная пенсия – 120 рублей, ассистент в вузе получал 175 рублей, доцент – 320 руб., профессор – 400 руб.[4] Самой скромной зарплаты вполне хватало на питание. Казанцы даже со скромными доходами могли позволить себе и другие покупки – одежду, обувь, мебель и бытовую технику (которую нередко покупали в кредит), а также походы в кино, театры, на выставки,

[1]Краткая энциклопедия домашнего хозяйства. Изд-е 4-е. М , 1969. Стб. 639, 1103, 641; ***Вайль П., Генис А.*** Указ. соч. С. 133; Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 12 мая 2002 г.

[2]Краткая энциклопедия домашнего хозяйства. Стб. 704-707.

[3]***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан. 1993. № 9. С. 47.

[4]***Недорезов В.А.*** Старое житье // Татарстан. 1993. № 9. С. 47-48; ***Севастьянов А.Н.*** Интеллигенция: что впереди? // В человеческом измерении / Под ред. и с предисл. А.Г.Вишневского. М., 1989. С. 171-172.

даже поездки в отпуск – по путевке или «дикарем». Нередко часть стоимости путевки оплачивал профсоюз.

Во второй половине 1950-х гг. у казанцев стали появляться собственные дачи[1]. В 60-е-70-е гг. активно осваивалась горожанами пригородная зона отдыха. Близ Юдино, Васильево, Боровое Матюшино и в других лесных уголках по берегам рек Волги и Казанки строились дачи, а также дома отдыха, спортивные базы, которые сооружали для своих сотрудников казанские предприятия[2].

Улучшаются и бытовые условия жизни жителей города, в котором в октябре 1979 г. появился на свет миллионный горожанин. В 1955-1960 гг. город газифицируется. Во второй половине 70-х гг. канализация имелась в 80% домов казанцев[3]. В 70-х-80-х гг. в Казани развернулось широкое строительство новых кварталов, дома в которых были снабжены всеми удобствами.

На протяжении последних тридцати лет существования советской системы, таким образом, происходило постепенное улучшение качества жизни горожанина. Расширялись рынок товаров и продовольствия (в том числе за счет отечественных и зарубежных товаров и продуктов питания), рынок услуг – развивалась система бытового обслуживания, облегчавшая домашний труд. Кроме того, широко практиковались такие формы социальной помощи населению, как продажа товаров в кредит, оплата предприятиями (профсоюзами) части или полной стоимости путевок в санатории и дома отдыха для своих работников, путевок в пионерские лагеря – для их детей. Продукты питания, товары и услуги в стране были относительно дешевы и доступны практически всем слоям населения.

Но в то же время наблюдались постоянные перебои с отдельными наименованиями продуктов питания, нарастал дефицит продовольственных и промышленных товаров, что привело к рецидиву локальных карточных систем распределения отдельных видов продовольствия в конце 70-х – начале 80-х гг. Государство не справлялось с дефицитом продовольствия и товаров, население самостоятельно находило выход из положения, порой искусственно создавая другой дефицит. Так, в это тридцатилетие небывалых размеров в СССР достигли объем потребления алкогольных напитков и распространение пьянства и алкоголизма в быту советского человека. Однако антиалкогольная кампания середины 1980-х гг., на закате советского строя, проводившаяся привычными запретительными директивными методами, побудила население обратиться к старым знакомым техникам изготовления суррогатов, в частности, самогона, что, в свою очередь, инициировало дефицит

[1]Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.
[2]История Казани. С. 337.
[3]История Казани. С. 313, 332-333.

сахара в стране. Однако дефицит некоторых видов продовольствия в магазинах не грозил населению в годы «застоя» голодом или недоеданием. Парадокс «пустых полок в магазинах и полных холодильников в квартирах» объяснялся существованием обширного негосударственного легального и «черного» рынка товаров и услуг, процветавшей системой блата и кумовства и другими приемами и техниками достижения благополучия, которые широко практиковало население. В какой-то степени и сама руководящая элита прибегала к испытанным техникам достижения собственного благополучия: в эти годы процветала и многоступенчатая система «спецснабжения» различных эшелонов партийно-советской элиты.

* * *

Значительная часть XX века для российского горожанина была временем частично или полностью нормированного потребления продовольственных и промышленных товаров, временем дефицита, лишений и тягот в повседневной жизни. Продовольственные и промтоварные «карточки», «купоны», «ордера», «заборные книжки», «талоны», «хвосты», или «очереди», «сумки-авоськи», «пайки», «печки-буржуйки» и многие другие доставшиеся нам от XX века понятия образуют специфический советский семантический комплекс, знакомый людям среднего и старшего поколений огромного постсоветского пространства. Это своеобразный культурный код, обозначавший ту неустойчивость и непредсказуемость, вынужденный аскетизм, незащищенность и постоянное беспокойство за завтрашний «хлеб насущный», которые были свойственны повседневности «маленького человека», несмотря на различия условий жизни в зависимости от рода деятельности и социального положения, возраста и прочих характеристик горожанина, в российской провинции прошлого века.

Эта неустойчивость побуждала горожанина – часто вопреки воле властей и букве закона – формировать собственные техники и приемы выживания, достижения относительного благополучия, защиты от возможных грядущих лишений. Они становились своеобразным «ментальным наследием» каждого россиянина, востребовались не одним поколением советских людей при возникновении форс-мажорных обстоятельств[1]. Эти техники выживания населения определяли и выражали российскую повседневность XX века, пожалуй, яснее и глубже, чем политика и мероприятия правительства.

[1]На воспроизведение поведенческих стандартов (в том числе техник выживания) периода революции и гражданской войны в других экстремальных условиях, в частности, в период сталинских репрессий, голода 1932 и 1946 годов, указал И.В.Нарский См.: Нарский И В. Жизнь в катастрофе С 560-567.

Глава 8.

Отдых и праздники советского горожанина

Сфера досуга горожанина – важная часть его повседневной жизни. Количественные (число нерабочих и праздничных дней) и качественные характеристики досуга (формы отдыха) могут многое рассказать о его жизни. Они свидетельствуют об уровне благосостояния горожанина и о его изменениях в течение XX века, характеризуют преобладавшие в городе культурные практики, немало связанные со спецификой состава населения (национальной, религиозной, социальной) и с уровнем миграции, а также обусловленные политикой (и не только культурной) центральной и местной власти. Культура отдыха отчасти дает представление и о трудовой этике горожанина.

Сфера досуга и праздничная культура российского горожанина XX века испытали мощное воздействие политических процессов, влияние большевистской идеологии и практики, пытавшихся разрушить грань между общественной и частной жизнью человека и свести последнюю к минимуму.

В то же время черты досуга российского горожанина отражали общие тенденции изменений в сфере городского отдыха европейца в конце XIX-XX веков. Это касается таких процессов, как увеличение количества свободного времени работающего горожанина в конце XIX - начале XX веков за счет нормирования и сокращения рабочего дня. Еще одна общая тенденция – все большее пространственное и временно́е разграничение сферы труда и досуга, которых не знали доиндустриальные общества. В это время произошел отход от традиционных форм чередования работы и отдыха в рамках единого трудового процесса «от рассвета до заката» и от традиции проведения свободного времени исключительно в рамках замкнутого трудового коллектива. Появились новые формы проведения свободного времени. Началось бурное развитие индустрии развлечений, происходило становление демократической массовой культуры,

культуры потребления[1]. Все эти процессы шли в XX веке и в России, во многом определяя черты досуга россиянина.

Досуг и праздники в начале XX столетия

В начале XX века в России время отдыха складывалось из выходных дней – воскресений, из официальных государственных и церковных праздников, народных (храмовых) праздников. Еще во второй половине XIX века воскресенья, общегосударственные и наиболее важные – двунадесятые – церковные православные праздники были официально признаны нерабочими днями. Храмовые праздники более всего были распространены в сельской местности, и их число постоянно увеличивалось. В городах нерабочих дней было меньше. Так, рабочий в России в конце XIX века в среднем не работал 77-79 дней в году, к 1913 г. число его нерабочих дней увеличилось до 89. В начале XX века значительная часть горожан не работала в воскресенья – 52 дня в году, – и во время 32 церковных и государственных праздников[2]. Народных праздников в городах было меньше, чем на селе, но праздновались и они.

Торжественно и публично отмечались в городах официальные праздники. В Казани в так называемые «царские дни» – официальные праздники – чиновники, занимавшие достаточно высокое положение, должны были ездить в Кремль в Благовещенский собор на торжественную литургию и являться с визитом к губернатору при всем параде – в форменном мундире, с вензелями, медалями, орденами[3]. В дни тезоименитств членов императорской семьи в Казани устраивались парады войск местного гарнизона. В ноябре 1909 г. в городе даже был снят документальный фильм о торжественном параде Казанского гарнизона в честь тезоименитства наследника Алексея[4].

---

[1] О развитии сферы досуга и становлении массовой культуры в Европе см.: ***Maase K.*** Grenzenloses Vergnuegen. Der Aufstieg der Massenkultur 1850-1970. Frankfurt aM., 2001.

[2] ***Миронов Б.Н.*** Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового общества. Т. 2. СПб., 2000. С. 306, 315; см. также: ***Миронов Б.Н.*** Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении / Под ред. и с предисл. А.Г.Вишневского. М., 1989. С. 233.

[3] ***Адо В.И.*** Вспоминая прошлое... Записки русского интеллигента XX века // Казань. 2000. № 7. С. 42.

[4] ***Алексеева Е.*** Живые картины. История зарождения кинематографа в Казани // Казань. 2001. № 9-10. С. 28.

Молебен и шествие в Казани в связи с началом первой мировой войны. Из книги С.Ю Малышевой «Советская праздничная культура в провинции пространство, символы, исторические мифы (1917-1927)» (Казань, 2005)

Однако самыми большими праздниками для казанцев-православных – даже не слишком религиозных, как бедных, так и состоятельных, – считались Рождество и Пасха. Разумеется, праздник отмечался с разной степенью размаха – в зависимости от достатка семьи. Обязательно ходили в церковь. В домах казанцев готовились специальные кушанья, принимались гости. Посты соблюдали умеренно. Например, в Великий пост многие постились лишь одну неделю. Историк В.И.Адо вспоминал, что на Рождество в их доме непременно изготавливали новые елочные украшения – пряники с картинками, позолоченные грецкие орехи и другие. Елка ставилась в гостиной и украшалась в последний день накануне Рождества только взрослыми при закрытых дверях, дети ее не видели. В первый день Рождества зажигались свечи, мама садилась за рояль, играла, и в это время отец распахивал двери, и дети вбегали в зал. Вокруг елки танцевали, водили хороводы, пели, прыгали, кричали, хлопали в ладоши. Но кульминацией было вручение подарков, лежавших до поры под елкой. Этого момента дети ждали, затаив дыхание[1]. Другая жительница Казани вспоминала, что в ее семье

[1] *Адо В.И.* Вспоминая прошлое... № 7. С. 47-48

рождественские подарки дарили гостям, а детям дарили по рублю[1]. Заметим, что елки ставились в основном в семьях состоятельных и средних городских слоев, интеллигенции. В среде низших городских слоев это было не принято. Для молодежи самым веселым временем года была святочная неделя, следовавшая за Рождеством. На святки устраивались вечера и балы, на окраинах и в слободах молодежь собиралась на вечеринки, по домам ходили ряженые. Среди молодежи всех слоев населения были широко распространены святочные гадания[2].

К Пасхе пекли куличи, коптили свиной окорок, красили яйца. В пасхальное воскресенье наносили визиты, для чего даже специально нанимали на целый день извозчика, и сами принимали визитеров – родственников, знакомых, сослуживцев, а также приходивших поздравить с праздником почтальона, швейцара и дворника, священника и дьякона. Последних принимали по-разному, в зависимости от социального статуса. Так, священника и дьякона после совершения молебна приглашали к столу. А почтальону, дворнику и швейцару, не приглашая присесть, подносили водку и закуску и денежный подарок – причем если первого принимали через парадный вход, то двух других – через черный ход[3].

Отмечались и другие православные праздники, например, Троица. Как вспоминала жительница Казани, на Троицу весь дом украшали зеленью, а пол застилали травой[4].

Казанцы иных вероисповеданий также отмечали свои религиозные праздники, которые, в отличие от православных праздников, не были включены в официальный праздничный календарь. У казанских татар-мусульман особо чтимыми религиозными праздниками, называемыми арабским словом «гает», были Уразагаете (праздник поста) и Курбан-гаете (праздник жертвы). В дни этих праздников мужчины с утра шли в мечеть на коллективную молитву – намаз. Ее также совершали иногда под открытым небом, например, у кладбища. Они посещали могилы родственников. А женщины готовили праздничные кушанья. По возвращению мужчин начинался праздничный завтрак. Праздники длились три дня. В эти дни обходили с поздравлениями дома родных и соседей, устраивали угощения и дома. А в Курбан-гаете полагалось принести в жертву

[1]Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г.

[2]*Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем (на примере городов Калуга, Елец, Ефремов). М., 1977. С. 284-285.

[3]*Адо В.И.* Вспоминая прошлое... № 7. С. 47-48.

[4]Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г.

животное (барана) и угостить его мясом как можно больше людей. Все эти дни столы в домах татары оставляли накрытыми, ожидая в любой момент прихода гостей[1].

К религиозным праздникам друг друга казанцы относились с уважением и живым интересом – прежде всего, кулинарным. Мемуарист вспоминал, что ребенком он очень любил мацу, которой его угощала мама товарища в еврейские религиозные праздники, а сам товарищ «с удовольствием уплетал у нас куличи и пасхи»[2].

Отмечали казанцы из средних слоев и семейные праздники, в частности, дни рождения и именины, особенно детские. В среде менее зажиточных городских слоев – фабрично-заводских рабочих, мастеровых – семейные праздники практиковались меньше.

В праздники – как правило, на Рождество и следующие за ним святки, Масленицу и Пасху – на площадях устраивались народные гулянья. В Казани еще с конца XIX века местом гуляний становились Николаевская и Мочальная площади. Весьма популярными были представления в балаганах на обеих площадях. На Николаевской площади стоял постоянный дощатый балаган, вход в который стоил 20-30 копеек. В балаганах представляли пантомимы, цирковые номера, сценки, «чудеса» – эти бесхитростные зрелища вызывали горячий отклик у простой публики. В праздничные дни на площадях играл солдатский духовой оркестр, работали качели и карусели, панорама, играли шарманки и гармошки, народ развлекался запрещенными азартными играми, драками, лакомился у торговых палаток чаем с пряниками и другими сладостями, орехами, блинами, пирогами[3].

Народные гулянья были неотъемлемой составляющей самых веселых и демократичных – народных – праздников. Спецификой казанской праздничной культуры было, например, довольно широкое празднование татарского народного праздника Сабантуй. Причем, в нем участвовало не только татарское население, но и казанцы иных национальностей. Сабантуй – праздник плуга (пашни), весенний сельский праздник с играми и состязаниями, конскими скачками, угощением и народным гуляньем. Он с давних пор отмечался и городскими татарами вначале на Арском поле, а позже, вплоть до 1918 года, – в Ново-Татарской слободе в районе татарских кладбищ (Мазарок)[4].

---

[1] *Уразманова Р.К.* Праздники // Татары. М., 2001. С. 376.

[2] *Адо В.И.* Указ. соч. № 7. С. 56.

[3] *Свердлова Л.М.* На перекрестке торговых путей. Казань, 1991. С. 107-109, 123-124.

[4] *Семенов Н.А.* Национальные народные праздники в Татарии и их физкультурное значение. Казань, 1945. С. 22.

В начале века в Казани зародились традиции подпольных революционных празднеств. Так, в воскресенье 1 мая 1905 г. в Игумновом лесу, на острове, образованном весенним разливом Волги, казанские большевики организовали маевку, на которую многие рабочие привезли и свои семьи. В течение двух майских недель таких маевок большевики провели около десятка. В них участвовали и русские рабочие, и татары. Специальные маевки на татарском языке устраивали и для рабочих, не знавших русского языка[1]. Но эти праздники, разумеется, не получили тогда широкого распространения среди жителей Казани.

По вечерам после работы, в выходные и праздники казанцы отдыхали и во дворах собственных и нанимаемых домов. Дома тогда были по большей части деревянные, одно- и двухэтажные, с садиками во дворах. Даже интеллигентные семьи умудрялись держать в сараях во дворе корову. Во дворах играли дети – в мячики, кегли, городки, бабки, прятки, жмурки, серсо, волан, а также в оловянных солдатиков, подростки играли в футбол. Взрослые отдыхали в гамаках. На застекленных террасах и верандах домов казанцы устраивали семейные и дружеские чаепития. Слушали граммофон – пластинки с записями Шаляпина и Собинова. Вечерами и в выходные взрослые принимали гостей, играли в шахматы, за ломберными столами в гостиных составлялись партии в преферанс, играли в другие карточные игры[2]. Состоятельные казанцы и представители средних слоев населения посещали клубы. В Казани к 1914 г. существовало несколько клубов – Шахматный клуб, Купеческий клуб, Благородное собрание, Военное собрание, Новый клуб, Восточный клуб[3] и др..

Зимой казанцы любили кататься с ледяных горок. Ходили на Черное озеро, в Черноозерский сад, где можно было кататься на коньках по ледяному полю и ледяным аллеям. Коньки можно было взять напрокат, работали также гардероб и буфет. На катке играла музыка. Казанцы катались в одиночку, парами, группами, молодые люди катали девушек в креслах на полозьях. На Масленицу горожане ели блины и катались на санях – «по всем улицам мчались упряжки, соперничая в красоте убранства и в быстроте коней». Зимой устраивали снежные сражения – особенно этим баловались гимназисты и реалисты (учащиеся реальных училищ), традиционно недолюбливавшие друг друга. Летом казанцы любили гулять в

[1]Молодость древнего города. Казань, 1978. С. 68.

[2]*Адо В.* Указ. соч. № 7. С. 36, 37, 42-44, 46-48, 55-57.

[3]Культурная революция в Татарии (1917-1937 гг.). Казань, 1986. С. 137.

Лецском саду. Он содержался в образцовом порядке: в центре бил фонтан с фигурой женщины, вокруг фонтана – клумба с цветами, в парке стояли скамеечки со спинками. Излюбленным местом прогулок был также Державинский сад (на месте сегодняшнего оперного театра). Со стороны Лядской улицы (ныне ул. Горького) он был выше, и в сад вели две лестницы. В павильоне, находившемся между ними, продавали вафли разных сортов. С Театральной площади трамвай довозил казанцев до еще одного места прогулок – сада «Русская Швейцария». Летом до него можно было доехать не только на обычном трамвае, но и в открытых вагонах, сиденья в которых располагались поперек, так что кондуктор, продававший билеты, ходил по подножке вдоль вагона[1]. В теплое время года гулянья в городских и пригородных садах превращались в настоящий праздник. Так, с апреля по сентябрь казанцы отдыхали и развлекались также в саду «Аркадия». В «Аркадию» каждые полчаса от Казани ходил пароходик. Развлечений в саду было предостаточно – на любой вкус: играли три оркестра, в закрытом театре ставились спектакли, в открытом – выступали русский хор, трио лилипутов, силач, танцор, в конце представления показывали кино[2].

Значительную часть досуга образованных слоев населения Казани составляло чтение. Многие имели хорошие домашние библиотеки. Другие пользовались публичными библиотеками, в том числе частными. Так, в доме Кекина на Большой Лядской улице три сестры содержали частную публичную библиотеку. Существовала в Казани и публичная татарская библиотека – «Котепхана исламия», открытая в 1906 г. Всего в городе к 1914 г. работало 9 библиотек-читален и 10 библиотек без читального зала[3]. В казанских семьях читали произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Гончарова, Льва Толстого, Тургенева, Гарина, из зарубежных авторов – «Хижину дяди Тома» Г.Бичер-Стоу, «Робинзона Крузо» Д.Дефо, «Путешествие Гулливера» Дж.Свифта, «Маугли» Р.Киплинга, «Пиратов прерий» Г.Эмара, а также произведения Марка Твена, Майн Рида, Фенимора Купера, Жюля Верна, Джека Лондона, Конан-Дойла, Элизы Бернетт и др. Женская читающая аудитория – особенно девочки – зачитывались книгами Л.Чарской. Студенчество отдавало предпочтение произведениям Л.Андреева, М.Горького, А.Чехова, Л.Толстого, В.Короленко. Многие семьи выписывали и журналы «Огонек», «Ниву», «Золотое детство», «Чиж»

[1] *Адо В.И.* Указ. соч. № 7. С. 44, 47, 55.

[2] *Алексеева Е.* Живые картины. С. 25.

[3] Культурная революция в Татарии... С. 39, 137.

для детей. Казанские студенты охотно читали журналы «Русское богатство», «Образование», «Былое», «Вестник знания». С началом первой мировой войны стал выходить популярный журнал «Великая война в образах и картинах». Тогда на улицах и в газетах появились портреты и плакаты многих героев войны – особенно популярным стал Козьма Крючков, изображения которого, как вспоминал мемуарист, висели буквально повсюду. Взрослые читали газеты «Русское слово», «Камско-Волжскую речь» и другие[1].

Чтение грамотных представителей низших слоев населения города чаще всего составляли специально издаваемые книги «для народного чтения» – упрощенная, адаптированная и нередко низкопробная литература. Так, в 1905 г. саратовский публицист М.Горьков возмущался тем, что рынок народного чтения заполонила «полуграмотная, часто развратная книга, которой отравляют простолюдинов издатели с «Никольской», всякие книгоноши, офени, уличные, ярмарочные продавцы с ларей, с возов, в киосках». Как у деревенских читателей, так и у горожан – выходцев из деревни (да и у коренных горожан – мастеровых и рабочих) огромной популярностью пользовалась лубочная литература. Несмотря на все усилия провинциальной интеллигенции бороться с ее популярностью и предложить массовому читателю из народа доступные ему и качественные литературные произведения, лубок продолжал свое победное шествие, так как отвечал вкусам и потребностям широких масс населения[2].

Благоговейно, как к храму искусства, казанцы относились к театру. Посещение его было событием[3]. В 1913-1917 гг. в Казани одновременно работали 7-8 профессиональных драматических трупп: в городском театре на Театральной площади, в Новом театре (теперь Театр драмы и комедии им. К.Тинчурина), в Большом театре Г.А.Розенберга на Большой Проломной (теперь там театр им. Качалова), в Купеческом собрании (ныне ТЮЗ), в театре миниатюр в небольшом зале на углу Б.Проломной, в театре им. Гоголя (потом Дом офицеров) в Суконной слободе, на ул. Евангелистовской (теперь ул. Татарстан) работала труппа в помещении Восточного клуба, в Заречье – Алафузовский театр. Существовало и большое количество

[1] ***Адо В.И.*** Указ. соч. № 7. С. 41, 44, 56-58; Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г.; ***Смыков Ю.И., Шишкин В.И.*** Последние годы под двуглавым орлом. 1901-1917 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 146.

[2] ***Оболенская С.В.*** Солдаты читают Л.Н.Толстого // Одиссей. Человек в истории. М., 2001. С. 288.

[3] ***Адо В.И.*** Указ. соч. № 7. С. 44.

любительских коллективов. Почти в каждом театре по воскресеньям давали утренние спектакли. Причем, это были не только сказки вроде «Степки-растрепки» или «Ивана-царевича», но и русская классика. На спектакли ходили родители с детьми. Театры горожане – в основном образованные слои, интеллигенция – посещали довольно часто, каждый спектакль обсуждали дома, на работе, с друзьями и коллегами. Приезжали в город и труппы оперетты[1]. Спектакли посещало и татарское население – в основном татарская интеллигенция. А в период 1905-1907 гг. в Казани появился первый татарский театр – труппа «Сайяр» («Передвижник»)[2]. 22 декабря 1906 г. в здании «Нового клуба» состоялось первое официальное театральное представление на татарском языке – это были две турецкие пьесы, переведенные на татарский язык, – «Несчастное дитя» и «Беда от любви». Эти постановки имели важное значение в деле приобщения к театру широких слоев татарского населения, которые сторонились его в силу бытовавших предрассудков и религиозных запретов. Противоречивое отношение к первым театральным постановкам татарского общества ярко отразил татарский драматург Г. Камал в написанной в 1908 г. пьесе «Беренче театр» («Первый театр»). С 1911 г. труппа «Сайяр» регулярно давала представления на татарском языке на базе «Восточного клуба»[3].

Посещение театров, концертов, выставок было нормой в семьях интеллигенции. В домах, где жили семьи казанской интеллигенции, звучала музыка: на скрипке, на рояле играли родители и дети. Детей учили и танцам. В Дворянском собрании существовали специальные группы для обучения детей танцам, но принимали туда в основном дворян. Дети из других слоев населения, даже если и принимались, чувствовали там себя неуютно[4].

С первого десятилетия XX века одной из самых распространенных, самых демократичных, доступных всем слоям общества форм проведения свободного времени становится посещение кинематографа. Первый киносеанс в Казани состоялся еще 2 мая 1897 г. в городском театре. Год спустя в апреле в Казани была проведена первая хроникальная съемка – «На Театральной площади», уже три дня спустя продемонстрированная изумленным казанцам. Позже Казань увидела документальный фильм «Коронационные

---

[1] ***Благов Ю.А.*** Кешнер и К°. История одной казанской семьи. Казань, 2001. С. 45-46.

[2] Культурная революция в Татарии... С. 59.

[3] ***Габаши А.*** Осуществленная мечта // Казань. 2002. № 3-4. С. 83-84.

[4] ***Адо В.И.*** Указ. соч. № 7. С. 45.

торжества» – о коронации Николая II. Кино вначале показывали где угодно – в цирке, в трактирах, гостиницах. В казанском «прокате» процветала и порнография, вследствие чего в 1908 г. губернатор, по ходатайству родителей, даже запретил учащимся посещать кинематографы – наряду с пивными и трактирами[1].

Стационарные кинотеатры – их называли «электротеатры», – появились в Казани только в начале XX века, в 1906-1908 гг. На Воскресенской (ныне Кремлевской) улице работали электротеатр «Буфф» (в этом доме на Кремлевской улице не так давно был магазин «Экран») и электротеатр «Пассаж» – в здании Александровского Пассажа. На улице Большой Проломной (ныне ул. Баумана) радовал публику электротеатр «Олимп». Он сменил много названий – «Модерн», «Иван», «Общедоступный», наконец, «Олимп», в советское время в его здании работал кинотеатр «Унион», а затем – недавно закрытый кинотеатр «Родина». На Большой Проломной показывали казанцам фильмы также электротеатры «Патэ» – в здании современного Большого драматического театра им. Качалова, «Урания» – в здании, где в советское время помещался Дом культуры им. Горького, а также «Аполло», ставший позже кинотеатром «Электро», памятный современным казанцам как кинотеатр «Татарстан». На Московской улице работал электротеатр «Фурор», на Николаевской площади – «Феникс», в здании дома Кекина – «Люкс» и другие. С 1916 г. существовал кинотеатр на месте бывшего театра «Мулен-Руж». Уже в советское время, в 1926 г., он получил название «Народный», с 1939 по 1941 гг. горожане знали его под названием «Рот-Фронт». В годы войны этот кинотеатр был закрыт и вновь открыт в 1944 г. под названием «Вузовец». Казанцы очень горевали из-за его слома в 1979 г.[2]

В 1908-1910 гг. в «Урании» демонстрировали документальный фильм о международных состязаниях воздушных шаров в Берлине, в «Патэ» – художественный фильм «Стенька Разин», в «Фуроре» – «Жизнь Франца-Иосифа, императора австрийского» и художественные фильмы «Легенда о фантоме» и «Талисман Фьеретты», в «Пассаже» – «Жизнь Л.Андреева», в «Пассаже» и в «Аполло» – хронику жизни и похорон Л.Толстого и «Войну будущего», в «Буффе» – «Вий». «Пассажем» в 1909 г. проводились и собственные съемки – съемки торжественного парада в Казани в честь тезоименитства императора. А «Аполло» в 1910 г. снял «Казань

[1] *Алексеева Е.* Живые картины. С. 18-39.

[2] *Алексеева Е.* Живые картины. С. 18-39; Сведения о кинотеатре «Вузовец» — из доклада И.А.Алиева на научной конференции «Исторический центр Казани в прошлом и настоящем» (Казань, май 2002 г.).

во время масленицы». С началом мировой войны кинотеатры демонстрировали также хронику с фронтов, патриотические ленты – например, «Воцарение Дома Романовых», часть выручки с проката которых шла в пользу семей воинов[1].

Одним из распространенных вариантов проведения досуга в среде фабрично-заводских рабочих, мастеровых, ремесленников до первой мировой войны было посещение питейных заведений[2]. Следствием этого времяпрепровождения нередко становились пьяные драки, побои домашних. Хотя пьянство и буйство не было прерогативой только этих слоев – им грешили практически все слои горожан, но пьянство рабочего класса было больше на виду. Положение несколько меняется с введением «сухого закона» в связи с началом мировой войны. Согласно проведенному в начале 1915 г. Казанской губернской управой обследованию, благодаря запрету на спиртное, изменилась структура досуга рабочих. На вопрос о том, как теперь проходят праздники – лучше или хуже прежнего, 44% мужчин и 58% женщин ответили: «лучше», 42% тех и других считали, что так же, как и прежде. И только 14% мужчин заявили, что без вина праздники стали скучнее. Рабочие рассказывали опрашивающим о том, как изменился их досуг. Слесарь Д.Якин сказал: «Читать и писать у жены выучился; жду не дождусь, скоро ли откроют театр электрический». Заводская швея А.Пумкина отмечала: «Прежде праздники ходила и разыскивала мужа по пивным... Ныне после обеда за чайком книжку или газетку читаем». Лудильщик К.Лобышкин заявил: «Ныне стал «Русское слово» выписывать и хорошие книги читать. По слесарному делу прочел несколько книг...». Шапочник Д.Т.Михеев признавался: «Почти каждое воскресенье хожу в церковь, а прежде не ходил даже на Пасхе и на Рождестве, выпивал даже в заутреню». Сапожник на Алафузовском заводе Федор С. свидетельствовал: «Прежде праздники проводил в ресторанах, пока не вытолкают пьяного, теперь побывал и в кинематографе, чего не удосуживался сделать прежде. Жалею, что театр Алафузовский закрыт. Частенько ныне хожу в церковь, после обедни дома всегда ожидает пирог. Новая жизнь теперь началась». Однако часть рабочих была не в силах отказаться от пагубной привычки, проводила время за потреблением суррогатов. Другие заменили привычную водку «психологическими

[1] *Алексеева Е.* Живые картины. С. 18-39.

[2] *Smith S., Kelly C.* Commercial Culture and Consumerism // Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881-1940 / Ed. by C.Kelly and D.Shepherd. Oxford, 1998. P. 126.

суррогатами» – игрой в карты, орлянку, лото, другие азартные игры: в азартные игры играли 6% опрошенных, причем, из них 5% стали играть именно после запрещения спиртного[1].

Казанцы выезжали отдыхать и за город. Низшим городским слоям был недоступен дачный отдых. Небогатые горожане чаще совершали однодневные вылазки на природу. А многие представители образованных и средних слоев и их семьи проводили лето с конца мая до конца августа на дачах в лесах вокруг Казани и на Волге (например, одним из популярных мест отдыха был дачный поселок Красная Горка – ныне Юдино). Причем, речь идет не только о русских семьях. Мемуарист вспоминал, что дачу рядом с ними снимала татарская семья. Дачи чаще всего именно не покупали, а снимали на лето, часто у одних и тех же хозяев. На дачу часто перевозили мебель, рояль. Глава семьи, как правило, работал, возвращаясь на дачу лишь под вечер. Дачный отдых сулил множество развлечений и удовольствий. На даче читали, занимались рукодельем, лежали в гамаках и пили чай на веранде из самовара, играли в крокет – дотемна, даже при свете керосиновых ламп, в лото и в карты, в лапту, танцевали на танцплощадках, ездили на велосипедах, ставили самодеятельные спектакли, катались на качелях, собирали грибы и ягоды, варили варенье, купались в реке и в озерах. Дачевладельцы даже оборудовали для своих дачников специальные купальни. Дачники большой компанией – всей семьей, вместе с друзьями и знакомыми – нередко совершали дальние пешие прогулки на несколько километров. С собой брали еду, купальные принадлежности, рыбацкие снасти, самовар, разжигали костер, варили уху. Такие прогулки запоминались надолго[2].

Некоторые казанцы предпринимали и путешествия в другие города. Особенно популярными были путешествия вниз и вверх по Волге на двухпалубных пароходах. Живописные волжские берега, пристани, бурное движение пароходов, баржей с буксирами по волжским просторам, погрузки-разгрузки грузов, стерляжья уха в салоне или за столиком под окнами каюты – все это давало массу незабываемых впечатлений отдыхающим[3].

---

[1] Год трезвости в Казанской губернии. Казань, 1916. С. 109-115.
[2] *Адо В.И.* Указ. соч. № 7. С. 49-53.
[3] *Адо В.И.* Указ. соч. № 7. С. 45.

«Красные» празднества и культура отдыха в первые годы советской власти

Перемены в политическом строе страны затронули и досуговую сферу жизни горожанина. После Октябрьской революции 1917 г. в стране был создан новый – революционный – праздничный календарь. Одним из первых документов Совнаркома, касающимся праздников, стало постановление 30 апреля 1918 г., ограничившее число нерабочих пасхальных дней в правительственных и общественных учреждениях до пяти[1]. 16 сентября того же года по предложению Я.М.Свердлова было принято постановление ВЦИК, которым устанавливалось празднование годовщины Октябрьской революции 7 ноября но новому стилю[2]. А 2 декабря 1918 г. появились «Правила Совнаркома о еженедельном отдыхе и о праздничных днях». Они вошли в «Кодекс Законов ВЦИК о труде» – первый советский КЗОТ. «Правилами» впервые устанавливались праздничные дни, «посвященные воспоминаниям об исторических и общественных событиях», в которые воспрещалось работать: 1 января – Новый год, 22 января – день 9 января 1905 г. (Кровавое воскресенье), 12 марта – день низвержения самодержавия, 18 марта – день Парижской Коммуны, 1 мая – день Интернационала, 7 ноября – день Пролетарской революции. Праздновались также 23 февраля (День Красной Армии), 8 марта (Международный день работницы), 16 июля (Память Июльских дней) и некоторые другие праздники, не бывшие выходными[3]. Кроме того, местным советам профессиональных союзов было дано право устанавливать (с согласия Наркомата труда) помимо этих праздников так называемые «особые дни отдыха» – не свыше 10 дней в году. Под особыми днями отдыха, или «обычными для большинства населения данной местности праздниками»[4], подразумевались религиозные праздники.

Большинство жителей Казанской губернии и Казани составляли русские и татары. К 1920 г. русские (исповедовавшие в основном православие) составляли 73, 95% жителей Казани, а татары (исповедовавшие в основном ислам) – 19,43% казанцев[5]. Поэтому в губернии/республике были установлены две группы религиозных

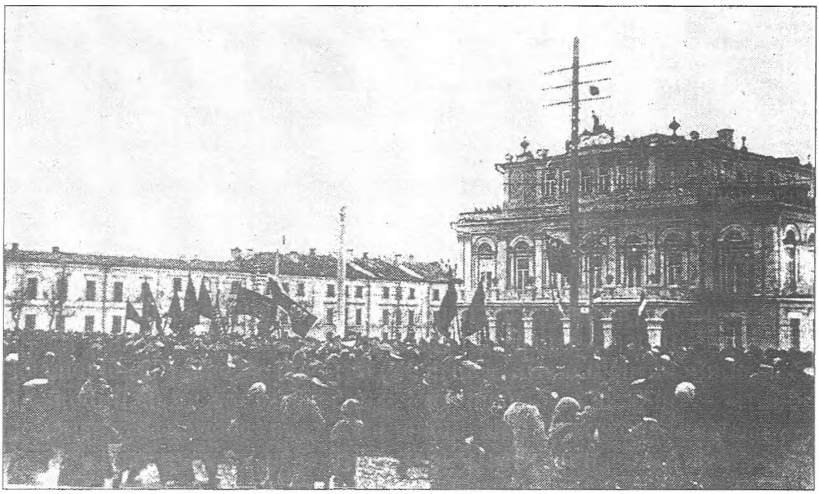
[1]Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 — 16 марта 1918 гг. М., 1957. С. 225.

[2]Там же. С. 352.

[3]Декреты Советской власти. Т. 4. 10 ноября 1918 г. — 31 марта 1919 г. М., 1968. С. 123; Массовые празднества. Сборник комитета социологического изучения искусств. Л., 1926. С. 56.

[4]Декреты Советской власти. Т. 4. С. 124.

[5]История Казани. Кн. 2. Казань, 1991. С. 69.



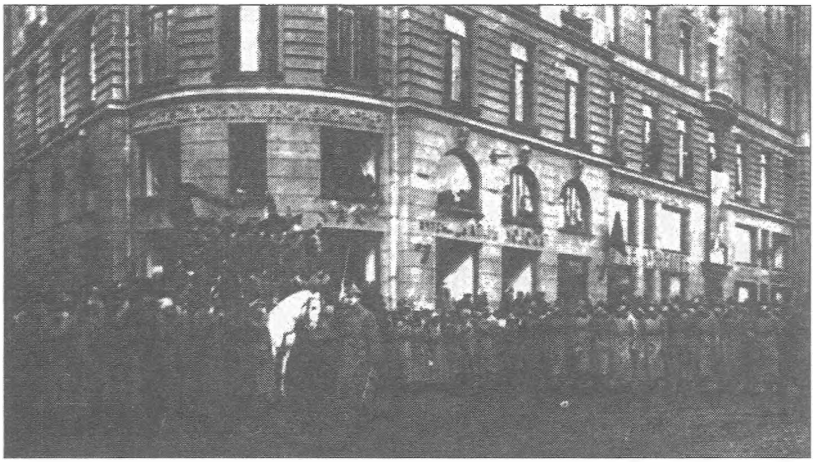
Празднование 1 Мая 1917 года на Театральной площади в Казани. Из книги С.Ю.Малышевой «Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927)» (Казань, 2005)

праздников – православные и мусульманские. Трудящиеся каждого предприятия и организации должны были коллективно решать, праздники какой группы они будут праздновать и, соответственно, в какие дни отдыхать[1]. В первые годы советской власти религиозные праздники – православные, мусульманские, иудейские – население продолжало отмечать, как и прежде. Так, например, в декабре 1917 г. в Казани устраивались бесплатные рождественские елки для детей в Народном доме, в «Бирже», в Гоголевском театре[2].

Однако в Казань пришли и новые – революционные советские праздники. 1 мая 1920 г. в Казани состоялись коммунистический субботник и в тот же день – парад и митинг на бывшей Ивановской, а теперь Площади 1 Мая. Во время митинга на постаменте снесенного памятника императору Александру II был открыт гипсовый монумент во славу Освобожденного Труда. 25 июня 1920 г. в Казани официально было провозглашено образование Татарской Республики. После торжественного заседания состоялся субботник по разбору развалин сгоревшего в 1919 г. городского

[1]Подробно о праздниках первого советского десятилетия см.: ***Малышева С.Ю.*** Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927). Казань, 2005.

[2]Знамя революции. 1917. 23 декабря.



Ноябрьский военный парад 1918 года в Казани. Из книги С.Ю.Малышевой «Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927)» (Казань, 2005)

театра. О начале субботника возвестил пушечный выстрел. Затем на площади 1 Мая прошел парад войск гарнизона. На Юнусовской площади был заложен памятник татарскому революционеру Муллануру Вахитову. Однако празднование образования республики проходило не безоблачно: после богослужения в Петропавловской церкви крестный ход группы горожан во главе с православным духовенством прошел по Воскресенской улице с криками «Русский народ вновь идет в кабалу к татарам!» и «Возвращаются времена Батыя и Чингисхана». Кроме того, в центре Плетеневского района разгорелся пожар, который удалось потушить лишь на вторые сутки, в огне погибло 243 жилых дома, и без крова остались более 6600 человек[1].

Одновременно с празднованием образования ТАССР проходило празднование и народного татарского праздника Сабантуй, который приурочили ко дню образования республики, чтобы «привнести в него национальный колорит»[2]. С 1918 года местом проведения Сабантуя стал сад «Аркадия» в шести верстах от города, на левом берегу озера Средний Кабан. Для проведения Сабантуя были специально

[1] ***Рошаль М.Г.*** Записки из прошлого. М., 1969. С. 122, 158-160; История Казани. Кн. 2. С. 66-67.

[2] ***Уразманова Р.К.*** Праздники. С. 400.

построены трибуны с амфитеатром, окаймлявшие майдан[1]. Надо отметить, что в первые послереволюционные годы средства, собранные на Сабантуях, шли на благотворительные нужды: для помощи семьям фронтовиков, погорельцам, беспризорным детям. Так, средства, собранные на Сабантуе 1919 г., пошли на покупку подарков татарским воинам-фронтовикам, а собранные на Сабантуе 1922 г. – в фонд комиссии помощи голодающим (Помгол) ТатЦИКа и для голодающего студенчества Казани. Программа казанского Сабантуя – «общегородского праздника Весны» – наряду с традиционными народными играми, свойственными этому празднику, в начале 1920-х гг. включала в себя велосипедные и лодочные гонки, детские игры и состязания («детский сабантуй»), «морские бои» на озере Кабан, платные полеты на аэропланах над Волгой и Казанью, лотерею с призами в виде угля-кокса, черепицы для покрытия крыш и т.д. Такие призы в те трудные годы были, действительно, большой удачей[2].

В годы гражданской войны 1918-1920 гг. в Петрограде и отчасти в Москве, а позже, после войны, и в других городах получили широкое распространение «революционные празднества». Так назывались массовые театрализованные действа на революционные темы, проводившиеся под открытым небом, нередко на огромных городских и пригородных пространствах. В этих гигантских многочасовых инсценировках активно участвовали десятки тысяч горожан. В ходе этих массовых действ мифологизировались многие события, в том числе события недавнего прошлого, творилась новая интерпретация мировой истории.

Мода на «революционные празднества» в 1921 г. докатилась и до Казани. Празднества были, пожалуй, наиболее зрелищной формой культурного досуга горожанина, доступной всем слоям населения. Не будем забывать, что к 1920 г. более 37% казанцев оставались неграмотными[3]. В этом – одна из причин популярности празднеств. Первое массовое революционное празднество в Казани – «Русская Свобода», рассказывавшее о жертвах борьбы за свободу, начиная со Степана Разина и до революционеров 1917 г., было поставлено казанской артисткой и заведующей театральным отделом Наркомпроса Татарской республики З.М.Славяновой и состоялось 7 сентября 1921 г. на Театральной

[1] ***Семенов Н.А.*** Указ. соч. С. 22.

[2] ***Шарафутдинов Д.Р.*** Сабантуй — образ жизни народа. Научно-популярный очерк. Казань, 1997. С. 124-125.

[3] История Казани. Кн. 2. С. 69.

площади[1]. Кстати, эта инсценировка вскоре дала площади новое имя – несколько лет спустя она официально была переименована в площадь Свободы. Инсценировки стали вскоре чрезвычайно популярны в Казани. 8 ноября 1921 г. в рамках октябрьских торжеств в Красноармейском дворце (позже – здание Татарского театра на улице Горького) состоялся театрализованный «Суд над коммунистической партией», которую олицетворял обвиняемый Рабочий. «Свидетелями» в этом суде выступали «кулак», «лавочник», «помещик», «поп», «фабрикант», «меньшевик», «эсер», «монархист», «интеллигент», «офицер», «рабочий», «солдат», «крестьянин» и другие символические персонажи. Октябрь 1921 г. праздновали несколько дней. 6 ноября прошли торжественные заседания, вечера воспоминаний участников Октябрьской революции, литературно-художественные вечера – в клубах по районам города[2]. Надо сказать, что уже к 1920 г. в Казани было 33 рабочих клуба – в том числе и в татарских районах, в которых проводили свое свободное время казанские рабочие многих национальностей[3].

Пик казанских массовых инсценировок пришелся на 1924 г., и инициаторами и главными их организаторами стали курсанты казанских военных школ и курсов. 15 июня 1924 г. на берегу озера Дальний Кабан и на самой глади озера была поставлена революционная инсценировка «из времен гражданской войны» – «Гибель шестнадцати». Эта эффектная инсценировка с кавалерийскими атаками, взрывами на глади озера так понравилась казанцам, что действо было поставлено повторно через 10 дней, в день четырехлетия Татарской республики (а затем вновь воспроизведено три года спустя). В празднестве непосредственно участвовало около 1000 самодеятельных актеров, которых с энтузиазмом поддерживали несколько тысяч зрителей, – инсценировка заканчивалась судом над «белыми» персонажами, в котором судьями выступали зрители. А 3 августа 1924 г. в Казани прошла грандиозная многочасовая общегородская инсценировка «Империалистическая война» – о событиях с кануна первой мировой войны до Октябрьской революции. Она продолжалась с 11 утра до начала седьмого вечера. В инсценировке было задействовано 2 тысячи непосредственных «актеров» плюс 10 тысяч участников празднества – то есть участвовал каждый 12-15-й горожанин. Это было невиданное событие: весь город на протяжении целого воскресного дня увлеченно играл «в

[1] ***Славянова З.М.*** Рабоче-крестьянский театр. Казань, 1921. С. 20.
[2] Известия ТатЦИК. 1921. 6 ноября.
[3] Культурная революция в Татарии... С. 137.

историю». На Театральной площади (пл. Свободы), на центральных улицах – Чернышевской (Кремлевская), Карла Маркса, Жуковского, Лобачевской и других – вновь появились городовые, офицеры при погонах, на Театральной площади «Николай II» принимал парад войск, выступали «Керенский», «Милюков», «революционные толпы» с энтузиазмом строили баррикады из столов и шкафов, вытащенных из ближайших зданий, сражались с полицией, били фонари. Все это вызвало боязливое недоумение тех немногих казанцев, что оказались «не в курсе» событий, и шок у тех крестьян, что пришли в то воскресенье в Казань. Несмотря на то, что инсценировки ставились в Казани и во второй половине 1920-х годов и позже, эта инсценировка была последним столь крупным театрализованным массовым действом в Казани: руководители города и республики справедливо опасались эксцессов (в том числе и политических), которые могли бы быть вызваны действиями огромных толп, «заигравшихся в революцию»[1].

Наряду с увлечением «революционной театрализацией», казанцы сохраняли приверженность посещению спектаклей городских театров. В 1917 - начале 1920-х гг. театры продолжали ставить спектакли. После того, как сгорел в 1919 г. городской театр на Театральной площади, его труппа разместилась в помещении Большого театра. Спектакли ставили Малый театр на Покровской улице, театр в Пассаже и в Коммунистическом клубе напротив него, театр в Народном доме и театр в Доме железнодорожника. В помещении бывшего Северного банка на Б.Проломной работала Казанская экспериментальная мастерская современного театра (КЭМСТ), чьи постановки вызывали ожесточенные споры театралов[2]. Спектакли ставила и татарская театральная труппа «Сайяр». Она представляла татарскому населению Казани русскую классику, некоторые произведения татарских писателей. Например, большим успехом у зрителей весной 1917 г. пользовалась «Зулейха» Г.Исхаки. А татарская труппа «Нур» тогда же поставила пьесу М.Файзи «Галиябану»[3]. Всего же в 1918-1920 гг. в Казани действовало около десятка татарских театральных трупп. К тому же на волне всеобщего увлечения театрализацией, свойственного первым революционным годам, казанцы и сами организовывались в самодеятельные театральные кружки. Только

[1] См.: ***Малышева С.Ю.*** Казанские «игры» 1924 года // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2001. № 3-4. С. 274-281.

[2] ***Благов Ю.А.*** Кешнер и К°. С. 19.

[3] ***Габаши А.*** Верность призванию // Казань. 2002. № 3-4. С. 134.

татарских кружков в те годы было около четырех десятков. В 1920 г. в Заречной слободе молодежь даже организовала оперную и балетную студии и поставила оперы «Демон» А.Г.Рубинштейна и «Черевички» П.И.Чайковского[1]! Любительские спектакли и концерты ставили студенты и даже школьники. Один такой концерт, по воспоминаниям В.И.Адо, молодежь устроила в развалинах сгоревшего театра на площади Свободы. Охотно посещали казанцы и выступления гастролировавших оперных, опереточных и редко приезжавших драматических трупп, проходившие чаще всего в Красноармейском дворце[2].

Посещали казанцы и кино. После февральской революции 1917 г. экраны кинотеатров Казани, как и по всей стране, заполонили агитационно-пропагандистские фильмы-памфлеты. Нередко они были весьма низкопробными. В Казани показывали фильмы «Темные силы Григория Распутина», «Царские холопы», «Вражья сила», «Предатели России Мясоедов и К°», «Таинственное убийство в Петрограде», «Под звуки Марсельезы», «Похороны жертв революции» и другие. Осенью 1917 г. количество работающих кинотеатров в Казани резко сократилось[3]. Но после их муниципализации в 1918 г. казанские кинотеатры возобновили свою работу. Так, осенью на киноэкранах прошел фильм «Отец Сергий» по повести Л.Н.Толстого с И.И.Мозжухиным в главной роли[4]. В январе 1919 г. в кинотетре «Электро» показывали пропагандистский документальный фильм о работе сельскохозяйственной коммуны, а в 1921 г. была показана первая советская хроникальная лента о Казани – «Взятие Казани», снятая в 1918 г.[5] Кинофильмы демонстрировались не только в кинотеатрах. Так, в студенческой столовой на Ново-Горшечной улице после обеда показывали немые кинофильмы под аккомпанемент рояля, вход стоил дешево, и кино посещали часто[6]. Вызывали жгучий интерес и приносили немалые кассовые сборы зарубежные киноленты – например, о приключениях Тарзана[7].

---

[1]Культурная революция в Татарии... С. 166, 168.

[2]*Адо В.* Вспоминая о прошлом... Записки русского интеллигента XX века // Казань. 2000. № 8. С. 51, 56-57; № 9. С. 49.

[3]*Алексеева Е.* Живые картины. С. 36-37.

[4]Культурная революция в Татарии... С. 138.

[5]*Алексеев И.* Запечатленная история (Кинодокументалистика Татарстана в XX веке) // Казань. 2001. № 9-10. С. 39-41.

[6]*Адо В.И.* Указ. соч. № 8. С. 50-51, 53-55; № 9. С. 48-50.

[7]*Barker A.M.* The Culture Factory: Theorizing the Popular in the Old and New Russia // Consuming Russia. Popular Culture, Sex and Society since Gorbachev / Ed. by A.M.Barker. Durham, L., 1999. P. 36.

Казанцы по-прежнему продолжали практиковать и другие дореволюционные формы досуга. Представители средних городских слоев, интеллигенция приглашали друг друга на дни рождения, собирались «в складчину». На таких вечерах разыгрывали шарады, играли в лото, в карты, в шахматы, в «почту», в «третий лишний», в «горелки», «конфетти», «серпантин», но в основном танцевали[1]. Спиртное на таких вечерах особой популярностью не пользовалось. Надо сказать, что и в других слоях городского населения, в частности, среди фабрично-заводских рабочих, походы в гости были наиболее популярной формой проведения свободного времени[2].

По-прежнему важную роль в структуре досуга казанца занимало чтение. Причем, к этой форме досуга приобщались не только образованные слои. По данным бюджетного обследования, в конце 1923 года 32% рабочих семей Казани имели дома книги[3]. Количество казанских библиотек выросло уже к 1920 г. до 71[4]. В начале 20-х гг. средний россиянин читал не только российскую классику и произведения современников-соотечественников. Среди читателей необычайно популярны были зарубежные детективы о Нике Картере, Нате Пинкертоне, на эти годы приходится один из пиков популярности произведений А.Конан-Дойла о Шерлоке Холмсе[5].

Среди широких народных масс города и после революции большой популярностью продолжали пользоваться лубочная литература, сказки и другие произведения традиционного «народного» жанра. Так, в журнале «Казанский библиофил» автор сетовал, что после Февральской революции раненые солдаты в госпиталях зачитывались сказками и лубками, игнорируя политическую литературу[6]. Такие предпочтения не могли не тревожить советские власти, и народному лубку была объявлена война. Дважды в течение 1919 г. – 23 апреля и 19 мая – Совнарком страны принимал постановления об изъятии из продажи всех изданий лубочной литературы знаменитых издательств Сытина, Морозова,

---

[1] ***Ado B.*** Указ. соч. № 8. С. 51, 56-57; № 9. С. 49.

[2] ***Smith S., Kelly C.*** Commercial Culture and Consumerism. P. 127-128.

[3] История Казани. Кн. 2. С. 91.

[4] Культурная революция в Татарии... С. 137.

[5] ***Barker A.M.*** The Culture Factory: Theorizing the Popular in the Old and New Russia. P. 36.

[6] ***Андреев Н.*** Исчезающая литература (из заметок о лубочной литературе) // Казанский библиофил. Казань, 1921. № 2. С. 5 (дается по: Оболенская С.В. Солдаты читают Л.Н.Толстого. С. 288).

Реклама книг «Госиздата». Плакат А.М.Родченко. 1925 год

Сизякова, Леухина и других[1]. Таким образом, традиционные жанры народного чтения постепенно вытеснялись с книжного рынка, он активно наполнялся литературой политического содержания.

Несмотря на все невзгоды революционного времени, среди жителей Казани сохраняли популярность такие формы летнего отдыха, как походы на Волгу и в лес, встреча захода и восхода солнца, купания и катания на лодке на озере Кабан. Летом также гуляли в городском парке «Русская Швейцария», в саду «Эрмитаж», в «Немецкой Швейцарии», в Троицком лесу, в лугах за Казанкой. Зимой катались на санках с гор. Школьники и студенты предпринимали и многодневные экскурсии. Так, мемуарист вспоминал, как школьниками они ездили в Свияжск в 1920 году, в Москву летом 1921 года и в Петроград осенью того же года. До Москвы ехали в теплушке двое-трое суток, останавливаясь, когда заканчивалось топливо, – сами собирали сухостой. В Москве казанские школьники жили на детской экскурсионной базе, питались чечевицей и были очень веселы и счастливы новыми впечатлениями. А летом 1923

[1]Постановления СНК об изъятии из продажи всех изданий лубочной литературы. 23 апреля 1919 г. и 19 мая 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М., 1971. С. 457, 491.

года, путешествуя на пароходе четвертым классом – на корме, они посетили целый ряд районных городов на Волге и Каме[1].

Не умерла в первые советские годы и традиция дачного отдыха. И в 20-е годы некоторые горожане продолжали летом снимать дачи. Разумеется, бытовой уклад дачной жизни изменился. Например, не стало приходящих торговцев, продукты приходилось везти из города. Но формы досуга – прогулки, игры, театральные постановки и другие – не подверглись значительным изменениям.

Таким образом, в первые послереволюционные годы претерпел изменения официальный праздничный календарь. Из него исчезли прежние государственные праздники, и появились революционные советские праздники, которые праздновались в те годы очень пышно, шумно, ярко, привлекали интерес и постепенно входили и в жизнь провинциального горожанина. Традиционные и привычные религиозные праздники продолжали свое широкое бытование, и власти особо не препятствовали их празднованию и выполнению соответствующих религиозных обрядов. Некоторые религиозные праздники, православные и мусульманские, были даже включены в праздничный календарь республики. Сохранялись и традиционные формы проведения свободного времени, хоть и в урезанном из-за тягот периода революции и гражданской войны виде. Правда, советские власти в эти годы косвенно влияют на содержание многих форм досуга провинциала. Например, запрет лубочной литературы внес изменения в круг чтения горожанина из низших слоев. Однако в эти годы сфера досуга горожанина, его частная жизнь все еще сохраняют относительную автономию.

Унификация форм досуга в середине 1920-х – 1940 годах

В предвоенное пятнадцатилетие сформировались традиционные для так называемой эпохи сталинизма структура досуга, формы и способы проведения свободного времени жителей городов.

В период нэпа горожане налаживали быт, разрушенный революцией и гражданской войной. Вместе с восстановлением элементов прошлой повседневной жизни возвращались и некоторые формы проведения свободного времени, которые не практиковались или были сведены к минимуму в эпоху революционной катастрофы. В то же время властно заявлял о своих

[1] *Адо В.И.* Указ. соч. № 8. С. 50-51, 53-55; № 9. С. 48-50.

правах активно пропагандируемый «новый быт», принесший с собой и новые формы досуга.

Изменениям подверглась городская праздничная культура. К середине 1920-х гг. ушли в прошлое грандиозные агитационные революционные спектакли и действа, а также помпезные индустриальные зрелища, бушевавшие на улицах и площадях городов в годы революции, гражданской войны, первой половине 20-х гг. Не прижился ряд искуственно внедрявшихся праздников, ставших в 20-е годы одной из примет борьбы с религией и попыткой «советизации» сферы семейных праздников и обрядов. Речь идет о так называемых «красных свадьбах», «красных крестинах» (также называвшихся «октябрины», «звездины» и т.д.) и даже «красных похоронах» – с заседаниями фабрично-заводских комитетов и профсоюзных организаций вместо религиозных обрядов, описаниями которых в 20-е годы пестрели газеты. Тем не менее, происхождение «красных» обрядов от соответствующих

Праздничная демонстрация в Казани. 1925 год. Из книги С.Ю.Малышевой «Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927)» (Казань, 2005)

религиозных было очевидно[1]. Эти праздники и обряды, особенно в провинции, не получили широкого распространения и вскоре сошли на нет.

Устанавливалась новая система советских праздников, постепенно вольно или невольно входившая в досуг горожан. Из советского праздничного календаря (в том числе и из его местных вариантов) постепенно на протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. «выдавливались» разрешенные первоначально религиозные праздники, которые активно продолжало праздновать население.

Плакат Б.Дейкина. 1932 год

В 20-30-е гг. в официальном праздничном календаре Татарской республики в разное время было от 18 до 10 праздников, являвшихся нерабочими днями. Наркомат труда республики использовал предоставленное Совнаркомом в 1918 году право устанавливать дополнительно 10 «особых дней отдыха» – религиозных праздников – в году. В его постановлениях выделялось три группы праздников – гражданские, «татарские религиозные», «русские религиозные». К первым отнесли советские праздники, установленные еще в 1918 – начале 20-х гг. Правда, этот список пополнился несколькими новыми праздниками и днями отдыха. Например, в 1927 г. майские и ноябрьские праздники «удвоились»: к дням празднования 1 мая и 7 ноября добавили два дополнительных дня отдыха – 2 мая и 8 ноября. Праздничными, но не выходными были такие праздники, как День годовщины Татарской Республики (25 июня), Международный женский день 8 Марта и некоторые другие. Ко второй и третьей группам праздников были отнесены мусульманские праздники[2] и православные праздники[3].

[1] ***Глебкин В.В.*** Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 122.

[2] В 1924 г. таковыми были объявлены Бараат (22 марта), Кадыр-Кун (2 мая), Гайде-Фетер, или Ураза-байрам (6 и 7 мая), Гайде-Курбан, или Курбан-байрам (13, 14 и 15 июля), Мухарам (2 августа), Гашура (11 августа) и Маулюд (11 октября).

[3] В 1924 г. это были Крещение (6 января), Благовещение (25 марта), Пасха (27 и 28 апреля), Вознесение (5 июня), Духов день (6 июня), Преображение (6 августа), Успение (15 августа), Рождество (25 и 26 декабря).

Плакат П.П.Соколова-Скаля. 1928 год

Работникам учреждений и предприятий предоставлялось право «в исключительных случаях» решать (по соглашению с республиканским наркоматом труда), какие из двух групп религиозных праздников они будут праздновать. Отдельным рабочим и группам на предприятиях и учреждениях праздновать свои религиозные праздники не разрешалось: неявка в эти дни на работу считалась за прогул[1]. Таким образом, в 1924 г. в праздничном календаре Татарской республики было зафиксировано 8 гражданских и 15 религиозных (православных и мусульманских) праздников. На празднование последних отводилось по 10 нерабочих дней. Постепенно в рамках борьбы с религией число религиозных праздников сокращалось. Уже в 1928 г. в Татарии к «особым дням отдыха» были отнесены лишь два мусульманских праздника – Гайде-Фетер и Гайде-Курбан, на которые было отведено три дня (23-24 марта, 30 мая), и один православный праздник – Рождество, на который отводилось два дня (25 и 26 декабря)[2]. И это несмотря на то, что Президиум ЦИК СССР разрешал устанавливать в 1928 г. на местах семь «особых дней»[3]!

Но и практически последний православный праздник в официальном праздничном календаре – Рождество – в 1928 году

[1]Постановление Наркомата труда ТССР «О праздничных днях на 1924 г.». 31 января 1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1924. № 11. С. 149-150.

[2]Постановление Наркомата труда и социального обеспечения ТССР «О праздничных и особых днях отдыха». 7 января 1928 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1928. № 4. С. 63-64.

[3]Постановление Президиума ЦИК СССР «О праздничных днях, посвященных годовщине Октябрьской революции и об особых днях отдыха». 26 октября 1927 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1927. № 54. С. 648.

Антирелигиозные стихи Д.Бедного и карикатуры. Из журнала «Крокодил» 1923 года

подвергся антирелигиозной атаке: рождественские елки были запрещены, а Дед Мороз объявлен союзником попа и кулака[1]. В Казани в студенческой среде были случаи исключения из комсомола за встречу Нового года с «буржуазным символом» – елкой[2]. В Татарстане Совнарком республики, «идя навстречу желаниям рабочих и служащих, выносящих на своих собраниях решение работать 25 и 26 декабря», постановил в декабре 1928 г. сделать эти дни рабочими, а вместо них установить день отдыха 31 декабря. Так Рождество в праздничном календаре было заменено «Новым годом»[3]. «Ущемляли» религиозные праздники в 1928-1929 гг. и

[1] ***Petrone K.*** Life Has Become More Joyous, Comrades! Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, Indianapolis, 2000. P. 86; Stites R. Revolutionary Dreams Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution N.Y., Oxford, 1989. P. 230.

[2] См.: ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 14.

[3] Постановление СНК ТССР «О днях отдыха 25 и 26 декабря 1928 г.». 21 декабря 1928 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1929. № 1. С. 9-10; Постановление Наркомата труда ТССР «Об установлении особого дня отдыха вместо 26 декабря 1928 г.». 3 января 1928 г. // Там же. С 10.

другими способами: уменьшали количество дней их празднования (один вместо объявленных двух), в отличие от революционных и гражданских праздников, а также еженедельных дней отдыха, продолжительность рабочего дня накануне религиозных праздников не сокращалась[1]. В марте-апреле 1929 г. газеты были полны сообщениями о том, что сознательные русские и татарские рабочие то на том, то на другом предприятии отказывались праздновать религиозные праздники. В то же время на ряде предприятий, видимо, не желая отказываться от празднования религиозных праздников, но и не желая привлекать к себе внимание властей, трудовые коллективы принимали постановления о переносе и праздновании «особых дней отдыха» в другие дни и даже месяцы! В 1928-1929 гг. неоднократно выходили постановления Наркомата труда и социального обеспечения ТССР, которыми запрещалось переносить религиозные праздники и праздновать их в другое время[2].

К началу 1930-х гг., как видим, количество религиозных праздников уже было значительно сокращено. К 1930 г. были внесены поправки, принятые правительством СССР в конце 20-х гг. и сократившие до шести число «особых дней отдыха», которые разрешалось устанавливать местным отделам (наркоматам) труда[3]. Однако теперь «особыми днями отдыха» называли не религиозные праздники, а такие праздники, как День Татарской Республики (25 июня), День Конституции СССР (6 июля), Международный юношеский день (4 сентября), День коллективизации сельского хозяйства (14 октября), День индустриализации (15 декабря)[4]. Религиозные праздники полностью исчезли из официального календаря.

---

[1]Постановления Наркомата труда и социального обеспечения ТССР «О праздничных днях и днях отдыха». 15 октября 1928 — 8 марта 1929 гг. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1929. № 11. С. 158.

[2]Разъяснение Наркомата труда и социального обеспечения ТССР «О порядке переноса и празднования особых дней отдыха (религиозных праздников)». 21 мая 1928 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1928. № 25. С. 407-408; Постановления Наркомата труда и социального обеспечения ТССР «О праздничных днях и днях отдыха». 15 октября 1928 — 8 марта 1929 гг. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1929. № 11. С. 159.

[3]Кодекс законов о труде РСФСР. Издание 1922 г. с изменениями до 1 марта 1930 г. М., 1930. С. 32.

[4]Постановление СНК СССР «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю». 24 сентября 1929 г. // Кодекс законов о труде с изменениями до 15 марта 1933 г. М., 1933. С. 117-120; Постановление Наркомата труда ТССР «Об особых днях отдыха в предприятиях, учреждениях и хозяйствах с прерывной семидневной неделей». 28 декабря 1931 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1932. № 1. С. 15.

Весьма интересно сложилась судьба и любимого казанцами народного татарского праздника Сабантуй. В 1920-е – 30-е гг. праздник все больше политизируется (праздник 1925 г., например, открылся митингом), его приурочивали к празднованию дня Татарской республики. Поэтому Сабантуй праздновался теперь летом, в июне. Кроме того, организаторы Сабантуя в эти годы старательно придают народному празднику военно-спортивную направленность, перегружая его такими элементами в духе времени, как стрелковые состязания, прыжки с парашютом, походы в противогазах и тому подобное. Так, на Сабантуе 1928 г. был сооружен стрелковый тир и оборудован уголок Осоавиахима, а на Сабантуе 1932 г., получившем название «праздник труда и обороны», помимо выставки Осоавиахима, демонстрировался смотр кавалерийских частей[1]. Тем не менее, Сабантуй оставался любимым народным праздником казанцев. В 1920-е – начале 30-х гг. его праздновали довольно регулярно. Население продолжало в 20-е годы даже избирать своего распорядителя Сабантуя – «хозяина». Так, неоднократно избирался на эту ответственную должность казанец с Озерной улицы, которого весь город знал под именем «Сабантуй-Ибрая»[2]. В 1933 г. для празднования Сабантуя был построен новый майдан с воротами в мавританском стиле в Парке культуры и отдыха. Но в 1933-1935 гг. Сабантуй состоялся только два раза, а с 1935 по 1940 гг. Сабантуй в Казани не проводился. Праздник вернулся только в 1940 г. – его вновь приурочили ко дню Республики 25 июня, на сей раз к 20-летию Советской Татарии. Соскучившиеся по любимому празднику горожане проявили такой энтузиазм, что

Объявление о Сабантуе 1926 года. Из книги Д.Р.Шарафутдинова «Сабантуй - праздник народа» (Казань, 1997)

[1] ***Шарафутдинов Д.Р.*** Сабантуй... С. 126-128.

[2] ***Тарджеманов Дж.*** Свет желтых акаций // Казань. 1995. № 9-10. С. 76.

Плакат А.Л.Старчевского. 1927 год

Сабантуй повторили «на бис» 21 июля, во Всесоюзный день физкультурника[1].

Одним из самых грандиозных празднеств второй половины 20-х гг. стало 10-летие Октябрьской революции. Во всех городах СССР, в том числе и в Казани, прошли митинги и демонстрации, театрализованные действа. Улицы и площади Казани украшались флагами, лозунгами, портретами вождей, гирляндами. К тому же восемь площадей – Свободы, 1-го Мая, Кооперативная, имени Свердлова, Татарстан, имени Вахитова, имени Петрова и площадь 1-го Мая в Заречье, а также Спасские и Тайницкие ворота Кремля, некоторые дома – были иллюминированы[2].

Традиции отмененных религиозных праздников весьма своеобразно были приспособлены населением под новые советские праздники. Так, мемуарист вспоминал, что, «не в силах отказаться от пасхальных куличей, творожных пасох, крашеных яиц, мы все это приурочивали к первомайскому празднику»[3]. В своей праздничной политике советское правительство тоже заимствовало некоторые традиции религиозных праздников. Так, в середине 1930-х годов меняется отношение властей к рождественской елке. 28 декабря 1935 г. в «Комсомольской правде» появилась статья второго секретаря Компартии Украины П.Постышева. Он призвал вернуть детям рабочих новогоднюю елку и праздник,

[1] ***Семенов Н.А.*** Национальные народные праздники в Татарии и их физкультурное значение. С. 22-23.

[2] Постановление Президиума Казгорсовета «О мероприятиях по иллюминированию и украшению зданий и площадей г. Казани в дни празднования 10-й годовщины Октябрьской революции». 6 октября 1927 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1927. № 53. С. 643-644.

[3] ***Адо В.И.*** Указ. соч. № 10. С. 102.

[4] Подробно об этом см.: ***Душечкина Е.В.*** Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002. С. 275-296.

организовать коллективные празднования Нового года[4]. В 1936 году в Казани также было разрешено устройство новогодних елок[1]. Новый год в те годы был прежде всего праздником для детей, а не для взрослых. Для детей по месту работы родителей организовывались елки и празднование, своими силами устраивали театрализованное представление, организаторы угощали детей какао и пирожными, дарили подарки. Подарками детей одаривали и домашние (дарили конфеты, печенье, фрукты), а перед новогодней ночью во многих домах ставили и наряжали елку. Как вспоминала жительница Казани, особого застолья для взрослых дома не устраивали – это был детский праздник[2].

В 1930-е гг. советские официальные праздники уже стали «своими» для большинства казанцев и других жителей республики, их отмечали и как домашние. Так, жители Казани вспоминали, что в те годы в их семьях продолжали скрыто отмечать главные православные либо мусульманские праздники[3]. Однако «особенно отмечались советские праздники: октябрьская (революция – *авторы*), выборы, 1 Мая и другие. Было очень весело. На стол ставилось все то, что было в доме: пироги, картошка, капуста, квас, домашняя наливка...», люди пели и плясали[4]. То, что именно майские и октябрьские праздники отмечались «всенародно», были самыми главными, подтвердили и другие казанцы[5]. Одна из респонденток отмечала, что майские и ноябрьские (октябрьские) праздники «были похожи»: в эти праздники люди ходили на демонстрации, причем подчеркивала – ходили без принуждения, семьями, с детьми, праздничное настроение создавали толпы нарядно одетых людей, мелькающие флаги и транспаранты. Детям в эти дни дарили небольшие подарки (апельсин, пирожное), навещали родственников, накрывали столы[6].

Кроме официальных праздников и дней траура, казанцы отдыхали в свой оплачиваемый отпуск, право на который было зафиксировано еще «Правилами СНК» 1918 г. и Кодексом законов о труде 1918 г., а также в еженедельные выходные дни. В 1920-е гг. выходной был один в неделю. Надо сказать, что день еженедельного

---

[1] *Адо В.И.* Указ. соч. № 10. С. 102.

[2] Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г.

[3] Интервью с Т.А.Грузовой; Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.; Интервью с Г.И.Нарманской.

[4] Интервью с Т.А.Грузовой.

[5] Интервью с С.Х.Алишевым. 19 декабря 2001 г.; Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г.

[6] Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г

отдыха не был определен «Правилами СНК о еженедельном отдыхе и о праздничных днях» 1918 года – первым прообразом Кодекса законов о труде. Было определено, что день отдыха устанавливает Наркомат труда по соглашению с Высшим Советом Народного хозяйства и Всероссийским советом профсоюзов[1]. Учитывая специфику национального состава республики, значительная часть населения которой исповедовала ислам, еженедельным днем отдыха на предприятиях, где большинство работников были татарами, была установлена пятница, а на тех предприятиях, где большинство работников были русскими, – воскресенье[2]. Однако уже в апреле 1929 г. XVI конференция партии большевиков утвердила введение в стране «пятидневки» – пятидневной рабочей недели с единым днем отдыха, приходившимся на пятый день. А затем вслед за постановлениями союзного правительства постановлением СНК АТССР от 30 ноября 1931 г. учреждения и предприятия республики (кроме непосредственно связанных с обслуживанием) были переведены на шестидневную прерывную неделю: пять дней люди работали, а шестой отдыхали, независимо от того, на какой день недели приходился выходной[3]. Были введены единые выходные – 6, 12, 18, 24 и 30 числа каждого месяца. Благодаря этому «упразднили воскресенье» – избавились от выходного, слишком тесно связанного с христианской праздничной культурой, а заодно и от нерабочей пятницы – дня отдыха мусульман.

В предвоенные годы и десятилетия некоторые казанцы отмечали и семейные праздники – чаще всего свои дни рождения или именины. На празднования дней рождения собирали гостей, танцевали под патефон, играли в игры. Именинница могла получить в подарок духи, платок, скатерть[4]. Однако эти празднования были распространены

[1]Декреты Советской власти. Т. 4. С. 123.

[2]Постановление Наркомата труда ТССР «О праздничных днях на 1924 г.». 31 января 1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1924. № 11. С. 149-150; Постановление Наркомата труда ТССР «О праздниках на 1925 г.». 21 февраля 1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1925. № 7. С. 100; Постановление Наркомата труда ТССР «О праздничных и особых днях отдыха на 1927 г.». 18 января 1927 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1927. № 6. С. 89-91; Постановления Наркомата труда ТССР «О праздничных днях и днях отдыха». 15 октября 1928 — 8 марта 1929 гг. // Там же. 1929. № 11. С. 157-159.

[3]Постановление СНК АТССР «О порядке перехода на шестидневную прерывную неделю». 30 ноября 1931 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1931. № 29. С. 480-481.

[4]Интервью с Абдюшевой. 20 декабря 2001 г.

больше в интеллигентской среде. Практически не распространено празднование дня рождения было среди казанцев – выходцев из деревни, из многодетных и очень бедных семей. Некоторые опрошенные нами казанцы из таких семей отметили, что никогда в те годы не отмечали своих (или детей) дней рождений и не получали (не дарили) подарки к этому дню[1].

И.Янг (Ганф), А.Черномордик. Плакат 1929 года

О формах, способах проведения свободного времени населением Казани и о его нравах много говорят запретительные постановления тех лет. Постановлениями 1927 и 1928 гг. запрещалась торговля семечками на центральных улицах и площадях, в садах и бульварах, запрещалось бросать мусор на тротуары. Запрещались также игры, связанные с бросанием различных предметов (футбол, городки и др.), вне отведенных для них площадок, пускание воздушных змеев-московок в пределах Казани и ее слобод, где проходили провода воздушной сети. Нельзя было кататься на коньках, санках и лыжах на улицах и площадях Казани, так как это мешало движению транспорта. Запреты касались также сеансов хиромантии, гаданий и различного рода предсказаний в общественных местах, а также самих этих промыслов. Преследовались также порнография, «циничные надписи на заборах» и «совершение озорных действий, нарушающих тишину», мучение животных, распитие на улице спиртных напитков и появление в нетрезвом виде, игра на улицах в азартные игры на деньги, а также содержание такого рода заведений или открытие без специального разрешения общественных игр, забав или театральных или эстрадных представлений, а также перекупка и перепродажа билетов на зрелища. Различные предприятия по устройству публичных зрелищ и увеселений (театральные и цирковые представления, концерты, киносеансы, кабаре, выставки, зверинцы, спортивные состязания, общественные гулянья и физические развлечения – стрелковые тиры, катки, бега, карусели – и танцевальные вечера), а также заведения для игр в

[1]Например: Интервью с Г.И.Нарманской.

неазартные игры – бильярд, кегли, шахматы, шашки, в том числе и при кафе и ресторанах, могли быть открыты только по разрешению городской части НКВД Казани. Причем. посетители публичных зрелищ по всему СССР облагались сбором в пользу обществ Красного креста и Красного полумесяца – 25 копеек с каждого посетителя[1]. Регламентировалось и поведение в театрах, кинематографе и других местах зрелищ и увеселений. Зрителям нельзя было стоять в проходах и между рядами во время представления, бросать на пол мусор, вести громкий разговор и шуметь во время представления, курить и зажигать огонь, а администрации запрещалось ставить приставные стулья[2].

В конце 1920-х гг. казанцы много свободного времени проводили вне дома. Они посещали театры и кинотеатры, другие зрелища, клубы, много гуляли и катались зимой – на коньках и санках, летом – на лодках, купались и загорали, играли в различные игры на открытом воздухе и занимались спортом. Кроме этих форм, в структуре досуга казанца фигурировали: чтение, вечеринки и танцы, загородные прогулки и дачный досуг, даже иногородние поездки – в отпуск, на лечение и другие. Проведение значительной части досуга в общественных учреждениях и заведениях и на открытом воздухе объясняется не только влиянием пропаганды «нового быта», а также давними традициями сельских и фабрично-слободских гуляний и забав. Вывод значительной части сферы отдыха «на улицу» был во многом вынужденным. Он объяснялся острым дефицитом городского

[1]Постановление ЦИК и СНК СССР «Об изменении постановления ЦИК и СНК СССР об обложении посетителей публичных зрелищ и увеселений сбором в пользу обществ Красного креста и Красного полумесяца союзных республик». 28 апреля 1928 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1928. № 25. С. 396-397.

[2]Обязательное постановление НКВД ТССР «Об охране революционного порядка и безопасности, установлении порядка записи актов гражданского состояния и проведении противопожарных мероприятий». «Правила для мест зрелищ и увеселений для игры в неазартные игры». 17 января 1927 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ТССР. Казань, 1927. № 5. С. 57-60; Обязательное постановление президиума Казгорсовета «О некоторых мероприятиях по общественному благоустройству и охране личной безопасности граждан г. Казани». 12 января 1928 г. // Там же. 1928. № 6. С. 91; Обязательное постановление президиума Казгорсовета «О мерах по поддержанию чистоты на улицах и площадях г. Казани». 12 января 1928 г. // Там же. С. 91-93; Обязательное постановление НКВД ТССР «Об охране революционного порядка и безопасности». 29 февраля 1928 г.; «Правила для мест зрелищ и увеселений и заведений для игры в неазартные игры». 29 февраля 1928 г. // Там же. № 8. С. 113-132; Обязательное постановление президиума Казгорсовета «О воспрещении катания на коньках, санках и лыжах на улицах и площадях г. Казани». 15 ноября 1928 г. // Там же. № 46. С. 728-729.

В заводском клубе. 1930-е годы. Фото из частного архива

жилья, связанным с жилищной политикой властей («уплотнения», коммуналки, бараки и прочее), с перенаселением городов из-за политики коллективизации, заставлявшей крестьян покидать села и бежать в город. Даже столь, казалось бы, «домашние» формы досуга, как чтение, тоже были выведены из частной сферы городской квартиры в общественную – в читальные залы библиотек.

У казанцев в 20-е-30-е гг. был довольно большой выбор развлечений. Например, цирковые представления. Бешеный успех в Казани имел выступавший здесь в 1929 г. гипнотизер Арро[1]. Однако не всегда цирк мог предложить горожанам яркое зрелище. Так, в 1938 г. в программе госцирка несколько месяцев преобладали аттракционы французской борьбы, что вызвало замечание в газете о том, что программа скучна и матчи французской борьбы слишком затянулись[2].

Традиционно любовью казанцев пользовался театр. Например, в Большом драматическом театре им. Луначарского в 1929 г. на единой вращающейся конструкции ставили мелодраму З.Чалой «Амба»[3]. Татарский академический театр в 20-30-е гг. предлагал казанцам постановки татарской и русской классики, революционные пьесы[4]. В конце 1934 г. открылся кукольный театр[5], работал Театр юного зрителя. А в 1939 г. оперой Н.Жиганова «Качкын» (Беглец) в Казани открылся Татарский театр оперы и балета. Посещение театра было весьма популярным времяпрепровождением не только образованных слоев горожан. Профсоюзные и партийные организации еще в 20-е гг. в рамках борьбы «за новый быт», в рамках мероприятий по «повышению уровня культурности рабочих» пытались разбудить интерес к театральному искусству и привлечь рабочих к созданию новых театральных форм. Профсоюзные организации организовывали культурно-массовые мероприятия для своих членов в многочисленных рабочих клубах Казани. Так, профсоюзный клуб «Спартак» Суконно-Слободского района Казани с мая по сентябрь 1925 г. поставил для своих членов 5 бесплатных «живых газет». Рабочий дворец в апреле-июне 1924 г. поставил 49 спектаклей, 14 из которых демонстрировались бесплатно. Кроме того, профсоюзы покупали своим членам билеты и в государственные театры – с сентября 1922 по январь 1923 г. среди рабочих было распространено 6000 билетов в театр, система льгот для зрителей-рабочих и членов

[1]Красная Татария. 1929. 4 апреля.

[2]Красная Татария. 1938. 6 января, 18 февраля.

[3]Красная Татария. 1929. 27 февраля.

[4]Культурная революция в Татарии... С. 285.

[5]*Игламов Р.* От Петрушки к Алладдину // Казань. 2002. № 3-4. С. 112.

Казань, оперный театр (ныне – театр им. К.Тинчурина). 1930-е годы. Открытка

профсоюзов существовала и в самих театрах[1]. В понятие «культурного досуга» входило и посещение музеев – Центрального музея, Музея революции, санитарно-гигиенического музея, музея социальной гигиены, музея при Доме крестьянина[2].

Активисты из числа рабочей молодежи часть своего досуга посвящали и самодеятельности. В 20-е годы по стране стало распространяться «трамовское движение» («трам» – театр рабочей молодежи), в 1929 г. в Казани был создан первый татарский рабочий театр, а год спустя казанский «трам» организовали рабочие завода им. М.Вахитова и Пролетарского района города. В основном здесь шли пьесы «на злобу дня» – «Плавятся дни» Н.Ф.Львова, «Девушка из 17-го», «Тревога», «Труд – дело чести», «Сатана в бочке», «Весенний сев» и другие. В 1931 г. в Заречье был создан Татарский рабочий театр малых форм, ставивший пьесы-миниатюры, спектакли-агитки, «Живую газету». Политически ориентированная молодежь

[1] ***Кузнецова Л.О.*** Социальная политика в отношении рабочих и служащих в годы нэпа (по материалам Республики Татарстан). Дис. ... канд. истор. наук. Казань, 1996. Л. 84-86.

[2] ***Гарипова З.Г.*** Культурно-просветительная работа в Татарии в годы первой пятилетки (1928-1932 гг.). Казань, 1985. С. 22.

посвящала свое время и антирелигиозной пропаганде: в 1932 г. в Казани действовало 32 антирелигиозных кружка[1].

Однако в структуре досуга молодежи 20-30-х гг. все же походы в кино преобладали над посещениями театров[2]. В Казани в кинотеатрах «Электро» (после войны переименован в «Татарстан»), «Унион» (после войны – «Родина»), «Пионер» (в здании Пассажа), «Красная звезда» (в Адмиралтейской слободе), «Чаткы» (на Тукаевской ул.), «Маяк» (в Суконной слободе), «Народный», «Лерун» в 20-е гг. шли боевик Берлина «Шесть девушек ищут ночного пристанища» с Женни Юго и Георгом Александером в главных ролях, отечественные и зарубежные фильмы «За чужие грехи», «Настоящий джентльмен», «Саламандра», «Норд-ост», «Капитанская дочка», «Право на жизнь», «Закон шторма» и другие. Советская молодежь 1930 года отдавала предпочтение кинолентам революционной и современной тематики (50%), «душещипательным» (по определению интервьюеров) лентам – 30%, и трюковым фильмам «из морской и ковбойской жизни» – 20%[3]. Зарубежные ленты еще преобладали в 20-е гг., вследствие чего молодые люди 20-х гг. подражали Гарри Пилю и другим зарубежным кумирам[4]. Постепенно с середины 20-х до середины 30-х гг. – по мере становления советского игрового кинематографа – идет вытеснение зарубежных кинофильмов из отечественного проката. Если в 1923 г. кинофильмы советского производства составляли лишь 3 процента всех демонстрировавшихся кинолент, то в 1933 г. уже 90% всех кинофильмов были советского производства, число зарубежных фильмов в советском прокате резко сократилось. Отечественные фильмы 30-х годов были уже звуковыми – именно в эти годы произошел этот коренной технический переворот в отечественном киноискусстве. Уже в 1932 г. в республике существовало 4 звуковые киноустановки, и их число росло. Звуковое кино резко увеличило интерес казанцев к кинематографу – количество посещений

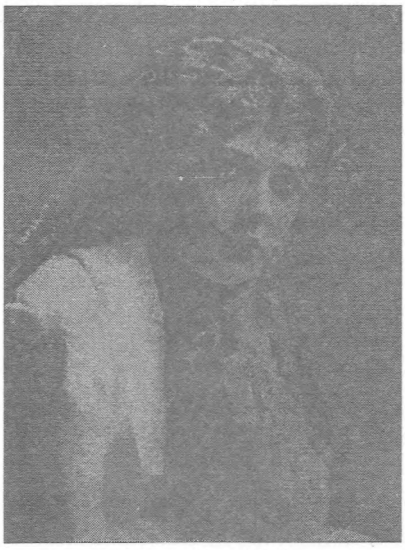
[1] *Гарипова Г.З.* Культурно-просветительная работа... С. 62-63, 110.

[2] Согласно ленинградским и московским опросам, в 1928 г. посещали кинотеатры в среднем 79% молодых рабочих, а театры — в среднем около 62% (работницы, соответственно — около 76% и менее 48%). См.: *Каган А.Г.* Как молодежь расходует и как надо расходовать получку. Л , 1928. С. 20, 41. В 1935 г. 90% молодых людей регулярно посещали кинотеатры, 70% посещали театры и концерты. См.: *Fitzpatrick Sh.* «Middle-Class Values» and Soviet Life in the 1930s // Soviet Society and Culture. Essays in Honor of Vera S.Dunham / Ed. by Terry L.Thompson and R.Sheldon. Boulder, L., 1988. P. 24. Примерно так же соотносились посещения театров и кинотеатров казанцами.

[3] *Каган А.Г.* Молодежь после гудка. М.-Л., 1930. С. 35, 37.

[4] Красная Татария. 1929. 2 марта, 6 марта

Кинокумиры 1920-1930-х годов (открытки)



Мери Пикфорд

Пола Негри

Грета Гарбо

Ольга Жизнева

Плакат неизвестного художника. 1925 год

кинотеатров в 30-е гг. росло с бешеной скоростью[1].

Революционная и советская романтика была неотделимым атрибутом жизни тех лет. Мальчишки 30-х гг., по много раз смотревшие кинофильмы «Чапаев», «Депутат Балтики», «Семеро смелых», «Мы из Кронштадта», «Котовский», «Тимур и его команда», «Папанинцы», «Песнь о счастье», «Петр Первый», «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», трилогию о Максиме, играли в челюскинцев, папанинцев, и других героев советского довоенного времени, воплощенных на киноэкране. О степени популярности фильмов революционно-политической тематики среди горожан можно судить по такому факту: за 20 дней демонстрации фильма «Ленин в Октябре» в декабре 1937 г. – январе 1938 г. в кинотеатре «Электро», где он шел, побывало более 100 тысяч казанцев и 10 тысяч их детей – на детских сеансах[2]. То есть каждый третий казанец посмотрел этот фильм! Культовыми героями довоенной молодежи были Павка Корчагин, прославленные летчики. Но любили казанцы и развлекательные ленты, например, зарубежные – фильмы Чарли Чаплина, «Человек-невидимка», «Маленькая мама» (с Франческой Гааль в главной роли). Большой любовью горожан пользовались отечественные ленты. В 1937 г. зрители с удовольствием смотрели «Последний табор», «Девушка спешит на свидание», «Вратарь», «Девушка с Камчатки»[3]. С огромным успехом прошла в 1938 г. демонстрация в Казани кинофильма «Волга-Волга». «На ура» принимал казанский зритель и другие довоенные фильмы – «Свинарка и пастух», «Светлый путь», «Трактористы». К августу 1937 г. в городе было 8 кинотеатров – «Электро», «Красная звезда», «Пионер», «Чаткы», «Колхозник», «Рот-Фронт», «Детский», летний

[1]Культурная революция в Татарии... С. 276-277.

[2]Красная Татария. 1938. 15 января.

[3]*Алексеева Е.* Из жизни кинозрителя. 1937-й // Казань. 2001. № 9-10. С. 197.

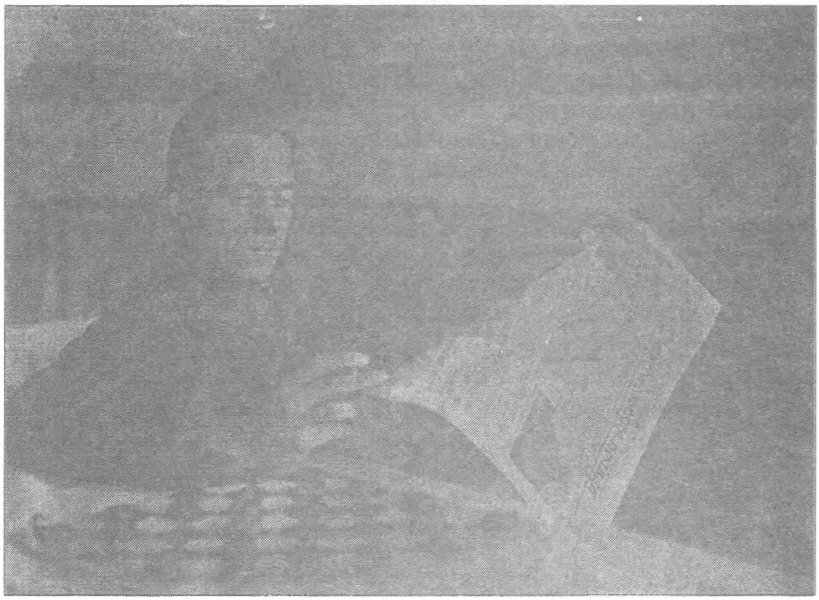
кинотеатр «КИМ». В январе 1938 г. «в строй» казанских кинотеатров после его реконструкции вернулся «Унион»[1]. Кинотеатры тех лет были не просто местом, куда приходили посмотреть кино. Перед вечерними сеансами здесь играли оркестры, работали танцзалы и школы западно-европейских танцев, кружки затейников для детей, читальни, буфеты. В выходные достать билет в кинотеатр было нелегко[2].

Страсть к кинофильмам не перекрывала традиционной любви горожан к чтению. Книг в небогатых домах той поры было не так уж и много[3]. Но люди посещали библиотеки, иногда записывались сразу в несколько библиотек. Молодые люди конца 20-х – начала 30-х гг. охотно читали художественную литературу, отдавая предпочтение жанру приключений[4].

Молодежь провинциального города 20-х-30-х гг. мечтала о приключениях, подвигах, дальних перелетах и путешествиях, бредила небом. Многие молодые казанцы состояли в Осоавиахиме – Обществе содействия обороне страны и авиационному и химическому строительству СССР, сдавали нормы на «Ворошиловского стрелка», ходили в военизированные походы по Волге. Спорт был воистину другом молодежи тех лет, в Казани действовали десятки спортивных клубов, объединявших тысячи молодых казанцев. Люди проявляли неподдельный интерес к любому факту технического прогресса. Так, в марте 1929 г. в Казань прибыли опытные аэросани ЦАГИ, и множество горожан приходили встречать и провожать эту диковину[5]. Но одним из главных увлечений тех лет, безусловно, была авиация. С 18 августа 1933 г. в Казани, как и повсюду в стране, ежегодно отмечали День Воздушного Флота, который превращался в большой городской праздник. В том же году в городе открылся аэроклуб, подготовивший за первые четыре года 149 летчиков – без отрыва от их основной работы[6]. Накануне войны в теплое время года – с 1 мая по 15 октября – казанский аэропорт давал всем казанцам, мечтавшим взмыть в небо, возможность, заплатив 12 рублей 50 копеек за билет, «покататься» на самолете и увидеть родной город с высоты[7].

---

[1]Красная Татария. 1938. 28 января.
[2]*Алексеева Е.* Из жизни кинозрителя. С. 195.
[3]*Наумов В.* Три Казани. № 7-8. С. 14, 16, 17.
[4]*Каган А.Г.* Молодежь после гудка. С. 20.
[5]Красная Татария. 1929. 22 марта.
[6]История Казани. Кн. 2. С. 184.
[7]Вся Казань. Справочная книга по Казани. Казань, 1940. С. 230.

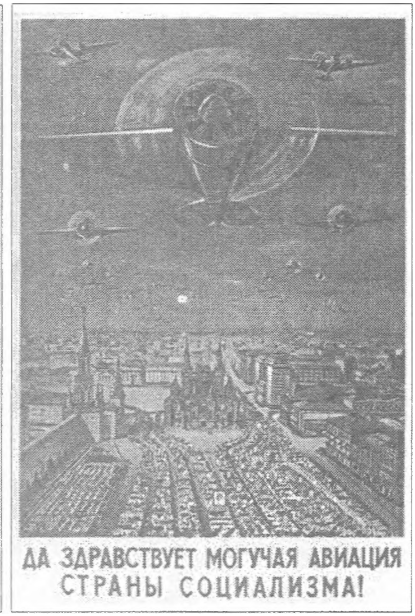


За чтением «Комсомольской правды». 1936 год.
Фото из частного архива

Другой неотъемлемый атрибут романтики 20-х-30-х гг. – радио, благодаря которому фантазия переносила радиолюбителя в другие города и страны, и казалось, что мир провинциального города вот-вот расширится до пределов земного шара. В Казань радио впервые пришло еще в мае 1921 г., благодаря размещению здесь базы радиотелефонных формирований Красной Армии. Рупоры были установлены в Красноармейском саду и на Театральной площади и произвели фурор среди казанцев. В июне 1924 г. в Казани было создано общество радиолюбителей, в котором уже через месяц состояло более 300 казанцев, «заболевших» радио. В ноябре 1927 г. в Казани заработала первая национальная радиостанция в СССР[1]. Радиолюбители сами, разыскивая детали, собирали приемники, сутками просиживали, прильнув к ним. Радио надолго стало главнейшим каналом информации, а также источником эстетического наслаждения. Меломаны конца 20-х – 30-х гг. могли послушать классическую музыку, исполнявшуюся в лучших столичных залах, услышать музыкальные новинки и шлягеры.

[1]Культурная революция в Татарии... С. 213-214.

Плакат А.П.Бельского. 1939 год



Плакат В.Н.Добровольского. 1939 г.

Однако излюбленным способом проведения свободного времени среди молодежи в городах были тогда вечеринки и танцы[1]. Вечеринки с танцами, или, как их еще называли в среде рабочей молодежи, «вечерушки», с одной стороны, уходили корнями в сельские посиделки и слободские «вечерушки». С другой стороны, вечеринки с танцами практиковали все слои населения, в том числе интеллигенция, студенчество, вероятно, неосознанно воспроизводившие некоторые традиции дореволюционных балов и приемов. Несмотря на то, что танцклассы – заведения, в которых обучали танцам, – тогда обличались ревнителями «идейного досуга» как «притоны беснующегося мещанства» и «мир разлагающегося буржуа», они пользовались бешеной популярностью в крупных городах. Танцевальные вечера в Казани были очень распространены в конце 20-х – 30-е гг. Причем, танцевала не только молодежь. Желающих учили танцевать – только не в танцклассах, как в Ленинграде и Москве, а в основном в клубах и домах культуры. В Казани танцевали вальс, па-де-катр, па-д-

[1] ***Каган А.Г.*** Как молодежь расходует и как надо расходовать получку. С 19, 22, 24, 43, 45-46; Красная Татария. 1929. 3 апреля.

эспань, польку-бабочку, вальс-бостон, румбу, танго, шимми, чарльстон. Но самым модным, настоящим королем вечеринок и танцевальных вечеров был фокстрот[1]. В газетах и на собраниях фокстрот обличали как «нечто расслабляющее, возбуждающее, грубое, пошлое, нечто принижающее достоинство человека, ... частенько способствующее всяким случайностям и безобразиям и в отношениях между юношей и девушкой». Но, несмотря на это, фокстрот танцевали все и везде. «Любой танец (хоть похоронный марш), – мрачно комментировал автор обследования быта рабочей молодежи, – танцуется сейчас «под фокстрот»»[2]. Казанский Дом ученых, подвергшийся в 1934 году критике за существование кружка западных танцев, которые квалифицировались как пошлые, провел конкурс фокстрота, победителей в котором награждали трудами Ф.Энгельса[3]! «Эпидемию» фокстрота, танго и бостона, по утверждению мемуариста, в Казань занесли иностранцы, прибывшие сюда на работу. Под их же влиянием в Казани был создан и первый студенческий мюзик-холл со студенческим джазом[4].

Помимо вечеринок, которые проводились в клубах, на квартирах, в общежитиях и так далее, весьма популярны были и обычные походы в гости. Даже среди молодых людей, досуг которых отличался большим разнообразием, чем досуг старшего поколения, в конце 20-х гг. каждый пятый свои выходные дни и праздники проводил в гостях[5]. Казанцы любили ходить в гости и приглашать к себе гостей, дружили компаниями и семьями. Застолья были скромными – вареная картошка с капустой, водка, но пили умеренно. Пели, разгадывали шарады, танцевали под патефон. Правда, интенсивность этой разновидности дружеского общения резко снизилась в конце 30-х гг. Как вспоминал мемуарист, из-за арестов 1937 года многие казанцы перестали собираться кампаниями вне общественных мест, то есть, на квартирах, дачах. Люди боялись, что их могут обвинить в организации антисоветских сборищ[6]. И случаи такие в Казани, действительно, бывали. Так, организованное в конце 20-х – начале 30-х гг. друзьями-учеными Б.Л.Лаптевым, А.Д.Дубяго и Б.М.Козыревым шутливое общество «Три кита», участники которого проводили

[1] *Адо В.И.* Указ. соч. № 10. С. 103; Интервью с Г.И.Нарманской..

[2] *Каган А.Г.* Молодежь после гудка. С. 41, 43, 59.

[3] *Донская И., Подольская М.* Благородное собрание казанских ученых // Казань. 1999. № 7-8. С. 132.

[4] *Носов Н.* Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 14.

[5] *Коган Б.Б., Лебединский М.С.* Быт рабочей молодежи (по материалам анкетного обследования). М., 1929. С. 55.

[6] *Адо В.И.* Указ. соч. № 10. С. 103.

На отдыхе. 1930-е годы. Фото из частного архива

вместе свободное время, разгадывали шарады и устраивали розыгрыши, послужило впоследствии поводом для ареста одного из его организаторов[1].

В 20-е- 30-е гг. казанец имел возможность в свой отпуск отдохнуть в санаториях, домах отдыха. Правда, желающих отдохнуть было много, а путевок и самих санаториев – намного меньше. Так что путевки доставались не всем. Первый дом отдыха в Татарской Республике – «Здравница» – был построен ёще в 1921 г. на берегу озера Кабан, но он принимал только 100 человек за смену. В 1922 г. был организован Дом отдыха у станции Васильево. Право отдохнуть в санатории предоставлялось прежде всего членам профсоюза. За 1922 г. в домах отдыха Татпрофсовета отдохнуло 932 человека – 527 рабочих и 405 служащих, а в 1925 г. уже 2894 рабочих и 1961 служащий. Работали в 20-е гг. и местные санатории – «Ключищи», детский санаторий «Обсерватория», туберкулезный санаторий «Каменка». А накануне войны в республике в дополнение к названным действовали местные дома отдыха: «Васильевский»

[1] ***Козырева Е.*** Жажда прекрасного Соприкосновение с духовным миром Б.М.Козырева // Казань 1999 № 7-8. С. 102.

с «пионер-санаторием» на его территории, «Берсутский», «Казанский» – с работавшими на его базе Домом отдыха беременных женщин и Диетическим санаторием для желудочных больных, «Петровский» (около Бугульмы), туберкулезный кумысолечебный санаторий «Тарловский» (около Набережных Челнов) и Ютазинская кумысолечебница, Морквашский пионер-санаторий и дом отдыха рабочей молодежи и другие. Путевки в дома отдыха стоили в 1940 г. в пределах 170-250 рублей за 12 дней, в санатории – 490-720 рублей за месяц лечения[1]. Часть стоимости путевки мог оплачивать профсоюз. В привилегированном положении находились «ответработники» – партийная и советская элита. Для их лечения еще в 1926 г. были созданы спецфонды – постоянные фонды при Комиссии Взаимопомощи Татарского Обкома ВКП(б) для поддержки нуждающихся в лечении ответработников. Если последние выезжали на курорт за пределы республики, то им предоставлялись суточные на проезд в оба конца и пособие в размере 75-200 рублей. Если они отдыхали и лечились в Татарстане, то получали пособие в 50-100 рублей. Заметим для сравнения, что среднемесячная зарплата рабочего тогда составляла около 50 руб.[2].

В довоенные годы мало кто из казанцев имел свои дачи и сады за городом. Те, кто имел возможность, снимали дачи на лето у жителей пригородных селений – Аракчино, Красной Горки, Займищ, Куземетьева. Селились дачники на лето и на Волге – в Верхнем Услоне (куда казанцев доставлял старенький шведский паром «Волгарь») и Нижнем Услоне, Ключищах, Матюшино, Морквашах, Ташевке, Шеланге[3]. Многие из этих селений еще до революции были облюбованы дачниками. Дачными местами в конце 20-х гг. все еще оставались селения по реке Казанке и озеру Кабан – Савиново, Дербышки, Борисково, Воскресенское[4]. Дачники купались, ходили в лес, собирали грибы, ягоды, варили варенье и делали другие заготовки, удили рыбу, играли в различные игры, читали, затевали компаниями дальние вылазки. Те казанцы, которые не могли себе позволить снимать дачу, просто выезжали на природу в выходные дни и в дни отпуска. Любимыми местами

[1]Справочник-путеводитель по гор. Казани. С приложением плана города с слободами. Казань, 1926. С. 51; Вся Казань. Справочная книга по городу Казани. Казань, 1940. Рекламные приложения.

[2]***Кузнецова Л. О.*** Указ. соч. Л. 51, 187, 189, 191, 104, 108.

[3]***Наумов В.*** Три Казани. № 7-8. С. 16; ***Крылова Н.*** Свет любви и милосердия // Казань. 1997. № 3-4. С. 141.

[4]Справочник-путеводитель по гор. Казани. С. 90-91.

отдыха были леса близ Казани, острова Песчаный[1], Маркиз. Остров Маркиз, находившийся напротив казанских пристаней и славившийся прекрасным пляжем и песчаной косой, был популярнейшим местом отдыха многих поколений казанцев. Как вспоминал казанец: «Летом в выходные, казалось, вся Казань переезжала на Маркиз. И неудивительно: лучшего пляжа, чем на Маркизе, я не видел нигде. Крупный песок, до полной чистоты промытый весенним разливом, буквально пел под ногами»[2]. В конце 1930-х – 1941 гг. на Маркиз в летние выходные дни приезжало до 40-50-ти тысяч горожан. Они купались, посещали два островных ресторана, к услугам отдыхающих были и продуктовые палатки, киоски с прохладительными напитками. Некоторые горожане в свой отпуск сколачивали на Маркизе фанерные домики или строили шалаши и так проводили лето[3].

В 20-е-30-е гг. весьма распространенной формой отдыха было посещение общественных садов и парков. Летом в выходные дни казанцы могли проводить там целый день с семьей или с друзьями. В черте города излюбленными местами отдыха казанцев были Парк культуры и отдыха на Арском поле (бывшая «Русская Швейцария»), детский парк «Черное озеро» в центре города, где зимой заливали каток, а также другие городские сады и скверы. Их к 1940 г. было более двух десятков. В парке культуры и отдыха работали комната смеха с кривыми зеркалами, детские качели и карусели, качели для взрослых, «гигантские шаги», аттракцион «самолет», библиотечный и шахматный павильоны, летний «зеленый театр» (крашенный зеленой краской), эстрада, на которой выступали певцы и музыканты. Любили казанцы и Ленинский сад (на месте дореволюционного Николаевского сквера), располагавшийся как бы на двух уровнях – нижнем и верхнем. В верхнем, несуществующем теперь уровне, находившемся рядом с университетом, были открытая эстрада и танцплощадка. На ежедневные танцы под духовой оркестр сюда собиралась молодежь города. Разумеется, танцевали вальс, а также «уродливые порождения буржуазной культуры Запада» – танго, фокстрот, бостон, чарльстон[4].

Довоенная Казань – деревянная и отчасти каменная – отдыхала по вечерам и по праздникам и во дворах. Между деревьями во дворах натягивали гамаки и лежали в них с книжкой. Хозяйки ставили

---

[1] ***Наумов В.*** Три Казани. № 7-8. С. 9.

[2] ***Гончаров Н.*** Когда деревья на Маркизе были большими // Конец недели. Казань, 2005. 17 сентября.

[3] Вся Казань. Справочная книга по городу Казани. С. 280-281.

[4] ***Наумов В.*** Три Казани. № 7-8. С. 16-17.

Игра в шахматы. 1930-е годы. Фото из частного архива

во дворе самовар. Во дворовом садике варили варенье, поставив медный таз на кирпичи. Летними вечерами во дворах проводило свободное время все население тесных квартир и комнатушек. Женщины выходили во двор в легких ситцевых сарафанах, мужчины – в брюках и майках, девочки выбегали во двор в коротких платьицах, а мальчишки бегали в трусах, загорая за лето дочерна. По воспоминаниям казанского мемуариста В.Наумова, мальчишки проводили все время во дворе или на улице, но на улицу старались поодиночке не ходить: на чужой улице могли побить[1]. В городском быте молодежи чувствовались отголоски деревенского «дележа улиц» и драк «стенка на стенку». Однако, как вспоминают казанцы, дрались мальчишки «по правилам». Например, нельзя было бить лежачего, дрались до первой крови. В казанских двориках собирали друзей. Так, по воспоминаниям казанцев, во дворе дома Кекина любили встречаться артисты театра, находившегося напротив. В праздники во дворах накрывались столы, люди пели, беседовали[2].

Таким образом, в предвоенные 15-20 лет складывается структура досуга, характерная для горожанина-провинциала. Досуг его мало отличался от досуга жителя столиц. Они разнились не столько структурой, сколько качеством видов досуга. Так, у москвича, например, был более широкий выбор театров и театральных

[1] ***Наумов В.*** Три Казани. № 7-8. С. 10-11.

[2] ***Грай (Жданов) И.*** Ангелы над стеклянным небом // Казань. 2001. № 4-5. С. 11.

постановок, больше возможностей отдохнуть в санатории или в доме отдыха. В целом по стране в эти годы происходила унификация структуры досуга. Этому способствовало и, например, создание по всей стране целой сети парков культуры и отдыха, инфраструктура которых, набор развлечений копировали московский Центральный парк культуры и отдыха. Различия в сфере досуга советского человека обусловливались не столько географическими признаками и традициями того или иного города России, его «столичностью» или «нестоличностью», сколько принадлежностью к тем или иным городским группам. Группы, в которых горожане проводили свой досуг, могли складываться, например, по возрастному, поколенческому признакам, по профессиональному признаку, по происхождению (казанец или мигрант; житель центра или слободской, деревенский), по месту проживания (дворовая компания) и по другим признакам. Так, структура и качество досуга комсомольца-активиста 1920-х гг. весьма отличались от структуры и форм досуга, например, представителя старой интеллигенции «из бывших». Структура досуга студентки – горожанки в нескольких поколениях отличалась от досуга работницы, пришедшей в город из деревни и сохранявшей в кругу таких же работниц – вчерашних крестьянок предпочтения сельских форм времяпрепровождения.

Однако общим для практически всех групп горожан были условия повседневной жизни советского общества тех лет. Тяжелые жилищные условия почти всех групп горожан заставляли их большую часть свободного времени проводить вне дома. Наличие развитой сети различных общедоступных учреждений и публичных пространств для организации «культурного досуга» – клубов, парков отдыха, водных станций и т.д. – способствовало сближению форм проведения свободного времени представителей различных досуговых групп. Свою роль сыграло мощное воздействие массовой пропаганды «здорового и культурного» досуга – например, пропаганда со стороны государства массового спорта, подкрепленная созданием многочисленных спортивных обществ, спортивных клубов и стадионов. Наконец, определенное влияние на городские досуговые практики – вследствие массового бегства крестьян от коллективизации в город – оказывала традиционная сельская культура отдыха. Все эти обстоятельства формировали сферу отдыха, унифицировали ее, вели к созданию массовых усредненных типовых моделей досуга советского горожанина.

Отдых и праздники в годы Великой Отечественной войны

Лето 1941 г. выдалось в Казани прохладным. Вода в Волге все никак не прогревалась, шли дожди[1]. Когда началась война, многие казанцы находились на летнем отдыхе – в отпусках, дети – в пригородных лагерях под Казанью...

Начавшаяся война оставляла мало места и времени для отдыха – люди работали по 14 и более часов. Были отменены отпуска и сокращены выходные дни. Однако жизнь не останавливалась. И в ней было место и отдыху, и празднику.

В городе работали кинотеатры и театры. Так как помещения многих из них отдали под госпитали, оперный, татарский академический и Большой драматический театры работали в одном помещении – в помещении Большого драматического театра. В театрах шли спектакли патриотической, антифашистской направленности – «Таймасовы» Т.Гиззата, «Парень из нашего города» К.Тренева, «Профессор Мамлок» В.Вольфа, «Русские люди» К.Симонова, «Фельдмаршал Кутузов»[2] и другие. В октябре 1941 г. в Большом театре прошел концерт Вадима Козина. Театры ввели в годы войны и новшества: после окончания спектаклей и концертов устраивались танцы до двух часов ночи – этого до войны не было. Молодежь и в годы войны не изменяла этой излюбленной форме досуга – она бегала на танцы в Ленинский сад и в Парк культуры[3]. В июле 1941 г. в кинотеатрах шел фильм «Богдан Хмельницкий», в октябре 1941 г. – «Гибель Орла», в 1942 г. – «Она защищает Родину», в 1943 г. – кинофильм «Петр I»[4]. Казанцы с удовольствием смотрели кинофильмы и про Антошу Рыбкина. С открытием второго фронта в прокате появились и американские ленты – «Серенада Солнечной долины» Глена Миллера, «Джордж из Динки-джаза», трофейные немецкие ленты – «Девушка моей мечты» с Марикой Рекк в главной роли. На Мокрой улице в Казани (теперь там ЦУМ) вечерами в хорошую погоду бесплатно показывали киножурналы – фронтовую хронику и фильмы по противовоздушной обороне[5]. Казанцы охотно посещали и выставки Госмузея – выставку «Русские писатели о Родине», открытую в здании вокзала, а также выставку «Богдан

---

[1] ***Наумов В.*** Три Казани // Казань. 1998. № 9-10. С. 39.

[2] История Казани. Кн. 2. С. 264-265; ***Вовченко (Кузнецова) Г.Л.*** Из дневниковых записей (июнь-декабрь 1941 г.) // Во имя Отчизны. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны. Казань, 1975. С. 290.

[3] ***Вовченко (Кузнецова) Г.Л.*** Указ. соч. С. 287, 289.

[4] ***Вовченко (Кузнецова) Г.Л.*** Указ. соч. С. 289; ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 20.

[5] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 17.

Хмельницкий» в помещении кинотеатра «Унион». Весной 1942 г. Государственный музей организовал в Казани в здании ТЮЗа выставку о Великой Отечественной войне – это была первая в стране большая выставка о шедшей войне. Казанцы проявили к ней огромный интерес: только за два дня на ней побывало до 500 тысяч человек – практически все население города[1]. В городе в годы войны работал зоопарк – часть Московского зоологического сада, эвакуированная в Казань. Юные казанцы и эвакуированные дети с удовольствием посещали его[2]. Надо сказать, что, несмотря на военное время, уже летом 1942 г. некоторые пионерские лагеря республики приняли детей на летний отдых. Так, мемуарист вспоминал, как в 1944 г. отдыхал в пионерлагере «Успьян» недалеко от Агрыза. Дети ходили в лес за орехами, купались в реке, жгли костры и пели песни – о Васе-машинисте, о старике-стрелочнике, поймавшем диверсанта, и другие «идейные» песни тех лет[3]. Пионерский лагерь был организован и в Шеланге. Там отдыхали юные казанцы и дети эвакуированных[4]. Там же в годы войны работал и дом отдыха для взрослых жителей Казани и республики[5].

Советские революционные праздники, за годы советской власти ставшие неотъемлемой частью домашнего праздничного быта большинства советских семей, в годы войны приобрели особое значение. Их празднование стало одним из средств выразить свой патриотизм, свою любовь к Родине и поддержку ее в трудные дни. Так, с энтузиазмом ходили на демонстрации, например, на октябрьские праздники[6].

В годы войны многие казанцы продолжали отмечать религиозные праздники, в частности, Рождество, умудряясь даже готовить соответствующие кушанья[7]. Более того, интерес к этим праздникам даже вырос в связи с общим подъемом религиозности населения в эти тяжелые годы. Однако в Казани отмечали веселые народные праздники, в частности, любимый горожанами Сабантуй. Его праздновали 18 июля 1942 г. и 23 июля 1944 г., приурочив ко Дню

[1] ***Дьяконов В.М.*** В годы Великой Отечественной // Казань. 2001. № 6. С. 50, 52-54, 57.

[2] ***Лихачев Д.*** Незамерзающие чернила // Казань. 1999. № 7-8. С. 59.

[3] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 22.

[4] ***Шехтер А.*** «Грелки» душевной теплоты // Казань. 1999. № 7-8. С. 60-61.

[5] ***Лихачев Д.*** Незамерзающие чернила. С. 59.

[6] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 20.

[7] ***Наумов В.*** Три Казани. № 9-10. С. 44; Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г.

Новогодняя открытка. 1945 год

физкультурника. В 1944 г. в Сабантуе участвовало около 40 тысяч человек, причем, охотно участвовали в соревнованиях и конкурсах Сабантуя фронтовики, находившиеся в тот день в Казани[1].

Любимым праздником оставался разрешенный за несколько лет до войны Новый год с елкой. Его было принято встречать в трудовом коллективе, это был прежде всего общественный праздник. Так, мемуарист-казанец вспоминал, что Новый 1945 год он встречал в управлении железной дороги, где работала его мать. Ему надолго запомнился этот праздник с елкой, буфетом, прекрасным концертом, который вел казанский конферансье Павел Макеев. И танцы! Танцевали под живую музыку и под радиолу. «Крутили» пластинки с записями Леонида Утесова и его дочери вместе с тео-джазом, джаз Александра Цфасмана, львовский тео-джаз Генриха Варса[2].

Самым незабываемым праздником за все годы войны и самым массовым, спонтанным, искренним праздником, пожалуй, за всю историю Казани, как и во всех городах страны, стал праздник Победы. Накануне Победы, которую ждали уже несколько дней (некоторым

[1] ***Семенов Н.А.*** Национальные народные праздники в Татарии и их физкультурное значение. С. 23.

[2] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 20, 24.

горожанам удалось накануне поймать сообщения станций союзников), казанцы радиоточки не выключали. В ночь со вторника 8 мая на среду 9 мая по радио передали сообщение о капитуляции фашистской Германии. Весь город высыпал на ночные улицы. Военные на радостях стреляли в воздух. Раненые вышли на костылях из госпиталей. На площади Свободы, на площади у Кремля, на улицах собралось море народа. Играли оркестры, всюду звучали песни, люди танцевали, фронтовиков поднимали на руки и качали, женщины целовали их, вручали цветы. Незнакомые люди обнимались и целовались. Казанцы плакали и смеялись. Утро застало людей на улицах, танцы и песни под баяны продолжались – баяны, аккордеоны и гармошки играли во многих местах. Улицы были запружены ликующим народом[1]. С балконов Дома печати, как стаи белых голубей, разлетались листовки с последними новостями. Сотрудники Казанской студии кинохроники провели этот день в толпах казанцев, увековечивая для истории кадры народного ликования. Из раскрытых окон кинотеатра «Электро» музыканты джаз-оркестра играли победный марш[2]. Как вспоминал Василий Аксенов, они, мальчишки, рванули на площадь Свободы: «... мы все бежали, боясь куда-то опоздать, что-то упустить, и опомнились только на башне «Тигра», с бессильно повисшим орудием, который вот уже два года стоял на площади среди других трофеев. Появились самолеты, два самолетика «Пе-2». Они спустились так низко, что можно было видеть смеющиеся лица летчиков. Они пролетели прямо над трубами и рассыпали множество листовок: «С победой, товарищи!». Потом листовки эти стали бросать из окон Дома офицеров, с крыш». Затем, как вспоминал мемуарист, по площади прошли солдаты. А потом «над площадью чистым серебром запели фанфары и мы увидели слона. Огромный серый лоб и спина слона плыли над толпой, а на спине стоял мальчик – униформист с трубой. А за слоном горделиво шествовал ученый верблюд. Это был цирк Дурова, гастролировавший тогда в Казани. В полном составе он вышел на улицы, чтобы поздравить горожан. И вся эта немыслимая кавалькада прошла через площадь Свободы, потом по улице Лобачевского, мимо Черного озера, потом по Чернышевского к нашему белому Кремлю, потом спустилась на улицу Баумана и докатилась до Кольца и снова вверх по улице Куйбышева к площади Свободы, и все это в серебряном пении фанфар, в мелькании самых ярких красок под абсолютно голубым небом, и так

[1] ***Дьяконов В.М.*** Указ. соч. С. 60-61; ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 24-25.

[2] ***Калинин Н.Ф.*** Казань. Казань, 1955. С. 337; ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 24-25.

они топали, цокали, бренчали, трубили, словно отделяя этим своим шествием для всех ребят военные, прошлые годы от будущих – мирных». «Я много бы дал, чтобы вернуть тот день»[1], – признавался писатель. Воспоминания об этом дне и подлинно народном празднике до сих пор наворачивают слезы на глаза тех, кто его пережил. С 1945 года День Победы стал национальным праздником и праздновался по всей стране, в каждом городе и деревне. С 1965 года День Победы, объявленный нерабочим днем, стал и публичным празднеством – с официальными торжественными церемониями памяти погибших[2].

Итак, в годы Великой Отечественной войны сфера досуга была значительно сокращена – во многом за счет увеличения продолжительности рабочего дня, разрешения сверхурочных работ, отмены отпусков. Однако сформировавшиеся в довоенное время формы досуга продолжали бытовать, горожане продолжали отмечать праздники. Победа советского народа в Великой Отечественной войне дала жизнь новому всенародному празднику – Дню Победы. Он уже на протяжении многих десятилетий отмечается в каждой семье нашей страны и является одним из самых главных праздников на постсоветском пространстве бывшего СССР.

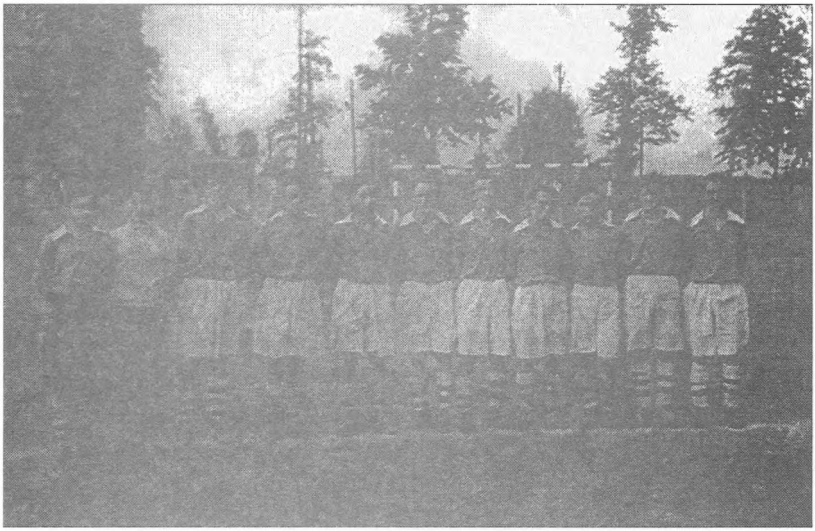
Радости мирной жизни: первое послевоенное десятилетие

Жизнь входила в мирное русло. В 1946 г. на предприятиях были восстановлены 8-часовой рабочий день, ежегодные оплачиваемые отпуска. Уставшие от войны горожане возвращались к мирной жизни с ее радостями, с ее веселыми праздниками и выходными, от которых люди отвыкли за годы войны. В годы войны трудная и не очень сытая довоенная жизнь казалась людям прекрасной.

Горожане вернулись к привычным формам досуга. В теплые летние дни купались и загорали, в том числе в черте города – например, на Кабане. Там были вышки для ныряния, сдавались лодки напрокат, покататься на лодке можно было, оставив в залог паспорт, прокат стоил два рубля в час. Летом те, кто имел возможность, отправляли детей в пионерские лагеря, например, в еще довоенный лагерь «Яльчик» (в войну там размещался детдом). Дети, не попавшие в пионерлагеря, проводили лето в городе,

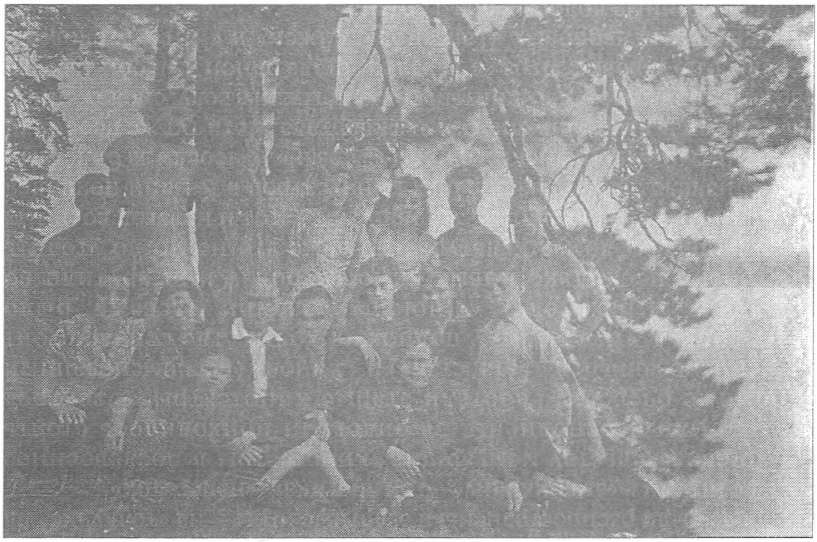
[1] ***Аксенов В.*** На площади и за рекой. Цит. по: Казанский университет. 2002. май. № 7; см. также воспоминания об этом – ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 24-25.

[2] ***Lane Ch.*** The Rites of Rulers. Ritual in Industrial Society – The Soviet Case. Cambridge, L., N.Y., New Rochelle, Melbourne, Sydney, 1981. P. 144-145.



На стадионе «Крылья Советов». 1950-е годы. Фото из частного архива

На стадионе. 1948 год. Фото из частного архива



В доме отдыха «Берсут». 1946 год. Фото из частного архива

пропадая сутками в лугах за вокзалом. В начале 1950-х гг. свой отпуск казанцы нередко проводили, отдыхая по путевкам в санаториях, на турбазах, домах отдыха. Мемуарист-казанец вспоминал свою поездку начала 50-х по Военно-сухумской дороге[1].

Оживились танцплощадки. Одной из популярнейших танцплощадок в конце 40-х – начале 50-х оставалась танцплощадка в Ленинском саду, в верхней части сада. Там, помимо танцплощадки, работал летний кинотеатр «Комсомолец», две открытые веранды-буфета. Танцплощадка с эстрадой была, между прочим, одним из «злачных мест» города, здесь не только танцевали молодые люди, здесь собиралась и казанская шпана. Как вспоминал казанец, за порядком на танцплощадке наблюдала билетерша тетя Соня (вход стоил два рубля), которая, чуть что не так, кричала «Ганулин!!!», вслед за чем прибегал здоровенный милиционер и наводил порядок. На танцплощадке играл джаз-оркестр Бориса Евлампиева, студента местной консерватории. В Парке культуры и отдыха тоже вновь закипела жизнь, играли оркестры. Зимой казанская молодежь собиралась по вечерам – с семи до одиннадцати – на катках «Черное озеро» («Чернуха» на молодежном сленге), «Динамо»,

[1] *Носов Н.* Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 50, 58, 67.

«Трудовые резервы» («Труды»). Как вспоминал мемуарист, катанье на коньках было всеобщим увлечением, своеобразным массовым спортом, просуществовавшим до середины 50-х годов. Здесь завязывали знакомства, собирались компании. На «Чернухе» работала раздевалка, буфет, в котором продавали водку в разлив, но пьяных не было. На катках катались под радиолу, а по праздникам – под духовой оркестр. В теплое время года вечерами молодежь высыпала на улицу Чернышевского (ныне Кремлевская), по ней гуляли, завязывая знакомства и договариваясь о свиданиях. Это было место встреч казанской молодежи – школьников и студентов. Гулянья на Чернышевской продолжались до 1955 года, когда молодежная «тусовка» спустилась на улицу Баумана, получившую на молодежном сленге название «Брод» (об этом чуть ниже). Кстати, одним из «развлечений» юношей тех лет, в том числе студентов, бывали и драки. Дрались много и охотно, из-за девушек и вовсе без серьезной причины. В городе были распространены и азартные игры – на «толкучке» на Булаке играли в «американку», «три листика», «наперсток»[1].

По свидетельству мемуариста, кинотеатры в послевоенное время были переполнены, за билетами приходилось стоять огромные очереди. Работали старые кинотеатры «Электро» (переименованный в «Татарстан») и «Унион» (переименованный в «Родину»), «Вузовец» (у подножия холма, где сейчас стоит памятник М.Вахитову), «Пионер» в здании Пассажа. Было построено несколько новых кинотеатров. Кино крутили во всех дворцах и домах культуры, но даже это не могло утолить зрелищный голод казанцев, уставших от тягот и невзгод военных лет. В начале 50-х гг. на экранах кинотеатров в Казани появился знаменитый американский фильм «Тарзан». Очереди за билетами на «Тарзана» выстраивались за два квартала. Дети тут же переняли тарзаньи повадки – знаменитый крик, прыжки в воду, скольжение с деревьев по веревке. Игра «в Тарзана» стала одной из любимых игр послевоенных дворовых «Тарзанов», «Джен» и «Чит». Молодежь носила длинные волосы «под Тарзана»[2].

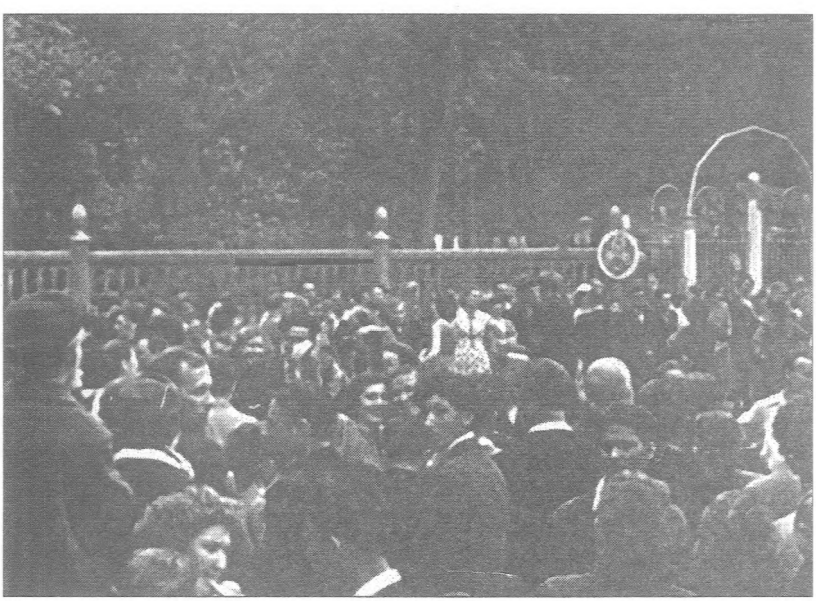
Самым любимым казанцами театром оставался Большой драматический театр им. В.Качалова[3], где ставили в основном русскую классику. Классические оперы и балеты ставил тогда и театр оперы и балета, располагавшийся до постройки нового

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 51, 56, 62-63, 65; ***Аксенов В.П.*** В поисках грустного бэби. М., 1991. С. 265.

[2] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 65.

[3] Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

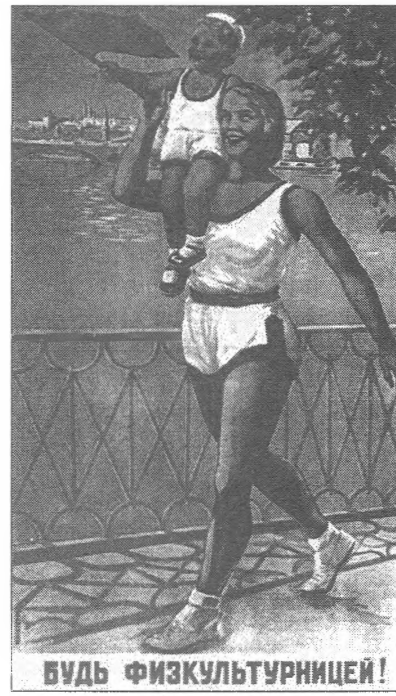
Плакат Б. Белопольского. 1950 год



Танцплощадка. Фото из частного архива

здания на площади Свободы – в здании татарского театра на ул. Горького[1].

Молодежный досуг и массовая культура послевоенного времени во многом формировались под сильным впечатлением от соприкосновения с «другим миром» – с миром западной масс-культуры, произошедшего в годы войны и сразу после нее. «Проводниками» этого влияния стали не только казавшиеся необыкновенными американские вещи и продукты, полученные в годы войны по ленд-лизу и в качестве гуманитарной помощи, не только трофейные немецкие вещи, привезенные вернувшимися солдатами и офицерами, но и американские кинофильмы, попавшие в СССР в качестве трофеев – «Путешествие будет опасным», «Под властью доллара», «Судьба солдата в Америке», «Багдадский вор», «Тарзан». Эти фильмы с вырезанными титрами (зрители порой и не знали, как зовут главных героев) юные граждане СССР смотрели по десятку раз каждый, разбирали на цитаты, превратив их в своеобразное окно во внешний мир, фетишизируя все американское как символ свободы. Особую, огромную роль в этом процессе играл американский джаз[2].



Плакат М.А.Нестеровой-Берзиной. 1946 год

Джазом казанцы «заболели» еще накануне и в годы войны, слушая пластинки с записями оркестра Эллингтона (их знаменитый «Экспресс») и отечественный джаз – львовский тео-джаз Генриха Варса, джаз Александра Цфасмана, записи выступлений Клавдии Шульженко вместе с джазом Семенова. Вскоре после дня Победы в Казань приехал джаз-оркестр Д.Покрасса, выступавший от

[1] ***Наумов В.*** Три Казани. № 9-10. С. 50.

[2] ***Аксенов В.П.*** В поисках грустного бэби. С. 13-14, 16; ***Брусиловская Л.Б.*** Культура повседневности в эпоху «Оттепели»: метаморфозы стиля. М., 2001. С. 33-57.

Центрального дома железнодорожников – музыканты даже были одеты в стилизованную железнодорожную форму. Оркестр давал концерты в здании драматического театра. Мелодии из «Серенады Солнечной долины», песня про «экспресс голубой» в их исполнении покорили сердца казанцев[1]. А осенью 1947 г. в Казань приехали так называемые «шанхайцы» – репатрианты, выбравшие Казань из ряда предложенных им на жительство городов. Кстати, один из «шанхайцев» – знаменитый шансонье А.Вертинский – гастролировал в Казани год спустя, в 1948 г. Он дал несколько концертов в здании старого цирка на месте сегодняшней автостоянки на Черном озере, и на все его концерты, по воспоминанию казанца, горожане просто ломились[2]. Среди шанхайцев в Казань приехал и оркестр Олега Лундстрема, привезший в Россию свой знаменитый джаз. Несмотря на то, что отношение официальных властей к джазу было весьма негативным, джаз в Казани проникал повсюду – от городских квартир до профессиональных сцен. Оркестр Лундстрема выступал с театром оперетты. А в начале 50-х гг. в Доме офицеров, в клубе им. Горького он играл джазовые шлягеры тех лет – «Караван», «Чай вдвоем», «Серенада лунного света», «Дождливый сентябрь», «Штормовая погода», «Настроение»[3]. В начале 50-х гг. знаменит был и джаз Виктора Деринга, игравшего со своими музыкантами в ресторане «Казань»[4]. Именно джаз стал знаменем целого направления в формировавшейся в послевоенное время молодежной масс-культуре – стиляжничества.

На улицах больших городов в конце 40-х – начале 50-х гг. появился «авангард» новой советской масс-культуры – стиляги (о стилягах см. также предыдущую главу). Ленинградские стиляги называли Невский проспект в Ленинграде «Бродом» – сокращенное от нью-йоркского Бродвея, и вскоре во многих российских городах тоже появились свои «Бродвеи»[5]. В Казани молодежь назвала «Бродом» центральную улицу Баумана, куда «перенеслись» традиционные гуляния казанского юношества. Казанские стиляги, как вспоминал В.Аксенов, принадлежавший в начале 50-х годов к

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 49, 55-56.

[2] Интервью с Б.Ф.Султанбековым. 22 ноября 2001 г. Респонденту особенно запомнилась песня Вертинского: «На башне бьют часы, / Уходят музыканты...».

[3] ***Серебряков В.*** Своя песня // Казань. 1997. № 5-6. С. 66; ***Носов Н.*** Негаснущие свечи // Там же. С. 88-89.

[4] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 67.

[5] ***Yurchak A.*** Gagarin and the Rave Kids: Transforming Power, Identity and Aesthetics in Post-Soviet Nightlife // Consuming Russia. P. 81.

На пароходе. 1950 год. Фото из частного архива

этой компании, изо всех сил тянулись к новой моде. Разумеется, казанским стилягам было далеко до «настоящей» американистости, как с грустью констатировал будущий писатель, посетив в 1952 г. московское «высшее общество» стиляг. Для провинциала, часами охотившегося в Казани на стареньком приемнике за обрывками джаза, записывавшего его на самодельных пластинках, сделанных из рентгеновских пленок (так называемый «джаз на костях»), потрясением стала американская радиола, в которой двенадцать пластинок проигрывали без перерыва джаз в исполнении Бинга Кросби, Ната Кинг Кола, Луи Армстронга, Пегги Ли, Вуди Германа. Казанский паренек с пиететом завороженно взирал на молодых московских красавцев, носивших разделенные на пробор волосы, пиджаки с огромными ватными плечами, узкие черные брюки, башмаки на толстой подошве, танцевавших буги-вуги и ронявших словечки: «дарлинг», «бэби», «летс дринк»[1]. В Казани центром казанских стиляг стал Дом ученых, директор которого, Лазарь Ванштейн, симпатизировал этой «нестандартной» молодежи. По субботам здесь работали буфет, бильярдная, играл студенческий

[1] ***Аксенов В.П.*** В поисках грустного бэби. С. 12-13, 285, 291.

джаз под руководством студента-физика Юрия Яковлева. Тон этим вечерам казанских стиляг задавал, по воспоминаниям мемуариста-казанца, лидер казанских «чуваков» и «чувих» студент-медик Василий Аксенов[1].

Вскоре после начала кампании борьбы с космополитизмом гонения обрушились практически на всю эстраду, в первую очередь, на джаз – «музыку толстых», по давнему определению М.Горького. Тогда вошли в обиход слоганы: «Сегодня ты играешь джаз, а завтра Родину продашь!» и «От саксофона до ножа – один шаг»[2]. В Казани у джаз-оркестров изымали саксофоны, издававшие «буржуазные звуки» и подозрительно смахивавшие на знак американского доллара. На танцах не разрешали танцевать танго, фокстроты и бостоны. Тем не менее, на танцах в казанских школах – под охраной родительского комитета – спокойно танцевали и фокстрот, и танго. Пластинки с записями джаза – например, с записями джаз-оркестра Эдди Рознера «Тысяча один такт в ритме джаза» – уничтожали прямо в музыкальных магазинах. Песни ряда исполнителей не были запрещены, но осуждались как «цыганщина» – песни Вадима Козина, Изабеллы Юрьевой, Ляли Черной, Тамары Церетелли, Кето Джапаридзе. Из библиотек изымали большое количество западной и отечественной литературы. Мемуарист мальчишкой лазил на склад такой «запрещенной литературы» во дворе казанской школы, где нашел сочинения Михаила Зощенко и Анны Ахматовой, Лидии Сейфуллиной, Сергея Есенина, норвежского писателя Кнута Гамсуна[3].

Неудовлетворенный интерес молодежи к запрещенной и полузапрещенной музыке создал целый промысел – записывание музыки с радиоприемников на самодельные пластинки из использованных рентгеновских пленок – «музыка на костях, черепах и ребрах». Кстати, нередко и приемники, с которых писалась музыка, и радиолы, на которых проигрывали эти пластинки, были сделаны своими руками. Пленку добывали в больнице, через знакомых врачей, специальным приспособлением рентгеноснимки вырезали, придавая круглую форму, замачивали в кипятке, потом отмывали – так пленки избавляли от «черепов и костей». Интересно, что одним из «профи» производства таких пленок был следователь республиканской прокуратуры Юрий Шапо. В Казани такие

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 66.

[2] ***Брусиловская Л.Б.*** Культура повседневности в эпоху «Оттепели»: метаморфозы стиля. С. 53.

[3] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 57, 59, 63.

самодельные пластинки даже продавали на «сорочке», писали их и на заказ, основными покупателями были военные летчики, приезжавшие в Казань за новыми самолетами. Записывали не только джаз, но и, например, песни эмигрантов Петра Лещенко и Аллы Баяновой. Пластинки с их записями, конечно, можно было достать – их нелегально привозили из-за границы, но просили за них 250 рублей. «Музыка на костях» была намного дешевле. Создание «музыки на костях», так же, как и прослушивание передач радиостанций «Би-Би-Си», а позже – «Голоса Америки» и других, которые уже через несколько лет после войны нещадно глушили, было своеобразной формой протеста против ограничений свободы в СССР, попыткой вырваться за пределы разрешенного, предписанного[1].

Однако слушали казанцы, разумеется, не только джаз. Разучивали шлягеры тех лет, услышанные по радио или с пластинок. Причем, с удовольствием слушали не только песни на русском языке, но и татарские в исполнении Зифы Басыровой, Гульсум Сулеймановой, Усмана Альмеева[2].

Одним из первых больших послевоенных праздников в Казани стали выборы в Верховный Совет 6 марта 1946 г. Многие казанцы действительно воспринимали эти «выборы» как большой праздник. Уже в 6 утра они толпились у избирательных участков, жаждая «отдать свои голоса». Ощущение праздника усиливал роскошный по тем временам буфет – конфеты, пирожные, жареные куры, яблоки, апельсины, которых казанцы не видели с довоенных лет. Продавалась и водка в разлив, но больше 100 граммов пить тогда было не принято. До глубокой ночи на избирательных участках шли концерты, устраивались викторины с призами, работали детские комнаты и библиотеки. Люди были приветливы и говорили друг другу: «вот так мы будем жить при коммунизме»[3]. Еще несколько лет обстановка такой искренней праздничности царила в дни выборов, превращавшихся, действительно, в праздник.

Самыми веселыми послевоенными праздниками, по признанию мемуариста, были встречи Нового года. Каждый Новый год, казалось, сулил только хорошее. Накануне Нового 1948-го года всеобщее ликование вызвала отмена карточек. При встрече Нового 1950-го года – сразу после бурных и помпезных торжеств по случаю 70-летия Сталина – в Казани установили много празднично украшенных

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 59, 63, 65.

[2] Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

[3] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 53.

Встреча Нового, 1955 года. Фото из частного архива

Праздничное застолье казанцев. 1950-е годы. Фото из частного архива

Рисунок «Первое мая». Из журнала «Чаян», 1954 год

Новогодняя открытка. 1955 год

елок, даже каруселей. При встрече Нового 1953-го года повсюду звучал джаз – несмотря на все запреты, «другой музыки теперь не признавали»[1].

В первые послевоенные годы не все казанцы отмечали семейные праздники: жили тогда очень небогато, если и отмечали, то очень скромно. Так, одна из респонденток вспоминала, что свадьбу свою они с мужем не отмечали, просто зарегистрировались[2]. Но в гости друг к другу после войны горожане ходили часто – «потому что после войны все очень соскучились по торжествам: вспоминали войну, плясали под гармошку, под патефон...»[3].

Прежняя эпоха безвозвратно уходила в прошлое. Точку поставила смерть Сталина в марте 1953 г. Многие казанцы рыдали, услышав по радио весть о смерти вождя. 9 марта траурный митинг транслировался на всю страну. В Казани люди собрались и слушали трансляцию на площади Свободы, даже забирались на крыши завода «Пишмаш» (позже на этом месте было построено здание обкома партии, теперь стоит здание Госсовета) и юридического института. На балконе Дома Красной Армии (потом – Дом офицеров) стояло все руководство

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 55, 61, 68.

[2] Интервью с Г.И.Нарманской.

[3] Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

республики. А в это время в строящемся здании оперного театра рабочие пили водку, поминая вождя. Поминали Сталина в тот день почти в каждом доме. В одних домах его поминали, накрыв стол и налив стопки (мемуарист вспоминал – пили «Старку», закусывали крабами и крутили джаз!)[1], в других домах – тихо проклиная...

Таким образом, в первые послевоенные годы восстанавливались привычные досуговые практики довоенного периода. В то же время в культуре досуга появились значительные изменения. К этому времени относится создание особой молодежной субкультуры – в том числе и досуговой, сформировавшейся под сильным влиянием соприкосновения с элементами западной повседневности в годы войны. Эта субкультура, получившая название «стиляжничество», стала своеобразной «заявкой на свободу» молодого поколения страны. Она рождала и альтернативные стандартным и одобряемым формы досуга – например, «джаз на костях» – целый мир увлеченных знатоков и любителей джаза.

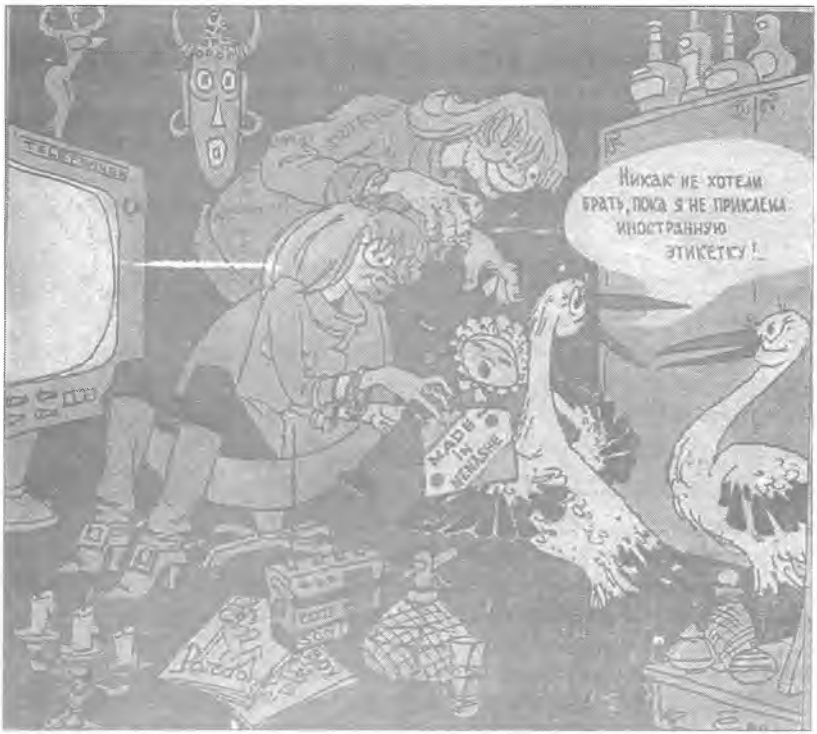
Досуговые практики последних советских десятилетий

«Оттепель» начала 1950-х – начала 1960-х гг. в значительной степени сняла для советского человека запреты с западной культуры и искусства – в том числе и с масс-культуры. В 1955 г. начинает выходить журнал «Америка». В 1962 г. на киноэкранах страны появился фильм «Великолепная семерка». В 60-е гг. среди кумиров советского человека появились иностранцы – Рокуэлл Кент, Ван Клиберн, Дюк Эллингтон – джаз продолжал свое победное шествие по России. Появились многочисленные анекдоты с героем-американцем. 60-е гг. для советского читателя-интеллектуала прошли под знаком Эрнеста Хемингуэя. Как писали в своей книге о 60-х гг. П.Вайль и А.Генис, после выхода в 1959 г. двухтомника Хемингуэя «Америка и Хемингуэй стали в России синонимами». Хемингуэй был кумиром шестидесятников – они подражали стилю его одежды, облику, порой вычитывали в книгах Хемингуэя то, чего там не было. Он был образом свободы, которой так жаждали люди 60-х[2].

Еще один кумир 60-х гг. – это «роскошь человеческого общения». Культ общения бытовал не только среди интеллигенции, он проникал во все слои общества. Как отметили Вайль и Генис, «акцент сместился с труда на досуг. Вернее, досуг включил в себя труд. Будь то бригада строителей, геологическая партия или научно-исследовательский институт – атмосфера дружеского взаимопонимания казалась

[1] ***Носов Н.*** Версты любви // Казань. 1995. № 1-2. С. 69.

[2] ***Вайль П., Генис А.*** 60-е. Мир советского человека. М., 1996. С. 64-65.



Карикатура Б. Старчикова из журнала «Чаян».

куда важней производственных задач... Дружба стала и сутью и формой досуга. Студенческая молодежь в каникулы отправлялась в стройотряды не только за заработком, но и в поход за романтикой, за «роскошью человеческого общения»[1]. Стройотрядовское движение, начавшись в конце 50-х, широко распространилось к концу 60-х гг. Стройотряды из Казани также отправлялись в разные уголки нашей страны.

Атмосфера «нарастающего праздника» стала характерной чертой этих лет. Но составной частью этого праздника стала и традиция дружеских попоек[2]. Именно в 60-е появилась традиция «кухонных посиделок» с разговорами о политике, об искусстве, обо всем. Бард Юлий Ким воспел московские кухонные посиделки в строках:

[1] ***Вайль П., Генис А.*** Указ. соч. С. 69, 126, 128-129, 130, 134, 137, 146, 151, 185, 206, 209, 233.

[2] ***Вайль П., Генис А.*** Указ. соч. С. 71-72.

Отдых на природе. 1960-е годы. Фото из частного архива

Чайхана, пирожковая-блинная,
Кабинет и азартный притон,
И приемная зала-гостиная,
По-старинному, значит – салон,
И кабак для заезжего ухаря,
И бездомному барду ночлег –
Одним словом, московская кухня:
Десять метров на сто человек.

В кухонных разговорах рождался новый городской фольклор – анекдоты, остроты, песни, формировавшие общественное мнение.

Дружеская атмосфера 60-х породила капустники, стенгазеты, новую самодеятельность, игры КВН (Клуб веселых и находчивых), собиравшие миллионные аудитории телезрителей. Студенческая самодеятельность расцветала и в студклубе Казанского университета. На протяжении последующих десятилетий выступления таких самодеятельных театров, как УТЮГ (Университетский театр юмора и гротеска), УХВАТ (Университетский химический веселый академический театр), ТЮМИФФ (Театр юмористической миниатюры истфилфака), ММТ (Малый маразматический театр имени памяти

худсовета физфака КГУ) и другие[1], неизменно пользовались успехом не только в студенческой среде. Повсюду в стране чрезвычайно популярными становились песни бардов – поэтов, композиторов, певцов, музыкантов в одном лице. Вся страна напевала песни Булата Окуджавы. Возродилась романтическая лирика – это было время легендарных и триумфальных выступлений поэтов в Политехническом институте в Москве, собиравших огромные аудитории. Но и в провинции люди зачитывались стихами А.Вознесенского, Б.Ахмадуллиной, Е.Евтушенко. Выступление последнего в Казанском университете собрало огромное количество слушателей. «Культ поэзии», рожденный в те годы, захватывал и провинцию. С 50-х-60-х гг. в редакции газеты Казанского университета «Ленинец» начала работать поэтическая студия «АРС»[2].

Появилось новое советское кино. Потрясающее впечатление произвели на казанцев фильмы А.Тарковского «Иваново детство», М.Хуциева «Мне двадцать лет» («Я шагаю по Москве»), кинолента М.Калатозова «Летят журавли», а позже – кинофильм «Белое солнце пустыни», ставший культовым фильмом целого ряда поколений советских людей. Приметой свободы стал выход сатирических комедий – «Человек ниоткуда» Э.Рязанова, «Пес Барбос и необычный кросс», «Самогонщики» и «Операция Ы» Л.Гайдая, появление сатиры на телевидении – выступлений Аркадия Райкина.

В стране шли споры «физиков и лириков». В общественном сознании появился новый герой, человек науки – по экранам страны с успехом прошел фильм М.Ромма «Девять дней одного года». Но кумирами были не только ученые, космонавты, но и спортсмены – Брумель и Власов, шахматисты – М.Таль, В.Корчной, Б.Спасский.

60-е годы формировали новую советскую масс-культуру. И она характеризовалась эклектичностью. Помимо западного влияния, с середины 60-х она впитывает в себя жгучий интерес к собственным национальным корням. Становится «модной» религиозность. Кроме того, общество 60-х проявило огромный интерес к разным парапсихологическим феноменам – этот интерес отразили, например, романы И.Ефремова – «Лезвие бритвы» и другие. «Кожное зрение» Розы Кулешовой, телепатические эксперименты Вольфа Мессинга собирали огромные аудитории[3]. Мессинг выступал

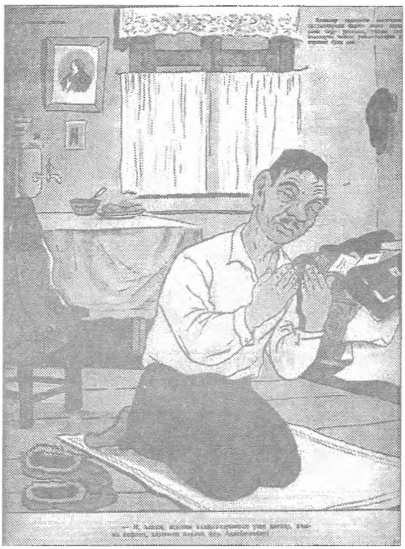
[1] ***Королев В.С., Жигунин В.Д.*** «Эпоха Нужина»: 1954-1979 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 299.

[2] ***Королев В.С., Жигунин В.Д.*** «Эпоха Нужина»: 1954-1979 гг. С. 298.

[3] ***Вайль П., Генис А.*** Указ. соч. С. 237, 270.

и в Казани, вызвав огромный интерес заинтригованных горожан.

В 60-80-е гг. важным элементом советской массовой культуры были эстрадная музыка и песни. Благодаря телевидению и магнитофонным записям, а также гастрольным поездкам исполнителей по городам СССР, любимые мелодии проникали в дома провинциалов. Их распевали во время семейных и дружеских застолий, воспроизводили силами множившихся местных вокально-инструментальных ансамблей – ВИА. Песни В.Ободзинского, В.Толкуновой, Э.Пьехи, Э.Хиля, А.Пугачевой, С.Ротару, Р.Рымбаевой, И.Кобзона, Л.Лещенко, М.Магомаева, Л.Сенчиной, многих других звезд советской эстрады, знаменитых ВИА «Песняры», «Самоцветы», «Ариэль» и других – стали знаковыми для жителей Казани этой эпохи. В то же время молодежь этих десятилетий «наследует» устойчивый интерес своих отцов к зарубежной музыке. На смену увлечению джазом приходит восхищение «Битлз», затем стилем «диско». Именно в конце 70-х – начале 80-х произошли значительные изменения в молодежной танцевальной культуре, а традиционные «танцы» превращаются в «дискотеки», буйным цветом расцветавшие в клубах, домах культуры, вузах и школах Казани. Среди полюбившихся советской молодежи тех лет зарубежных ансамблей были «Boney M», «Abba», «Smokie», «Queen»[1] и другие.



Карикатура на верующего ответработника. Из журнала «Чаян», 1954 год

Почти культовой формой досуга советского человека этих лет было чтение. Советские люди, гордясь – и во многом справедливо – называли свою страну «самой читающей страной в мире». Подтверждением существования своеобразного культа книги в стране служит и «крылатое выражение» того времени: «Книга – лучший подарок». И на протяжении этих десятилетий,

[1]Интервью с С.И.Махониным.

В студенческом общежитии. 1950-е годы. Фото из частного архива

действительно, так оно и было для миллионов советских читателей, учитывая, к тому же, что наряду с другими видами дефицита эпохи «застоя», остродефицитным товаром были и хорошие книги. Значение чтения в России и СССР на протяжении их истории было столь значимо, что в определенные эпохи чтение превращалось в гражданский акт. Пожалуй, единственным слоем общества, оказавшимся не затронутым либеральной эйфорией 60-х, были дети – они читали те же книги, что их сверстники предшествующей эпохи – «Старик Хоттабыч» Л.Лагина, фантастические романы Г.Адамова, А.Беляева, А.Казанцева, Г.Гуревича, Г.Мартынова. Они учились по тем же учебникам, что и школьники сталинской эпохи. Павлик Морозов оставался кумиром пионеров[1].

Что касается чтения взрослых, то наиболее читаемой оставалась художественная литература. Наибольшим спросом в 60-80-е гг., судя по анкетированию читателей российских библиотек, пользовались «Вишневый омут» и «Драчуны» М.Алексеева, «Вечный зов», «Повитель», «Тени исчезают в полдень» и другие произведения Ан.Иванова (по первой и второй книгам были сняты популярнейшие многосерийные фильмы – одни из первых советских «сериалов»), «Соль земли» и «Сибирь» Г.Маркова, «Имя твое», «Судьба», «Черные птицы» П.Проскурина, «Две зимы и три

[1] *Вайль П., Генис А.* Указ. соч. С. 112-116.

лета», «Братья и сестры» Ф.Абрамова, «Москва, 41-й» И.Стаднюка, «Ягодные места» Е.Евтушенко и другие. Популярность в эти же годы завоевали произведения Ю.Трифонова, Ф.Искандера, Бакланова, В.Белова[1]. Люди зачитывались потрясающими произведениями о войне В.Богомолова, Ю.Бондарева, В.Быкова. Чтение взрослых между тем складывалось не только из традиционной классики и книг указанных современных писателей. В среде образованных слоев в 70-80-е гг. ходили по рукам бледные ксерокопии изданных за рубежом книг эмигрантов и диссидентов, а также «самиздат» – нелегально изданные в СССР произведения. Книги А.Солженицына, В.Набокова, И.Бродского и многих других не признанных властями художников слова, опубликованные в «тамиздате» (как шутливо называли тогда в обиходе изданные за рубежом книги), и «самиздатские» произведения украдкой давали друг другу почитать буквально на день, даже «на ночь», хорошо представляя, что за «распространение антисоветской литературы» власти могут не погладить по головке, если в длинной цепочке читателей из родных, друзей и знакомых найдется хотя бы один доносчик. Тем не менее, эти книги читали и активно обсуждали.

В структуре досуга казанцев бытовало множество привычных устоявшихся форм отдыха – например, прогулки в городских парках и скверах, посещение кинотеатров. В 70-80-е годы наиболее посещаемыми и популярными были кинотеатры «Родина», «Татарстан», «Победа», «Дружба», имени Тукая[2]. Среди фильмов, которые имели огромный успех у казанцев, как и по всей стране, можно назвать такие разные киноленты, как мелодрама В.Меньшова «Москва слезам не верит» (1979) и вызвавший бурные дебаты в обществе, вышедший накануне так называемой перестройки антисталинистский художественный фильм Т.Абуладзе «Покаяние» (1984).

С конца 1950-х и в 1960-х годах в структуре досуга казанца появляется ряд новшеств, самым главным из которых был, несомненно, просмотр телевизионных передач. В 1955 году энтузиасты создали в Казани малый телевизионный центр, а с 1959 года начал функционировать большой государственный телецентр[3]. 16 марта 1962 г. началась трансляция телепередач из Москвы. В первые годы телевизоры были редкостью, смотреть телевизор

[1] *Шведов С.* Книги, которые мы выбирали (Вчерашние бестселлеры и сегодняшние читатели) // Погружение в трясину: (Анатомия застоя). М., 1991. С. 390-391.

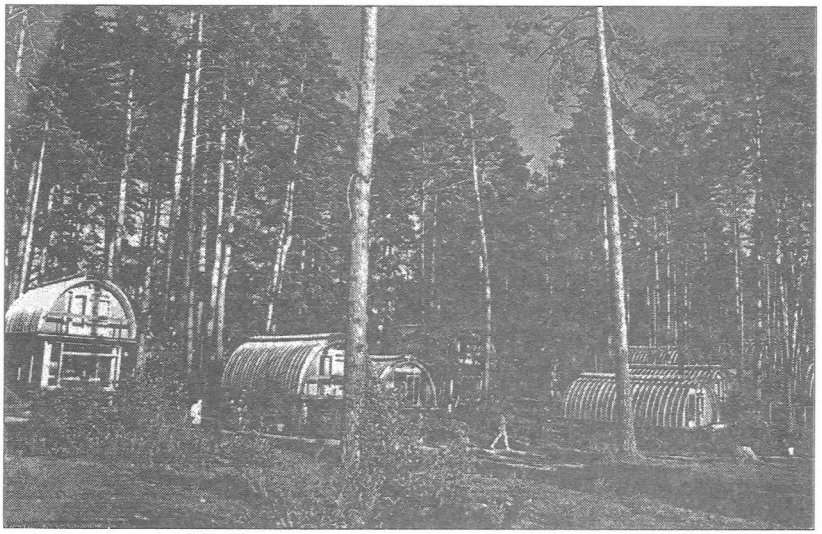
[2] История Казани Кн. 2. С. 348

[3] История Казани. Кн. 2. С 348.

приходили к соседям, друзьям, знакомым, это было большим событием. Но постепенно просмотр телевизионных программ становится привычным элементом досуга. А к концу советского периода телевизионные передачи и фильмы были потеснены видеомагнитофонными записями.

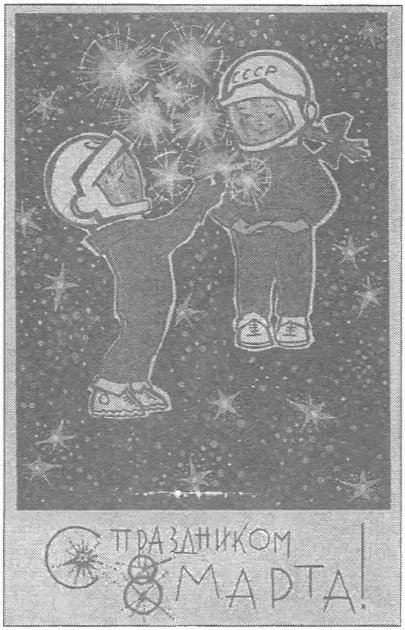
Свой ежегодный оплачиваемый отпуск казанец в 70-е-80-е гг. часто проводил в санаториях, домах отдыха, пансионатах не только своего края, но и на юге, на Черном море. Такой отдых был доступен практически для всех работающих, так как путевки распространялись на предприятиях и в организациях, многие из которых располагали собственными санаториями, домами и базами отдыха. Часто эти предприятия и их профсоюзные организации оплачивали значительную часть путевки. Правда, путевок не хватало на всех. Поэтому многие горожане отправлялись к морю «дикарем» – просто покупали билет до любого города у моря и снимали комнату у местных жителей по приезде, наслаждались морем и солнцем, питались в кафе и ресторанах. В курортный сезон «квартирный бизнес» в приморских городах процветал. Нередко хозяева, пользуясь спросом на жилье, сдавали не комнаты даже, а «койки», так что многие южные дома напоминали муравейники. Нередко между «дикарями» и хозяевами устанавливались очень теплые взаимоотношения, и люди ездили из года в год к одним и тем же хозяевам. Казанцы – выходцы из села нередко проводили свой отпуск в родной деревне. Дачная жизнь в эти годы прочно вошла в структуру досуга казанцев. Походы в лес

В парке у театра. 1950-е годы. Фото из частного архива



Международный молодежный лагерь «Волга». 1970-е годы

Студенческий лагерь «Кордон». Лето 1968 года. Фото из частного архива



Праздничная открытка. 1960-е годы

за грибами и ягодами, на берег реки с шашлыками, котелками, одеялами и книгами, ужины на веранде составляли важную часть отдыха на природе[1].

Праздничный календарь казанца в последние десятилетия советской власти составляли общественные государственные праздники, многие из них были нерабочими днями: 1 января – Новый год, 23 февраля – День Советской Армии (рабочий день), 8 марта – Международный женский день (с 1965 года он стал нерабочим днем), 1 и 2 мая – день международной солидарности трудящихся, 9 мая – День Победы в Великой Отечественной войне (нерабочий с 1965 г.), 7 и 8 ноября – годовщина Великой Октябрьской революции, 5 декабря – День Конституции СССР (после принятия новой Конституции в 1977 г. – 7 октября)[2]. Кроме того, в 50-60-е гг. – на волне насаждения «сверху» новой советской обрядности и новых праздников – было установлено множество профессиональных праздников, которые в основном приходились на воскресенья. К началу 80-х их было уже несколько десятков. Как подчеркивали казанцы, «отмечали все советские праздники»[3]. Но самыми главными праздниками были майские (1 и 2 мая, 9 мая) и октябрьские (7 и 8 ноября) праздники[4]. В эти годы казанцы праздновали советские праздники не только коллективно,

[1] ***Герасимова М.*** Сто лет. Далеко не одиночества // Казань. 2001. № 6. С. 63.

[2] Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1980 г. вышеназванные праздники – минус Новогодний праздник и плюс День рождения В.И.Ленина (22 апреля) и день образования СССР (30 декабря) – получили статус «всенародных праздников». Кроме того, просто праздниками были названы Новый год, Начало первой русской революции (годовщина «Кровавого воскресенья» 9 (22) января 1905 г.), День печати (5 мая) и День космонавтики (12 апреля).

[3] Интервью с С.И.Махониным.

[4] Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

Праздничные демонстрации. 1960-е годы. Фото из частных архивов

на предприятиях и в учреждениях, участвуя в демонстрациях, вечерах отдыха на предприятиях и в учреждениях[1]. Советские праздники все более приобретают бытовой характер. Их идейная сторона все более формализовалась, люди развлекались в эти дни, отдыхали. Праздники эти все больше становились домашними праздниками. В праздничном календаре казанца в эти годы присутствует и народный праздник Сабантуй[2]. В начале 1950-х гг. большими праздниками все еще были дни выборов в депутаты. Избирательные участки украшались – некоторые предметы для этого приносились из дома. Люди приходили голосовать семьями, нарядные, веселые. На избирательных участках работали буфеты, показывали кино, концерты, люди танцевали. Однако вскоре казенщина «съела» эту праздничность. На выборы стали заманивать буфетом, дефицитными товарами – апельсинами, сосисками, конфетами, книгами, обещаниями сфотографировать и поместить в газеты фотографии первых избирателей, раньше всех пришедших на участки[3]. Одним из самых ярких спонтанных праздников этих десятилетий стал день 12 апреля 1961 г., когда Казань узнала о полете Ю.А.Гагарина в космос.

В начале 50-х – начале 60-х гг. среди небогатых слоев населения – например, студенчества, еще оставались популярными праздники в складчину. Так, члены хоровой капеллы Казанского госуниверситета Б. и А.Шапуковы, жившие на стипендию, сыграли свадьбу весной 1960 г. благодаря товарищам по капелле, собравшим по 3 рубля с человека. Свадьбу играли в столовой, а главным украшением небогатого стола был большой свадебный пирог с яблоками[4]. Однако улучшившееся материальное положение многих казанцев уже в те годы делает достаточно распространенным обычай широко праздновать семейные праздники (дни рождения и юбилеи, свадьбы и другие даты), приглашая гостей – родных, друзей и знакомых, накрывая стол[5]. Иногда из-за недостатка места в комнате (квартире) жениха и невесты на помощь им приходили соседи, предоставляя для празднования свою комнату или квартиру. «Свадьбу делали у соседей, так как у них было три комнаты», – рассказывала о своей свадьбе,

[1]Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.; Интервью с Е.В.Каюковой. 13 декабря 2001 г.

[2]См. о нем: ***Шарафутдинов Д.Р.*** Сабантуй — образ жизни народа. Научно-популярный очерк. Казань, 1997.

[3]***Киселев В.П.*** День вчерашний — день нынешний. Н Новгород, 1991. С 134-136

[4]***Ермилова Р., Крупнова Е.*** Любовь на всю жизнь // Казань. 2000. № 8. С. 62.

[5]Интервью с Е.И.Минибаевой. 20 декабря 2001 г.; Интервью с Е.В.Каюковой. 13 декабря 2001 г.

Свадьба в городской квартире. Фото из частного архива

праздновавшейся в течение трех дней 1955 г., жительница Казани[1]. Интересно, что и в те годы официальную регистрацию некоторые молодожены подкрепляли религиозным обрядом – никахом или венчанием, хотя за это тогда все еще выгоняли из комсомола и из партии[2]. В 70-е – 80-е гг. получает распространение практика празднования важных событий в личной жизни – свадеб, юбилеев и прочих – в кафе и ресторанах, куда виновник торжества приглашал своих родных, друзей и коллег. Отправляясь в гости в 50-е– 80-е гг., казанцы захватывали для именинников и именинниц торжества подарки – книги, посуду, косметику, отрез на платье, детям дарили игрушки – куклы, игрушечную посуду, молодоженам – постельное и столовое белье, часы, посуду и пр.[3]

Таким образом, в 50-х – середине 80-х гг. популярными остаются многие ставшие традиционными для казанца XX века формы проведения свободного времени – посещение кинотеатров и театров, походы в гости, танцы, чтение, поездки на природу и дальние поездки на отдых и так далее. Однако в структуре досуга

[1]Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.

[2]Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.; Интервью с Г.И.Нарманской.

[3]Интервью с С.И.Махониным; Интервью с Н.Б.Шамсутдиновой. 15-17 декабря 2001 г.; Интервью с О.А.Серегиной. 13 декабря 2001 г.; Интервью с Е.В.Каюковой. 13 декабря 2001 г.

советского человека происходят изменения. Они были вызваны как политическими процессами в стране («Оттепель»), их отражением в обществе и в сознании личности («шестидесятничество»), так и изменением качества жизни – в частности, улучшением жилищных условий миллионов советских людей, получением отдельного жилья («хрущевки»), улучшением материального положения. В эти годы усиливаются дистанцированность «маленького человека» от политики и идеологии, деполитизация им большинства сфер его жизни – в том числе досуговых практик. Например, участие в демонстрациях в дни революционных праздников становится для большинства людей лишь привычным веселым ритуалом либо досадной обязанностью, а дома эти революционные праздники празднуются как домашние – без педалирования их смысла и первоначального содержания. Кроме того, сильно расширяется и приобретает все большее значение для горожанина сфера его частной жизни. Именно в пространство частной жизни – в городские квартиры, кухни, дворы, в компании друзей, единомышленников, близких по духу людей «перекочевывают» многие привычные досуговые практики, еще несколько десятилетий назад практиковавшиеся в основном в клубе, в публичной библиотеке, дворце культуры, в трудовом коллективе или в кругу «товарищей по партии» и комсомолу. С друзьями собирались на кухне, на даче. Музыку слушали дома или во дворе по магнитофону. Хорошую (и нередко «запрещенную») книгу читали дома. Нередко просмотром телевизора, а к концу этого периода – и видеомагнитофона заменяли поход в кинотеатр. «Маленький человек» все больше уходит от формализма и организованности коллективного досуга, а в конечном итоге – от разных форм государственного контроля. Сфера проведения свободного времени становится более «интимной». Так, на исходе XX века сфера досуга российского провинциального горожанина пережила вторую волну «эмансипации». И если первая, произошедшая на рубеже XIX–XX вв., была связана с разграничением сфер труда и отдыха, то «эмансипация» городского досуга конца прошлого века была сопряжена с ростом самосознания горожанина и удовлетворением потребности в частной жизни, свободной от «опеки» общественных и государственных организаций.

Впечатление от прочитанного

О Казани можно писать по-разному. Можно подробно и обстоятельно рассказать её событийную историю – с момента возникновения до наших дней. Можно остановиться на каких-то отдельных эпизодах из истории далекого или недавнего прошлого. Можно рассказать о выдающихся земляках – людях, прославивших город и внесших его имя в анналы истории. А можно пойти совсем другим путем. Можно реконструировать историю города через историю жизни его обитателей, простых, обычных, подчас незаметных людей, своими способностями, своими усилиями, своим трудом ежедневно, ежечасно созидающих, «строящих» город и по существу вершащих его судьбу.

Именно таким путем и пошли профессора Казанского университета Елена Вишленкова, Светлана Малышева и Алла Сальникова, написавшие книгу о Казани и ее жителях. Как жилось людям в этом городе, что они ели и во что одевались, какие книги читали и какие фильмы смотрели, чем наполнялась их эмоциональная жизнь, как они работали и как отдыхали - эти и многие другие сюжеты городской повседневности нашли в этой книге свое отражение. Такой подход делает историю города максимально одушевленной, поскольку его улицы, площади, дома, скверы оказываются населенными реальными людьми - плачущими, смеющимися, веселящимися, страдающими, словом, «живыми» соучастниками. Эта «одушевленность» позволила представить жизнь губернской, а затем и советской Казани во всей ее сложной противоречивости и такой похожей непохожести на жизнь других российских городов. А Казань была, действительно, абсолютно уникальным городом и в имперский, и в советский период российской истории. Эту уникальность создало специфическое положение на стыке культур и цивилизаций, о котором еще в 30-е гг. XIX века А.И.Герцен писал так: «Казань – главный караван-сарай на пути идей европейских в Азию и характера азиатского в Европу». Находящаяся в центре многонационального региона, Казань изначально располагала богатыми потенциальными ресурсами для своего успешного и всестороннего развития и, прежде всего, как интеллектуально-культурный центр не только Поволжья, но и всей России. Не случайно именно в Казани в 1804 году был открыт

один из первых классических российских университетов, культурно-историческую миссию которого трудно переоценить.

На протяжении XIX - XX веков Казань прошла долгий и непростой путь. В истории города в это время были периоды расцвета и периоды упадка, периоды застоя и кризиса и периоды стремительного продвижения вперед. Казанцы делили со своим городом его успехи и трудности, его неудачи и достижения. Вместе с изменениями города менялся сам стиль и качество их жизни, их самооценка, формировался своеобразный «городской» патриотизм. С течением времени судьба Казани и судьбы ее жителей сплелись воедино

Казань – прекрасный и яркий город, в котором нескучно жить. Безусловно, в жизни его жителей есть много нерешенных проблем, которые предстоит преодолевать, есть немало сложных задач, с которыми предстоит справляться. Иначе и быть не может: ведь город - это живой организм со своими насущными потребностями и нуждами, своими запросами и амбициями. И, оглядываясь назад, знакомясь с прошлым Казани - этого древнего, но по-прежнему молодого города, хочется обрести в его «непреходящей историчности» стимул к развитию.

Глава администрации Казани И.Р.Метшин

Вишленкова Елена Анатольевна
Малышева Светлана Юрьевна
Сальникова Алла Аркадьевна

Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX – XX веках

Корректор *Е.Л.Рычкова*
Компьютерная верстка и дизайн: *Н.А.Латыпова*
Дизайн обложки *Н.С.Корсакова*

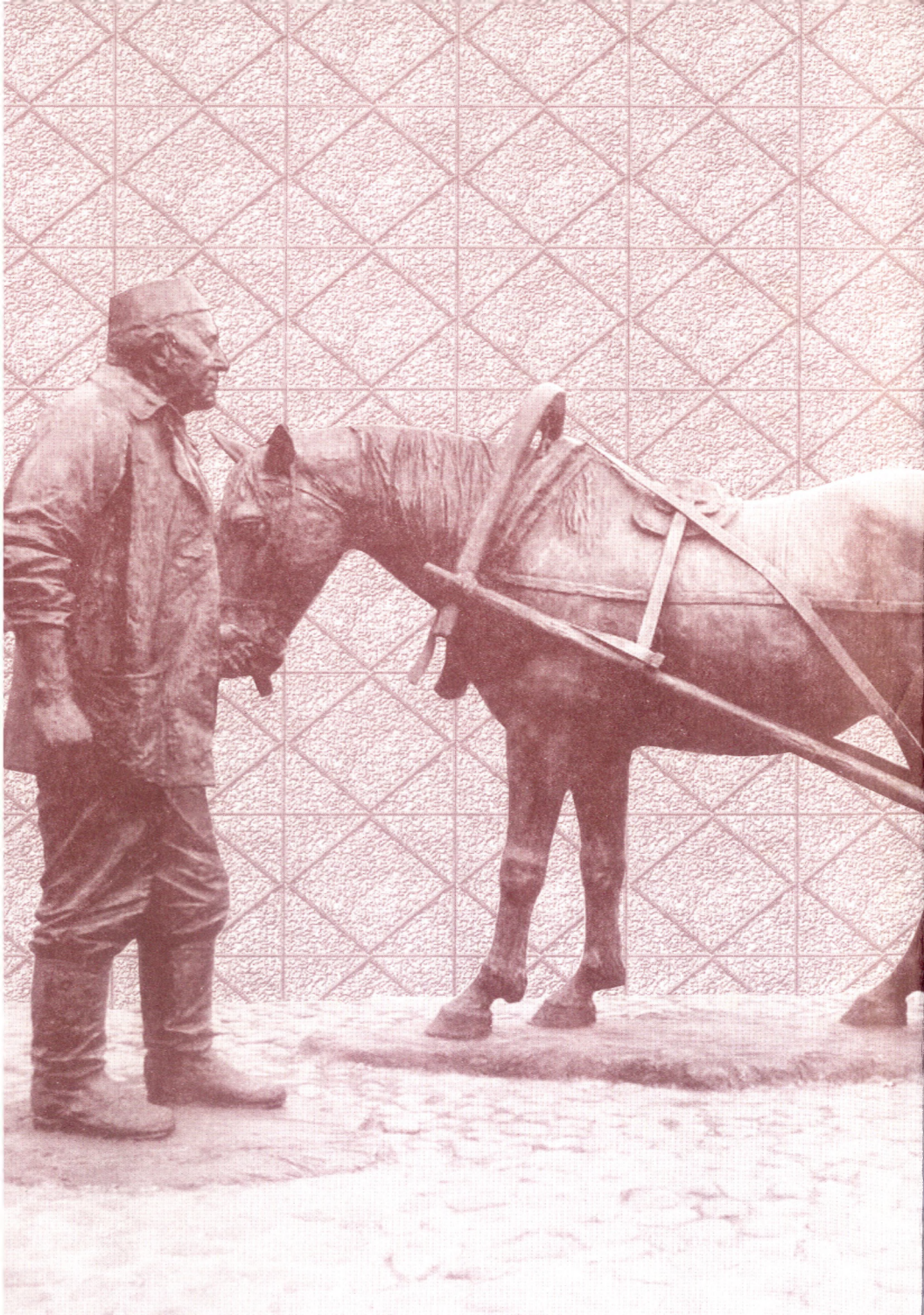
Подписано в печать 12.12.2008
Бумага офсетная.Печать офсетная.
Формат 60x84 1/16. Усл.печ.л.26,27.
Уч.-изд. л. 25,25. Тираж 300 экз. Заказ 35/7

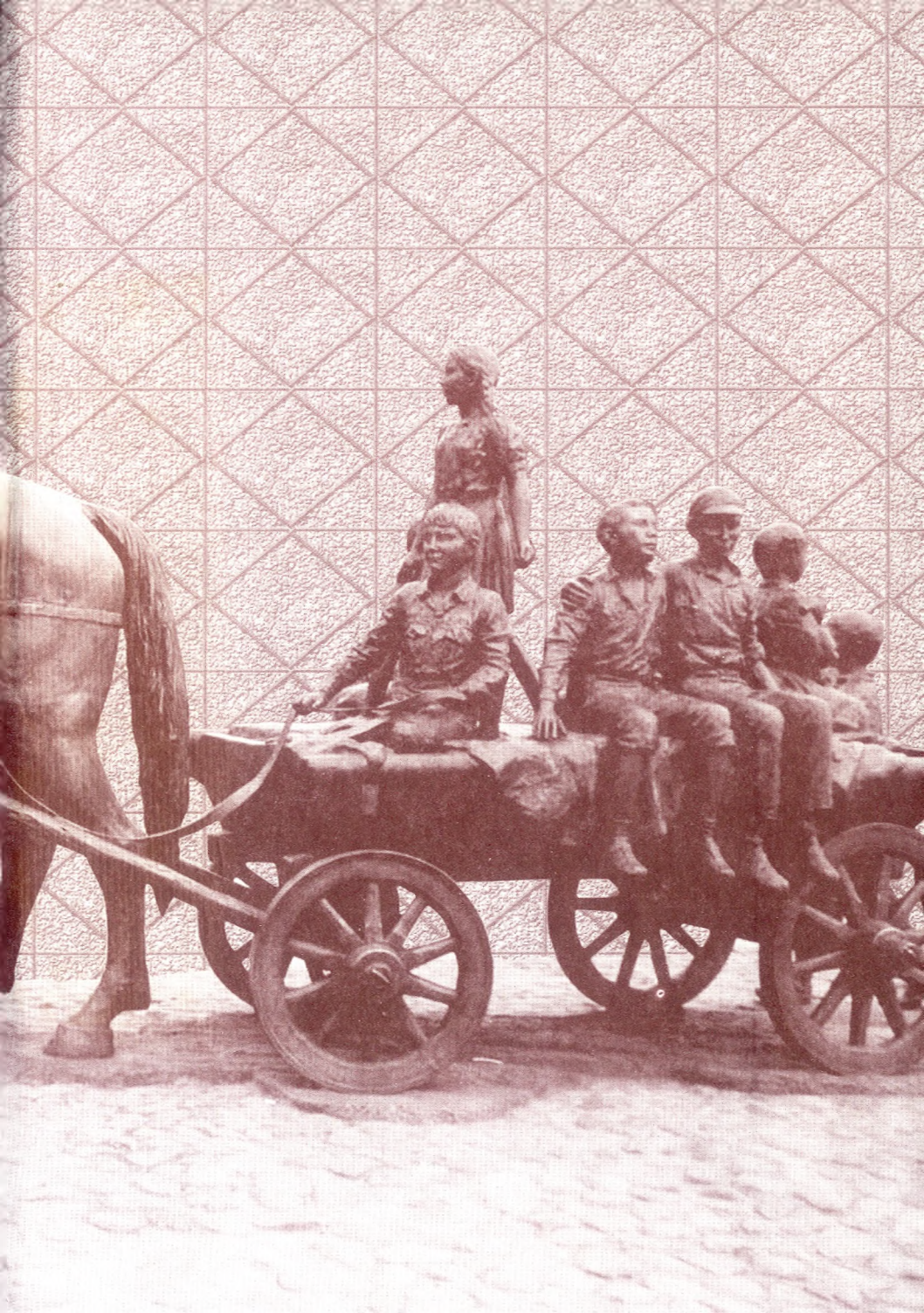
Издательство
Казанского государственного университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
Тел. 231-53-59, 292-65-60

Отпечатано в типографии ООО "Рутеника"
420006, г. Казань, ул. Рахимова, 8

ISBN 978-5-98180-622-3





Книга посвящена истории повседневности российского провинциального города XIX-XX вв. На примере одного из крупнейших исторических центров Поволжья – Казани, – рассмотрены проблемы трансформации городского культурного ландшафта, изменение стилей и качества жизни горожан, их досуговых и праздничных практик. Источниковой основой работы послужили документы, отложившиеся в государственных архивах Республики Татарстан, материалы инициативного документирования, а также большой комплекс опубликованных источников.

Книга рассчитана на преподавателей, студентов, научных сотрудников и аспирантов, занимающихся гуманитарными исследованиями, а также на широкий круг читателей, интересующихся проблемами отечественной истории и культуры.

ISBN 978-5-98180-622-3

На обложке – картина Е. Канева «Запомним милые черты»
Форзацы – фото Ю. Веденев